

АЛЬБЕРТ КАН

Заметки

О НАЦИОНАЛЬНОМ

СКАНДАЛЕ

ALBERT E. KAHN

NOTES ON A NATIONAL SCANDAL

Альберт КАН

Заметки
**О НАЦИОНАЛЬНОМ
СКАНДАЛЕ**

Перевод с английского
И. ЗОРИНОЙ

Под редакцией и с предисловием
доктора юридических наук
Д. С. КАРЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Автор настоящей книги, прогрессивный американский писатель-публицист Альберт Кан, хорошо известен советскому читателю¹. Его новая книга «Заметки о национальном скандале» посвящена эпохе маккартизма в истории Соединенных Штатов, ярким выражением которой служит система платных осведомителей и профессиональных свидетелей.

Рассказывая об истории саморазоблачения платного осведомителя лжесвидетеля Харви Матусоу, А. Кан показывает, какое пагубное влияние на самые различные стороны жизни народа Соединенных Штатов оказала эпоха маккартизма. Подробно освещая жизнь и деятельность Харви Матусоу за последние несколько лет и анализируя причины, которые заставили Матусоу встать на путь провокатора и лжесвидетеля, автор раскрывает характер тех сложных обстоятельств и социальных сил, которые в мрачную эпоху маккартизма заставляют личность совершать поступки, подобные тем, что совершали матусоу, краучи, цветичи и другие представители осведомительского рэкета.

В своей книге Альберт Кан исходит из глубокой веры в человека, его стремления загладить причиненное им зло другим людям, стать порядочным человеком. Он с возмущением показывает, как должностные лица министерства юстиции США делали все от них зависящее,

---

¹ Советскому читателю хорошо известны книги А. Кана «Тайная война против Америки», «Тайная война против России» и «Измена родине», изданные на русском языке в СССР, а также его публицистические статьи, неоднократно появлявшиеся на страницах нашей периодической печати.

чтобы помешать Харви Матусоу раскаяться в лжесвидетельстве, не допустить пересмотра вынесенных на основе его лжесвидетельских показаний судебных приговоров. Были пущены в ход печать, радио, телевидение. В такой обстановке от Альберта Кана требовалось большое мужество, чтобы решиться предложить Матусоу издать книгу под названием «Лжесвидетель» о его саморазоблачении.

Было сделано все, начиная с угроз, клеветы, вызовов в комитет по расследованию антиамериканской деятельности и кончая судебным преследованием, чтобы помешать написанию и выходу в свет книги Харви Матусоу. Правящие круги США, и прежде всего министерство юстиции, боялись разоблачения системы использования в судах платных осведомителей и провокаторов для дачи заведомо ложных показаний в целях осуждения нежелательных им лиц, главным образом коммунистов, не совершивших каких-либо запрещенных законом действий. Истории издания книги «Лжесвидетель» и посвящены «Заметки о национальном скандале» Альберта Кана.

Большой гуманист, Альберт Кан радуется, когда Харви Матусоу — ренегат и лжесвидетель — решается написать заявление в суд о данных им неправильных показаниях, не боясь быть приговоренным за это к тюремному заключению.

Взгляды А. Кана о возможности исправления преступника близки и понятны советскому читателю. Советское законодательство в отношении лиц, случайно совершивших преступление, предусматривает применение прежде всего мер общественного воздействия, условного осуждения с испытательным сроком, по истечении которого лицо, совершившее преступление (если оно не встанет вновь на преступный путь), считается лицом не судившимся.

В СССР лишение свободы применяется за наиболее тяжкие преступления.

В СССР предусмотрено право органов расследования и суда передавать лиц, совершивших малозначительные преступления, на общественные поруки коллективам трудящихся или общественным организациям; общественность берет на себя обязанность заботиться об исправлении лица, совершившего преступление. Но и в отношении лиц, дела которых рассматривает суд, кол-

лективы трудящихся и общественные организации имеют право просить суд об условном осуждении подсудимого и взятии его на общественные поруки для перевоспитания.

Советскому народу свойственна глубокая вера в человека. Выступая на III съезде Союза советских писателей, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев привел случай, когда к нему обратился вор-рецидивист, имевший несколько судимостей, с просьбой помочь ему вернуться к честной трудовой жизни. Н. С. Хрущев повсрился ему, помог ему устроиться на работу, и бывший вор оправдал оказанное ему доверие, стал честным тружеником.

И автор книги с позиций подлинного человеческого гуманизма верит в возможность исправления заблудившегося на своем жизненном пути человека, хотя в условиях капиталистического строя на пути к исправлению перед ним стоят тысячи препятствий.

А. Кан показывает, как постепенно менялась психология Харви Матусоу, как травля со стороны официальных американских властей, угрозы судебной расправы и осуждение к долгосрочному тюремному заключению за саморазоблачение не поколебали его решимости выступить в суде в защиту лиц, неправильно осужденных на основе его ложных показаний.

Приведенный в книге фактический материал показывает, что деятельность комитета по расследованию антиамериканской деятельности конгресса, прокуратуры и суда США противоречит принятой в 1948 г. Организацией Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека.

Преследование прогрессивных деятелей, и особенно коммунистов, в США проводилось вопреки конституции США, которая декларирует возможность привлечения к уголовной ответственности американских граждан только за конкретно предусмотренные законом преступления, а не за их политические убеждения.

Автор книги рассказывает, что от истерии холодной войны в США пострадали многие американские граждане, привлекавшиеся к судебной ответственности или увольнявшиеся с работы на основании подслушанных телефонных разговоров, сплетен или показаний платных лжесвидетелей.

Альберт Кан не касается сущности политики американской коммунистической партии, как известно, не ставившей своей задачей насильственное свержение существующего в США государственного строя и проведение другой противоречащей законам США деятельности.

Чтобы понять сущность политики американской компартии, достаточно ознакомиться с решениями XVII съезда коммунистической партии США, проходившего в декабре 1959 г. В своей резолюции съезд призывает к восстановлению демократических прав, к ликвидации комитета по расследованию антиамериканской деятельности и других подобных организаций, освобождению коммунистов, все еще находящихся в тюрьме, к отмене реакционных законов Смита и Маккарена и к восстановлению законных прав Коммунистической партии США. Коммунистическая партия США требует предоставления равных с белыми прав неграм, отмены закона Тафта — Хартли и других антирабочих законов и проведения ряда мероприятий во имя жизненных интересов американских трудящихся.

Резолюция XVII съезда Коммунистической партии США наглядно свидетельствует, что вся ее деятельность направлена в защиту демократических прав и свобод американских граждан, поднятия их материального благосостояния, прекращения политики холодной войны, мирного урегулирования спорных вопросов между государствами. Методами фальсифицирования судебных процессов, широкого использования лжесвидетелей реакционные круги США пытаются дискредитировать американских коммунистов в глазах трудящихся, обвиняя их в «национальной измене», пытаясь представить их как «агентов иностранных государств». Саморазоблачение Матусоу и других «свидетелей-экспертов по вопросам коммунизма» показывает, какими гнусными средствами реакционные круги вели борьбу с прогрессивными деятелями, и особенно с коммунистической партией.

С момента написания Альбертом Каном данной книги произошли некоторые изменения во внутренней обстановке США. Так, в 1959 г. Верховный Суд США, правда еще довольно робко, в результате неустанной борьбы прогрессивных сил страны вынужден был по ряду дел встать на защиту конституционных прав граждан, осужденных федеральными судами и судами штатов.

За этот период намечалось некоторое смягчение напряженности и в международных отношениях.

После исторического визита Н. С. Хрущева в Америку многие деятели США в своих выступлениях все чаще и чаще отмечают необходимость улучшения отношений между США и Советским Союзом, необходимость постановки вопроса о всеобщем разоружении и обеспечении мира во всем мире.

Поездка главы Советского правительства Н. С. Хрущева в США и Францию привели к договоренности о проведении в Париже совещания глав четырех великих держав. От совещания в Париже народы всего мира ожидали дальнейшей разрядки международной напряженности на основе мирного сосуществования государств с различными социальными системами.

Однако еще не перевелись в США сторонники политики «с позиции силы» в отношении СССР и других социалистических стран. Так, некоторое возрождение маккартизма отмечалось в феврале 1960 г., когда комитет палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности допрашивал участников международных фестивалей молодежи и студентов в Москве и Вене. Вновь были использованы лжесвидетели. С их помощью, а также путем провокационных вопросов члены комитета пытались очернить благородную деятельность американских юношей и девушек в защиту мира и укрепления дружбы и сотрудничества молодежи всех стран. Ряд участников международных фестивалей молодежи и студентов решительно отказались давать показания комитету, прославившемуся на весь мир гонениями на прогрессивные элементы и поощрявшему фальшивые показания и клятвопреступничество. Так, студент Нью-Йоркского колледжа Джекоб Роузен заявил, что во всемирных фестивалях молодежи и студентов принимали участие десятки тысяч юношей и девушек, движимых благородным стремлением способствовать сохранению мира. «Их деятельность, — сказал Роузен, — не угрожает США и не имеет ничего общего с антиамериканской деятельностью. Поэтому я считаю, — заявил далее Роузен, — что требование давать показания и отвечать на вопросы комитета является нарушением прав, гарантированных гражданам США американской конституцией». Другой участник фестиваля,

Фред Джером, подчеркнул, что участие в фестивале не имеет никакого отношения к антиамериканской деятельности.

По мере приближения встречи глав великих держав в Париже, становилось все более очевидным, что в США верх берут наиболее реакционные круги, заинтересованные в продолжении политики «с позиции силы», политики холодной войны.

Посылки самолетов-шпионов в воздушное пространство СССР, один из которых был сбит 1 мая 1960 года под Свердловском советскими ракетными войсками, заявление правящих кругов США, что они, не считаясь с нормами международного права, посылали и будут посылать самолеты-шпионы в воздушное пространство других суверенных государств, — торпедировали парижское совещание.

Вновь вспыхнула в США военная истерия, напоминающая описанную А. Каном в его книге обстановку времен маккартизма.

В книге А. Кана показано, что, несмотря на тяжелую обстановку периода холодной войны, в США нашлось немало людей, которые смело выступили в защиту демократии и законности, против «маккартизма».

И мы видим, как сейчас в США находятся все новые и новые люди, которые выражают свой протест против агрессивной политики правящих кругов, ведут борьбу за мир.

Разоблачение системы осведомителей и лжесвидетелей, которым министерство юстиции США выплачивало крупные суммы денег за дачу заведомо ложных показаний против неугодных реакции общественных деятелей, вызвало в свое время волну протеста против незаконных действий органов юстиции США. Книга Альберта Кана, разоблачая антидемократическую деятельность ряда американских правительственных учреждений, показывает все зло, причиняемое американскому народу системой платных осведомителей и фальсифицированных судебных процессов, пропагандирует глубоко гуманные идеи исправления человека, совершившего преступление, способствует лучшему пониманию советским читателем обстановки в США.

Д. Карев

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Время от времени меня спрашивают о теме моей новой книги. На этот вопрос мне трудно ответить в нескольких словах. Для меня работа над книгой — это два года ревностного труда, хотя я мог бы уложиться и в более короткий срок, если бы умел излагать свои мысли в сжатой форме. Поэтому на такой вопрос я обычно склонен отвечать: «Прочтите книгу, и вы узнаете, о чем она». Но, может быть, учитывая, что это издание выходит в Советском Союзе, уместно сказать еще несколько слов.

Если говорить о хронологии, то большая часть книги, как читатель убедится сам, посвящена той эпохе в истории Соединенных Штатов, которую нередко называют эпохой маккартизма. Широкие круги американской общественности считают, что этот позорный период канул в прошлое, но все же кое-какие отвратительные анахронизмы продолжают еще существовать. В какой-то мере маккартизм — это «национальный скандал», и, называя так свою книгу, я имел в виду эту эпоху. Точнее говоря, скандальна сама система профессиональных свидетелей-осведомителей, отравлявшая атмосферу в Соединенных Штатах в течение этого периода, система, единственная в своем роде в анналах американской истории и во многих отношениях не имеющая прецедентов в других странах. Говоря еще более точно, скандалом является небезызвестное дело бывшего помощника сенатора Маккарти и платного правительственного осведомителя Харви Матусоу, который в 1955 году признался, что он, будучи свидетелем обвинения, давал ложные показания. Это прогремевшее по всей стране дело, несомненно, помогло вскрыть характер политических

течений того времени. Джон Стейнбек писал в «Сэтердей ревью», что признание Матусоу означало «смерть рэкета», что в результате этого признания «на могилу Маккарти был возложен букет незабудок». (Стейнбек имел в виду политическую смерть Маккарти, которая наступила до того, как Маккарти действительно сошел в могилу.) К несчастью, рэкет, олицетворением которого был Матусоу, не совсем еще изжит, как хотелось бы Стейнбеку, однако значение дела Матусоу в разоблачении подлинной сущности маккартизма было поистине велико.

Эта книга отчасти представляет собой рассказ о моих личных переживаниях — в той мере, в какой я был связан с делом Матусоу. Но, кроме того, в ней рассказывается о политических интригах, показан тот предел, до которого дошли представители правительственных органов в своих попытках навязать американскому народу принципы философии холодной войны. И дело Матусоу является главной нитью, связывающей воедино повествование. Другими словами, это дело — своего рода призма, сквозь которую отражаются многие из темных и светлых сторон современности. Таким образом, Харви Матусоу неизбежно стал главным действующим лицом этой истории. Кроме того, важное место в книге отведено описанию превращения Матусоу в порядочного человека, а также различных попыток власть имущих помешать этому грешнику покаяться. И это происходит в обществе, которое в соответствии с христианской этикой провозглашает, что оно приветствует кающегося грешника.

Дело Матусоу оказывало и до сих пор еще оказывает свое влияние на самые различные стороны жизни Соединенных Штатов. Некоторые из этих сторон я попытался осветить в книге. А именно: пагубное влияние репрессивных мер, проводимых в соответствии с программой по обеспечению безопасности страны и проверкой лояльности; разрушительное влияние истерии периода холодной войны; чудовищная роль, которую сыграли платные политические осведомители в жизни нашей великой нации; отказ от своих взглядов некоторых либералов и храбрая борьба остальных; жизнеспособность американского демократического духа и врожденная честность и порядочность большинства американцев; изменяющаяся

атмосфера в стране. Вследствие широты освещаемых здесь сторон жизни многие детали, конечно, опущены. Но, как мне кажется, общее представление обо всех затронутых явлениях в книге дается.

Я мог бы еще добавить, что эта книга значительно отличается от моих предшествующих работ. В то время как мои предыдущие книги представляли собой репортаж о текущих событиях, в этой книге, хотя отчасти она также является репортажем, мое личное отношение к изображаемому ощущается гораздо больше, чем в любой из написанных мной ранее. В этом смысле она носит несколько автобиографический характер, хотя в то же самое время речь в ней идет о вопросах гораздо более широких и значительных, чем мои непосредственные впечатления.

Надо сказать, что во время работы над этой книгой передо мной встали вопросы, ранее не возникавшие: до некоторой степени это проблемы, которые встают перед романистом (в особенности я имею в виду вопрос о развитии характера). Эти проблемы входят в компетенцию и писателя, не создающего произведений художественной литературы. Я это понял, работая над книгой «Заметки о национальном скандале». Нельзя писать со знанием дела о явлениях социального порядка и событиях политической жизни, не принимая во внимание роль, которую играют в них народ и отдельная личность. Деятельность и развитие характера отдельного человека в любую эпоху следует рассматривать не только в связи с влиянием на них времени, но также в связи с их влиянием на события своего времени. И я должен сказать, что, живя в мрачную эпоху в американской истории, изображенную в этой книге, лично пережив многое из того, о чем в ней рассказано, я тем не менее все больше и больше верю в способность американского народа изменить течение событий в сторону наших великих демократических традиций.

Что касается остального, то книга должна говорить сама за себя. И тот факт, что сейчас она говорит с советским читателем, является для меня источником особого удовлетворения.

Альберт Кан

13 июля 1959 года.

Ни один из эпизодов «Заметок о национальном скандале» не выдуман автором. Диалог в книге основан на заметках и записях, сделанных автором в то время, когда происходили описанные события, свидетелем которых был автор, а также на протоколах судебных заседаний, заседаний комитетов конгресса и на других документальных источниках, на что всякий раз автор специально указывает в сноске или оговаривает в тексте.

И лишь в некоторых случаях, по просьбе отдельных лиц, считавших, что упоминание их имен в связи с вопросами, поднятыми в этой книге, могло бы им повредить, фамилии таких лиц автором изменены.

ОСВЕДОМИТЕЛЬ

1. Звонок из Таоса

Необычайные происшествия, которые могут привести к самым неожиданным и далеко идущим последствиям, начинаются порой с самых незначительных на первый взгляд событий. В данном случае это был телефонный звонок. Он раздался ярким осенним утром, свежесть которого предвещала приближение зимы...

Звонили из местечка Таос, штат Нью-Мексико, на мою нью-йоркскую квартиру в Кротон на Гудзоне.

Телефонистка предупредила, что разговор заказан за мой счет каким-то мистером Харвеем Матусоу. Буду ли я говорить?

Мое сдержанное «да» далеко не выражало того, что я на самом деле чувствовал. Ведь я чуть ли не целый месяц пыгался напасть на след Матусоу.

Матусоу был у телефона. Хотя нас разделяли две тысячи миль, голос его звучал так близко и резко, что мне было даже неприятно.

«Насколько я понимаю, вы меня разыскиваете... Сейчас это не так-то просто. — Его слова звучали многозначительно. — Я много разъезжаю».

Я попытался было что-то сказать, но он прервал меня.

«А знаете, мы с вами встречались», — сказал он. Для человека, который, выступая свидетелем на стороне правительства, под присягой показал, что был моим близким другом, и ручался, что я член коммунистической партии, платящий членские взносы, такое заявление звучало довольно скромно.

Я пытался возразить, так как не мог припомнить ни одной встречи с ним.

«Ну как же, — ответил он непринужденно, нисколько не смущаясь. — Я работал в книжном магазине при школе Джефферсона¹ в Нью-Йорке, и вы как-то купили у меня несколько книг».

Я заметил, что это вполне возможно, так как действительно покупал там время от времени книги.

«А знаете, чем я сейчас занимаюсь?» — неожиданно произнес он так, словно мы были старыми друзьями, которые давно не встречались.

«Нет, чем?» — естественно, спросил я.

«О, я потрясающе интересно провожу время! Разъезжаю всюду на велосипеде с рюкзаком за спиной. Всегда мечтал так пожить. Я уже проехал более восьмисот миль по Техасу и Нью-Мексико. Собирал хлопок, работал на комбайне по уборке хлеба. Сплю на воздухе, под звездами...»

Пока он с азартом распространялся о своих недавних похождениях, я силился представить себе этого известного осведомителя и бывшего пособника Маккарти беззаботным бродягой, восхищающимся красотами природы...

«Что там ни говорите, а я не знаю ничего лучше американского юго-запада!» — заметил он в заключение.

Я воспользовался минутной паузой.

«Позвольте рассказать, зачем я вас разыскиваю!»

«Валяйте».

«Недавно мы с Ангусом Камероном основали издательскую фирму, которая...»

«Знаю», — сказал он таким тоном, будто располагал подробнейшей секретной информацией о нашей деятельности.

«Так вот, — продолжал я, — мы узнали из газет о вашем разговоре с епископом Окснамом, в котором вы выразили желание исправить причиненный вами вред, написав обо всем книгу. Мы думаем...»

Он снова прервал меня: «Я уже начал писать эту книгу. Озаглавил ее «Донос был моим бизнесом». Конечно, я могу изменить название, но пока я решил оставить так».

«Ну хорошо, мы с Камероном думаем, что вы можете

---

¹ Джефферсоновская школа социальных наук — учебное заведение в США, в котором велось преподавание марксизма. Закрыта в 1957 г. — *Прим. ред.*

написать очень важную книгу. Она, возможно, станет не просто драматической историей отдельной личности, но и настоящим комментарием к нашему времени. Если вы собираетесь написать нечто подобное, мы хотели бы поговорить с вами».

«Именно это я и хочу написать».

«В таком случае не могли ли бы вы приехать в Нью-Йорк, чтобы обсудить все с нами на месте? Мы оплатим самолет».

«К вашим услугам. В любое время».

«Хорошо. Сегодня пятница. Не могли ли бы вы приехать, скажем, к понедельнику?»

«Идет!»

Я сказал, что билет на самолет будет забронирован.

«А где вас искать агенту аэропорта, чтобы дать знать о времени вылета?»

«В Таосской гостинице».

Мы договорились, что он позвонит мне по прибытии на нью-йоркский аэродром «Ла Гардиа».

«До встречи в Нью-Йорке», — фамильярно сказал он.

Повесив трубку, я не сразу отошел от телефона. Хотя в ушах у меня все еще звучал неприятный голос Мату-соу, наш разговор казался мне до странности туманным и нереальным, словно его и не было вовсе. Возможно, потому, что все прошло так гладко, слишком гладко...

Интересно — приедет ли он?

Я кратко записал наш разговор в дневник. Это было 22 октября 1954 года.

Необычайные события, следовавшие затем, могут быть правильно поняты только в свете того, что произошло ранее.

2. Появление новой породы людей

Каково бы ни было ваше общественное положение или политические взгляды, вы не можете не признать, что послевоенные годы в Соединенных Штатах отличаются одной особенностью. Эти годы никак нельзя назвать тусклыми или банальными. Они поражают разнообразием политических тенденций и полны самых удивительных неожиданностей.

Кто, например, мог бы предсказать, что сразу после окончания разрушительной и кровопролитной второй мировой войны перед нашим народом встанет призрак но-

вого и еще более страшного мирового конфликта? Однако едва минуло два года после дня победы, как институт Гэллопа¹ сообщил, что 73% избирателей считают третью мировую войну неизбежной, а братья Олсон писали: «Атмосферу в Вашингтоне теперь нельзя назвать послевоенной. Если говорить откровенно, то это — предвоенная атмосфера... Сейчас уже все признают, что война может начаться в ближайшие месяцы».

Кто бы мог подумать, что после разгрома этой тюрьмы, именуемой империей стран оси, те самые пороки, против которых мы боролись за пределами нашей страны, станут угрожать нам на нашей собственной земле? Однако именно таково было положение к концу 1947 года, когда группа профессоров юридической школы при Йельском университете обратилась с открытым письмом к президенту Соединенных Штатов, в котором, в частности, говорилось: «Федеральное правительство все больше становится на путь репрессий... высокопоставленные должностные лица в своих действиях, по нашему глубокому убеждению, пренебрегают американскими традициями гражданских свобод и конституцией Соединенных Штатов и попирают их... Имеются тревожные сигналы, указывающие на то, что преследование свободы мнений, если его не пресечь, может достигнуть масштабов, каких никогда не знала наша страна даже в самые мрачные годы ее истории».

По окончании войны миллионы людей горячо верили, что наступит новая эра — эра свободы, безопасности и дружбы народов. Эта прекраснейшая из иллюзий была разрушена беспощадно и быстро. Вместо ожидаемого мира разразилась холодная война.

Эта своеобразная разновидность войны в мирное время, при которой недавние союзники стали главными противниками, велась с одинаковой силой как в США, так и за рубежом; и начало этой холодной войне у нас на родине было положено политикой правительства, которая стала известна американцам и всему миру под названием «Справедливого курса» Трумэна.

Не прошло и трех месяцев после смерти Франклина Д. Рузвельта, как «Нью рипаблик» писал: «В вакуум, образовавшийся в результате поражения сторонников

---

¹ Институт Гэллопа — американский институт общественного мнения. — *Прим. ред.*

Нового курса, ринулись две группы — высокопоставленные чины и уоллстритовцы». Глубокие и удивительные изменения произошли в стране. «Начался крутой поворот к национализму, милитаризму и защите status quo»¹, — сообщал американский Союз борьбы за гражданские свободы. «В реакции общества на любой вопрос, связанный с коммунизмом, появилось возбуждение, граничащее с истерией...» Традиционные американские свободы подверглись интенсивным нападкам. Повсеместно начались расследования деятельности «радикалов», процессы против «красных», охота за ведьмами и чистки. Миллионам граждан было приказано подписать присягу о лояльности, что не считалось нужным даже в самые трудные дни войны со странами оси.

Ни одна из четырех свобод, провозглашенных Ф. Рузвельтом² в качестве главных целей победы, не изменила своей сущности в такой степени, как свобода от страха. Над Америкой, набрасывая тень на все стороны ее жизни, распростерся покров страха — страха перед атомной войной, страха перед «кольцом русского шпионажа», страха перед «коммунистической пятой колонной», страха потерять работу по обвинению в нелояльности.

«Люди боятся высказать свое мнение, — писала Элеонора Рузвельт в одной из своих статей, — боятся встретиться и поговорить на непопулярные темы; боятся, что их увидят во время разговора с определенными лицами, боятся, что их застанут за чтением определенных книг, — и боятся не потому, что поступают плохо, а потому, что опасаются последствий».

«Подозрительность заняла место доброй воли, — объявил член Верховного суда Уильям Дуглас в статье, появившейся в начале 1952 года в «Нью-Йорк таймс». — Подозревают всякого, кто не следует военным политикам... страх распространяется с безудержной силой»³.

---

¹ Существующего положения (лат.).

² Четыре свободы: свобода слова, свобода религии, свобода от страха и избавление от нужды — провозглашены Ф. Рузвельтом в его послании конгрессу в январе 1941 г. — *Прим. ред.*

³ Показательны для общей атмосферы в стране результаты эксперимента, проведенного Джоном Хантером из Мэдисона, штат Висконсин, опубликованные в «Кэпитл таймс» 4 июля 1951 года. Хантер распространил в общественном парке петицию, содержащую отрывки из Декларации независимости и Билля о правах. Только один человек из ста двенадцати, к которым он обратился,

Генеральный совет пресвитерианской церкви зимой 1953 года в своем послании, адресованном восьми тысячам пасторов и двум с половиной миллионам прихожан, констатировал:

«В жизни нашей страны наблюдаются опасные изменения. Священная свобода совести и личного мнения находятся под угрозой уничтожения... Проводимые расследования напоминают средневековую Испанию или трибуналы в современных тоталитарных государствах... Демагог, занимающийся одной лишь пропагандой, превращается в значительную фигуру общенационального масштаба».

Не подлежит сомнению, что самой крупной фигурой среди таких демагогов был сенатор Джозеф Маккарти, порождение мрачной эпохи, олицетворившей собой, подобно злему духу, всю тиранию и ужас Америки. Его сенсационные расследования, проводимые с помощью угодливых молодых подручных, и фантастические обвинения стали известны миллионам людей не только в Америке, но и на всех других континентах. Этот сенатор из Висконсина, явившийся бесспорным вождем национального похода против коммунистов, внес в словарь всех языков новое слово — «маккартизм».

Бывший английский премьер-министр Клемент Эттли с трибуны парламента заявил: «Иногда сомневаешься, кто влиятельнее в США — президент или сенатор Маккарти?»

Несомненно то, что этот преступный шарлатан, который за свою короткую карьеру в конгрессе, как явствует из сенатских отчетов, не гнушаясь ни темными финансовыми махинациями, ни использованием поддельных до-

---

согласился подписать петицию. Почти все остальные заявили, что они боятся сделать это. Многие интересовались, не коммунист ли Хантер. Один даже заявил: «Убирайтесь отсюда с вашей коммунистической стряпней». А другой сказал: «Это, наверно, русская Декларация независимости, вы не убедите меня в том, что это наша».

Мания «лояльности» получила такое распространение в начале 50-х годов, что почти никто не счел нелепым закон, изданный в штате Индиана, по которому профессиональные боксеры и борцы должны были приносить присягу в непричастности к коммунизму перед выходом на ринг; или обсуждение в законодательном собрании штата Висконсин законопроекта, требующего от содержателей кабаков принесения присяги о лояльности на том основании, что «в детективной литературе» подрывные элементы собираются именно там.

кументов в борьбе с политическими противниками, обладал таким влиянием на дела нации, каким не обладал, пожалуй, ни один американец...¹

Таковы некоторые из тех удивительных обстоятельств, на фоне которых развивались события, описанные в этой книге. Было и еще одно обстоятельство, конечно не менее удивительное, чем другие, и имеющее особое отношение к нашему рассказу. В эпоху холодной войны в политической жизни Соединенных Штатов появилась новая и весьма примечательная фигура.

Испокон веков осведомитель являлся объектом всеобщей ненависти и презрения. Но в разлагающейся послевоенной атмосфере Америки, когда произошла переоценка многих ценностей, образ осведомителя претерпел необычные изменения. Вместо того чтобы предать политического осведомителя проклятию и относиться к нему как к отверженному, на него стали смотреть как на патриота. Дух времени, говоря словами журналиста и писателя Алэна Барта, «возвысил его до положения национального героя и превратил донос в своего рода профессию».

Надо сказать, что очень немногие профессии снижали подобное уважение. Показания осведомителей, выступавших в федеральных судах и перед комитетами конгресса в качестве «свидетелей-экспертов по коммунизму», публиковались в газетах на самом видном месте как события первостепенного значения. Миллионы долларов расточались на рекламирование их подвигов в кино, в теле- и радиопередачах, в книгах и статьях периодической печати. Осведомителей чествовали на роскошных банкетах, приглашали для выступлений на общегородских собраниях, награждали лестными эпитетами за приверженность американизму. Ренегат Луис Буденц, один из наиболее прославленных представите-

---

¹ В отчете подкомитета по проверке прав и избирательных полномочий сенатского комитета правил и административных органов за 1952 год были освещены подробности о сомнительных финансовых сделках Маккарти. Там документально было подтверждено обвинение, которое сенатор Уильям Бентон выдвинул против Маккарти, заявив, что он занимался преднамеренным мошенничеством и обманом сената Соединенных Штатов и американского народа. В 1953 году, однако, председательствовавший в комитете друг Маккарти сенатор Уильям Дженнер, положил этот доклад под сукно.

лей этой профессии, был назначен профессором Форд-хемского университета, и ему торжественно вручили ключи от города Бостона. В штате Пенсильвания назначили особый день для чествования осведомителя Мэттью Цветича. Так же чествовали осведомителя Герберта Филбрика в штате Массачусетс, а газета «Нью-Йорк геральд трибюн» с гордостью объявила его своим постоянным фельетонистом. Конгрессмен Чарльз Поттер от штата Мичиган заявил, что осведомители заслуживают «медали за храбрость в такой же мере, как и солдаты на поле брани». А глава ФБР Эдгар Гувер сказал: «Эти люди заслуживают уважения нации... Тайный осведомитель является... узаконенным институтом, необходимой частью всех областей жизни»¹.

Помимо всевозможных почестей, осведомители получали еще и весьма солидные вознаграждения в звонкой монете. Был принят беспрецедентный в анналах американской юриспруденции специальный закон, позволивший государству регулярно платить осведомителям за их показания в качестве «свидетелей-экспертов». Наиболее предприимчивые из представителей этой профессии значительно увеличили свои доходы при помощи солидных вознаграждений за лекции, авторских

---

¹ Даже в нацистской Германии, несмотря на то, что Гитлер после первой мировой войны был осведомителем рейхсвера, политических осведомителей так открыто не поощряли и не объявляли героями, как это делалось в Соединенных Штатах после второй мировой войны. Одной из причин является, несомненно, то, что при фашизме, несмотря на широкий размах деятельности шпионов и осведомителей, не было необходимости широко использовать их на судебных процессах и других публичных выступлениях, чтобы обвинять и преследовать «врагов государства». Последние и без того могли быть приговорены к тюремному заключению или смертной казни. В послевоенной демократической Америке, когда политические разногласия пытались подавить «легальными» средствами, необходимо было официально предавать суду «подрывные элементы», используя осведомителей в качестве свидетелей против них. При таких обстоятельствах чрезвычайно важно было представить этих свидетелей обществу в наиболее выгодном свете.

Однако, несмотря на все усилия официальных кругов сделать возможно более привлекательным облик платных осведомителей и профессиональных свидетелей, очень многие американцы не склонны относиться к ним чересчур снисходительно. Говоря словами переводной статьи «Нью-Йорк таймс» от 8 июля 1954 года: «...от осведомителя веет полицейским государством, и нам кажется, что большинство американцев инстинктивно страшится прибегать к их услугам».

гонораров за автобиографии, которые пользовались широким спросом, за свои сногшибательные разоблачения «красной опасности» по радио, телевидению или в кино.

И все же многие осведомители-свидетели сочли себя недостаточно вознагражденными за услуги, оказанные ими нации. Недаром помощник генерального атторнея США Андресетта, выступая на закрытом заседании финансового комитета, жаловался: «Нам приходится вести переговоры со штатными осведомителями и торговаться... Этот бизнес — сущее разорение, если учесть, во сколько он нам сегодня обходится».

«И если донос стал доходным рэкетом... — писал Ричард Роувер в «Харперс мэгэзин», — то львиную долю ответственности за это должно нести правительство Соединенных Штатов. Ибо именно правительство... создало этот рэкет и продолжает поощрять и оплачивать его»¹.

У правительства были, конечно, на то свои соображения. Для проведения в жизнь послевоенной политики платные осведомители и профессиональные свидетели были совершенно необходимы. Шпионы и доносчики являются существенным атрибутом для судебного преследования, когда человека нужно посадить на скамью подсудимых не за преступные дела, а за политические связи и когда уголовно-наказуемыми являются скорее взгляды, а не поведение. Помимо всего прочего, они ценны еще

---

¹ Согласно фактам, выявленным на суде, Поль Крауч за два года получил от министерства юстиции за свои свидетельские показания 9675 долларов (не считая расходов на переезды и ежедневное содержание); Мэннинг Джонсон — 9096 долларов, а Джон Лаутнер — 800 долларов. Дэйзи ван Дорен платили ежемесячно 125 долларов, не считая оплаты всех других расходов, только за то, чтобы она в любой момент была готова выступить в качестве свидетельницы.

Десятки свидетелей получали от 25 до 50 долларов в день за свои услуги.

Луис Буденц, согласно подсчетам, со времени выхода из коммунистической партии и по 1955 год скопил около ста тысяч долларов за счет лекций, авторских гонораров и т. п., которые он получал помимо платы за свидетельские показания и профессорского жалованья. Мэттью Цветичу заплатили 12 500 долларов за право экранизации его материалов и 6500 долларов за опубликование в журнале его книги «Я был коммунистом для ФБР». На размеры доходов Герберта Филбрика указывает тот факт, что в 1956 году его адвокат возбудил дело о выплате Филбрику 125 тысяч долларов официального гонорара и комиссионных, которые якобы причитались ему за различные услуги.

и тем, что, будучи *агентами-провокаторами*, способны измышлять свои показания. «Этот грязный бизнес, — писал адвокат Ричард Донвелли в «Йел лоу ревью», — является ценой, которую вынуждено платить правительство за подавление политических разногласий».

Подавление политических разногласий с помощью осведомителей-свидетелей не ограничивалось вынесением приговоров к тюремному заключению, составлением черных списков, разрушением карьер и доведением некоторых до самоубийства. Исполненные горячей убежденности, их показания о «подрывной деятельности» облегчали проведение в жизнь репрессивного законодательства, а их сенсационные разоблачения о «проникновении русских агентов на ответственные посты» давали ценный пропагандистский материал, позволявший ставить клеймо предателя нации на бывших видных деятелей Нового курса. Выражение «двадцать лет государственной измены» пустило корни и расцвело пышным цветом на почве, обильно удобренной разоблачениями платных осведомителей.

При рассмотрении далеко идущего влияния осведомителей на жизнь нации заслуживает внимания единственная в своем роде особенность этой группы людей, используемых правительственными учреждениями. Значительный процент среди них составляют бывшие каторжники, тайные агенты в рабочем движении, алкоголики, мелкие рэкетеры и завзятые лжесвидетели...

Будучи писателем, склонным к политическим разоблачениям, я собрал характерные сведения о правительственных осведомителях-свидетелях¹. В ряде случаев я дополнял материал своими личными наблюдениями.

Вот что мне удалось, например, узнать о Мэттью Цетиче, хорошо известном профессиональном свидетеле, авторе книги и одноименного фильма «Я был коммуни-

---

¹ Одно время я работал репортером по вопросам шпионажа, политических интриг, антидемократического заговора. В 1939 году вместе с бывшим послом США в Германии Уильямом Доддом я основал антифашистский бюллетень «Ауэр» и затем, будучи редактором этого еженедельника, в течение всех военных лет специализировался на расследовании и разоблачении пропагандистских и шпионско-диверсионных операций стран оси, направленных против Америки. Несколько моих книг — «Саботаж», «Великий заговор». «Измена родине» — в значительной степени посвящены тайной дипломатии и деятельности «пятой колонны».

стом для ФБР». Когда я готовил отчет о процессе по обвинению в «подстрекательстве к мятежу» в Питтсбурге в 1951 году, на котором Цветич был основным свидетелем обвинения, я случайно разговорился с его адвокатом, который весьма неосторожно сказал мне: «Цветич — хороший свидетель. Он выполняет приказы, как солдат, и никогда не забывает, что́ ему следует говорить... Запой — его единственный недостаток, по этой причине нам приходилось несколько раз откладывать заседания суда... Пристрастие к спиртному — это у него болезнь... Кроме того, — продолжал рассказывать адвокат, — в пьяном виде Цветич становится буйным; например, недавно он набросился на свояченицу и сломал ей руку».

Из истории болезни Цветича, лежавшего в питтсбургской больнице св. Франциска, я узнал, что его неоднократно госпитализировали для лечения «хронического алкоголизма и сопутствующих заболеваний».

Эти сведения о Цветиче я в свое время сделал достоянием прессы, но их опубликование не удержало министерство юстиции от дальнейшего использования Цветича в качестве «свидетеля-эксперта».

Случай с Цветичем не исключение. Вот несколько типичных фактов относительно других государственных свидетелей-доносчиков, собранных в моей картотеке.

Сенатор Деннис Чавез от штата Нью-Мексико охарактеризовал Луиса Буденца как «изворотливого заговорщика, испорченного человека... неспособного дать прямой ответ».

Уильям Поуэлл был исключен из Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности за то, что оказался провокатором; некоторое время он был тайным советником фашистского заправилы Джеральда Смита.

Моррис Малкин, мошенническим путем получив права гражданства, в течение многих лет незаконно участвовал в выборах, был осужден за лжесвидетельство, и сидел в тюрьме «за чрезвычайно грубое, преступное поведение».

Сесиль Скотт отбыла срок тюремного заключения за подлог и некоторое время находилась на принудительном лечении в психиатрической больнице.

Джозеф Мэззей, в прошлом провокатор в профсоюзном движении, привлекался к судебной ответственности

по обвинению в нарушении супружеской верности; он несколько раз сидел в тюрьме за неуплату установленных в судебном порядке алиментов на содержание своего незаконнорожденного ребенка.

Мэннинга Джонсона, чьи свидетельские показания неоднократно разоблачались как лживые, однажды на перекрестном допросе спросили, что он скорее сделает: даст ложные показания или откажется повиноваться ФБР. Он ответил: «Если на карту будут поставлены интересы государства, я стану лжесвидетелем тысячу раз».

Этот список мог бы быть продолжен до бесконечности. Но достаточно и вышеприведенных фактов, чтобы дать общую характеристику осведомителям-свидетелям, которые стали играть такую важную роль в жизни нашей страны.

И не было среди этой породы людей фигуры, более примечательной, чем Харви Матусоу.

3. Предыстория

Должен признать, что, когда в 1952 году я добавил в свою картотеку в общий раздел «Осведомители и профессиональные свидетели» карточку с именем Харви М. Матусоу, я был далек от мысли о возможности каких-либо деловых взаимоотношений с ним.

Исключенный из коммунистической партии, как осведомитель ФБР, Матусоу не так давно начал карьеру профессионального свидетеля. Несмотря на молодость (ему было только двадцать шесть лет), он быстро добился успеха.

Однажды имя его появилось в заголовках вечерних газет. И в течение последующих месяцев, пока Матусоу делал карьеру профессионального свидетеля, давая сенсационные показания на заседаниях конгресса, на процессах по высылке граждан из Соединенных Штатов, судебных разбирательствах в федеральных судах, имя его не сходило с газетных полос. Сфабрикованные им свидетельские показания не всегда отличались тонкостью. В случае необходимости он с самого начала прибегал к явным преувеличениям. Типичным для него было беззастенчивое утверждение на одном из заседаний конгресса, что «в Нью-Йорке он знает в лицо что-нибудь около 10 000 членов коммунистической партии».

В другой раз он утверждал, что «в редакции «Нью-Йорк таймс» было свыше ста коммунистов, платящих членские взносы».

Дэнтон Уокер в «Нью-Йорк дейли ньюс» писал: «Харви Матусоу... утверждает, что он лично ответствен за то, что в ряды красных были завербованы 3000 нью-йоркских школьников...»

В более трезвые времена подобные заявления могли бы вызвать некоторое недоверие к их автору. Но в Соединенных Штатах того времени благонадежность Матусоу не вызывала сомнения у тех правительственных чиновников, которые продолжали использовать его в качестве «свидетеля-эксперта». И этому не следует удивляться, так как среди профессиональных свидетелей подобные рассказы были скорее правилом, чем исключением.

Если в свидетельской карьере Матусоу и была какая-нибудь отличительная черта, то она заключалась в разнообразии его деятельности. Он бы ничего не достиг, если бы не был разносторонним. В течение некоторого времени он работал специальным следователем комиссии штата Огайо по расследованию антиамериканской деятельности; он стал заместителем редактора «Каунтэр-атэк», еженедельного бюллетеня, имевшего целью снабжать читателей «сведениями для борьбы с коммунизмом» и списками «красных» в театральном мире. А затем осенью 1952 года, убедившись, что он подходит для такой работы, пошел на службу к сенатору Джо-зефу Маккарти. Действуя из вашингтонской конторы Маккарти, Матусоу вел предвыборную кампанию за переизбрание сенатора в штате Висконсин. Агитируя за ставленников Маккарти в Юте, Монтане и других западных штатах, он совершил головокружительное лекционное турне.

Позднее, когда он был главным свидетелем, выступавшим перед комитетом Маккарти, сам сенатор поставил перед ним «грандиозную задачу» — составить «список коммунистов, проникших в газеты, периодическую печать, радио и телевидение Нью-Йорка».

Другое поручение, данное Матусоу сенатором, хотя и менее грандиозное, носило более личный характер. Подробности о нем впервые были вытащены на свет обозревателем Дрю Пирсоном.

Когда комитет конгресса, расследовавший финансовые махинации сенатора, решил вызвать в суд г-жу Арвину Бентли, бывшую супругу конгрессмена Алвина М. Бентли, секретно субсидировавшую Маккарти крупными суммами денег, сенатор поручил Матусоу тайно увезти ее на Багамские острова. Позднее, весной 1953 года, возвратившись в Соединенные Штаты, Матусоу женился на этой миллионерше. Спустя несколько месяцев они развелись, предварительно оживив газетные разделы светских сплетен серией супружеских скандалов. Вскоре они снова сошлись, а затем развелись вторично.

До 1954 года лишь немногие сведения о Матусоу, собранные мной из газет для пополнения своей картотеки, сколько-нибудь существенно отличали его от других представителей профессии осведомителей-свидетелей. Но летом 1955 года о нем появились в прессе сообщения, сильно возбудившие мое любопытство.

Первое из них было опубликовано 7 июня в «Вашингтон ивнинг стар». Газета писала, что на балтиморской конференции методистской церкви епископ Дж. Бромли Окснам заявил, что у него был Харви Матусоу, который признался ему, что он неоднократно лгал, выступая свидетелем. Матусоу рассказал епископу о том, что он пережил «религиозное откровение» и теперь хочет исправить зло, причиненное им «всеми ложными показаниями, которые он давал о многих людях».

Комитет палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, периодически выставлявший Матусоу в качестве свидетеля-эксперта, вызвал его в следующем месяце в Вашингтон и учинил допрос в связи с заявлением епископа Окснама. Матусоу не отрицал своего посещения епископа, но утверждал, что сообщение прессы было неточным. «Если газеты правильно передали слова епископа, то епископ — бесчестный человек, — сказал Матусоу. — Я не говорил тогда и не говорю теперь, что я когда-либо давал под присягой ложные показания».

Тем не менее было бы разумнее поставить под сомнение честность Матусоу, а не епископа. Более того, вскоре после этого вашингтонский адвокат Рассел Браун,

коллега бывшего генерального атторнея США¹ Говарда Макграсса, сообщил представителям печати, что Матусоу посетил и его, рассказав в основном то же, что и епископу Окснэму...

Несмотря на то, что во время последнего выступления перед комитетом палаты представителей Матусоу опроверг все обвинения, тем не менее он был чем-то обеспокоен. И меня заинтересовало, насколько велико его беспокойство и какую долю правды о своей деятельности он намеревался раскрыть. Что, если он собирается предать огласке все подробности своей карьеры профессионального свидетеля и помощника сенатора Маккарти?

Я стал интересоваться всем этим еще и потому, что Матусоу был главным свидетелем обвинения на двух процессах в федеральных судах, на которых подсудимых признали виновными и приговорили к тюремному заключению. Один из процессов был над тринадцатью лидерами коммунистической партии, обвинявшимися в нарушении закона Смита, а другой — над деятелем профсоюзного движения — по обвинению в нарушении закона Тафта — Хартли².

А если предположить, что Матусоу собирается признаться в даче ложных показаний на этих процессах?

---

¹ Генеральный атторней США — глава министерства юстиции, главный юрисконсульт правительства, глава федеральной прокуратуры. — *Прим. ред.*

² Законы Смита и Тафта — Хартли были наиболее распространенным орудием, использовавшимся для проведения репрессивных мер в годы холодной войны. Известный специалист по вопросам конституционного права Захария Чэфи младший, рассматривая закон Смита, принятый конгрессом в 1940 году, писал в своей книге «Свобода слова в Соединенных Штатах»: «...этот закон предусматривает самое грубое подавление свободы слова, которое когда-либо было введено в мирное время в США в законодательном порядке... закон 1940 года — драконовский закон мирного времени, от которого пострадали все, особенно граждане Соединенных штатов».

Закон Тафта — Хартли, принятый в 1947 году, фактически аннулировал Национальный закон о трудовых взаимоотношениях, введенный во времена Нового курса. Этот закон был утвержден вопреки тому, что президент Трумэн наложил на него вето, так как считал его «открытой угрозой успешному развитию демократического общества США».

«Закон Тафта — Хартли, широко использованный антирабочими корпорациями и полностью поддержанный антирабочим правительством, — писал «Нью рипаблик», — может парализовать деятельность профсоюзов в Америке».

Мой интерес к возможности такого исхода возрос еще и потому, что осужденный деятель профсоюзного движения был моим близким другом. Его звали Клинтон И. Дженкс. Этому имени суждено было быть связанным с историческим решением Верховного суда.

Будучи молодым работником Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности, Дженкс играл ведущую роль в забастовке рабочих предприятий компании «Импайр цинк», происходившей в 1953 году в Ганновере, Нью-Мексико. Несмотря на нападения штрейкбрехеров, на раны, нанесенные ему наемными бандитами, на трехмесячное тюремное заключение, к которому его приговорили, предъявив обвинение в неуважении к властям, проявленном во время расстановки линии пикетчиков, Дженкс с присущей ему силой духа продолжал работать на посту председателя местного комитета забастовщиков. За мужество, проявленное в дни второй мировой войны, когда он, будучи штурманом, участвовал в боевых вылетах на бомбардировщике, его наградили «Крестом за выдающиеся летные боевые заслуги» и другими знаками отличия.

Когда шахтеры, наконец, одержали победу в забастовке, руководство компании потребовало, чтобы правительство приняло меры против ее вожаков. И вскоре после этого, словно по случайному стечению обстоятельств, Дженксу было предъявлено обвинение в нарушении закона Тафта — Хартли, выразившемся якобы в том, что в письменных показаниях, данных под присягой, он отрицал свою принадлежность к коммунистической партии.

На процессе против Дженкса Матусоу был главным и к тому же единственным свидетелем, показавшим, что он состоял в коммунистической партии в момент, когда под присягой подписывал свое показание. Если бы Матусоу признался, что солгал на суде, дело министерства юстиции против Дженкса развалилось бы как карточный домик...

Мои заманчивые предположения так ни к чему бы и не привели (и мне, возможно, не о чем было бы сейчас рассказывать), если бы меня не навестил Дженкс, который был выпущен под залог и теперь собирался поехать отдыхать.

Интерес Клинта к сообщениям о визите Матусоу к епископу Окснаму и Расселу Брауну был не меньше,

чем у меня, так как он, естественно, хотел избежать пятилетнего заключения. Кроме того, Клинт уже обдумал, что в связи с этим следует предпринять.

Ему не понадобилось много времени, чтобы завести разговор на эту тему. Он начал с того, что коротко изложил показания Матусоу против него. В своих показаниях Матусоу утверждал, что летом 1950 года, во время пребывания в доме отдыха в Сан-Кристобал, в штате Нью-Мексико, Дженкс признался ему, что является членом коммунистической партии, и они подробно обсуждали партийные дела. Клинт сказал мне, что он действительно встретил Матусоу в доме отдыха. Все остальное было явной фикцией.

«Похоже, что Матусоу начинает мучить совесть, — перешел Клинт к существу вопроса. — Вам, Альберт, уже приходилось заниматься историями вроде этой. И не кажется ли вам, что вы могли бы заставить Матусоу признаться в том, что его показания против меня были вымышленными?»

Я сказал Клинту, что это разные вещи — признаться во лжи в частном разговоре и публично покаяться в лжесвидетельстве, которое Матусоу совершил, будучи свидетелем, выступавшим на стороне правительства. «Вы же понимаете, за это его могут посадить. Сомневаюсь, что совесть мучает его настолько сильно...»

«Но ведь он признался епископу Окснаму?»

«Да. Но не забывайте, что перед комитетом по расследованию антиамериканской деятельности он все отрицал».

«Я, конечно, понимаю, что не так-то просто будет заставить его сказать правду. На сей счет не может быть двух мнений. Но, если есть какая-нибудь возможность, ее, несомненно, стоит попытаться использовать».

Я сказал Клинту, что не могу представить себе, что Матусоу рискнет сесть на скамью подсудимых только для того, чтобы внести исправления в протокол судебного заседания.

«Насколько я его знаю, он так любит всеобщее внимание, что, если он действительно захочет сознаться в преступлении, он постарается сделать это с помпой, превратив свое признание в крупнейшую сенсацию. Вы помните, он сказал Окснаму, что собирается написать книгу о своей деятельности составителя черных списков.

Так вот, если бы он убедился, что книга, рассказывающая всю его историю, произведет национальный фурор, тогда он, может быть, не устоял бы перед искушением написать ее. И если бы он это сделал, в книге, возможно, было бы рассказано и о вашем деле...»

«Тогда почему бы не убедить его написать книгу. Ведь «Камерон энд Кан» могла бы издать ее»¹.

«К несчастью, наша фирма почти бездействует, — сказал я. — Мы обычно едва сводим концы с концами. А сейчас и концы не сводятся. Я собираюсь снова взяться за перо, а Ангуса пригласили возглавить «Клуб свободной книги». Кроме того, в ближайшем будущем я решил переехать в Калифорнию. А по собственному опыту я знаю, что на дело, о котором вы говорите, может потребоваться очень много времени... Как бы то ни было, один шанс против ста, что нам удастся соблазнить Матусоу написать обо всем этом».

Доброе скуластое лицо Клинта расплылось в широкой улыбке. «А почему бы мне не познакомить вас с Натом Уиттом? — Как адвокат Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности, Уитт вел дело Клинта. — Быть может, Нату удастся сделать от профсоюза такой заказ на книгу, который явился бы какой-то финансовой поддержкой для фирмы».

Дальше продолжать разговор на эту тему не имело никакого смысла. Возможно, Клинт почувствовал, что в ту самую минуту, когда мы начали этот разговор, мысль добыть рассказ Матусоу завладела мной.

На следующий день я зашел к Нату Уитту в его нью-йоркскую контору. Это был опытный юрист, всю свою деятельность связавший с рабочим движением. Уитт сказал мне, что он, естественно, с большим интересом следил за недавними сообщениями о Матусоу. Один из его коллег предложил даже обсудить возможность по-

---

¹ В начале 1953 года, объявляя о создании нашей издательской фирмы, Ангус Камерон и я, в частности, писали: «Черное молчание страха», как судья Дуглас охарактеризовал последствия истерии нашего времени, поглотило как многих писателей, так и издателей... Основатели фирмы «Камерон энд Кан» надеются предоставить трибуну тем писателям, которые не приняли и не примут религию охотников за ведьмами».

мочь Матусоу найти издателя для книги, о которой он говорил с епископом Окснамом. Помимо дела Дженкса, Профсоюз рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности имел достаточно оснований для того, чтобы желать разоблачения ложных показаний Матусоу: Матусоу давал широко освещающиеся в прессе показания с целью доказать, что в союзе главенствуют коммунисты, устраивавшие стачки, чтобы сорвать выпуск продукции, предназначенной на оборонные нужды...

Я спросил Уитта, не будет ли союз настолько заинтересован в книге Матусоу, чтобы сделать заказ на несколько тысяч экземпляров и внести аванс. Без такого заказа, объяснил я, наша фирма не сможет взяться за это дело.

На это мне Уитт сказал, что должен будет посоветоваться в Денвере с руководством союза...

В конце недели Уитт позвонил мне и сообщил, что профсоюз согласен сделать первоначальный заказ на две тысячи экземпляров книги, изданной по доступной цене в бумажном переплете. По возможности, пообещал Уитт, они постараются увеличить заказ.

Фирма «Камерон энд Кан» получила свой первый заказ на книгу Матусоу.

Теперь все заключалось в том, чтобы добыть книгу.

4. Изучение характера

По-видимому, прежде чем начать вести какие-либо конкретные переговоры с Матусоу, нужно было попытаться разузнать о нем все возможное. Одним из верных источников информации были свидетельские показания самого Матусоу. В правительственном печатном бюро я достал опубликованные протоколы заседаний конгресса, на которых Матусоу выступал в качестве свидетеля.

Предварительно я прочел газетные отчеты о выступлениях Матусоу и подробно ознакомился с сенсационными рассказами других «свидетелей-экспертов». Никогда прежде мне не доводилось сразу читать все показания свидетеля на целой серии заседаний. И когда я прочел их, меня охватило странное беспокойство.

Я словно побывал в ином мире, мире причудливой фантазии и сверхъестественных химер, мире, лишенном

реальности. И тем не менее я знал, что этот мир был более чем реален. Читая сотни страниц показаний Матусоу, содержащих одно голословное утверждение за другим, я постоянно помнил, что измышления и ложь, напоминающие бред сумасшедшего, не только выдавались за события первостепенной важности, но и служили основанием для опорочивания и преследования многих людей и ломали им жизнь. Если бы конгресс даже специально искал для будущих историков материал, сурово осуждающий его инквизиторскую деятельность в годы холодной войны, ничто не могло бы лучше служить этой цели, чем протоколы этих заседаний, проводимых якобы для защиты американской демократии.

По мере ознакомления с этими протоколами быстро вырисовывался характер расследовательских комитетов, однако характер Матусоу оставался еще нераскрытым.

Конечно, некоторые фактические сведения о нем я получил. Он вырос в Бронксе, с 1944 по 1946 год служил в армии. Во время войны в Корее он снова призывался на военную службу. Затем он работал на радио и телевидении в качестве профессионального комика. Но на этом поприще выдвинуться ему не удалось. В 1947 году он вступил в коммунистическую партию, в 1950 году стал осведомителем ФБР, годом спустя из коммунистической партии был исключен. Читая в течение нескольких дней показания Матусоу, я мало чем обогатил свои познания о нем, если не считать упомянутые биографические данные. Он оставался причудливой, призрачной фигурой, чудовищным автоматом, казалось механически отвечающим на вопросы ложью.

Однако я добыл некоторые другие материалы, хотя и менее объемистые, но на индивидуальные особенности Матусоу пролившие значительно больше света. Это были заметки, продиктованные епископом Окснамом после его встречи с Матусоу в начале этого года.

В заметках епископа, в частности, говорилось:

«Я не знаю, как оценить этого человека. Может быть, он гений, может быть, шарлатан. В какой-то мере он представляет собой то, что сам о себе говорит. Может быть, он поэт недюжинных способностей, а может быть, нищий-попрошайка. То, что он мне рассказал, достаточно интересно, чтобы это стоило записать...

Я спросил, что его привело ко мне. Он ответил, что пережил глубокое религиозное откровение и стал после этого совершенно другим человеком. Он сказал: «Я неоднократно лгал в своих заявлениях перед этими комитетами и в своих донесениях. Мне хочется пойти к каждому, о ком я давал ложные показания, и попросить прощения... Я произнес речь, в которой говорил неправду о вас и я давал о вас ложную информацию... Повидать вас мне хотелось для того, чтобы попросить у вас прощения за то, что я сделал, и узнать, не пожмете ли вы после всего этого мне руку...»

Я спросил его, почему он делал такие вещи. Он ответил, что сам едва ли в состоянии объяснить это, просто одна подделка вела за собой другую, а участие в подобных «разоблачениях» доставляло ему особое волнение».

Матусоу, продолжал епископ, рассказал не только о том, что он собирается написать книгу о своей деятельности составителя черных списков, но также и о том, что он надеется опубликовать томик стихов. «Трудно было заставить его быть последовательным, — заметил епископ. — Я должен был все время прерывать его, задавая наводящие вопросы. Больше всего удовольствия ему доставляло говорить о самом себе...» Матусоу продемонстрировал епископу свои таланты профессионального комика, разыграв перед ним несколько «пародий... со щеточками для чистки курительных трубок».

«В то время как его ловкие пальцы придавали металлической щеточке форму маленького пуделя, он с большим мастерством разыгрывал передо мной одну из пародий... Когда он кончил, у него в руках оказался превосходно сделанный зверек. Затем он рассказал мне смешную историю о кенгуру... и пальцы его придали щеточке форму кенгуру... Он был великолепно сделан.

Затем он вручил мне свои стихи, большинство из которых, я думаю, войдут в предполагаемый томик стихов. Должен сказать, что первое стихотворение тонко передавало настроение автора и показалось мне талантливо написанным...

В годы второй мировой войны он служил в пехоте, так по крайней мере он утверждает. На войне

погиб его единственный брат — летчик, самолет которого был сбит... Матусоу сам разыскал могилу брата... Он показал мне фотографию брата, а также и свою, на которой он снят у могилы брата колено-преклоненным».

Епископ Окснам следующим образом суммировал свои впечатления о Матусоу:

«О чем все это говорит? Не знаю... Может быть, этот человек и есть то, за что он себя выдает. Может быть, он ненормальный...»

Я действительно не могу понять этого парня, но, как бы то ни было, это человек, показания которого публиковались комитетом палаты представителей...»

Из заметок епископа Окснама было совершенно очевидно, что вопросы, связанные с Матусоу, окажутся еще более сложными, чем я ожидал.

Это подтвердилось, когда я прочел копию письма бывшего генерального атторнея США Говарда Макграсса к адвокату епископа Окснама. Макграсс писал:

«Я подумал, что вам, может быть, было бы интересно узнать, что в конце апреля этого года служащие моего ведомства Рассел Браун и Роберт Норуэлл взяли у Матусоу интервью. Матусоу сказал им примерно то же, что он, очевидно, говорил епископу. Я не имею в виду, что он упоминал имя епископа Окснама, но Матусоу заявил, что он говорил неправду о многих людях относительно их связей с коммунизмом...»

В последнем абзаце памятной записки, продиктованной после интервью моему секретарю, Браун пишет: «Он (имеется в виду Матусоу) весьма недвусмысленно заявил: «Вам следовало бы знать, что ни при каких обстоятельствах мне нельзя доверять. Я продавал всякого, кто когда-либо относился ко мне дружески. Если я сообщу вам какие-нибудь полезные сведения, вам нужно полностью проверить их, потому что я не доверяю даже самому себе».

В начале октября я начал разыскивать Матусоу. Но это оказалось не так-то просто. В показаниях на заседаниях конгресса он всякий раз указывал другой адрес. Ни по одному из этих адресов я его не нашел. В то время я не мог, конечно, знать, что Матусоу разъезжает на велосипеде по штатам Техас и Нью-Мексико. Такое

приятное времяпрепровождение, естественно, делало человека неуволнимым...

Узнав, что родители Матусоу все еще живут в Бронксе, я позвонил им. Я объяснил его матери, что хочу обсудить с ее сыном вопрос об издании его книги издательской фирмой, в которой я сотрудничаю. Она ответила, что сын ее уехал и непосредственно с ним нельзя связаться. Однако время от времени он дает о себе знать и она передаст ему мое предложение.

Прошло еще две недели без каких бы то ни было вестей от Матусоу.

Я уже почти перестал надеяться, что он появится, и размышлял о том, что мне теперь следует предпринять, как утром 22 октября Матусоу позвонил мне из Таоса, Нью-Мексико, и согласился приехать в Нью-Йорк для совещания со мной и Ангусом Камероном по поводу его книги.

Впоследствии я узнал, что часов через сорок восемь после его звонка ко мне, разыскивая Матусоу, в Таос прибыли агенты министерства юстиции. Можно с уверенностью сказать, что они разыскивали его с целью, совершенно противоположной моей. Их начальство в Вашингтоне все больше опасалось неосторожных высказываний Матусоу. И, в то время как я надеялся, что он расскажет еще больше, у них были все основания пытаться заставить его молчать.

Однако правительственные эмиссары приехали в Таос слишком поздно. К этому времени Матусоу уже был в Нью-Йорке.

ПОЯВЛЕНИЕ МАТУСОУ

1. Странное совещание

Несомненно, встреча, происходившая в Нью-Йорке 25 октября 1954 года между Харви Матусоу, Ангусом Камероном и мною, выглядела довольно нелепо.

Три года назад, когда Ангус был главным редактором и вице-президентом издательства «Литл, Браун энд компани», скандальный листок «Каунтэратэк», прославившийся преследованием красных, в котором тогда сотрудничал Матусоу, поместил статейку, содержащую обвинения по адресу Камерона. В ней говорилось, что под его влиянием старая и глубоко уважаемая бостонская издательская фирма «Литл, Браун» стала «трибуной коммунистов». В доказательство «левых» симпатий Камерона в статье сообщалось, что он содействовал изданию работ таких авторов, как Лилиан Хеллман, Джеймс Олдридж, Говард Фаст, Оуэн Латтимор, Альберт Мальц, и моих. Его обвиняли также в том, что он был председателем прогрессивной партии штата Массачусетс в 1948 году, когда эта партия в качестве кандидата на пост президента США поддерживала Генри Уоллеса. Одновременно со статьей в «Каунтэратэк» в газетном тресте «Скриппс-Говард» появилась статья видного обозревателя, в которой повторялись те же обвинения. Известность Ангуса на издательском поприще была настолько велика, что она позволила журналу «Тайм» называть его «ведущим книжным редактором в стране». Тем не менее этой известности оказалось недостаточно для ликвидации паники, охватившей его коллег в совете дирек-

торов «Литл, Браун». По их настоянию он оставил работу в фирме¹.

Я тоже получил свою долю внимания со стороны Матусоу. Не раз давал он показания, обвиняя меня в том, что я «главный пропагандист Москвы». Еще летом 1954 года на заседании комитета по расследованию подрывной деятельности он под присягой заявил, что, когда он был коммунистом, мы с ним были близко знакомы и «нам неоднократно при различных обстоятельствах» приходилось вместе работать.

И вот теперь мы с Ангусом собирались встретиться с Матусоу и обсудить с ним вопрос о том, напишет ли он книгу для нашего издательства...

Сложившаяся ситуация со всей очевидностью выдвинула целый ряд проблем. Например, как вести себя с человеком, который одно время был платным осведомителем и лжесвидетелем? Какие личные или деловые отношения должны быть по возможности установлены с человеком, чье прошлое было таким грязным и отвратительным? И чем мы, в сущности, были гарантированы от того, что он не попытается каким-либо образом обмануть нас?

«Единственный способ сделать человека достойным доверия, — заявил однажды американский государственный деятель Генри Л. Стимсон, — это доверять ему, а наиболее верный путь превратить его в обманщика — не доверять ему и проявить ваше недоверие». Этот афоризм в той или иной мере отражал наши с Ангусом мысли о том, какими должны быть наши отношения с Матусоу. По крайней мере в одном вопросе мы при-

---

¹ Айсидор Стоун в статье, опубликованной в «Нью-Йорк дейли компас», писал, что директоры «Литл, Браун» «оказали помощь и поддержку тем, кто уничтожает свободу издательского дела и свободу мнений в Америке». И добавлял: «...быть может, дойдут до того, что по ассоциации будут обвинять и сами книги...

Наступит ли конец царству невежества, безграмотности и обскурантизма, если влиятельных представителей среднего класса и интеллигенции можно так легко запугать? Сможем ли мы сохранить Америку свободной, если никто по-настоящему не борется за ее свободу?»

Это был печальный комментарий к тем временам, когда в издательском мире очень немногие имели смелость поднять, подобно Стоуну, голос протеста и когда ни одна издательская фирма не приняла Камерона на редакторскую работу после его ухода из «Литл, Браун».

шли к соглашению: в своих с ним делах мы неукоснительно будем придерживаться этики нормальных отношений между издательством и автором и приложим все старания к тому, чтобы он почувствовал доверие к нам. Мы считали это необходимым для того, чтобы он смог написать для нас книгу, рассказывающую правду о его прошлом, если, конечно, он действительно предполагает написать такую книгу.

Однако мы не убаюкивали себя иллюзиями относительно трудностей предстоящего нам дела. В конце концов, кто мог сказать, возможно ли будет установить какие-либо человеческие отношения с личностью, которую так обесчеловечила жизнь?

Матусоу позвонил мне прямо с аэродрома «Ла Гардия», и я предложил встретиться и позавтракать в отеле «Дельмонико» в Нью-Йорке.

Когда я прибыл к месту встречи, Матусоу уже ждал у входа в отель. Он представился, держась заискивающе, и в то же время в его голосе чувствовались агрессивные нотки.

Это был коренастый, сильно располневший молодой человек, с вьющимися черными волосами, темными задумчивыми глазами, окруженными большими синяками, и болезненным цветом лица. Одет он был нарочито небрежно: на нем был пиджак из твида, черный свитер с высоким воротом и светлые мокасины из оленьей кожи. Под мышкой он держал битком набитый ручной кожаный чемоданчик.

Если с первого же момента я почувствовал к нему предубеждение, то это произошло не только потому, что я знал его прошлое, а скорее вследствие того, что в его внешности и манере держаться было что-то неуловимо неприятное...

Так как Ангус, как это нередко с ним случалось, в последнюю минуту позвонил и предупредил, что он запоздает, я предложил Матусоу пойти в столовую.

Едва мы успели заказать завтрак, как Матусоу сказал отрывисто: «Давайте поговорим о моей книге».

Я предложил подождать Ангуса, чтобы не обсуждать одно и то же дважды.

«Ну что ж», — согласился он, кивнув головой.

Он поднял свой чемоданчик, вытащил из него потрепанный блокнот и, отодвинув стоявшую передо мной тарелку, сунул его мне под нос. «Вот, взгляните, — сказал он, — тут кое-какие мои стихи».

На какой-то миг мне показалось, что подобное когда-то уже происходило со мной. Потом я вспомнил, что читал об этом в записях епископа Окснама...

В блокноте было около сотни страниц стихов, отпечатанных на машинке. Хотя я едва ли был в настроении читать стихи, я перелистал блокнот и удивился, когда обнаружил, что, несмотря на избитость и сентиментальность тематики, стихи свидетельствовали о том, что их автор искусно владеет языком, а его образы необычны.

Читая стихи, мне было неприятно чувствовать прикованный ко мне взгляд Матусоу. Несколько раз, когда я собирался перевернуть страницу, он наклонялся вперед, останавливал меня и, указывая на какую-нибудь фразу, нетерпеливо спрашивал: «Вы обратили внимание на это?»

Под конец он уже не мог больше скрывать свое нетерпение: «Ну, что вы о них думаете?»

«Мне нужно почитать их более внимательно, — сказал я, — прежде чем я смогу...»

«Понимаю, понимаю, — прервал он, — но какое у вас первое впечатление?»

«Я бы сказал, что некоторые стихи удачны».

Его темные глаза выражали удовлетворение. «Мне хочется знать ваше мнение. Возьмите книгу домой и прочтите ее еще раз. А потом скажете, что вы о ней думаете».

Не без некоторого снисхождения он заметил: «Знаете, я читал некоторые из ваших книг. Должен признаться, что чтение «Великого заговора» было чем-то вроде знаменательного события в моей жизни».

Я не мог удержаться, чтобы не ответить: «Это довольно-таки сомнительный комплимент».

Белые зубы его блеснули в заученной улыбке...

По мере продолжения нашей беседы моя первоначальная антипатия к нему все возрастала. Он излучал чванливость и самомнение. Он был настолько же нудным, насколько бойким, и настолько же самонадеянным, насколько хвастливым. И хотя я уверял себя, что эти

черты, несомненно, служат прикрытием напряженного беспокойства и глубоко спрятанного чувства неполноценности, все же моя неприязнь к нему возрастала.

И в добавление ко всему он еще был необычайно болтлив. Стремительным потоком лились из него слова, захлестывая и поглощая меня, пока я не почувствовал себя в положении утопающего, борющегося за глоток воздуха. Когда я в порядке самозащиты время от времени пытался вставить замечание, он неизменно прерывал мою мысль, прежде чем я успевал закончить фразу. Нельзя сказать, чтобы мои слова имели для него какое-нибудь значение, так как в своем нетерпении поскорее высказаться он полностью игнорировал все, что говорил я. Его интересовал только один предмет — он сам...

Вскоре он вытащил из своего чемоданчика еще один потрепанный альбом. В нем содержался целый набор отпечатанных на машинке текстов, написанных самим Матусоу, рекламирующих его таланты комика выступающего по телевидению и в ночных клубах; фотографий, изображающих его за работой с куклами, и газетных заметок о его участии в различных представлениях. По краю каждой страницы от руки были нарисованы фигурки кроликов, собак и других животных. В этих украшениях было что-то вопиюще претенциозное и кричаще безвкусное, и, глядя на это, я почувствовал смущение.

«Это проспект, — сказал он оживленно. — Я пользуюсь им, когда поступаю работать на телевидение или в ночной клуб. Нужно уметь показать товар лицом. Все это я сделал сам. И рисунки тоже мои».

На одной из страниц была приклеена газетная статья, в которой рассказывалось о том, как Матусоу мастерит из ершиков для чистки курительных трубок фигурки животных. Внезапно он полез в карман и вытащил горсть ершиков. Отделив несколько штук, он проворно принялся скручивать их вместе. Делая все это, он принялся шутливо болтать, то и дело ослепительно улыбаясь. Он ни разу не взглянул на ершики, с которыми искусно расправлялись его пальцы. Горя откровенным желанием уловить мое впечатление, он не отрывал от меня глаз.

Готовая фигурка была точной копией маленькой собачки. Эффектным движением он поставил ее передо мной на стол.

И сразу же, не останавливаясь, он принялся мастерить фигурки других животных, продолжая сыпать анекдотами из своего, по-видимому неисчерпаемого запаса. Вскоре рядом с собачкой аккуратно выстроились на столе крошечные копии кролика, кенгуру, обезьяны, осла и медведя.

«Мое любимое занятие, — сказал он, — развлекать детей».

Когда я с деловым видом перелистывал его проспект, представив себя на какой-то миг на месте содержателя ночного клуба, разговаривающего с ним насчет работы, он обратил мое внимание на фотографии, где он был снят в группе детей во время своих занятий с ними. «Я легко схожусь с детьми. Мы находим общий язык». И снова улыбка его расцвела и погасла...

Не найдя ничего лучшего, я как-то не к месту заметил: «Вам, должно быть, нужно много таких ершиков».

«Двадцать — двадцать пять тысяч в год, — живо ответил он. — Я, конечно, покупаю их оптом...»

Затем он обратился к другому разделу своего проспекта. Его название поразило меня своей парадоксальностью: «Все люди — друзья». И под таким заголовком следовал длинный список созданных им персонажей.

«Я изображаю их всех, — сказал он мне. — Я умею производить и закулисные эффекты. Посмотрите, — и он указал на какое-то место в альбоме, — я рекламировал себя в афишах «Человеком со ста голосами».

С этими словами он разразился серией монологов, быстро преображаясь то в южного политического деятеля, то в золотоискателя, в ирландца-полицейского, в школьную учительницу, в провинциального судью.

Затем он принялся подражать идущему поезду, пароходному гудку, плачу грудного ребенка, лаю собаки, пению тропических птиц в зоопарке.

В его исполнении были пикантность и разнообразие. И я неподдельно восхищался им. Наш стол стал центром внимания людной столовой, и я чувствовал, что все принимают нас за ненормальных. Я и сам начал испытывать определенные опасения на сей счет и удивлялся тому, что не выкидывал никаких штучек...

Время, казалось, тянулось томительно долго. С чувством огромного облегчения я увидел представительную

фигуру Ангуса, пробирающегося между столиками. Ангус принадлежал к числу людей, самый вид которых доставляет наслаждение и вызывает волну теплых чувств. Но никогда раньше при виде его не испытывал я такого большого удовольствия.

Несмотря на то, что я приветствовал Ангуса с заметным подъемом, он не ответил мне тем же. На его полном, обычно приветливом лице застыло натянутое выражение. Пробормотав что-то односложное и извинившись за свое опоздание, он вежливо кивнул головой, когда я представил его Матусоу.

Мне и без слов было ясно, что его тревожило. Благодаря своей начитанности, большому жизненному опыту и ненасытному желанию узнать все, что только можно, о мире, в котором он живет, Ангус обладал энциклопедическими познаниями. Однако завтрак с осведомителем был тем случаем, который еще ни разу в жизни не выпадал на его долю.

Пока Ангус заказывал завтрак, Матусоу снова полез в свой чемоданчик.

«Вот, взгляните, — предложил он. — Это предварительный план моей книги».

План, состоящий из нескольких страниц, отпечатанных на машинке, был озаглавлен: «Донос был моим бизнесом». По плану намечалось около тридцати глав, в которых шла речь главным образом о карьере Матусоу за последние несколько лет.

Он снова порывлся в своем чемоданчике: «У меня здесь есть несколько пробных глав».

«Мы прочтем их после завтрака», — сухо сказал Ангус. Взгляд его был устремлен в тарелку, как и всякий раз, когда он говорил с Матусоу. И я знал, что это было вызвано отнюдь не его тревоугодием...

Спустя некоторое время Матусоу извинился, сказав, что ему нужно позвонить по телефону.

«Вы лучше смотрите на него, когда разговариваете с ним», — посоветовал я Ангусу.

«Боже мой, неужели это так заметно?» — спросил он.

С этого момента всякий раз, обращаясь к Матусоу, Ангус смотрел ему прямо в глаза, и прежде чем завтрак был закончен, Ангус стал как будто действительно держаться непринужденнее.

После завтрака мы втроем перешли в гостиную отеля. Матусоу дал нам набросок части книги. Это было предисловие и две главы. Мы с Ангусом принялись читать.

Центральным тезисом предисловия была мысль о том, что Матусоу очень сожалеет о своем «ненавистном прошлом» и что теперь он нашел «новую цель» в жизни. Книга должна была быть «отражением моего прошлого и, насколько возможно, предполагаемых планов на будущее».

Одна глава, названная «Тротуары Нью-Йорка», представляла собой излишне подробный несвязный рассказ о детстве и юности Матусоу, о его пребывании в коммунистической партии, о его деятельности в качестве осведомителя ФБР и событиях, приведших к его первому выступлению свидетелем перед комитетом палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. В этой главе было гораздо больше гумана, чем ясности. Непонятно было, почему Матусоу стал осведомителем, ни слова не говорилось о ложных показаниях, которые он давал, выступая свидетелем обвинения.

В другой главе — «Я пришел сюда, чтобы поговорить с Джо» — детально излагались обстоятельства, при которых Матусоу весной 1952 года впервые встретился с сенатором Маккарти, и приводились подробности его участия в предвыборной кампании в штате Висконсин по избранию Маккарти.

Написанная живым разговорным языком, она, в частности, давала необычайно правдивый портрет Маккарти. По взглядам, которые время от времени бросал на меня Ангус, я видел, что его интерес к материалам Матусоу, так же как и мой, значительно возрос.

Как только мы перелистнули последнюю страницу, Матусоу спросил: «Ну, что вы об этом думаете?»

«Глава о Маккарти, — сказал Ангус, — написана действительно хорошо. Вам удалось создать его образ».

Матусоу в восторге потер руки. «Так вы думаете, что я могу писать?»

«Без сомнения».

«Это все, что мне нужно было знать!»

Мы принялись обсуждать план Матусоу. Мы с Ангусом оба пришли к выводу, что в плане нет самых важных признаний, которые он должен сделать.

«Я же сказал вам, что план был написан несколько раньше», — сказал Матусоу, оправдываясь.

Ангус принялся расхаживать по комнате.

«Видите ли, — сказал Ангус с воодушевлением, с которым он всегда обсуждал работу с авторами, — вы должны рассказать все, что знаете. В вашей книге не может быть просто перечислено то, что вы делали, когда работали на Маккарти и министерство юстиции. Книга должна заставить читателя ощутить то, что творилось у вас на душе, что вы чувствовали, когда давали показания против людей, которые были вашими друзьями, и что явилось причиной перемены, происшедшей в вас. Вот какую книгу вы должны написать».

«Слушайте, я был в издательствах «Саймон и Шустер», «Харперс» и полдюжине других, — сказал Матусоу, — и предложил им написать именно такую книгу, о которой вы говорите. Но они не проявили никакого интереса к этому».

«А как насчет документации? — спросил я. — Знаете, в книге такого рода все должно быть документировано самым тщательным образом».

«Не беспокойтесь. Документов у меня более чем достаточно».

Я почувствовал, что настало время обсудить еще один вопрос: «Вы должны понять еще одну вещь. Если вы действительно напишете такую книгу, то есть если вы напишете книгу, рассказывающую о вас всю правду, в этом может быть определенный риск».

«Вы имеете в виду лжесвидетельство?» — спросил Матусоу.

«Да».

«Я никогда не совершал этого преступления». — Он сказал это твердо и спокойно, словно действительно верил в то, что говорил.

Я знал, что обсуждать этот вопрос еще не настало время. Но чувствовал, что его нельзя оставить так просто.

«Иногда, — сказал я, — трудно все запомнить. Когда вы перечитаете свои показания, вы, возможно, обнаружите...»

«Я готов ко всему, — прервал он с заметным раздражением. — Я решил, что единственный способ, которым я могу исправить то, что сделал, это рассказать сейчас

правду. — И он добавил подчеркнуто: — Я хочу жить в мире с самим собой».

Я вспомнил, что эта фраза была в предисловии, которое он нам показывал...

Разговор перешел на тему о договоре. Мы спросили Матусоу, какой аванс ему понадобится. Матусоу принялся подробно перечислять предстоящие ему большие и маленькие расходы. Его документы и личные вещи были разбросаны там и сям, и все это нужно привезти в Нью-Йорк. Как только они придут, понадобятся определенные секретарские расходы на перепечатку собранных им для книги материалов. Есть у него также несколько неотложных долгов. «Кроме того, я собираюсь снять квартиру, — продолжал он, — где смогу жить, пока буду писать книгу. Сейчас я остановился у моих стариков, но для работы мне нужно специальное помещение».

«Вы подсчитали, сколько это будет всего?» — спросил я.

Матусоу колебался: «Ну, я подсчитал, что мне понадобится минимум тысяча пятьсот долларов».

«А сколько времени, — сказал Ангус, — вы думаете, понадобится вам, чтобы написать книгу, скажем, в восемьдесят тысяч слов?»

«Два или три месяца. Никак не больше».

«Это не так-то просто, как кажется на первый взгляд», — сказал я.

«Ничего. Увидите, я справлюсь».

Следующее его замечание нас очень удивило. «Скажите, не могли ли бы мы договориться таким образом, чтобы большая часть гонорара за книгу поступила бы моим старикам. Они не слишком хорошо обеспечены. В сущности, я никогда им ничем не помогал. Мне бы хотелось теперь что-нибудь для них сделать...»

Было далеко за полдень, когда мы, выйдя из отеля, распрощались с Матусоу.

«Я буду ждать от вас весточки», — сказал он с энтузиазмом и зашагал по улице упругой походкой, мелькая своими кремовыми мокасинами из оленьей кожи.

Мы с Ангусом молча прошли квартал. Затем Ангус спросил: «Ну, что же вы об этом думаете?»

«Я думаю, что он действительно вынашивает в себе книгу. Но напишет ли он ее когда-нибудь, это другой вопрос».

«Каковы же шансы?»

«Я бы сказал — пять против одного, что он напишет».

«Думаете, что шансы так уж велики, а?»

Я ответил утвердительно.

Ангус спокойно кивнул: «И мне так кажется».

2. Вечер в семейном кругу

Проект издательского договора между Матусоу и издательством «Камерон энд Кан» был составлен в форме письма, обращенного к нему от моего и Ангуса имени. В нем оговаривались обычные в таких случаях условия: размер аванса, уплачиваемого автору, процент авторского гонорара с тиража, дата сдачи рукописи. Однако в договоре был один параграф, явно необычный. Он гласил:

«Обсуждаемая книга должна носить автобиографический характер и рассказывать главным образом о вашей жизни и деятельности за последние несколько лет. Одна из основных задач этой книги, как вы сами указали, состоит в том, чтобы «исправить зло, причиненное отдельным гражданам» вашей деятельностью и вашими показаниями, большая часть которых, по вашему же признанию, не представляла правдивого и полного отражения действительных фактов. Предполагается также, что эта книга будет нацелена на раскрытие характера тех сложных обстоятельств и социальных сил, которые в эти бурные времена порой заставляют личность совершать поступки, подобные тем, которые будут описаны автором».

Когда я впервые предложил Ангусу этот параграф, он усомнился в надобности включения его в договор.

«Тут предполагается, что Матусоу согласен признаться в даче ложных показаний. Не надо забывать, как он реагировал, когда вы заговорили об этом вчера».

«А почему бы все-таки не включить его и не посмотреть, что из этого выйдет?»

«Вреда, конечно, от этого не будет».

«Есть вопрос, — сказал я Ангусу, — который меня

беспокоит гораздо больше. Мы должны иметь в виду, что министерство юстиции может узнать, что Матусоу пишет для нас такую книгу. И я не верю, что оно не попытается помешать ему осуществить это.

Ангус пожал плечами: «С этим мы ничего не можем поделать».

«А почему бы нам не подыскать ему для работы такое место, где они не смогли бы разыскать его?»

«Вы хотите сказать — спрятать его?» — недоверчиво спросил шокированный Ангус.

«А почему бы и нет?»

«Это совершенно недопустимо! — отпарировал Ангус. — Я против всяких детективных штучек!»

У меня было такое чувство, будто его привела в ярость скорее идея установления подобных ненормальных отношений между издателями и автором, а не сама мысль помешать планам федеральных властей.

Хотя и неохотно, я отказался от этого предложения.

Последующий ход событий, несомненно, подтвердил правильность позиции Ангуса...

Я позвонил Матусоу и, сказав ему, что мы заготовили договор, пригласил его на следующий вечер на ужин к себе домой. Не скрою, — у меня были свои соображения на этот счет.

Так как интересы дела требовали установления между мной и Матусоу отношений доверия, он должен был ближе познакомиться со мной. А о человеке многое можно узнать, побывав у него в доме, повидав его жену и детей. Кроме того, мне казалось полезным напомнить Матусоу, как живут другие люди, так как ему слишком долго пришлось вращаться в преисподней политических кругов...

В голосе Матусоу прозвучало одновременно удивление и удовольствие, когда он отвечал на мое приглашение: «Только у меня нет приличного костюма, сказал он. — Единственное, что у меня с собой, это то, что вы на мне видели».

«Пустяки. Приходите в чем есть», — ответил я.

Весть о предстоящем визите Матусоу вызвала дома некоторое волнение.

Трудности возникли не со стороны моей жены Рие. Должен сказать, что в течение нашей совместной жизни

Риет, время от времени попадая в необычные и беспокойные ситуации, всегда проявляла исключительную чуткость, в особенности по отношению к людям, любившим по своей натуре мир и спокойствие. В данном случае, когда я сказал ей, что пригласил к ужину Матусоу, она только несколько резко ответила: «Я думаю, ты знаешь, что делаешь. Только имей в виду, в связи с его приходом я, уж конечно, не буду ничего специально готовить... Кроме того, мне кажется, тебе нужно выяснить, как к этому отнесутся дети», — добавила она.

Вот тут-то и возникла эта трудность. Дети в один голос воспротивились самой идее, чтобы Матусоу был гостем в нашем доме.

Старшему нашему сыну Стивену было тринадцать, Тимми — десять, а Брайану только семь лет. Тем не менее они уже хорошо понимали смысл слова «осведомитель». Очень прискорбно, что дети их возраста должны знать о таких мерзких сторонах жизни. Но иногда это бывает необходимо. В такие времена, когда ваших друзей сажают в тюрьму за политические убеждения (и вы сами можете за ними последовать), важно, чтобы ваши дети понимали, что происходит ¹.

---

¹ Например, большое число моих друзей было посажено в тюрьму по обвинению в неуважении к конгрессу, выразившемся в том, что перед комитетом палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности они защищали свои права на основе Первой поправки или требовали, чтобы члены комитета действовали в соответствии с конституцией.

Во времена Нового курса президент Рузвельт назвал деятельность этого комитета «грязной, скандально несправедливой, антиамериканской».

Однако к 1947 году в связи с изменившейся политической обстановкой генеральный атторней Том Кларк (вскоре назначенный в Верховный суд) сказал на одном из заседаний комитета: «Я думаю, что мы можем утверждать, что вы в конгрессе, а мы в министерстве юстиции работаем в смежных областях и преследуем одни и те же цели. Программа этого комитета... может сослужить настоящую службу американскому народу».

Корлис Ламонт, говоря о людях, посаженных в тюрьму за то, что они выступали против инквизиторской практики комитета, писал в своей книге «Свобода должна быть свободой на деле»: Все они «...за их принципиальную позицию, выразившуюся в том, что они отказались признать конституционность антиамериканского комитета, заслуживают благодарности всех тех, кто выступает в защиту гражданских свобод».

Кроме того, наши мальчики знали, что только в результате показаний Матусоу, наш друг Клинт Дженкс получил пять лет тюремного заключения. Как же в таком случае, сердито повторяли они хором, могу я приглашать подобного человека в наш дом?..

С помощью веских доводов мне удалось уговорить Стивена и Тимми, что приглашение было оправданным. Маленький Брайан остался непреклонен. Его трудно было убедить в том, что визит Матусоу может в конечном счете помочь Клинту добиться освобождения. Почему Матусоу, спрашивал он не без известной доли логики, не может написать свою книгу и без того, чтобы ужинать в нашем доме? С трудом убедил я Брайана остаться ужинать.

Когда в тот вечер приехал Матусоу, Стиви и Тимми приветствовали его с заученной холодной вежливостью. Брайан же подчеркнуто уклонился от его рукопожатия и держался на расстоянии, сердито поглядывая на него. Вскоре после этого, выглянув из комнаты, в которой мы с Матусоу разговаривали, я увидел, что Брайан, подобно крошечному изваянию, молча стоит, крепко скрестив руки на груди. Взглянув на меня из-под нахмуренных бровей, он прошипел свирепо: «Чтоб он подох!»

Когда Риет готовила ужин, Матусоу зашел к ней в кухню и принялся болтать о своей недавней поездке на велосипеде по стране. Хотя теплое отношение ко всем людям является одной из замечательных черт Риет, если чуть-чуть присмотреться, было ясно, что она только из вежливости делала вид, что слушает.

Ни с того ни с сего Матусоу сбросил с себя пиджак, согнул в локтях руки и, напрягая бицепсы, выпятил свою бочкообразную грудь так, что свитер на нем, казалось, вот-вот лопнет. «Эта поездка привела-таки меня в норму», — сказал он и принялся одно за другим делать низкие приседания...

За столом Матусоу так монополизировал разговор, что на этот раз мальчиков едва было слышно. В действительности, они были заметно подавлены и неловко отвечали на его настойчивые попытки завязать с ними разговор.

Пужинав, мы с Матусоу отправились ко мне в кабинет.

«Чудесная у вас семья, Берт, — сказал он мне немного задумчиво. — Счастливый вы человек».

«Мне тоже так кажется», — ответил я.

«В один из ближайших дней... — начал он и неожиданно остановился, потом сказал: — Лучше давайте займемся делом. Вы подготовили договор?»

Я дал ему экземпляр. «Это, конечно, только предварительное соглашение. Ангус потом заготовит для вас более официальный документ».

В течение нескольких минут он молча изучал его. Затем спокойно начал читать вслух. Он читал тот самый параграф, в котором содержалось утверждение, что большинство из его показаний в качестве профессионального свидетеля «не представляли правдивого и полного отражения действительных фактов».

Я ждал, что он запротестует. Но он вдруг полез в карман, вытащил автоматическую ручку и решительно подписался под нашими с Ангусом фамилиями.

РАССКАЗ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

1. Документальные доказательства

Как только я увидел квартиру, которую нашел для себя в Нью-Йорке Матусоу, меня охватили мрачные предчувствия. Это была квартира в нижней части Гринвидж-Виллидж, без современных удобств, плохо обставленная. Скучный свет проникал в ее две комнаты. Чтобы попасть в квартиру, нужно было карабкаться по двум узким скрипучим лестницам. Ночью квартал, в котором был расположен дом, имел заброшенный и необитаемый вид, усугубляемый мрачными тенями, которые отбрасывали далеко расставленные друг от друга уличные фонари. Я не мог себе представить менее подходящего для Матусоу места, где он собирался жить, пока будет писать свою книгу.

Уже не раз случалось, что будущие свидетели, «слишком много знавшие» о каком-нибудь преступлении, таинственно исчезали или неожиданно погибали во время несчастного случая. А я был достаточно знаком с работой разведки, включая разведку Соединенных Штатов, чтобы знать, что она не всегда считается с вопросами этики. Я не думал, что с ним обязательно произойдет что-нибудь плохое, но и не считал излишним недооценивать возможность такого исхода. Мне показалось, что квартира Матусоу идеально подходила именно для подобного рода расправы.

Матусоу, однако, отнесся к квартире совершенно иначе. Он приходил в восторг от ее темных углов и закоулков. Ни одна заботливая хозяйка никогда так не гордилась своим домом, не заботилась о нем с большей

нежностью, чем он. Несколько дней подряд, по мере того как прибывали сундуки, чемоданы и картонки с его вещами, он суетился, развешивая картины, расставляя группами безделушки и сувениры, привязывая свои марионетки, сортируя и переставляя свою библиотеку, состоящую из нескольких сотен книг и множества правительственных докладов.

На стенах, в тех местах, где облупилась штукатурка, он прикрепил кнопками ярко раскрашенные географические карты и рекламы бюро путешествий. Он чинил водопровод, скоблил, чистил, красил. Всякий раз, когда я заглядывал к нему, он неизменно с восторгом демонстрировал последние усовершенствования.

Наблюдая за его лихорадочной деятельностью, я чувствовал, что, может быть, эта ветхая, беспорядочная квартирка имеет для него такое значение, о котором он и сам не подозревает. Казалось, что, возвратившись после долгих и беспокойных скитаний, он заставлял себя попытаться найти пристанище, пустить какие-то корни, создать свой собственный дом...

Как только его бумаги были распакованы, Матусоу поспешил показать мне кое-что из их объемистого содержания.

«Видите, — хвастался он. — Я сохранил все».

И он не преувеличивал. Очевидно, он был не в состоянии заставить себя выбросить бумагу, в которой упоминалось его имя. За последние два года он собрал великое множество различных по своему значению писем, заметок, фотографий, газетных вырезок, корешков от билетов на самолет, гостиничных счетов, протоколов своих показаний на комитетах конгресса и черновиков его докладных записок различным расследовательским агентствам. Благодаря своим необычайным склонностям он был полностью обеспечен материалами, чтобы документально подтвердить каждый этап своего мошеннического прошлого...

Даже сейчас, сортируя материалы, он обращался с ними с нежностью, приходя в восторг от любого мало-значительного упоминания о самом себе.

«Взгляните вот на это, — торжественно говорил он, указывая на печатный доклад комитета палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, озаглавленный «Деятельность среди моло-

дежи (основано на показаниях Харви Матусоу)». Это даст вам представление о значении, которое придавалось моим показаниям. Весь доклад посвящен мне».

Он вытащил какую-то газету, издающуюся в штате Огайо. «А это как с точки зрения рекламы?» — Через всю первую страницу аршинными буквами проходил заголовок: «Матусоу показал, что красные использовали половую распущенность, чтобы завлечь новых членов. Экс-коммунист рассказал сенаторам, как использовались слабости молодежи».

С подчеркнутой гордостью он развернул экземпляр ежедневной нью-йоркской газеты «Джорнэл америкэн» с броским заголовком: «Тайный агент ФБР показал: 3500 студентов завербовано здесь для красной пятой колонны».

Под этим заголовком следовала статья за подписью Харви М. Матусоу.

«Это одна из пяти статей, которые я написал для них», — сказал он, уже занятый другими вырезками. Он нашел то, что искал, — номер журнала «Америкэн легион», в котором была его статья: «Красные в хаки. Как действуют коммунисты, пробравшись в наши вооруженные силы».

Вскоре пол был усыпан газетными вырезками с отзывами о его свидетельских показаниях, заявлениях для представителей печати, речах, произнесенных на политических митингах во время кампании за избрание сенатора Маккарти.

На вырезке из первой страницы «Висконсин стейт джорнэл» была воспроизведена большая фотография Матусоу, дружески беседующего с губернатором Уолтером Кохлером на промаккартистском митинге, на котором они оба выступали...

«Неплохо, а? — спросил Матусоу. — Я и губернатор штата Висконсин! — И добавил самодовольно: — Знаете, когда я совершал свою агитационную поездку, республиканская партия заказала для меня специальный самолет...»

Среди других материалов, отобранных им для того, чтобы показать мне, были длинные памятные записки, подготовленные адвокатами министерства юстиции для его выступлений в качестве правительственного свидетеля, документы хорошо известной нью-йоркской

рекламной фирмы о плате за составление им списков актеров радио и телевидения, а также писателей с «красной ориентацией». Был там экземпляр книги сенатора Маккарти «Маккартизм. Борьба за Америку» с собственноручной надписью автора — «Харви Матусоу — великому американцу. Спасибо. С пожеланием счастья и успеха. Джо Маккарти».

Особенно интригующим мне показалось письмо, которое получил Матусоу в начале 1952 года от Управления по вопросам просвещения города Нью-Йорка, написанное директором школьного управления Уильямом Янсенем. Письмо начиналось так:

«Уважаемый господин Матусоу!

Меня чрезвычайно заинтересовали сведения, собранные вами и опубликованные в газетах. Возможно, у вас имеются очень ценные для нас сведения об учителях Нью-Йорка — членах коммунистической партии. Я бы хотел встретиться с вами и буду вам очень признателен, если вы сразу же по приезде в Нью-Йорк свяжетесь со мной...»

Другая корреспонденция показывала, как Матусоу постепенно стал работать доверенным консультантом Управления по вопросам просвещения. «Я узнал, — писал Сол Москов, адвокат школьного управления, — что господин Харви М. Матусоу располагает важными сведениями... а также что он может оказать управлению некоторые услуги...»

Я подумал, что эти сведения проливают яркий свет на состояние современной культуры нашей нации, при котором Управление по вопросам просвещения крупнейшего в стране города вынуждено прибегать к услугам Матусоу, чтобы определить, какие учителя подходят для воспитания детей в государственных школах...

Словно читая мои мысли, Матусоу сказал, ухмыляясь: «Это еще что! Однажды ко мне за советом лично явился ректор Куинс-колледжа в Нью-Йорке, доктор Теобальд. Он собирался искать коммунистов среди преподавателей и студентов своего колледжа. Он прочел мои статьи в «Джорнэл америкэн» и подумал, что я могу быть ему в этом полезен»¹.

---

¹ В сентябре 1954 года в «Денвер пост» появилась серия статей, озаглавленная «Безликие осведомители и наши школы». Это

Из всех документов, которые показал Матусоу, меня больше всего заинтересовало адресованное ему письмо из канцелярии министерства юстиции. Оно было написано 5 февраля 1954 года, сразу же после суда над Клинтон Дженксом в Эль-Пасо, штат Техас. В нем говорилось следующее:

«Дорогой Харви!

Еще до вашего отъезда из Эль-Пасо я говорил вам, что я искренне благодарен вам за ваше содействие в процессе «Соединенные Штаты против Клинтона И. Дженкса».

Вам, конечно, известно, что ваши показания были абсолютно необходимы для успешного ведения дела, и они были даны весьма умно.

Если вы когда-либо будете в наших краях, обязательно заходите ко мне.

Искренне Ваш

(подпись) *Чарльз Ф. Херринг*
прокурор Соединенных Штатов».

Прокурор Соединенных Штатов Херринг был главным обвинителем со стороны правительства по делу Дженкса. И не нужно быть юристом, чтобы понять, что, если Матусоу собирается признаться, что лгал на суде,

было тщательно документированное исследование об использовании осведомителей против учителей в Америке. В статьях, написанных заместителем редактора «Денвер пост» Лоуренсом Мартином, подробно рассказывалось о том, что «множество американских учителей, которым был приклеен ярлык ненадежных или активных подрывных элементов, лишилось работы. И это было сделано в связи с предъявлением им обвинения по аналогии, на основе анонимных доносов, без надлежащего судебного разбирательства, при отсутствии достоверных улик и без предоставления очной ставки с доносчиком... За последние три года по крайней мере тысяча учителей в государственных школах и колледжах была внесена в списки «подозрительных» как нелояльные и подрывные элементы на основе анонимных, непроверенных и неподтвержденных доказательств».

Когда позднее Матусоу в своей книге «Лжесвидетель» рассказал о визите к нему д-ра Теобальда, последний выступил в печати с заявлением, в котором он отрицал, что советовался с Матусоу по вопросу о проникновении коммунистов в Куинс-колледж. По словам д-ра Теобальда, он был у Матусоу по личному делу. В начале 1955 года д-р Теобальд был назначен помощником мэра города Нью-Йорка, а в 1958 году он заменил Уильяма Янсена на посту директора школьного управления.

характеристика показаний Матусоу как «абсолютно необходимых» для осуждения Дженкса, данная Херрингом, будет иметь совершенно особое значение...

Если до ознакомления с материалами Матусоу я полагал, что на их основании он сможет написать просто сенсационную книгу, то теперь я получил представление о большой важности этих материалов. Я был убежден, что его рассказ сможет вызвать национальный скандал и нанести тяжелый удар не только по рэкету осведомителей-свидетелей, но также по всей маккартистской инквизиции. И я со все возрастающим нетерпением хотел увидеть книгу Матусоу уже на бумаге.

Единственная беда заключалась в том, что Матусоу не брался за нее.

Дни шли, а он находил одну причину за другой, чтобы не писать. Вначале он выдвинул достаточно убедительный довод, что не может начать работу над книгой, пока удобно не устроится в квартире и не придут его бумаги. Однако, когда квартира была полностью переделана, бумаги распакованы, появились другие отговорки. Он заявил, что около недели у него уйдет на обработку собранного им материала. Он потребовал время на то, чтобы прочитать горы своих газетных вырезок. Он попросил подыскать секретаря, чтобы составить необходимый каталог материалов.

С каждым днем становилось все яснее, что Матусоу всячески старается оттянуть начало работы над книгой...

«Может быть, — сказал я Ангусу, — несмотря на всю его напускную храбрость, на самом деле ему так стыдно за все сделанное, что он просто раздумал писать об этом. Быть может, он просто испуган».

«Знаете, — ответил Ангус, — я сразу не очень-то поверил в его обещание быстро проверить всю работу...»

«Конечно, может случиться, что в действительности он и не собирается писать такую книгу», — произнес я вслух мысль, которая была у нас обоих на уме.

«Как бы то ни было, — ответил Ангус, — я не буду оказывать на него давления».

«Оказывать на него давление! Боже мой! Да я нянчусь с ним, как с грудным младенцем. Случайно мне стало известно, что представляют собой его бумаги.

И чем больше я думаю о них, тем меньше сплю. Каждый раз, когда я иду к нему домой, я гадаю, застану ли его еще там, не случилось ли чего-нибудь с ним или просто не изменил ли он своих намерений и не сбежал».

Мои опасения значительно возросли, когда Матусоу рассказал о визите к нему двух агентов министерства юстиции.

«Они спрашивали относительно моего заявления епископу Окснэму, — сказал он, — и хотели, чтобы я приехал в Вашингтон на конференцию. Я ответил, что сейчас не могу поехать. О книге я им ничего не сказал».

Однако я не очень ему поверил и старался представить себе, что именно ответил Матусоу своим посетителям и как скоро они явятся вновь...

Спустя три недели после прибытия Матусоу в Нью-Йорк единственное, что представил нам Матусоу, был слегка исправленный текст предисловия, которое мы с Ангусом видели, когда впервые встретились с Матусоу в отеле «Дельмонико».

Было ясно, что если Матусоу суждено когда-либо написать свою книгу, то в его отношении к ней должны произойти коренные изменения.

Мне пришла в голову мысль о возможном выходе из положения. Немного колеблясь, я поговорил с Матусоу. «Мне кажется, у вас такое обилие материалов, которые нужно использовать в книге, что, может быть, вы просто не знаете, с чего начать или как связать их в единое целое. Что, если я, ознакомившись подробнее с вашим архивом, обобщу факты по темам? Потом мы вместе сможем обсудить этот материал, записывая наши беседы на пленку. Мне думается эти записи помогут создать костяк основной части книги».

К моему удивлению, Матусоу с жаром ответил: «Я как раз собирался предложить то же самое. Если у меня есть какое-либо призвание, то это работа с микрофоном!»

Ангус отнесся к моему предложению менее одобрительно. «Я не уверен, что вам следует регулярно встречаться с ним наедине, — сказал он. — Вы же знаете, что не исключена возможность своего рода судебной инсценировки».

«Да, но на это мы шли с самого начала».

И я принялся за дело, взяв напрокат магнитофон.

2. Вопросы и ответы

Запись на пленку бесед между мной и Матусоу была начата в середине ноября и продолжалась почти ежедневно в течение последующих четырех недель. Каждый вечер я брал к себе домой папки, битком набитые документами, газетными вырезками, письмами и другими материалами из его архива. На основе этих данных я подготавливал на следующий день «рабочий план», обобщая содержимое архива и записывая различные вопросы, которые я собирался ему задать.

Как только мы кончали запись рулона пленки, я обычно переписывал ее текст и делал дубликат пленки. Дубликаты я складывал в безопасном месте, а копии с переписанного текста давал Нату Уитту, адвокату Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности. Я хотел, чтобы на всякий случай у нас была полная запись наших бесед.

Я рассказал Матусоу об этих мерах предосторожности. В сущности, я считал для себя обязательным держать его в курсе всех действий, которые мы с Ангусом предпринимали в связи с книгой, какими бы непоследовательными эти действия ни казались. Мы считали, что для Матусоу было в высшей степени важно сознавать, что мы настолько доверяли ему, что держали его в курсе всех дел и ничего не предпринимали в отношении книги без его ведома. Однако один факт мы намеренно от него скрыли. Сообщая ему о заинтересованности в книге Ната Уитта как адвоката Дженкса, мы воздержались от того, чтобы сказать ему об авансе, полученном от профсоюза горняков и плавильщиков. Существовала опасность, что когда-нибудь в будущем правительственные органы могут предъявить Матусоу обвинение в том, что он был подкуплен этим профсоюзом с целью написать эту книгу. В связи с такой возможностью мы хотели, чтобы во время работы над книгой он абсолютно ничего не знал о заказе профсоюза.

С начала наших бесед, записываемых на пленку, мы оба были охвачены противоречивыми желаниями. Постоянно выражая готовность «исправить зло», которое

он причинил, Матусоу в то же время явно не желал подвергать себя какому-либо риску в связи с разоблачением его прошлого. И хотя я из кожи лез вон, стремясь добраться до существа его рассказа, я чувствовал, что любой ценой должен стараться не задавать ему такие вопросы, которые могли бы натолкнуть его на мысль, что я пытаюсь заставить его сделать признания, на основании которых его могли бы обвинить в преступлении.

Я решил, что лучше всего будет ограничить круг моих первоначальных вопросов выяснением лишь того, что он чувствовал, будучи осведомителем и свидетелем. Это была единственная тема, которую он мог свободно обсуждать, сознавая, что не подвергает себя чрезмерному риску. И я надеялся, что с течением времени наступит момент, когда он будет готов раскрыть другие, более значительные стороны своей деятельности.

Я предвидел, что, может быть, это будет медленный и безуспешный процесс (насколько, я себе не представлял), но такой подход казался мне единственно возможным...

Наша первая записанная на пленку беседа начиналась так ¹:

Кан. Я думаю, что вам будет интересно рассказать о том, какие чувства вы испытывали, находясь в свидетельском кресле. С одной стороны, что вы чувствовали, скажем, когда вы давали показания перед комитетом? С другой — что вы чувствовали, когда вы давали показания во время судебного разбирательства?

Матусоу. Ну что ж, я рад, что вы разделили вопрос, потому что эти чувства, хотя и были во многих случаях одинаковыми, все-таки различаются. Я бы сказал, что это нутром чувствуешь. Вы не испытываете душевного волнения, или, во всяком случае, я не испытываю...

Давайте обратимся к вопросу о комитете конгресса и о том, что я чувствовал в первый день, когда вошел в зал заседания комитета палаты представителей по расследованию антиамериканской

---

¹ За исключением тех случаев, когда в текст были внесены изменения, диалог в этом разделе взят из записей на пленку наших с Матусоу бесед.

деятельности... Я вошел. Во рту у меня совершенно пересохло. Я не знал, что будет дальше.

Кан. На этом заседании присутствовало много народу?

Матусоу. Когда мы начали — немного, но вскоре зал был битком набит... Конечно, когда я начал давать свидетельские показания, я не знал, что только что скончался английский король Георг VI. И это было одним из крупнейших разочарований во всей моей жизни. Смерть короля вытеснила меня с первых страниц газет.

Прежде чем возвратиться к своим переживаниям во время дачи показаний, он для усиления драматического эффекта сделал паузу, широко ухмыляясь.

Матусоу. Мне было не по себе... Я боялся обернуться. Вначале мне не хотелось ни на кого смотреть. Но я был дерзок и самоуверен, как актер на сцене. И нервничал, как актер. Я относился ко всему, как к театральному представлению.

Кан. Вы хотели разыграть представление по всем правилам искусства?

Матусоу. Почти все на свете — игра... В своих показаниях я не без умысла делал такие заявления: «Коммунисты используют умственные и сексуальные слабости для вербовки новых членов».

Кан. Для чего вам это было нужно?

Матусоу. Потому что я знал, что газетные заголовки будут выглядеть так: «Коммунисты используют половую распущенность, чтобы поймать в ловушку молодежь». Я понимал, что газеты не напишут: умственно отсталые... Дня два спустя в нью-йоркской газете «Дейли ньюс» была опубликована весьма лестная для меня передовая. В ней выражалась благодарность Харви Матусоу за то, что он открыл глаза на такой факт, как использование коммунистами половой распущенности для завлечения молодежи в свои ряды.

Матусоу выключил магнитофон, перелистал пачку газетных вырезок и, снова включив аппарат, прочел отрывок из передовой «Ньюс»: «Разоблачения Матусоу относительно использования коммунистами интеллектуальных и сексуальных влечений для вербовки молодежи в свой второй эшелон проливают новый свет на

чудовищно аморальную и глубоко бессовестную тактику красных предателей...»

Матусоу со смехом продолжал рассказывать, как во время своих показаний в комитете палаты представителей он обвинил коммунистическую партию в том, что она, стремясь внедрить «московскую пропаганду» в головы маленьких детей, ловко переделывала детские стишки. Посмеиваясь, он прочел заголовок еще одной статьи: «Красные переделывают детские стишки. В комитете заявили: коммунисты отравляют сознание малышей».

Наша запись на магнитофоне продолжалась:

К а н. Другими словами, вы хотите сказать, что, разыгрывая представление, вы думали не только о своем действительном поведении, о манере держаться в свидетельском кресле...

М а т у с о у. Но и поведение очень важно, а импровизируя...

К а н. Вы думали также и о той рекламе, которую получит ваше представление?

М а т у с о у. Да, это так... Я знал, что не мог быть бездарным свидетелем. Я слишком тесно был связан с театральным бизнесом. Я ценю мнение прессы.

Как раз тот факт, что Матусоу рассматривал место свидетеля в суде как театральные подмостки, на которых он периодически появлялся в роли главного свидетеля, и был нашей постоянной темой во время работы с магнитофоном.

Он подчеркивал, что самое большое удовлетворение, которое он получал, давая показания, приносило ему сознание, как он говорил, «удачно сыгранного представления»... Как и всякий актер, говорил Матусоу, он судил об успехе своего представления не только по впечатлению, произведенному непосредственно на зрителей, но также и по реакции прессы. Он испытывал глубокое волнение, видя в газетах свои фотографии, свое имя в заголовках. У него была, как он выражался, «пагубная страсть к газетному слову».

Даже сейчас, описывая свои выступления на различных заседаниях конгресса, он делал это с нескрываемым наслаждением, смакуя то, что он считал наиболее остроумным в своем исполнении, переживая вновь роль,

подобно актеру, предающемуся воспоминаниям о своих прошлых театральных триумфах...

И тем не менее, как это ни парадоксально, с готовностью признавая, что он разыгрывал роль, давая свидетельские показания, он в то же время упорно не хотел признаваться в том, что когда-либо лжесвидетельствовал.

Снова и снова подчеркивал он огромную разницу между умышленным стремлением произвести ложное впечатление и наглой ложью. В сущности, он старательно избегал слова «ложь». Вместо него он упоминал о «полуправде», сказанной им в показаниях, или говорил, что «опускал часть правды», «искажал факты», «делал клеветнические намеки».

«Я был очень осторожен, тщательно взвешивал каждое свое слово, — настаивал Матусоу. — Как известно, речь шла не о том, чтобы говорить неправду вместо того, чтобы говорить правду. Мне кажется, что именно в этом вопросе многие из тех, кто пытается понять роль осведомителя, совершают ошибку. Они исходят из того, что осведомитель говорит неправду вместо того, чтобы говорить правду. А это неверно, потому что осведомитель нередко говорит полуправду вместо правды».

Он процитировал свои показания перед комитетом палаты представителей, в которых утверждал, что коммунисты использовали половую распущенность для вербовки молодежи. «Это не лживый ответ на вопрос о том, возможен ли такой случай, что кто-то из членов коммунистической партии для вербовки какого-то человека в коммунистическую партию использовал половую распущенность. Существует много людей, которые... на том же самом основании вступили в республиканскую партию или приняли определенную религию... Но этого я, конечно, не говорил. Я просто сказал, что подобное могло случиться и в коммунистической партии... Я говорил такие вещи, которые могли бы создать впечатление, что это факт, опуская в то же время многие другие важные стороны, так что получался обратный смысл. И, таким образом, выходило, что я будто бы говорил правду...»

Во время одной из наших следующих бесед в качестве другого примера применения полуправды он привел инцидент, происшедший на процессе Клинта Дженкса,

на котором Матусоу был свидетелем обвинения. Я ожидающе слушал. Впервые за время наших разговоров он упомянул об этом процессе, и я думал, что, может быть, он скажет что-нибудь важное относительно своих показаний против Клинта.

Матусоу. Защитник спросил меня, где я живу, а я ответил: «Простите, но я не собираюсь давать вам мой адрес». Я знал, что ему известно, где я живу, и не делал секрета из своего адреса. Он был в телефонной книге. Но я разыграл все это для присяжных заседателей. Тогда он сказал: «Нам бы хотелось знать ваш адрес». Я повернулся к судье и заявил: «Ваша честь, в 1952 году мой отец был избит до полусмерти, и я просто боюсь за жизнь членов моей семьи». Тогда же, конечно, все это было опровергнуто и не занесено в протокол. Но присяжные приняли во внимание мое показание. На следующий день в газетных заголовках говорилось: «Отец свидетеля был избит...» и т. д. На самом деле его просто ограбили. Но я подумал, что могу использовать ограбление отца и полученную им при этом пощечину для атаки на компартию. Хотя это событие произошло дней за десять до моего выступления в качестве свидетеля, я заявил, что коммунисты подстроили это, чтобы запугать меня.

Кан. Использовали ли вы этот эпизод прежде? Или это было впервые?

Матусоу. На процессе я использовал его впервые, но раньше уже раз упоминал о нем. Он так драматичен.

Кан. Другими словами, когда вы рассказывали об этом случае, это действительно было похоже на сцену из спектакля? Обращаясь к судье в таком духе, вы думали о том впечатлении, которое произведете?

Матусоу. Конечно. И мой рассказ действительно произвел впечатление на присяжных... Это подняло меня в их глазах как свидетеля. Не забывайте, что моя жизнь была в опасности в связи с родом моей деятельности. Психологически мое положение превращало меня в героя. Присяжные были на моей стороне. Я был пострадавшим, а не подсудимым.

Теперь, когда он сам поднял вопрос о процессе Дженкса, я пытался, чтобы он продолжал рассказывать о нем. Но он неожиданно переменял тему...

В квартире Матусоу посреди плохо освещенной комнаты, на расстоянии вытянутой руки от того места, где мы обычно сидели во время наших бесед, стоял столик, на котором всегда была шахматная доска с расставленными на ней фигурами. Ее присутствие, казалось, имело символический смысл. По мере продолжения наших бесед меня все больше и больше охватывало чувство, что мы с Матусоу играли в игру с необычно высокими ставками. От исхода этой игры зависела свобода нескольких человеческих существ.

Я был уверен, что настолько же, насколько мне было ясно решение Матусоу избежать признания в лжесвидетельстве, он сознавал мое намерение заставить его в конце концов рассказать, где и когда он лгал. Но одним из невысказанных правил нашей игры было то, что мы никогда друг другу не признавались в этом...

Во время одного из наших записываемых разговоров я спросил Матусоу, не мучила ли его когда-нибудь совесть во время дачи показаний.

«Если бы я рассматривал свою осведомительскую деятельность с точки зрения совести, — сказал он, — я бы не мог ею заниматься. Тут просто играешь роль, забывая о совести».

Было, однако, ясно, что в свидетельском кресле он не всегда чувствовал себя удобно. Когда мы обсуждали его показания на заседании сенатского подкомитета по вопросам внутренней безопасности, где слушалось дело о «коммунистическом проникновении» в Профсоюз рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности, это было особенно очевидно.

Матусоу. В зале суда находилось сотни две представителей этого профсоюза, и мне пришлось пройти между ними, когда я шел на свидетельское место...

Кан. Как вы были настроены, давая показания?

Матусоу. Весьма воинственно.

Кан. Это почему же?

Матусоу. Причина моего воинственного настроения совсем проста... Я был в меньшинстве... Мне пришлось пробираться сквозь эту толпу, и

я слышал их разговоры, они проклинали меня и толкали. И меня, естественно, охватила злоба. «Ах вы подлецы! Думаете, что можете толкать меня? Ну, погодите, я тоже буду подлецом. Вы проклинаете меня? И я проклянущ вас. Я могу это сделать со своего свидетельского места, и это будет почище вашего»... Я полагаю, что это была именно... именно... естественная реакция. Наступление — лучшая защита... Трудно выразить словами то неуловимое чувство вины, которое испытываешь. И чем более виноватым я себя чувствовал, тем более мстительным становился.

«Я знаю, — добавил Матусоу, — странно сейчас об этом думать... Я оглядываюсь на свое прошлое, на ненависть и горечь, которые я испытывал по отношению к людям, среди которых жил, и мне трудно представить себе, в каком я был состоянии, что мог поступать таким образом».

И, несмотря на это, Матусоу продолжал получать заметное удовольствие, описывая, как трудно было допрашивать его на перекрестном допросе и как он брал верх над защитниками, которые задавали ему вопросы на различных официальных процессах.

Просматривая некоторые правительственные отчеты перед началом записи одной из наших очередных бесед, посвященной его выступлению в качестве свидетеля обвинения на заседании Управления по контролю за подрывной деятельностью, Матусоу с нескрываемым удовольствием рассказал мне один анекдот.

Адвокатом, подвергшим его перекрестному допросу, был бывший член конгресса Вито Маркантонио, активный прогрессивный деятель, в течение многих лет неустанно принимавший участие в каждом судебном процессе, на котором бросался вызов реакции и защищались права человека.

Маркантонио попросил Матусоу рассказать о деятельности клуба коммунистической партии, членом которого он состоял. «Вы вместе в виду 1948 год?» — спросил Матусоу. Когда Маркантонио ответил утвердительно, Матусоу заявил: «С сентября по ноябрь 1948 года наша деятельность в основном заключалась в том, чтобы добиться вашего избрания в конгресс».

Рассказав анекдот, Матусоу засмеялся. «Вы должны были видеть реакцию Марка. Он был взбешен. Держу пари, этот мой ответ стоил Марку нескольких недель жизни». Последнюю фразу он произнес задумчиво. Спустя несколько месяцев после этого заседания Маркантонио умер во время сердечного приступа...

Через несколько дней я напомнил Матусоу об этой истории. «Вы говорите, что хотите исправить зло, причиненное вами, — сказал я ему, — и я вам верю. Но как вы объясните то удовольствие, с которым вы описывали случай, который, судя по вашим словам, возможно, укоротил жизнь такого человека, как Маркантонио?»

Тень беспокойства пробежала по лицу Матусоу. В течение некоторого времени он сидел молча.

«Разве, когда я говорил о смерти Марка, — спросил он медленно, словно преодолевая боль, — я говорил об этом так же, я хочу сказать, с тем же увлечением, как и обо всем остальном?»

Когда я ответил, что тон, каким он говорил о смерти Маркантонио, заметно отличался от тона, каким он хвастался, что взял над ним верх, у Матусоу, казалось, отлегло от сердца.

Однажды, когда мы, закончив дневную норму работы с магнитофоном, пили кофе, я спросил Матусоу, почему он начал свою деятельность с того, что вступил в коммунистическую партию.

«Видите ли, — сказал он, — когда я начал службу в армии, я ведь был совсем мальчишкой с угла улицы в Бронксе. И, когда я демобилизовался, мне было только 19 лет. Я просто не знал, чего хотел от жизни. Чего мне не хотелось, я сознавал: я ни за что на свете не хотел возвращаться на тот угол улицы в Бронксе. Во время службы в армии я побывал в Европе. Выполняя свои обязанности, я был частью общего дела. Там узнал чувство товарищества...

В армии я впервые встретился с коммунистами. Это были двое из моей роты. Затем встречался с французскими коммунистами. Они были хорошими парнями. Мне понравилась их бодрость духа. После демобилизации я пошел однажды на вечер, устроенный организа-

цией «Американская молодежь за демократию». Мне понравились ребята, которых я там встретил. Среди них я снова обрел чувство товарищества. Так я стал членом АМД. Но самое большое впечатление на меня произвели коммунисты, и спустя некоторое время я вступил в коммунистическую партию. Что бы о них ни говорили, я нашел среди них тот же дух, который встречал еще в армии».

«Но вы описываете все, как общественное занятие, — сказал я. — А как вы относились к политическим взглядам коммунистов? Оказали ли они какое-нибудь влияние на ваше решение вступить в компартию?»

«О, конечно. Они были против дискриминации и тому подобных вещей, и я тоже. Мне не нравилось, когда людей притесняли. Я был против несправедливости. Коммунисты, казалось, вели организованную борьбу за те же принципы, в которые верил и я. Вы должны иметь в виду еще и другое. В те времена быть коммунистом было нетрудно — в том смысле, что холодная война еще не началась и к коммунистам было иное отношение, чем сейчас».

«А почему изменилось ваше собственное отношение к ним?»

«На то было много причин. Я работал как черт, агитируя подписываться на «Дейли уоркер», распространяя петиции и тому подобные вещи. Но никто, казалось, не ценил этого, даже не замечал. Все больше и больше это надоедало мне, и я разочаровывался... Затем, конечно, наступила холодная война. Коммунистов начали сажать. Я был уверен, что приближается война с Россией. И я испугался. Это был длительный процесс... Как бы то ни было, в результате я связался с ФБР».

«Это вы с ними связались, а не наоборот?»

«Я позвонил им по телефону. Здесь, в Нью-Йорке. Это было нелегко. Услышав ответ ФБР, я ведь вначале повесил трубку. Затем, чтобы решить, позвонить ли им снова, я подбросил монету. Орел — позвоню. Решка — не звоню. Вышел орел».

«Но в действительности не могла же монета решать исход такого дела. В конце концов в то время вашими друзьями были коммунисты. Вы должны были переживать, решившись доносить на них».

«Конечно, я переживал. И когда впервые начал составлять доносы, я обычно опускал определенные имена. Словно в какой-то мере это меняло дело! Но я обманывал себя, думая, что меняет... Несомненно, вначале я чувствовал себя виноватым. Но ведь, если как следует постараться, можно найти оправдание чему угодно. И не надо забывать, что в те времена все кругом восхваляли осведомителей. Филбрик, Бентли, Буденц были героями. И я вскочил в колесницу фортуны, примкнув к их компании. Стать свидетелем был самый легкий путь к известности, способ заявить всему миру, что я незаурядная личность».

«Я полагаю, вы можете сказать, что я искал одного и того же тогда, когда стал коммунистом, и тогда, когда стал свидетелем... — добавил он. — Знаете, учитывая ореол, которым был окружен осведомитель, я иногда удивляюсь, почему многие из молодых людей не поступили так же, как я, если у них была такая возможность... Заметьте, я не пытаюсь найти себе оправдание, потому что в действительности я прекрасно все понимаю...»

В течение некоторого времени мы сидели молча. Затем Матусоу выпалил: «Скажите мне, Берт, как вы можете разговаривать со мной после всего того, что я сделал? Так или иначе, но скажите, что вы обо мне думаете?»

На этот вопрос трудно было ответить. «У меня не выработан условный рефлекс против того, кто совершил что-то в прошлом. Я сужу с точки зрения того, что вы делаете сейчас, Харви... Но никто не изменяется полностью по мановению волшебной палочки. Печать прошлого еще лежит на вас. Тем не менее я хочу сказать вам следующее: я уважаю вас за то, что вы сейчас делаете, — за то, кем вы пытаетесь стать».

«Как странно, — произнес он задумчиво, — когда я только приехал в Нью-Йорк, я не знал, буду ли я в состоянии даже разговаривать с вами и Ангусом. Я относился к вам подозрительно. Я думал, что вы, может быть, собираетесь заставить меня подписать под присягой письменные показания в том, что я лгал на процессе Флинн или Дженкса, или что-нибудь в этом роде, вовсе не собираясь издавать мою книгу. Теперь я доверяю вам».

«Харви, — сказал я, — так же, как и я, вы знаете, что мне бы хотелось записать на пленку именно об этих судебных разбирательствах. Но нас с Ангусом прежде всего интересует ваша книга. Я думаю, вы даже не понимаете, какую она произведет сенсацию... У вас еще будет достаточно времени потом, чтобы дать под присягой письменные показания по тем делам, если вы решите сделать это».

3. Переход Рубикона

Изо дня в день, по мере продолжения наших бесед, медленно и вначале почти незаметно стали обнаруживаться признаки происходящих в Матусоу и других изменений.

Если он все еще был балагуром и периодически прерывал наши беседы, чтобы разыграть какую-нибудь пародию с одной из своих марионеток, то о своих прошлых представлениях, которые он разыгрывал, давая свидетельские показания, он говорил со все меньшей бравадой. Если он продолжал проявлять необычайную склонность к шуткам и внезапным перевоплощениям, пародируя различных общественных деятелей, то, обсуждая свою работу в «Каунтэратэк» и с сенатором Маккарти, он стал заметно сосредоточеннее. Я все более убеждался, что в зеркале фактов, о которых он рассказывал, Матусоу все более ясно стал понимать самого себя.

Словно по молчаливому согласию, мы с ним оба избегали говорить на одну тему. Это касалось «религиозного чувства», которое, как он рассказывал епископу Окснэму, привело его к решению порвать с прошлой деятельностью осведомителя-свидетеля.

Вскоре после нашей первой встречи в «Дельмонико» он сказал нам, что недавно вступил в лоно мормонской церкви. И в течение некоторого времени в соответствии с правилами этой религиозной секты он напоказ воздерживался от курения. Теперь он начал курить.

В нем была и другая явная перемена — по крайней мере во внешности. Он отрастил длинную бороду. Густая, черная как смоль, она ему очень шла и делала его похожим на нечто среднее между франко-канадским охотником и лихим морским разбойником. «Теперь, —

заявил он полушутя, — я избавлен от того, чтобы лицезреть себя таким, каким я был...»

Периодически он заходил к нам домой, проводя большую часть времени с мальчиками, устраивая для них кукольные представления или играя с ними в бейсбол.

Однажды, упражняясь с Брайаном в бросках, Матусоу пришлось высоко подпрыгнуть, чтобы взять трудный мяч.

«Это я смазал», — сказал Брайан, извиняясь.

«Ага, — согласился Матусоу. — Но ты видел, как я его поймал? — И добавил: — Я думаю, что просто лучше тебя играю».

«Харви, а вам не кажется забавным, — спросила Риет, которая присутствовала во время этой сценки, — что вам хочется доказать, что вы играете лучше семилетнего мальчика?»

Матусоу застенчиво улыбнулся. «В другой раз, когда я скажу что-нибудь вроде этого, — проговорил он, — дайте мне знать».

Позднее Риет сказала мне: «У меня такое впечатление, что он действительно хочет стать лучше».

За одно Риет была определенно благодарна Матусоу. Это был ритуал, который он ввел у нас за столом. Когда шум, производимый тремя мальчиками, становился невыносимым, он выхватывал свои часы и с притворной строгостью командовал: «Минута молчания!» Последующие шестьдесят секунд полной тишины действовали, как чудесный бальзам.

Интересно, что сами мальчики больше не проявляли отвращения к Матусоу.

Однако в одном отношении Матусоу не изменился. В наших записываемых на пленку беседах он все так же тщательно избегал подробностей показаний, которые он давал на процессах Дженкса и Флинн. Всякий раз, когда всплывал какой-нибудь вопрос, связанный с этими процессами, он немедленно менял тему разговора. Матусоу все еще упорно воздерживался от признания, что он когда-либо давал ложные свидетельские показания.

Но однажды вечером, на третьей неделе наших бесед, подготавливая «рабочий план» на следующий день,

я наткнулся на явное противоречие в протоколах показаний Матусоу на двух различных заседаниях конгресса.

В феврале 1952 года, когда он выступал перед комитетом по расследованию антиамериканской деятельности, ему задали вопрос, верно ли, что коммунисты дали обет мешать военным приготовлениям. Он ответил утвердительно. Тогда его попросили привести какой-нибудь характерный пример таких действий со стороны коммунистов, на что он неубедительно ответил, что не может «связать это» с каким-нибудь отдельным лицом...

Показание, данное им вскоре после этого на сенатском подкомитете по вопросам внутренней безопасности, было совершенно другим. На этом заседании он утверждал, что в 1950 году в доме отдыха в Сан-Кристобал Клинтон Дженкс сообщил ему точные данные о коммунистическом заговоре с целью саботажа выпуска военной продукции:

«...в разговоре с Дженксом мы обсуждали возможность деятельности коммунистической партии среди членов Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности, чтобы помешать войне с Кореей... Дженкс сказал, что они, то есть коммунисты в профсоюзе, пытаются объявить забастовку на медных рудниках и заводах этого района под лозунгом борьбы за увеличение зарплаты и т. д. ...за лучшие условия труда в цехах... и что они объявят такую забастовку... с целью снизить производство меди для нужд войны в Корее».

На следующее утро, когда мы с Матусоу встретились, я показал ему эти два противоречащих друг другу места в его показаниях. «Позднее, давая показания на процессе Дженкса, — сказал я ему, — вы повторили обвинение, что Клинт организовал заговор с целью помешать войне в Корее. Вместе с тем перед комитетом по расследованию антиамериканской деятельности вы заявили, что не можете привести ни одного примера подготовки подобного заговора коммунистами. Если такой эпизод действительно имел место, не может быть, чтобы вы — будучи в то время, когда это, по вашему утверждению, случилось, осведомителем ФБР — могли забыть о таком случае...»

Матусоу прочел заявления, сделанные им на двух заседаниях. «Удивляюсь, что адвокаты Дженкса не ухватились за это, — пробормотал он, словно говоря с самим собой. — Обычно они быстро подхватывали подобные вещи. — Задумавшись, он сжал губы, а затем сказал: — Я должен использовать это в книге. — И как-то робко добавил: «Сделайте одолжение, Берт, дайте мне возможность переварить все это...»

С этого времени Матусоу перестал употреблять в наших беседах мягкое слово «полуправда», и, когда речь шла о его ложных показаниях, он начал произносить слово «ложь».

Он относился к этому изменению не менее сознательно, чем я.

«Вы заметили, Берт, — спросил он гордо, — что я больше не возражаю против того, чтобы называть себя лгуном? — И, словно делая необычайное открытие, добавил: — Я даже не возражаю против того, чтобы говорить, что я был провокатором!»

14 декабря состоялась наша последняя запись беседы на пленку. В то утро, когда я прибыл на квартиру к Матусоу, он встретил меня с газетой в руках. «Взгляните-ка на это!» — сказал он, указывая на какую-то статью.

Сообщение касалось дела Карла Брейдена, газетчика из Луисвилла, штат Кентукки, который несколько месяцев назад помог негру, ветерану войны, и его семье купить дом в районе, где проживали только белые.

Вскоре после покупки дом негра был взорван динамитом, и, в то время как против действительных преступников не принималось никаких мер, местное отделение большого жюри предъявило Брейдену обвинение в том, что он, будучи участником «коммунистического заговора», сам подложил бомбу. Свидетелями обвинения на процессе Брейдена были хорошо известные правительственные осведомители, совершенно не знавшие Брейдена, но зато рассказывавшие о «красной опасности» такие небылицы, от которых волосы становились дыбом.

В газетной статье сообщалось, что Брейдена признали виновным и приговорили к пятнадцати годам тю-

ремного заключения. Размер залога для освобождения был установлен в 40 тысяч долларов.

«Что вы об этом думаете? — возбужденно сказал Матусоу. — И они называют это демократией!»

Я не мог удержаться от того, чтобы не прокомментировать поразительный парадокс, который заключался в возмущении Матусоу.

«Знаете, Харви, вы сами способствовали возникновению подобных явлений. Конечно, Брейдена засудили за то, что он выступал в защиту прав негров. Но вы сами помогли засудить Дженкса за то, что он боролся за права рабочих, и на основе ваших показаний его приговорили к пятилетнему тюремному заключению. Вы говорите, что больше всего на свете любите развлекать детей. Так вот, у Дженкса двое детей. А не кажется ли вам, что именно вы помогли забрать у них отца? Может быть, об этом и неприятно говорить, но это такой вопрос, с которым вам придется столкнуться во время написания книги».

Лицо Матусоу побледнело. Некоторое время он сидел неподвижно. Затем резко поднялся, сделал несколько шагов, повернулся ко мне и сказал неестественным голосом: «Позвольте мне сказать, что я думаю об этом сейчас».

Он включил магнитофон и начал быстро говорить в микрофон. «Я хочу попытаться сказать здесь, что в то время, когда я был свидетелем и доносил на людей... я испытывал чувство вины. Как-то, идя по нью-йоркской улице, я повстречал одного члена партии, с которым был когда-то знаком, — того, о котором упоминал в своих показаниях, и я готов был сквозь землю провалиться. Такое у меня было чувство... Как раз вчера я был на улице и проходил мимо человека, о котором упоминал в своих показаниях. Впервые за последние годы у меня не появилось желания идти крадучись... Я знал, что та часть моей жизни принадлежит прошлому»¹.

Возвращаясь к осуждению Брейдена, он сказал: «Этого человека обвинили в мятежных действиях за то,

---

¹ За исключением тех случаев, когда в текст были внесены изменения, этот разговор и следующий за ним в этом разделе взяты из нашей беседы, записанной на пленку 14 декабря.

что он помог негру приобрести дом и был против сегрегации. Его обвинили также в том, что он был коммунистом... Смотрю я на это и думаю о своей деятельности там, в Эль-Пасо...»

И вдруг в нем произошла едва заметная, почти неуловимая, но вместе с тем несомненная перемена. Выражение его лица не изменилось, он продолжал говорить без остановки, но он опять был настороже. Вместо того чтобы дать оценку своим показаниям на процессе Дженкса в Эль-Пасо, он пустился в пространные описания адвокатов обвинения и защиты, а затем принялся рассказывать, как во время этого процесса по ночам он обычно пробирался через мексиканскую границу, чтобы выступить в ночном клубе в Хуаресе в роли комика...

Однако на этот раз я решил заставить его посмотреть в лицо действительным последствиям его показаний. В качестве примера я привел случай, когда Матусоу дал показания, что Клинтон Дженкс был членом коммунистической партии, подписывая на основании закона Тафта — Хартли данное под присягой письменное заявление о непринадлежности к компартии.

Матусоу был заметно взволнован: «Я знал, что Дженкс был членом партии, и сказал об этом, — заявил он, оправдываясь. — Я считаю, что Дженкс не перестал быть членом партии, после того как подписал под присягой заявление, потому что я знаю, что он был коммунистом. Но мне вообще не следовало бы давать показания. Это — главное».

«Почему вы сказали, что он коммунист?» — спросил я.

Запинаясь на каждом слове, он заговорил смущенно и уклончиво: «Я сказал, что знаю, что он коммунист... Взять, к примеру, такого человека, как Бен Голд, которому было предъявлено такое же обвинение. Официально он вышел из коммунистической партии. Или он мог бы выйти — скажем так. Но в моем... по моему мнению... в моем понимании от того, что он положил на стол листок бумаги и сказал: «Я больше не член партии», — он не перестал быть коммунистом. Насколько мне было известно, Дженкс продолжал подчиняться партийной дисциплине. А это меняет дело. Легально, в соответствии с законом, он мог и не быть членом партии.

Но это не меняло существа вопроса. Дженкс не изменил своих взглядов из-за того, что подписал клочок бумаги о выходе из партии».

Матусоу увидел, что пленка почти кончается, и выключил магнитофон.

Я почувствовал, что настало время раскрыть карты.

«Послушайте, Харви, — сказал я. — Больше нет смысла продолжать нашу игру. Теперь, подойдя к самой сути наших бесед, мы можем говорить откровенно. И мы оба прекрасно знаем, что, когда бы мы ни касались некоторых аспектов ваших показаний, вы просто меняли тему разговора или уклонялись в сторону. Почему?»

В его ответе был определенный оттенок облегчения: «Я знаю, что это было заметно. Я поступал так не потому, что не доверяю вам, Берт. Поверьте мне, не потому».

«Тогда почему же, Харви?»

Он торопливо заговорил. «Я расскажу вам, что меня беспокоит. Я знаю, записи этих пленок, будучи в ваших руках, находятся в надежном месте. Но вы говорили мне, что даете копии Нату Уитту. А можем ли мы быть уверены, что с ними ничего не случится? Не забывайте, что он адвокат Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности. Что, если профсоюз начнет печатать некоторые из записей в своей газете? Предположив, что я рассказал все о своих показаниях на процессе Дженкса, они представят их в суд прежде, чем я сумею написать книгу. Это действительно все испортит, верно? Послушайте, Берт, я намерен выправить все по делу Дженкса. Я собираюсь дать под присягой письменные показания, рассказав, как я лгал против него. Если понадобится, я поступлю так же с делом Флинн или каким-либо другим делом. Но, если я сделаю это сейчас, — ну, я просто не хочу рисковать книгой, вот и все».

«Что, если бы Уитт лично пообещал вам ничего не делать с материалами без вашего разрешения?»

«Это было бы чудесно, — горячо согласился Матусоу. — Мне известна его репутация. Он сдержит свое слово».

В тот же день мы условились отправиться к Уитту в контору.

Последний раз Матусоу и Уитт встречались на процессе по делу Дженкса, на котором Матусоу был главным свидетелем обвинения, а Уитт — адвокатом Клинта. И можно было бы ожидать, что настоящая встреча в какой-то мере отразит их прежние отношения. Но все произошло совсем иначе.

Когда мы с Матусоу вошли в контору Уитта, он с сердечной улыбкой на худом лице поднялся из-за своего стола нам навстречу. «Очень рад вас видеть, — сказал он, тепло пожимая руки Матусоу, словно приветствовал старого друга. — Как вы там поживаете? Кажется, вы немного похудели после Эль-Пасо».

«А вы все такой же», — сказал Матусоу улыбаясь.

Уитт показал на бороду. «Вот этого вы тогда, конечно, не носили!»

«Я не только бороду завел. У меня теперь есть дрессированный ворон, — сказал Матусоу. — Зову его Дмитрий Пират. В следующий раз обязательно захвачу с собой. Он сидит у меня на плече и каркает, если я не...»

После обмена любезностями я рассказал Уитту, что привело нас к нему.

Когда я кончил, Уитт повернулся к Матусоу. «Я могу дать вам слово, — сказал он серьезно, — что ни я, ни наш профсоюз или еще кто-либо не использует ничего из сказанного или написанного вами в связи с вашей книгой без вашего специального на то разрешения. Я уверен, Альберт рассказал вам, что я, понятно, особо заинтересован в книге, так как представляю Профсоюз рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности, и, конечно, меня интересует в ней все, что затрагивает моего клиента Клинта Дженкса. Но у меня достаточно времени, чтобы подать апелляцию в суд о пересмотре его дела. И, если в вашей книге случайно окажется что-нибудь, что я захочу использовать в апелляции, мы сможем обсудить это с вами позднее».

«А знаете, — заговорил Матусоу, — как я хочу представить дело Дженкса в книге?..»

Уитт остановил его, предостерегающе подняв руку. «Нет, я не хочу ничего об этом слышать. Я не хочу, чтобы кто-нибудь когда-либо сказал, что я пытался как-то повлиять на вас».

«Можно ли мне задать вам один вопрос?»

«Конечно».

«При обвинении в лжесвидетельстве какие должны быть предъявлены улики? Я имею в виду, чтобы признали виновным».

«Вы говорите о деле, разбираемом в федеральном суде?»

Матусоу кивнул.

«Для возбуждения судебного преследования за лжесвидетельство, — сказал Уитт, — федеральный закон требует наличия двух свидетелей или бесспорных документальных улик. Я ответил на ваш вопрос?»

«Да», — сказал Матусоу.

Позднее у меня были особые основания вспоминать этот вопрос Матусоу и ответ Уитта...

Когда мы шли из конторы Уитта, Матусоу весь так и засиял. «Как мне теперь хорошо, Берт, — сказал он. — Словами не передать, какая тяжесть свалилась у меня с плеч, когда я узнал, что ничто не произойдет, пока книга не будет сделана!»

«Это хорошо. Но на ваших плечах еще осталась огромная тяжесть — написать книгу», — заметил я.

«Подождите — и вы увидите. Я начну писать немедленно. Вы с Ангусом удивитесь, как все пойдет».

И он не преувеличивал.

РОЖДЕНИЕ КНИГИ

1. Лжесвидетель

В наших отношениях с Матусоу установился до скуки однообразный трафарет. Как только решалась одна проблема, ей на смену всплывала другая. И сейчас этот ритуал не был нарушен. Не прошло и дня с того момента, как Матусоу пылко объявил о своей готовности начать писать книгу, как он уже жаловался на новое препятствие.

«Я просто не могу сесть за машинку и печатать, — заявил он решительно. — Я должен кому-нибудь диктовать».

«Но вы даже не попытались», — запротестовал я.

«Послушайте, Берт, я знаю, о чем говорю. Когда я сижу за пишущей машинкой, она как бы становится между мной и тем, что я хочу сказать. Это не годится, говорю вам. И если я смогу выговорить книгу, то мне будет легче. Это существенно изменит дело. Вы же знаете, Берт, с какой легкостью я выражаю свои мысли, когда разговариваю».

Это я знал, и даже слишком хорошо, но тем не менее у меня не было ни малейшей уверенности, что Матусоу станет диктовать книгу и сможет справиться с этой работой вообще. Одно я знал наверняка: он не сможет продиктовать книгу, годную для издания.

Я обсудил этот вопрос с Ангусом. Он разделял мое мнение. Мы оба были убеждены, что Матусоу мешала не пишущая машинка, а что он, сознательно или нет, ищет еще одну причину, чтобы отложить написание книги.

Матусоу остался непреклонен... «Дайте мне стенографистку, и я вам покажу. Если не получится, что мы потеряем? Я всегда могу вернуться к пишущей машинке».

У нас не было выбора, и мы согласились испытать его метод...

И теперь, конечно, перед нами встала другая проблема. Кто бы ни взялся писать под диктовку Матусоу, должен был обладать целым рядом свойств, из которых искусство печатать являлось наименее важным. Требовался человек, не возражающий против работы с известным экс-осведомителем, способный тактично приноровиться к личным особенностям Матусоу и, как требовала обстановка того времени, готовый к тому, что за печатание рукописи его, возможно, побеспокоят представители властей. Люди, обладающие столькими талантами, встречаются не на каждом шагу. Однако случайно я вспомнил, что знаю такого человека. Ее звали Рут Соммерс.

Рут была очень толковым работником, что никак не сочеталось с тем впечатлением несколько *femme fatale*¹, которое она, возможно не совсем без умысла, производила. Она работала в различных общественных организациях, на радио, вела педагогическую работу в профсоюзах. Больше всего она любила писать стихи, которые были такими же бунтарскими, как и ее политические взгляды.

Рут знала о книге Матусоу. Она снимала копии с целого ряда наших бесед, записанных на пленку. Но одно дело — печатать его замечания, не видя его и находясь на большом расстоянии, и совершенно другое — работать с ним ежедневно в тесном контакте.

Однако она только спросила: «Может случиться, что я окажусь втянутой в какое-нибудь расследование?»

Когда я ответил, что это вполне возможно, она заметила: «Ну что ж, я бы, конечно, предпочла избежать этого...»

На другой день после того, как Рут начала работать с Харви, я зашел к нему на квартиру. Он встретил меня

---

¹ Роковой женщины (*франц.*).

у входа с радостным, торжествующим видом. Размахивая перед моим носом пачкой бумаг, он ликовал: «Так вы думали, что я не смогу с этим справиться, а? Хорошо же, вот пятнадцать страниц! Десять из них сделал вчера, а, — он посмотрел на свои часы, — сегодня утром мы начали работать в девять тридцать, сейчас без двадцати двенадцать, и я уже продиктовал еще пять страниц. — Для пущей важности он сделал паузу. — Заметьте, я еще не развил полную скорость. Я только разогреваюсь. Здорово, а?»

Он бросил листки на кухонный стол.

«А ну-ка, прочитайте!»

Засунув руки за пояс, он стоял, раскачиваясь взад и вперед, и выжидающе смотрел на меня. Рут, сидевшая за машинкой, молча наблюдала.

Если я брал рукопись со значительной долей скептицизма, то достаточно было прочесть несколько страниц, чтобы мое отношение изменилось. По мере того как я со все возрастающим удивлением и волнением читал написанное, я забывал о своем раздражении, которое вызывал у меня Матусоу, вертевшийся за моей спиной...

Первый эпизод, с которого Матусоу начал, был посвящен его выступлению в 1952 году в Солт-Лейк-Сити на заседании подкомитета по вопросам внутренней безопасности о положении в Профсоюзе рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности.

Часть материала мы уже затрагивали в наших беседах, записанных на пленку. Но между тем, что Матусоу рассказывал мне тогда, и тем, что я теперь читал, была огромная разница.

В настоящем тексте вся картина вставала как живая: тщательно разработанная реклама, окружавшая разбирательство, напряженная атмосфера в зале заседаний, переполненном членами профсоюза, искусно написанные портреты сенаторов и непрестанно снующих расследователей комитетов, противоречивые переживания Матусоу на свидетельском кресле и хладнокровная решимость, с которой он лгал, чтобы попасть в заголовки газет. Написано все это было простым и живым языком. Как ни странно, но обычного для Матусоу многословия не было. Над текстом надо было еще поработать, но не так уж много...

Несомненно, самым важным в этом тексте было отсутствие и намек на двусмысленность.

В одном месте, например, Матусоу писал:

«Существовал целый ряд причин, побудивших подкомитет сената Соединенных Штатов по вопросам внутренней безопасности обрушиться на межнациональный Профсоюз рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности. Маккарен заявил, что разбирательство дела этого профсоюза поможет консервативным кандидатам во всем районе Скалистых гор. Сенатору Уоткинсу оно должно было принести не только дополнительные голоса в штате Юта, но и финансовую поддержку медного треста «Кеннекот-Коппер корпорейшн».

Это были дела сильных мира сего... Я думал: «Мне нужно брать с них пример. Мое имя должно попасть в заголовки газет...»

Я знал, что в эту предвыборную кампанию газетная реклама пригодится мне.

Кроме того, я решил добиться, чтобы в протокол было занесено мое заявление о том, что «целый ряд сотрудников газеты «Нью-Йорк таймс» и журнала «Тайм» является коммунистами». Предварительно я обсудил это заявление с сенатором Маккарти и получил его одобрение. Маккарти знал, что стоит только этим «фактам» попасть в протокол, как он сможет обвинить «Нью-Йорк таймс» и «Тайм» в прокоммунистической ориентации. И наши имена попадут в заголовки»¹.

Матусоу продолжал свой рассказ:

«Я также заранее подготовил свои показания в отношении Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности, пытаясь доказать, будто этот профсоюз организовал заговор с целью сократить производство меди для нужд войны в Корее... Я понимал, что руководители профсоюза будут отрицать мои обвинения и, возможно, прибегнут

---

¹ Матусоу собирался рассказать в своей книге о том, что спустя примерно год после этих показаний он дал «Нью-Йорк таймс» и «Тайм» письменные показания под присягой, в которых признавался, что давал ложные показания относительно существования «коммунистического контроля» в штате этих редакций.

к Пятой поправке к конституции. Я также признавал, что в обстановке истерии, вызванной этими разбирательствами, никто не поверит «коммунистам, прибегающим к Пятой поправке...»

Раньше я намеренно избегал показаний о «заговоре с целью сокращения производства меди». И делал так не потому, что это было неправдой, а потому, что приберегал это показание для того случая, когда бы оно могло получить нужное мне освещение в прессе. Я состряпал это заявление о «заговоре», когда... прочитал в газетах о недельной забастовке рабочих медных рудников и медеплавильных заводов. Тогда я сочинил свою историю о заговоре, понимая, что эта забастовка помешает профсоюзу отрицать мои обвинения».

Подробно изложив, как он рассказал сенатскому комитету о том, что Клинтон Дженкс «проболтался» ему об этом заговоре, он продолжал:

«Именно здесь я впервые лицом к лицу встретился с Клинтоном Дженксом, который когда-то был моим другом и которого я впоследствии помог осудить в федеральном суде.

Когда для допроса ввели Дженкса, меня попросили выйти на время из зала заседаний. Один из членов комитета прочитал Дженксу мои обвинения.

Затем меня снова вызвали в зал, и я оказался лицом к лицу с Дженксом. Меня... попросили повторить мои обвинения...

Я настолько проникся своей историей «о медном заговоре», что сам поверил в нее и начал ненавидеть Дженкса. Если бы я не вызвал в себе эту ненависть к нему, мои показания не прозвучали бы убедительно. Как актер, я знал, что если я хочу убедить кого-нибудь, то прежде всего должен убедить самого себя. Дженкс был конченный человек, и это дало мне возможность сочинить «безупречную» историю».

Когда я кончил читать эти пятнадцать страниц рукописи, у меня больше не было никаких сомнений насчет того, что Матусоу сможет продиктовать книгу. И я сказал ему об этом.

Он ходил с важным видом по кухне, надутый, как индюк. «Это еще что! Я буду выдавать в среднем

двадцать страниц в день, пока не кончу. — Он повернулся к Рут. — Расскажите-ка Берту, как мы работаем».

Она пожала плечами: «Работаем и все», — сказала она.

«Но, Рут, — попросил он, — расскажите, как я все это делаю».

«Что вы хотите, чтобы я рассказала? Вы без остановки говорите, а я без остановки печатаю. — Смягчившись, она сказала, обращаясь ко мне: — Это все, что я могу делать, чтобы не отстать от него».

Матусоу потерял руки от избытка чувств. Затем, внезапно поймав себя на этом жесте, он сделал вид, что жест этот вызван холодом в квартире, и начал энергично размахивать руками. «Давайте немножко протопим», — сказал он. Суется около печки, он начал деловито колоть дрова для растопки...

В тот день, перед моим уходом, Матусоу попросил меня взять у Уитта протокол его показаний на процессе Дженкса. «Я хочу иметь возможность цитировать отсюда, когда буду об этом писать», — сказал он.

Рукопись книги Матусоу росла с удивительной быстротой. Когда бы я ни заходил к нему домой, он с ликующим видом точно информировал меня, сколько страниц написал с момента нашей последней встречи, которая, как правило, происходила за день до этого.

«Четырнадцать с половиной страниц сегодня, Берт, — обычно говорил он, пытаясь всучить их мне, прежде чем я успевал раздеться. — И не так уж плохо, а? Таким образом, у нас всего... давайте посмотрим, сколько... семьдесят шесть страниц. Если я не сбавлю темпа, я кончу недели на две раньше: Ну признайте, разве это не чудесный способ писать книгу?»

Никто и не отрицал, что это так...

Время от времени заведенный порядок слегка изменялся. В таких случаях, как только я приезжал, он с мрачным видом усаживался на стул, живое воплощение подавленного настроения. «Хэлло, Берт!» — печально бормотал он.

Зная, чего он ждет от меня, я спрашивал: «Что случилось, Харви?»

«Просто не мог ничего делать сегодня. Все валилось из рук».

«Ничего, пусть это вас не пугает. У каждого писателя бывают свободные от работы дни».

«Да неужели? — и он драматическим жестом подравнивал и укладывал в аккуратную стопку напечатанные на машинке листы. — Быть может, у других писателей и есть свободные дни. Вот тут еще шестнадцать страниц!»

Он проявлял гораздо больше интереса к количеству, нежели к качеству своей работы. «Может быть, их нужно немножко подчистить, — говорил он так, словно далеко не был убежден в этом. — Но это нетрудно будет сделать потом».

Дело в том, что я и сам в первую очередь интересовался отнюдь не вопросами стиля. Я все еще боялся, вдруг что-нибудь помешает ему закончить работу над книгой. Несмотря на встречавшиеся трудности и задержки, я не мог не чувствовать, что в общем все шло гораздо более гладко, чем мы могли ожидать. Но я был убежден, что рано или поздно что-нибудь обязательно встанет на нашем пути. Одно соображение брало у меня верх над всеми другими: необходимо, чтобы все факты, в любой форме, но как можно скорее, были изложены на бумаге.

По мере того как Матусоу разворачивал свое повествование, я все настойчивее подгонял его. С каждым днем становилось все яснее, что его история далеко выходит за рамки жалких мемуаров экс-осведомителя. То, что выходило из-под его пера, было живым комментарием к эпохе холодной войны, изображением микрокосма преисподней политического мира шпионов, осведомителей, тайных агентов полиции и великих инквизиторов.

Казалось, не осталось ни одного уголка в этой преисподней, куда бы не заглянул Матусоу. Как платный осведомитель ФБР, он сообщал множество имен «красных» и «сочувствующих». Будучи «специальным расследователем» комитета по расследованию антиамериканской деятельности штата Огайо, он на основе подписей двенадцатилетней давности, стоявших под петицией коммунистической партии, составлял списки «подорванных элементов». Он действовал как агент-provokator,

заставляя людей подписывать «мирные петиции», а затем сообщал ФБР их имена; он сотрудничал с администрацией различных промышленных предприятий, помогая им избавляться от «беспокойных элементов» в профсоюзах¹.

Он многократно лжесвидетельствовал, выступая «свидетелем-экспертом» перед министерством юстиции и комитетами конгресса. Агитируя за ставленников Маккарти в период предвыборной кампании, он фабриковал ложные обвинения против антимаккартистских кандидатов, которые «находили путь к сердцам своих избирателей с помощью... публичных выступлений, радио или газет», и распространял обращения к учащимся государственных средних школ. В этих обращениях, стремясь запугать несовершеннолетних, он рассказывал кровавые истории о деятельности коммунистов. Он работал «платным консультантом», снабжая Управление по вопросам просвещения города Нью-Йорка именами «прокоммунистически настроенных учителей», давал показания перед государственной комиссией, расследовавшей деятельность коммунистов в профсоюзах Техаса, и сенатор Пэт Маккарен дал ему временное поручение откопать материал, «чтобы приклеить ярлык коммуниста» Хэнку Гринспану, редактору антимаккартистской газеты «Лас-Вегас сан»...

Чем больше я читал рукопись, тем больше убеждался, что, вероятно, во всей стране нет человека, более осведомленного, чем Матусоу, чтобы написать книгу, разоблачающую все стороны маккартизма и инквизиции эпохи холодной войны. Казалось, что силы реакции, посвящая Матусоу во все детали своей деятельности, словно по чьей-то злой шутке, создали из него максимально осведомленного и неопровержимого разоблачителя.

Рукопись, как и следовало ожидать, не была лишена существенных недостатков. Матусоу имел склонность

---

¹ «Первым порученным мне заданием, — писал Харви, — было узнать имена всех коммунистов в Дейтоне... Дейтон был крупнейшим центром Объединенного профсоюза электриков (радио и машин) в Огайо... Комитет разработал следующий план расследования: нужно было объехать все главные промышленные города штата Огайо — Дейтон, Колумбус, Цинциннати, Кливленд, Толидо, Акрон, Янгстаун и другие — и доказать, что в Объединенном профсоюзе электриков «господствуют коммунисты».

бойко, а подчас и просто поверхностно излагать материал. Откровенно рассказывая о многом из того, что им было совершено, он очень скупно раскрывал причины своих поступков. У него была склонность бегло и небрежно писать о мотивах, по которым он стал осведомителем, и о причинах последовавшего затем решения отречься от своего занятия, о взаимосвязи между его личным поведением и политической обстановкой того времени. Противоречивые чувства, которые обуревали его, он раскрыл лишь частично.

Я считал, что Матусоу не освещает в своей книге целый ряд обстоятельств без всякого умысла. Скорее всего это происходило потому, что, работая, он развил слишком большую скорость и мало продумывал то, о чем писал. Кроме того, были, конечно, и такие вопросы, которые Матусоу мог бы еще полнее осветить, глубже заглянув в собственную душу...

Периодически мы с Ангусом, беседуя с Матусоу в качестве редакторов, говорили ему, что, по нашему мнению, книга должна глубже раскрывать его чувства и причины его поступков в период деятельности в качестве осведомителя и платного свидетеля. Он соглашался с этим, но говорил, что не желает касаться деталей лишь одного аспекта этого периода. «Я не хочу вставлять в книгу подробности моей женитьбы на Арвилле Бентли, — сказал он. — Возможно, это сделало бы рассказ более сенсационным, но я не хочу превращать в источник прибыли свою женитьбу на ней. Это мое личное дело...»

Несмотря на то, что книга нуждалась в улучшении и доделках, мы вдвоем решили, что Матусоу не должен этим заниматься, пока не закончит первый вариант.

Однако по причинам, которые никто из нас не мог предвидеть, Матусоу не было суждено переписать или улучшить какую бы то ни было часть рукописи.

2. Кризис

В конце декабря Матусоу попросил меня достать ему протокол процесса над Флинн, чтобы он мог обращаться к своим собственным показаниям, как он это делал с материалами процесса над Дженксом, когда будет писать об этом процессе.

Я пошел повидаться с одним из защитников, выступавших по делу Флинн, адвокатом Гарри Захером. Это был один из очень немногих юристов, которые, рискуя своей карьерой, честно и смело представляли коммунистов и других обвиняемых на политических процессах в годы холодной войны.

Захер уже был поставлен в известность Уиттом о том, что наша фирма собирается издать книгу Матусоу. Несмотря на это, я ожидал, что он очень удивится, узнав некоторые подробности ее содержания. Однако удивляться пришлось мне.

Зная Захера в течение некоторого времени, я не видел ничего необычного в том, что, пока я рассказывал ему об успешной работе над книгой, он, казалось, только делал вид, что вежливо слушает, а сам в то время был поглощен другими делами.

Этот маленький, нервный законовед, с блестящими выступлениями которого в зале суда могли тягаться лишь немногие представители его профессии, часто, казалось, был чем-то занят, когда кто-нибудь говорил с ним.

После того как я кончил, он сказал почти небрежно: «Я полагаю, вам известно, что у нас существует предельный срок для подачи апелляции о пересмотре дела».

«Предельный срок?»

Он кивнул. «Закон предусматривает, что ходатайство о пересмотре должно быть представлено в суд в течение двух лет после вынесения приговора. И никакие новые доказательства не могут быть приведены после этого. 3 февраля истекает два года с того момента, как по этому делу был вынесен приговор».

«Вы хотите сказать, — спросил я недоверчиво, — что если речь идет о ходатайстве о пересмотре дела, основанном на признании Матусоу в том, что он лгал, то оно должно быть подано до 3 февраля?»

«Вот именно. Любое письменное показание, данное Матусоу под присягой для этой цели, чтобы его можно было использовать для нового процесса, должно быть написано до этого срока».

«И это показание нужно представить в суд и предать гласности в это время?»

«Естественно».

Я был поражен. Впервые в жизни я услышал об этих предельных сроках.

«А на каком основании вы решили, что Матусоу готов дать под присягой письменные показания?» — спросил я.

«Вы же сказали, что он хочет рассказать правду, не так ли?» — сухо сказал Захер.

«Рассказать правду в книге и явиться в суд с признанием в лжесвидетельстве — это не одно и то же. Вы только подумайте, вначале Матусоу подозревал нас с Ангусом как раз в том, что мы пытаемся получить от него такое письменное показание и не имеем никаких намерений издавать его книгу. Он мне сам сказал об этом. А я уверил его, что нас главным образом интересует его книга и мы собираемся издать ее при любых обстоятельствах и что, если он все-таки решит дать под присягой какое-нибудь письменное показание, отрицающее его прошлые показания, он не должен будет этого делать, пока книга не будет издана. Ну что же он подумает, если сейчас я скажу ему, что письменное показание понадобится в течение ближайших двух недель? Предположим, что он убедится в обоснованности своих первоначальных подозрений и решит, что мы все время дурачили его? Вы знаете, он не такой уж устойчивый человек!»

Если на Захера мое заявление и произвело какое-либо впечатление, то он никак не показал этого. «Предельный срок есть предельный срок», — сказал он решительно.

Мое беспокойство росло. «Юристы в данном случае должны были уже давно знать, что Матусоу работает над этой книгой. Как случилось, что никто не сказал нам об этом предельном сроке? Тогда по крайней мере мы могли бы принять его во внимание. А если бы я случайно не пришел сегодня сюда за протоколом? Откуда бы я все это узнал?»

Захер пожал плечами. «Я не знал всех подробностей. Я только что вошел в суть дела. Возможно, вы и правы, но это не меняет картины».

«Что дает вам основания, черт возьми, думать, что Матусоу захочет сейчас дать под присягой письменные показания? Более того, я спрашиваю, желательно ли пытаться убеждать его давать их?»

«Может быть, вы не понимаете, — едко сказал Захер, — что из-за его лжи за решеткой томятся невинные люди».

«Поэтому-то я и не хочу все подвергать опасности. Насколько я понимаю, самое главное сейчас закончить книгу. Мне довелось узнать, что́ это за книга и какую роль она может сыграть».

«Я ценю важность книги, — сказал Захер с таким спокойствием, что я не поверил его словам. — Но я не вижу иного пути в этом вопросе».

Чем больше мы спорили, тем больше каждый из нас убеждался в правильности своей собственной точки зрения.

Я тотчас же обсудил вопрос с Ангусом. Он не меньше меня был потрясен тем, что мы раньше не были поставлены в известность о предельных сроках для подачи ходатайства о пересмотре дела. Мы оба пришли к твердому решению ни при каких обстоятельствах не делать ничего такого, что могло бы посеять сомнения у Матусоу относительно наших намерений издать его книгу. В то же время, очевидно, что-то нужно было предпринять, и немедленно, если признание Матусоу в даче ложных показаний в какой-то степени послужит основанием для пересмотра дела Флинн. Вопрос заключался в том, что же следовало предпринять. Как заговорить с ним о даче письменного показания под присягой, избежав опасности, что он откажется от задуманного, бросит работу над книгой и не скажет правды о своей роли в процессах над Флинн и Дженксом или что-нибудь в этом роде? Мы пришли к выводу, что единственно возможным путем в сложившейся ситуации было продолжать политику, которую мы с самого начала вели по отношению к Матусоу, и поделиться с ним своими соображениями. Мы решили рассказать ему в точности все, что произошло, и предоставить ему самому принять решение...

На следующий день не без серьезных опасений заговорил я с Матусоу об этом деле. Мы с ним были в квартире одни. Он суетился возле печки, весело болтая о своих успехах в работе над книгой, когда я сказал, что возник очень важный вопрос. Должно быть, тон мой свидетельствовал о том, насколько важным я считал вопрос, потому что Матусоу внезапно оставил свое занятие, сел и испытующе посмотрел на меня.

Пока я рассказывал ему о том, что узнал во время своего визита в контору Захера, он слушал внимательно, без какого-либо заметного волнения. Я сказал, что совершенно не знал о предельных сроках подачи кассации по делу Флинн, когда уверял его, что до выхода книги в свет не будет никакой необходимости давать под присягой какое-нибудь письменное показание. Я не пытался преуменьшить трудности, которые могут возникнуть, если он представит такое показание до 3 февраля. «Конечно, срок издания книги можно было бы приблизить, ведь министерство юстиции может что-нибудь предпринять, стремясь предотвратить ее появление. Но если вы не подпишете под присягой свое заявление до выхода в свет книги, его уже нельзя будет использовать для подачи ходатайства о пересмотре дел этих осужденных. Вот каково положение вещей, Харви. Вы сами решайте, что теперь делать».

Он выслушал меня молча. Когда я кончил, он зажег сигару и глубоко затянулся. Потом спокойно, без какого-либо намека на свою обычную браваду сказал:

«Разве я говорил, Берт, что хочу написать эту книгу во что бы то ни стало? Я говорил, что хочу написать ее, чтобы исправить причиненное мною зло. Так вот, теперь ясно, что в данном случае я не могу исправить причиненное мною зло, если не подпишу под присягой письменное показание до 3 февраля. Таким образом я должен написать это показание до этого числа, вот и все».

Он выразил все это совершенно просто. Но я понял, каким решающим был для него этот шаг. Он сознавал, что с этого момента ему, возможно, придется бросить работу над книгой и все с ней связанное, все, что так много значило для него теперь. Не исключена возможность, что его ожидало тюремное заключение за лжесвидетельство. Но он сделал свой выбор. Он сделал его по своему собственному желанию и без колебаний.

Словно читая мои мысли, он продолжал: «Мне бы хотелось, Берт, попросить вас только об одном одолжении. Если мне придется сесть в тюрьму, не сходили ли бы вы с Рьет к моим старикам и не объяснили бы, почему меня посадили. Знаете, они, в сущности, не понимают, что я делал раньше и что делаю сейчас. Они не интересуются политикой. Они самые обыкновенные люди...»

Поздним вечером, сидя за рулем машины по дороге от Матусоу домой и проезжая по пустынному шоссе под холодным темным небом, я раздумывал над тем, почему меня так тронуло решение Матусоу. В конце концов, ведь он был осведомителем. Он предавал своих друзей, лгал ради денег, причинял зло многим невинным мужчинам и женщинам. В нашем мире было достаточно несчастных людей, которые действительно заслуживали сочувствия. Почему же я испытывал сострадание к нему?

Возможно, потому, что очень трудно быть свидетелем душевных переживаний любого человеческого существа, даже если этот человек был прежде осведомителем. Возможно, потому... внезапно я по-настоящему понял, какие душевные муки он переживает, как трагически исковеркана его жизнь и то, какой длинный путь он уже прошел назад, в общество честных людей.

3. Родители Матусоу

В своей книге Харви скупой рассказывал о родителях.

«Семья наша состояла из четырех человек — мать, отец, мой старший брат Дэнни и я, — писал он на первой странице. — Мы жили в зажиточной части Бронкса... Отец мой был торговцем. У него была сигарная лавка в деловой части Нью-Йорка».

В других местах книги было еще несколько упоминаний о его родителях. В одном-единственном месте говорилось о позиции, которую они занимали в то время, когда он был профессиональным свидетелем — описывался момент, когда газета Херста «Нью-Йорк джорнэл америкэн» собралась опубликовать серию «откровенных признаний» Матусоу в период его первого выступления перед комитетом по расследованию антиамериканской деятельности:

«Говард Рашмор (репортер Херста) и я отправились к моим родителям в Бронкс, где нас ждал фоторепортер газеты. Он сделал несколько снимков, но в газете был помещен тот, на котором был запечатлен момент, когда я на прощание целовал мать; в руке я держал черный портфель, в котором, как можно было догадаться, находился мой доклад о коммунизме.

Мои родители впервые услышали о том, что я собираюсь давать показания и что скоро мое имя узнают все в стране. В прошлом они никогда не симпатизировали моим коммунистическим взглядам, но терпели их... Они... говорили: «Что ж, у него своя голова на плечах».

Я думал, что родители, наверное, обрадуются, когда узнают, что я больше не коммунист. Однако и к этому событию они отнеслись с пассивным неодобрением. Они не считали, что успех человека измеряется количеством посвященных ему газетных заголовков.

Когда я выходил из дому, чтобы вернуться с Рашмором в его контору, я прочел на лицах своих родителей недоумение. Они не могли понять, что происходит. Мое внезапное появление, вспышки магниевых ламп, затем мой поспешный уход и несколько торопливых слов: «У меня сейчас нет времени, чтобы все вам рассказать. Читайте завтрашний номер «Джорнэл америкэн»¹.

В течение нашей совместной работы у меня создалось такое впечатление, словно Харви появлялся

---

¹ Серия статей Матусоу в «Джорнэл америкэн» была написана в сотрудничестве с ее репортером Говардом Рашмором.

Рашмор, ренегат, некогда работавший репортером в «Дейли уоркер», стал сотрудником «Джорнэл америкэн» в 1939 году и впоследствии одновременно работал для расследовательских комитетов конгресса, давая иногда отчеты о заседаниях, на которых он выступал главным осведомителем. Он получал особенное удовольствие от своих антикоммунистических *exposés* (разоблачений. — франц.).

По словам репортера «Нью-Йорк дейли ньюс», Рашмор часто показывал своим коллегам газетную вырезку о самоубийстве школьного учителя, затравленного расследованиями и выгнанного с работы. «Рашмор, — рассказывал репортер «Ньюс», — со счастливым выражением лица объявлял: «Это моя работа. Уже второй человек, против которого я давал показания, кончает жизнь самоубийством».

В начале 50-х годов Рашмор ушел из «Джорнэл америкэн» и стал работать на Маккарти в качестве старшего расследователя. Маккарти охарактеризовал бывшего репортера Херста как «одного из величайших людей Америки». Позднее Рашмор стал сотрудником полупорнографического скандального листка «Конфиденшел».

Грязная карьера Рашмора нашла свой ужасный конец 2 января 1958 года в Нью-Йорке в такси, когда он, застрелив свою жену, пустил себе пулю в лоб.

в жизни своих родителей и уходил из нее как посторонний человек. Он редко говорил о них. А когда говорил, то делал это вскользь и до странности отчужденно, хотя в его словах, несомненно, чувствовалась любовь к ним и забота. Разговаривая со своей матерью или отцом по телефону, он проявлял явное нетерпение, и, как бы короток этот разговор ни был, он стремился скорее кончить его. Изредка он заходил к ним домой или в табачный киоск, который они теперь содержали. В результате финансовых затруднений отец его лишился лавки. Свои визиты к родителям Харви явно рассматривал как обременительный долг. Он возможно дольше оттягивал каждый из них и уходил от стариков с чувством облегчения.

Несколько дней спустя после решения дать под присягой письменные показания по делу Флинн Харви попросил меня повидаться с его родителями. «Вы сами говорили, — сказал он мне, — что события могут развиваться довольно-таки быстро, стоит только представить эти показания. Я уже все рассказал своим старикам о книге и прочем... Но они, право же, ничего не поняли. Они беспокоятся. Обо мне, конечно. Я думаю, Берт, будет лучше, если вы поговорите с ними сейчас. Я и без того хотел, чтобы вы с ними познакомились...»

День, когда Харви повел меня к своим родителям, был холодным и серым. В воздухе кружили редкие снежинки. «Они уходят на работу к семи часам утра и не закрывают до семи вечера, — сказал он, когда мы подходили к старомодному административному зданию, в котором находился их табачный киоск. — Им не так-то легко живется. А они уже далеко не молоды».

На лицах супругов Матусоу жизнь оставила свой неизгладимый суровый след. Тем не менее их глаза, жесты, манера говорить — все в этой небольшой пухлой женщине и маленьком хрупком мужчине выражало доброту. С нежной озабоченностью они приветствовали Харви, суетились вокруг него, явно горя желанием уловить какой-нибудь знак внимания с его стороны. Он же, механически ответив на поцелуй матери, бесцеремонно стал доставать с прилавка пачку сигарет.

Они сказали, что очень рады познакомиться со мной. Харви им много обо мне говорил. А как поживают мои жена и три мальчика? Харви рассказывал, какая чудесная у меня семья...

Разговаривая со мной, они то и дело бросали на Харви тревожные взгляды. Я чувствовал, что им хочется задать ему множество вопросов, но что они едва ли осмелились бы сделать это, даже если бы меня здесь не было.

Через несколько минут Харви сказал, что очень сожалеет, но у него назначено другое свидание.

«Когда же ты опять зайдешь домой?» — спросила его с робкой улыбкой г-жа Матусоу.

«Как только смогу, мам, — ответил он. — Ты же знаешь, как мне много приходится работать над книгой».

Она молча кивнула.

Они провожали его взглядом, пока он не прошел через вращающиеся двери и не скрылся в уличном потоке. Волна холодного воздуха устремилась в вестибюль...

Г-жа Матусоу вздохнула: «Знаете, г-н Кан, — сказала она тихо, глядя на меня темными, печальными глазами, — я потеряла двух сыновей на войне. Мой старший сын был убит. Он не вернулся домой. А когда Харви возвратился, я поняла, что потеряла и его. Так сильно он изменился. Он стал другим человеком, г-н Кан. — Она опустила голову; губы ее слегка дрожали. — Он был ласковым ребенком, хорошим мальчиком. Он никогда никого не обижал. По воскресеньям я обычно водила его и его друзей в зоопарк. Ему всегда хотелось, чтобы и его друзья хорошо провели время... — Она сделала паузу и снова вздохнула. — Я не знаю, что с ним случилось, г-н Кан. Когда он пришел с войны, он был таким странным. Он не хотел разговаривать со своим отцом или со мной. Он, бывало, запирался у себя в комнате, вывешивая на двери записку: «Не беспокоить». С ним что-то сделала война, г-н Кан. Когда он уезжал, он обещал мне найти брата — тогда ему не хватало его. «Я найду Дэнни, мам, — говорил он мне. — Я найду его во что бы то ни стало». И он-таки нашел его. Нашел место погребения Дэнни. — Она взяла мои руки в свои маленькие, пухлые ручки. — Вы думаете, это не могло изменить юношу, г-н Кан, мальчика, которому еще не минуло и двадцати лет? Найти могилу своего брата и видеть, как убивают других мальчиков...»

Тихим, печальным голосом рассказывала она о своем втором, о своем младшем и теперь единственном ребенке. Рассказывала о том, каким он был смышленным, когда был маленьким мальчиком, и как его любили учи-

теля, о том, какие надежды возлагали на него они с г-ном Матусоу и как тяжело, как ужасно тяжело было осознать то, что с ним произошло...

Г-н Матусоу стоял, уставившись в пол, с выражением тоскливой покорности на сером, испещренном глубокими морщинами лице, изредка кивком головы соглашаясь с ее словами. Один только раз он тихо пробормотал, взмахнув своими худыми костлявыми руками: «Кто может объяснить, отчего происходят такие вещи? Кто?»

Время от времени, когда к табачному киоску подходили покупатели, г-жа Матусоу прерывала свой рассказ и обслуживала их, заставляя себя улыбнуться и сказать какую-нибудь незначительную приветливую фразу...

Наконец она спросила запинаясь:

«Г-н Кан, скажите, Харви предстоят большие неприятности?»

Что я мог ответить? Мне хотелось утешить эту добросердечную супружескую пару, на долю которой уже выпало более чем достаточно горя. И все же я считал, что было бы жестоко подавать им ложные надежды. «Харви совершил много серьезных ошибок, — сказал я, и они кивнули головами. — Он действительно многим причинил вред, но сейчас важно то, что он пытается залечить нанесенные им раны. А ведь это именно то, что и вы бы хотели, чтобы он сделал, не правда ли?»

Они ждали, пока я кончу говорить, ни на секунду не отрывая глаз от моего лица.

«В Денвере живет молодой человек, по имени Клинтон Дженкс, — сказал я. — Он мой друг. Прекрасный молодой человек. Он женат, и у него двое детей. Так вот, в результате показаний, которые давал против него Харви, он был приговорен к пяти годам тюремного заключения. А эти показания не были правдивыми. — Мать Харви печально опустила голову. — Сейчас Харви пытается спасти Дженкса от тюрьмы. Это одна из причин, по которой он теперь рассказывает правду. Не так-то просто встать и сказать всему миру: «Мои показания против этого человека — ложь». Тут нужно настоящее мужество. Я знаю, то, что я сейчас скажу, прозвучит странно, но у вас есть основания гордиться тем, что сейчас делает Харви».

«Скажите, г-н Кан, — сказала г-жа Матусоу спокойно. — Харви посадят в тюрьму?»

ПЕРЕД БУРЕЙ

1. Работа бригады

Издание любой книги требует большого труда. Когда работа автора над рукописью закончена, должен быть определен формат книги, ее нужно набрать, прокорректировать, сделать обложку, отпечатать и переплести. Больше того, так как книги обычно пишут в надежде на то, что их будут читать, должны быть сделаны приготовления для их продажи и распространения. Для всего этого нужно время. А именно время и было у нас на вес золота.

До того как мы узнали о приближающемся сроке для подачи ходатайства о пересмотре дела Флинн, мы с Ангусом считали самым ранним осуществимым сроком издания «Лжесвидетеля» конец апреля или начало мая. Было ясно, что при сложившейся ситуации этот срок не годился. Теперь мы решили объявить о выходе книги, когда Матусоу представит свое письменное показание по делу Флинн. Не требуется большого воображения для предвидения, что такое сочетание вызовет настоящую сенсацию и на книгу немедленно появится спрос.

Мы знали, что ускорение срока издания книги вызовет целый ряд затруднений, из которых не последнее место будет занимать резкое увеличение издержек производства. Но у нас не было выбора. И мы решили попытаться опубликовать книгу в марте.

Учитывая, что возможности нашей фирмы были весьма ограниченными как в отношении штата, так и в отношении рабочего помещения, мы создали специальную временную контору, чтобы ускорить издание книги.

Наша «специальная» контора состояла из двух комнат в отеле «Челси», старомодном здании с темным кирпичным фасадом и железными балконами, которое когда-то было любимым местом, где собирались видные представители литературных кругов. Теперь это здание стало в Нью-Йорке чем-то вроде достопримечательности. Комнаты хорошо подходили для наших целей: одна из них, просторная, с высокими потолками, могла служить рабочим местом для нескольких человек; другая — поменьше, смежная с ней, — была достаточно изолирована и годилась для Харви, заканчивавшего работу над книгой, а также для обычных редакционных нужд.

Вначале Харви возражал против работы в отеле «Челси». Он сказал, что это место угнетает его, смущенно объяснив: «В давние времена у меня здесь было несколько свиданий с другими правительственными свидетелями». Вскоре, однако, когда он сел работать, внося последние поправки в рукопись, делая подписи к документам, которые должны были быть использованы в качестве иллюстраций для книги, его отношение заметно изменилось. Когда работа над книгой стала приближаться к стадии печатания, он уже обсуждал возможность начать писать роман. Ясно было, что он, возбужденный перспективой писательской карьеры, получал все большее удовлетворение от того, что находился в здании, богатом литературными традициями...

Рут согласилась работать в новом здании. Большую комнату, которую Рут с присущим ей знанием дела оборудовала пишущими машинками, ящиками для бумаг, различными канцелярскими принадлежностями и дополнительными телефонами, мы превратили в наш штаб.

Не прошло и нескольких дней, как работа закипела.

Составив план работы, по которому мы наметили издать книгу в срок, на две трети меньший против обычных издательских норм, мы организовали себе в помощь бригаду, состоящую из энергичных сотрудников, которая должна была помочь нам с честью встретить 3 февраля — предельный срок подачи ходатайства о пересмотре дела Флинн.

Все члены этой бригады были движимы одним общим стремлением: способствовать тому, чтобы

разоблачения Матусоу стали достоянием общественности в возможно короткий срок.

Бывший член союза учителей, чья карьера была внезапно прервана проверкой «лояльности» в школах, взялся выверять правильность имен, дат и других фактических данных в рукописи Матусоу. Опытный газетный корректор, у которого превосходное мастерство сочеталось с преданностью делу борьбы против несправедливости, в ранние утренние часы, после работы в редакции газеты, где он сотрудничал, перечитывал законченные главы. Талантливый художник по рекламным вызвался сделать обложку книги. Формат книги разработал специалист этого дела.

Артур Кан, наш близкий друг, а не родственник, согласился посвятить часть своего времени нашей книге. Будучи писателем и блестящим ученым, хотя и с несколько педагогическим уклоном, он с присущей ему энергией и знаниями откорректировал рукопись, подготовил указатель к книге и следил за ней на многих стадиях производства. В дополнение ко всему он внес в наше предприятие сардонический юмор, который в момент наивысшего нервного напряжения подбадривал нас, помогая нам время от времени взглянуть на себя со стороны.

С Артуром возникла у нас загвоздка. В совершенстве зная синтаксис, он почти в каждом параграфе книги находил какое-нибудь слово, фразу или знак препинания, которые заставляли его чопорно заявлять: «Прошу прощения, но это просто не соответствует нормам английского языка».

«Ради бога, — вскоре сказал мне Ангус, — давайте лучше заберем у него рукопись, пока он не уговорил Харви написать новую книгу!»

Вскоре три стенографистки сели за машинки, и, работая день и ночь, снимали копии со всей рукописи, с тем чтобы, когда книга пойдет в набор, мы смогли использовать их для редакторской доработки и в целях распространения или каких-нибудь других нужд, которые могут возникнуть...

Наш отряд особого назначения был вынужден принять еще одного члена, чья работа не имела прямого отношения к нашему рискованному предприятию по изда-

нию книги. Его функция заключалась в том, чтобы быть телохранителем автора.

Мы с Ангусом все больше опасались за безопасность Харви. Мы считали, что, если с ним до осуществления всех наших планов не произойдет несчастья, это будет не вследствие соблюдения осторожности, а просто по счастливой случайности. И, по-видимому, настало самое время обеспечить его защитой от возможного преследования и нападения со стороны тех, кто, может быть, захочет помешать его разоблачениям. Я предложил, чтобы Харви перестал ночевать у себя на квартире в Гринвидж-Виллидж и каждую ночь приходил ко мне. В течение же дня мы избегали оставлять его одного. Но эти меры предосторожности нас далеко не удовлетворяли. Мы пришли к выводу, что при Харви день и ночь должен находиться телохранитель.

Первым человеком, о котором я подумал в связи с этой работой, был мой друг Чарльз Аллен, находчивый молодой журналист, бывший помощник редактора журнала «Нэйшн», который в колледже был первоклассным атлетом, а в годы второй мировой войны — парашютистом. Однако идея охранять Матусоу его не привлекала. «Стеречь этого провокатора! — фыркнул он. — Да я, может, сам бы столкнул его в лестничный пролет!» Ясно, что с такими настроениями он не подходил для этой работы.

Затем я обратился к Хербу Тэнку, бывшему матросу торгового флота, который в свои тридцать два года завоевал уже известное уважение в левых кругах в качестве драматурга и театрального критика. Подобно Чарльзу Аллену, таланты Херба не ограничивались областью литературы: одно время он был боксером-любителем. Если я стремился использовать силу Херба для охраны Харви от драматических несчастных случаев, то Херб стремился найти в Матусоу драматический материал для своей новой пьесы. Наши интересы совпали, и мы пришли к соглашению, что он станет телохранителем Харви.

При всем уважении к Хербу, быть может, стоит рассказать о том, что он предпочитал титул «компаньон» титулу «телохранитель». Возможно, последний чем-то оскорблял его сан литератора. Тем не менее свои обязанности он выполнял с таким торжественным усердием

и предельной осторожностью, ни на минуту не выпуская Харви из виду и временами таинственно исчезая с ним от всех нас, что мне иногда казалось, либо он нашел роль телохранителя более привлекательной, чем предполагал, либо репетировал в действительной жизни роль телохранителя для своей предполагаемой пьесы.

Еще одна, и самая приятная, функция Херба заключалась в том, что он разъединил меня с Харви. За предыдущие два с половиной месяца мы слишком много времени провели вместе. И наши участвовавшие стычки по пустяковым вопросам свидетельствовали о том, что я так же действовал ему на нервы, как и он мне.

По сдержанному выражению Рут: «Мы все могли теперь спать немного больше».

Когда-нибудь потом обязательно спросят, как это случилось, что министерство юстиции после безрезультатной посылки двух агентов к Матусоу вскоре после его прибытия в Нью-Йорк не предприняло никаких шагов, чтобы предотвратить написание книги и подачу им письменного заявления об отказе от прежних показаний. Можно, конечно, только делать предположения относительно непонятного хода мыслей соответствующих правительственных чиновников, но некоторые объяснения кажутся правдоподобными. Весьма вероятно, что генеральный атторней Браунелл и его сотрудники были просто неспособны предвидеть взрывную силу разоблачений Матусоу. Они не учли, что в связи с ослаблением международной напряженности, последовавшей по окончании военных действий в Корее и Индокитае, и с уменьшением военной истерии в самих Соединенных Штатах, в Америке против маккартизма поднималась волна общественного недовольства. Чиновники министерства юстиции оказались неспособными ясно представить себе изменившуюся обстановку. В отступничестве Матусоу от их гнусной осведомительско-свидетельской системы они не видели признака изменения духа времени. Они не понимали, что их собственные силы подавления были уже не те, что в разгар холодной войны, что их позиции становились все более уязвимыми.

Кроме того, их отношение к шумихе вокруг Матусоу, несомненно, отличалось высокомерием, к которому

правительственные чиновники имеют слишком большую склонность. «Какой вред может причинить такому величественному и грозному аппарату, каким является их министерство, признание одного-единственного опозоренного молодого осведомителя? И кто, в конце концов, поверит ему?» — вероятно, так рассуждали они.

Стоило бы только поколебать их благодушное настроение в этом вопросе, как они бы лихорадочно принялись искать способы исправить ситуацию, действуя окольными путями, идя на любые крайности. Но и тогда, к несчастью для них и к счастью для всей нации, было бы уже слишком поздно.

2. Показания под присягой

Во время лихорадочных приготовлений к изданию книги Харви начал набрасывать черновик письменных показаний, в которых признавался, что лгал на процессах Флинн и Дженкса. «Если я собираюсь писать сейчас о деле Флинн, — сказал он, — то я мог бы разделаться с таким же успехом с показанием по делу Дженкса. — И добавил с лукавством: — Вы не думаете, что Уитт будет возражать против этого, а?»

Матусоу попросил, чтобы Уитт для начальных и заключительных параграфов его письменных показаний указал ему «правильную юридическую терминологию». «Больше мне ничего не надо говорить, — заметил Матусоу. — Думаю, что в такого рода вещах я разбираюсь не хуже любого юриста. Как бы то ни было, я хочу рассказать все своими собственными словами...»

Как только Харви закончил черновой набросок своих показаний по делу Дженкса, он показал его мне. «Посмотрим, что вы об этом скажете», — сказал он с деланной небрежностью.

Адресованные федеральному суду в Эль-Пасо, штат Техас, показания начинались следующими словами:

«Я делаю под присягой это заявление, чтобы поддержать просьбу Клинтона Дженкса о пересмотре его дела и чтобы всеми доступными мне средствами исправить зло, причиненное мною Клинтону И. Дженксу и делу правосудия.

Я выступал в качестве свидетеля обвинения против обвиняемого во время слушания его дела

В этом суде в январе 1954 года, когда его обвинили в том, что в Национальном комитете по вопросам труда и зарплаты он подписал ложное заявление, что не является членом коммунистической партии...

Выдвинутые в моих показаниях утверждения были ложными целиком или наполовину, и в момент дачи показаний я это знал...

Ссылаясь на свои показания о том, что летом 1950 года он беседовал с Дженксом и последний сообщил ему, что является членом коммунистической партии, Харви объявлял их полностью ложными. «В то время, когда я давал свои показания в суде, у меня не было никаких оснований для заявления, что Клинтон И. Дженкс является членом коммунистической партии...»

Показание заканчивалось следующими словами: «Я готов в любое время лично подтвердить правдивость вышеизложенного».

Харви ждал моих комментариев.

«Я даже не знаю, как выразить то, что я чувствую, — сказал я ему. — Возможно, эти несколько листов бумаги спасут Клинта от пятилетнего тюремного заключения... Вы проделали большой путь, Харви».

Он хлопнул меня по плечу. «Хотел бы я видеть Клинта, когда он будет читать это!»

Мы показали заявление Ангусу. Прочитав его, он сказал: «Альберт, за это стоит выпить».

И мы выпили по рюмке вина — за справедливость, за Клинтона Дженкса и за Харви Матусоу.

Через несколько дней черновой набросок его показаний по делу Флинн был готов. В нем подробно излагалось, как летом 1952 года на процессе над тринадцатью лидерами компартии США, которых судили на основе закона Смита, он показал, что некоторые из подсудимых обсуждали с ним планы «насильственного ниспровержения» правительства Соединенных Штатов и саботажа выпуска продукции «в случае войны в Советском Союзе». В заявлении Харви говорилось, что все показания, которые он давал в доказательство этих положений, были ложными.

Далее Харви писал, что к даче ложных показаний против одного подсудимого его склонил помощник генерального атторнея США Рой Кон (впоследствии неизвестный консультант Маккарти по юридическим

вопросам), помогавший Харви готовить свидетельские показания по делу Флинн.

На процессе, рассказывал Харви в письменном заявлении, он показал, что издатель коммунистической литературы Александр Трахтенберг убеждал его содействовать продаже книги Андрея Вышинского «Советское государственное право» и утверждал, что она содержит важные директивы по свержению капитализма.

Вопрос об этой книге, говорилось в заявлении Харви, был впервые поднят Коном в присутствии нескольких других чиновников министерства юстиции.

«Следующий разговор с Коном о книге Вышинского состоялся у него в конторе... Кон показал мне один абзац в книге и объяснил, что именно это место имеет большое значение для подтверждения обвинения, выдвинутого правительством США. Затем он спросил меня, не говорил ли я с Трахтенбергом о чем-либо, что позволило бы использовать этот абзац в качестве доказательства обвинения. Я ответил отрицательно. Тем не менее впоследствии, после нескольких встреч с Коном, мы сфабриковали заявление, якобы сделанное Трахтенбергом в связи с этим абзацем, которое я включил в свои показания. Мы оба знали, что Трахтенберг никогда не делал заявлений, которые я ему приписал в своих показаниях на суде».

Это показание Харви, как и то, что он написал по делу Дженкса, заканчивалось заверением, что он готов лично подтвердить правдивость своего теперешнего заявления.

Я предложил, чтобы оба эти письменные показания были приведены в книге Харви.

«Только в приложении, — предостерег Артур. — Иначе они нарушат композицию книги».

3. Вашингтонская интермедия

18 января из вашингтонской адвокатской фирмы «Арнольд, Фортас энд Портер» мне позвонил Эйб Фортас. Название фирмы мне было хорошо известно. В противоположность большинству видных адвокатских фирм, в течение последних лет боявшихся братья за судебные дела, могущие вызвать недовольство господствующих

в стране сил, эта фирма неоднократно брала на себя защиту гражданских прав, гарантированных конституцией США. Как ему стало известно, сказал мне Фортас, мы собираемся издать книгу Матусоу, и он хочет выяснить, нельзя ли ему и его компаньонам по фирме ознакомиться с рукописью. Они интересуются ее содержанием ввиду особых обстоятельств. Дело в том, что в начале 1952 года на заседании сенатского комитета Матусоу обвинил Оуэна Латтимора, хорошо известного специалиста по дальневосточным проблемам, в связях с коммунистами. Обвинение было подтверждено и другими свидетелями обвинения. Когда Оуэн Латтимор опроверг это обвинение, министерство юстиции начало против него судебное преследование на основе ложных обвинений. Фирма Фортаса выступала в качестве его адвоката.

Фортас хотел выяснить, не содержатся ли в книге Матусоу важные материалы для защиты их клиента.

В книге Харви как раз был дан подробный отчет о его показаниях против Латтимора. Матусоу рассказывал, как он намеренно лгал, утверждая в своих обвинениях, что книги Латтимора были использованы «коммунистами в качестве официального руководства для коммунистической политики в отношении Азии».

Я ответил Фортасу, что буду рад привезти рукопись Матусоу в Вашингтон.

Мне было очень интересно узнать мнение Фортаса и его компаньонов о книге. Помимо того, что они были весьма компетентными юристами, у них за спиной был большой политический опыт. Тэрман Арнольд, автор нескольких книг по вопросам права и политики, раньше был федеральным судьей и помощником генерального атторнея США. Эйб Фортас в период Нового курса был заместителем министра внутренних дел. Поль Портер занимал правительственные посты при Рузвельте, а после второй мировой войны возглавлял американскую миссию по оказанию экономической помощи Греции.

Какое бы мнение ни сложилось у них о рассказе Матусоу, оно наверняка будет мнением весьма сведущих людей. Сам я, будучи тесно связан с книгой, чувствовал, что мое суждение о ней может быть пристрастным. Поэтому мне очень хотелось знать, что они скажут о ней.

Если не считать нашей маленькой группы, это были первые люди, которые должны были познакомиться с содержанием книги Матусоу...

Контора «Арнольд, Фортас энд Портер» была расположена в тихом жилом районе Вашингтона и занимала красивое здание в английском стиле, в котором раньше проживал член Верховного суда. Меня принял Эйб Фортас. Это был живой стройный мужчина лет сорока с небольшим, производивший впечатление человека, прекрасно знающего себе цену и привыкшего принимать решения не только за себя, но также и за других. У него была сдержанная и вежливая манера держаться.

Сказав мне, что судья Арнольд вышел позавтракать и скоро должен вернуться, Фортас провел меня в его кабинет. Это была просторная комната, обставленная скромно, но с большим вкусом; окна ее выходили в маленький дворик и сад. Одна из стен кабинета была увешана портретами правительственных сановников с автографами, а также фотографиями выдающихся юристов.

Пока мы ждали судью Арнольда, я описал Фортасу обстоятельства, при которых мы с Ангусом встретили Матусоу, а также некоторые трудности, встречавшиеся за время нашей совместной работы с ним. Вскоре сдержанность Фортаса исчезла. Его лицо отражало напряженный интерес, и время от времени он прерывал меня, задавая вопросы, которые свидетельствовали о его искреннем желании разобраться в характере Матусоу и причинах, побудивших его к действию...

Наш разговор уже длился около получаса, когда в комнату вошел крупный медлительный мужчина с седеющими волосами и почти седыми усами.

Если бы вы не знали, что судья Арнольд был уроженцем Лэрами, штат Уайоминг, и даже был когда-то мэром этого городка на западе США, по его цветущему виду и слегка помятому костюму из твида вы могли бы принять его за преуспевающего английского сквайра.

Я принес с собой экземпляр своей книги «Измена родине», чтобы подарить его судье Арнольду. Я сказал ему, что в книге упоминается о его попытках в качестве помощника генерального атторнея разоблачить сговор между американскими монополиями и нацистскими картелями. Он тепло поблагодарил меня за книгу и,

опершись на спинку стула, стоявшего за письменным столом, машинально открыл томик на индексе...

«Г-н Кан только что рассказал мне чрезвычайно интересную историю», — сказал Фортас.

«О чем же?» — спросил судья Арнольд, взглянув на меня из-под мохнатых бровей.

По настоянию Фортаса я повторил свой рассказ. Если эта история и представляла для них интерес, то судью Арнольда она, казалось, заинтриговала даже больше, чем Фортаса. Время от времени он фыркал от удивления или хрипло восклицал: «Замечательно!»

Вскоре он спросил: «Где Портер? Чем он сейчас занимается? Ему следовало бы послушать это!» Он снял телефонную трубку: «Попросите г-на Портера спуститься ко мне, как только он освободится...»

Когда я описывал роль, которую сыграл Матусоу в процессе над Флинн, судья Арнольд вежливо спросил меня, склонив голову набок: «Скажите мне, г-н Кан, а вас не называли когда-нибудь красным?»

«Конечно, называли. И вас, конечно, тоже называли. Только, возможно, с меньшими на то основаниями».

Судья довольно засмеялся. «Вот как?» — В его вопросе звучали одновременно любопытство и учтивость.

Судья Арнольд взял подаренный ему экземпляр «Измены родине» и начал читать на обложке цитаты из рецензий на мои предыдущие книги. Эти рецензии, напечатанные в «Нью-Йорк геральд трибюн», «Бэрронз фэйнэншиэл уикли» и в других таких же уважаемых газетах, как и большинство приводимых издателями рецензий, были хвалебными. «Такая была у меня репутация до начала холодной войны в 1947 году», — сказал я судье улыбаясь.

Судья Арнольд протянул книгу Фортасу. «Взгляните на это, Эйб, — сказал он торжественно, указывая на цитаты, которые были на обложке. — Вот какая репутация была у г-на Кана до 1947 года...» — Это прозвучало, как слова из некролога.

К нам присоединился высокий неуклюжий мужчина, тяжело усевшийся на валик кожаного дивана. Судья Арнольд обратился к нему: «Поль, вы должны послушать рассказ г-на Кана о Матусоу. Вы никогда не слышали ничего подобного».

Таким образом, я в третий раз в этот день рассказал, как возникла книга «Лжесвидетель»...

Указав на основное содержание рукописи, я прочел отрывок из главы, в которой говорилось о показаниях Харви против Латтимора. Харви заявлял, что он говорил «совершеннейшую ложь», намеренно упоминая известные имена, чтобы попасть в газеты: «Я был очень доволен результатом своих показаний, читая такие заголовки газет: «Матусоу заявляет, что он считает Латтимора красным», «Книга Латтимора официально одобрена красными, говорит свидетель»... Благодаря Латтимору я занял первые страницы всех газет Соединенных Штатов».

Все три сидящих в комнате юриста обменялись многозначительными взглядами...

«Подумать только, правительство США использовало этих лжецов в качестве свидетелей, — сказал Портер. — И в одном деле за другим!»

«Следовало бы всесторонне расследовать этот бизнес профессиональных свидетелей», — сказал судья Арнольд.

Никто ему не возразил.

В тот день, прежде чем уехать из Вашингтона, я встретился с газетным обозревателем Стюартом Олсопом. Я считал, что лучше всего будет сообщить новость о готовящейся к печати книге Матусоу в одной из обзорных статей, которые Стюарт обычно писал совместно со своим братом. Их обозрения читала вся страна, и они уже несколько раз выступали с резкими статьями относительно использования министерством юстиции профессиональных свидетелей. Несмотря на то, что они были известны своими ультраконсервативными взглядами на международные события, они неоднократно высказывались против наступления на гражданские свободы в своей стране.

Отношение Стюарта Олсопа к моему рассказу было совершенно противоположным тому, которое я встретил у судьи Арнольда и его коллег. Он слушал с холодной отчужденностью, его тонкое, красивое лицо оставалось безучастным. А весь вид его был настолько равнодушным, что он даже не напоминал высокомерной надменности аристократа, спокойно принимающего свое

собственное высокое положение. Из его немногих сухих вопросов я сделал вывод, что он с крайним скептицизмом взирает на свое видное положение в журналистских кругах. Тем не менее было ясно, что этот юный элегантный журналист был о себе весьма высокого мнения, и действительно, почему бы нет? Ведь так расценивают себя миллионы его соотечественников.

Все же Олсоп производил впечатление человека, который сумеет разобраться в вопросах, более сложных, чем дело Матусоу.

«Если я и соберусь написать что-нибудь о Матусоу,— начал он спокойно рассуждать после того, как я рассказал ему о том, что заявление Харви по делу Дженкса должно быть подано в суд примерно на этой неделе,— я точно не знаю, когда смогу это сделать. Все зависит от того,— сказал он,— какой материал придет брат Джозеф с Дальнего Востока. Они ожидают в скором времени больших событий». Он намекнул, что ежеминутно может произойти нечто страшное, возможно, между великими державами начнутся открытые военные действия.

«В этом случае,— сказал он,— нам придется отложить статью о Матусоу».

Нельзя было, конечно, отрицать, что газеты в первую очередь сообщают о начале третьей мировой войны, а не об отречении Матусоу. Тем не менее ставить на одну доску оба этих события по крайней мере легкомысленно...

Олсопа беспокоили другие непредвиденные обстоятельства. «Насколько мы можем быть уверены в том, что Матусоу не откажется от того, что он признает сейчас, и не заявит, что коммунисты побудили его ко всему этому?»

Я ответил ему, что полной гарантии против этого нет, но что я уверен в искренности Матусоу. «Кроме того,— добавил я,— у нас же есть документы, подтверждающие то, что он сейчас говорит, а также его письменные заявления».

«Что, если я обращусь к этим его показаниям, а он потом заявит, что они не были правдивыми? Сможет он возбудить против меня судебное дело?»

Я заверил его, что это едва ли возможно.

«Знаете, очень жаль,— проговорил он задумчиво,— что книгу Матусоу не выпускает какой-нибудь другой

издатель. Было бы лучше, если бы она была издана одной из старых, солидных фирм...»

Очевидно, для того, чтобы у меня никоим образом не сложилось ложное впечатление от того, что он проявил какой-то интерес к делу Матусоу, Олсоп подчеркнул, что они с братом всегда были на передовой линии борьбы против коммунизма.

«Вам, конечно, известно, что мы внесли свою лепту в разоблачение заговора коммунистов, пытавшихся установить контроль над КПП, — сказал он. — И я не сомневаюсь, что этот парень Дженкс — коммунист. Если он и не является им сейчас, то наверняка был им до недавнего времени. Он ведь прибегал к Пятой поправке, не так ли?»

Я ответил, что, насколько я понимаю, использование этой конституционной привилегии, по общему мнению, не представляет собой какой-либо вины. Терпение мое иссякло, и я начал уже сомневаться в том, будет ли Олсоп вообще писать об этой истории.

Затем он медленно и глубокомысленно сказал: «Конечно, дело не в том, прибегал он к Пятой поправке или нет. Дело заключается в том, что если Матусоу давал ложные показания против Дженкса и если Дженкс был несправедливо осужден на этом основании, то приговор должен быть отменен».

Это его заявление застало меня врасплох. Я понял, что его претенциозная манера держаться заставила меня недооценивать его.

Олсоп продолжал: «Можно ли будет получить экземпляр рукописи Матусоу? Я думаю, что, может быть, напишу об этом столбец-два...»

4. Заседание в Денвере

26 января, за два дня до того, как письменное заявление Матусоу по делу Дженкса должно было быть подано в суд, я вылетел в Денвер, чтобы присутствовать на заседании исполнительного комитета Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности. Меня пригласили для того, чтобы обсудить вопрос о распространении книги Матусоу среди членов профсоюза.

В связи с тем, что события скоро должны были достичь апогея своего развития, мы с Ангусом проявляли

особенный интерес к этому заседанию. Мы послали руководящим деятелям профсоюза копии рукописи Матусоу и теперь хотели выяснить, каков будет весь заказ профсоюза на книгу. От его размеров зависело очень многое. Наша фирма постоянно испытывала финансовые затруднения. Кредит наш, как всегда, держался на волоске. И как решить несметное количество срочных вопросов, связанных со спешным изданием книги Харви, если нам пока не представилось возможности получить еще какой-нибудь аванс по заказу, кроме того, что мы получили первоначальный заказ на 2000 экземпляров со стороны Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавиной промышленности. Перед нами встала дилемма: у нас в руках была рукопись, которая, казалось, имела все основания стать бестселлером, но у нас в банке не хватало денег, чтобы ее напечатать.

Заседание исполкома профсоюза имело и другое значение. Об этом я размышлял в то время, как самолет летел на Запад. Никто из членов американских профсоюзов не имеет более печального опыта знакомства с ролью осведомителей, чем члены профсоюза горняков и плавиных. Годы упорной борьбы рабочих на рудниках и в городах запада, где находились предприятия компании, воспитали в них лютую ненависть к агентам в рабочем движении, к провокаторам, к тайным оперативным работникам полиции. А в последние годы этот профсоюз, будучи одним из самых воинственных и независимых, стал объектом постоянных расследований, основанных большей частью на лжесвидетельских показаниях осведомителей-свидетелей, на расследовательских комитетах конгресса и судебных процессах в федеральных судах. Для членов этого профсоюза такая фигура, как осведомитель, не являлась отвлеченной и подлежащей обсуждению с точки зрения гражданских прав и конституционного права. Для них это был вопрос, непосредственно затрагивающий их жизненные интересы.

Как же они отнесутся к Матусоу? На основе его ложных показаний один из их руководителей был приговорен к пятилетнему тюремному заключению. Возможно, именно Матусоу больше, нежели какой-либо другой профессиональный свидетель, распространял о них клеветнические измышления. Смягчит ли в их глазах его вину теперешнее его отречение от прошлых показаний? Или

они отнесутся к нему с прежним отвращением, рассматривая его отречение просто как удобную форму смягчения вреда, причиненного им?

Как только я прибыл в штаб-квартиру профсоюза, я сразу почувствовал царившее там возбуждение. Все сотрудники знали, что письменное заявление Матусоу по делу Дженкса должно быть на днях подано в суд. Машина гласности пришла в движение. Стенографистки деловито сверяли отпечатанные на мимеографе оттиски, чтобы они были готовы для передачи телеграфным агентствам, газетам, радио- и телевизионным комментаторам, как только заявление о пересмотре дела будет подано в суд. В ближайшем, уже набранном номере еженедельной профсоюзной газеты значительное место отводилось выдержкам из письменного заявления Матусоу, цитатам из рукописи его книги и репродукциям газетных заголовков, некогда возвещавших о его сенсационных обвинениях, выдвинутых против Дженкса и профсоюза.

Меня провели в большую комнату для совещаний, где полным ходом уже шло заседание исполнительного комитета. Около сорока руководящих работников профсоюза горняков и плавильщиков сидели за двумя длинными столами. Среди них было несколько моих друзей: Морис Трэвис, секретарь-казначей профсоюза, крупный, выглядевший угрюмым мужчиной с черной повязкой на глазу, выбитом нападшими на него молодчиками, состоявшими на службе у компании; вице-председатель Эсбэри Говард, уже немолодой негр с волевым лицом; вице-председатель Орвилл Ларсон, краснолицый гигант с копной седеющих волос; районный организатор Ол Пезатти, темноволосый, стройный, похожий на юношу...

Председательствовал Джон Кларк, председатель профсоюза. Низкорослый, плотный, в очках, начавший работу на приисках в начале 1900-х годов еще мальчиком, он был скорее похож на священника-баптиста, чем на профсоюзного лидера. Когда Кларк представлял меня, Трэвис наклонился ко мне: «Постарайтесь покороче, — сказал он. — У нас еще куча вопросов на повестке дня».

Я постарался следовать совету Трэвиса. Остановившись на нескольких фактах, касающихся моих

взаимоотношений с Матусоу, я в нескольких словах рассказал о содержании его книги, указал намеченный нами срок издания и сел.

В тот же миг члены комитета начали бомбардировать меня вопросами. По количеству и по существу этих вопросов было видно, что их меньше всего беспокоила перегруженность повестки дня. Они хотели знать, насколько искренним был Матусоу. Почему он развелся со своей женой — миллионершей? Принял ли он уже религию мормонов? (Значительная часть членов профсоюза в штате Юта была мормонами.) Можно ли быть уверенным, что он не вернется к своей прошлой деятельности?

Многие из вопросов совпадали с теми, которые мне задавали несколько дней назад в Вашингтоне в конторе судьи Арнольда...

Большое впечатление на меня произвело то обстоятельство, что, в то время как некоторые члены комитета выражали свое сомнение в степени перерождения Матусоу, лишь немногие проявляли по отношению к нему враждебность. Более удивительно было то, что многим, казалось, действительно было жаль его.

Тем временем, однако, лишь дважды было мимоходом упомянуто о том, что, как я надеялся, должно было быть основной темой обсуждения, — о продаже книги Матусоу среди членов профсоюза...

После совещания Трэвис отвел меня в сторону. «Вы испортили все дело! — зарычал он. — Мы предполагали, что вы поднимите вопрос о заказе».

Допущенная оплошность теперь казалась непоправимой.

«Я думал, что руководители профсоюза сами позаботятся об этом», — сказал я, немного заминаясь.

«Когда человеку что-нибудь нужно, он должен сам просить об этом».

На следующее утро я встретился с руководителями профсоюза. Они дали согласие на то, чтобы их заказ на книгу Матусоу был увеличен до 5000 экземпляров.

«Знаете, — сказал мне Кларк перед моим отъездом из Денвера, — странно, что мы вот так говорили о человеке, который был осведомителем. Быть может, вы слышали, как в прошлые времена шахтеры относились к осведомителям. Без всякого снисхождения. — Председа-

тель профсоюза в размышлении задымил трубкой. — Но когда человек хочет исправиться, что ж, ему следует дать возможность попытаться... И если вы правильно поняли этого молодого человека и его действия свидетельствуют о том, о чем вы говорите, — он заслуживает того, чтобы ему помогли...»

Слегка улыбнувшись, Кларк добавил, что поговаривают даже о том, чтобы пригласить Матусоу на ежегодный съезд профсоюза, который должен был вскоре состояться.

«Конечно, это совершенно исключено, — сказал он. — Есть ребята, которые не так-то легко прощают, и они могут попытаться свести с ним счеты».

„БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ“

1. История начинается

Была пятница, 28 января 1955 года, когда миллионам американцев стала известна новость об отречении Матусоу от его свидетельских показаний. В этот день Стюарт Олсоп назвал свою очередную статью, напечатанную во всех крупных газетах, «Легальная ложь». Она начиналась следующими словами:

«Недавно бывший молодой коммунист, бывший профессиональный свидетель и бывший помощник сенатора Джозефа Р. Маккарти написал замечательную политическую исповедь, которая может вызвать большой взрыв. Ибо автор этой исповеди — Харви Матусоу — откровенно объясняет, как он превратил в бизнес дачу ложных показаний и как американское правительство сделало этот бизнес за счет американского налогоплательщика весьма доходным».

Приведя несколько ярких цитат из книги, Олсоп продолжал свой комментарий:

«Могут сказать, конечно, что Матусоу, лгавший ранее, лжет и теперь, сознаваясь в своей лжи... Разумеется, зная его репутацию, никто не может ожидать от Матусоу исключительной правдивости или политической мудрости. Но почти вся эта поразительная история подтверждается соответствующей документацией. Не приходится сомневаться в достоверности изложенных в книге фактов еще и потому, что Матусоу сам является главным объектом всех своих разоблачений.

Во всяком случае, ни конгресс, ни министерство юстиции не могут просто игнорировать откровенное признание Матусоу».

И в заключение он писал:

«Исповедь Матусоу, вероятно, приведет к тому, что деятельность представителей этой новой послевоенной профессии осведомителей будет подвергнута серьезному расследованию. И это может дать хорошие результаты, оздоровив политическую жизнь Соединенных Штатов».

Если ожиданиям Олсопа относительно «серьезного расследования» осведомительского рэкета суждено было оказаться чрезмерно оптимистическими, то его предсказанию о том, что признание Матусоу может вызвать «большой взрыв», суждено было осуществиться быстро и драматически.

В то самое время, когда статью Олсопа читали на страницах многих газет по всей стране, письменное показание Матусоу по делу Дженкса, данное им под присягой, вместе с заявлением о пересмотре дела было подано в федеральный суд в Эль-Пасо, штат Техас. Судья Томасон, председательствовавший на первом процессе, назначил слушание заявления на 7 марта.

Хотя мы предвидели, что эти события вызовут некоторое волнение, никто из нас не был готов к буре, которая теперь разразилась...

Вечером в эту пятницу лишь немногие радио- и телевизионные комментаторы не упомянули об отречении Матусоу от его прошлой деятельности.

Субботние газеты пестрели именем Матусоу.

Чиновники министерства юстиции, осаждаемые репортерами, обеспокоенные всем этим, обещали провести какое-нибудь расследование.

«Помощник генерального атторнея Браунелла, — с негодованием сообщала газета «Нью-Йорк пост», — недвусмысленно заявил, что правительство при расследовании не собирается больше пользоваться услугами Матусоу в качестве «эксперта»...»

В понедельник утром в федеральный суд в Нью-Йорке было подано письменное заявление Матусоу, данное им под присягой, в котором говорилось, что он

лгал на процессе по делу Флинн и что к даче ряда ложных показаний он был склонен помощником генерального атторнея США Роем Коном. Судья Димок, председательствовавший на этом процессе, назначил слушание заявления о пересмотре дела на 10 марта.

Этому письменному заявлению Матусоу были посвящены первые страницы всех американских газет. В каждом городе с экранов телевизоров на зрителей смотрели лица сидящих рядом мужчин — темноволосого молодого экс-осведомителя Матусоу и темноволосого молодого экс-расследователя Кона. Полились миллионы слов о Матусоу: обозреватели газет, радио- и телевизионные комментаторы, журналисты — охотники за сенсациями стали рассказывать и пересказывать подробности его карьеры и обсуждать вероятные политические последствия его разоблачений.

Заведующий бюро газетных вырезок, обслуживающий нашу фирму, позвонил нам в контору. «Какого рода нужен вам газетный материал? — спросил он возбужденно. — Я имею в виду, какое количество материала, сколько вы хотите оплатить? Дела сейчас идут так, что до конца недели мы сможем дать вам 10 000 вырезок».

За одну ночь дело Харви Матусоу прогремело по всей стране.

Трудно было поверить, что на прошлой неделе о подробностях истории Матусоу знала лишь горсточка людей...

«Плотина прорвана, — сказал Ангус. — То, что сейчас происходит, лишь начало. Правительство, в сущности, никогда не освещало этот осведомительский бизнес. А люди боялись высказываться. Теперь каждый будет поступать так, как найдет нужным».

Газетные вырезки, собранные со всех концов страны, свидетельствовали о том, что ни одно текущее событие не подвергалось более широкому обсуждению в редакционных статьях.

Большинство передовиц не только призывали ко всестороннему расследованию дела Матусоу, но и осуждали министерство юстиции за использование им в широких масштабах осведомителей-свидетелей.

Типичной была передовая в «Нью-Йорк таймс», в которой заявлялось:

«Грязному бизнесу платных профессиональных осведомителей, получившему за последние несколько лет при поощрении со стороны правительства большое распространение, нанесен удар одним из хорошо известных представителей этой профессии, который заявил теперь, что он все время лгал...

В интересах элементарной справедливости нужно, чтобы были уничтожены последствия его недостойных показаний во всех делах, в которых Матусоу был серьезно замешан».

Трудно удержаться, чтобы не поразмыслить над тем, что раньше эта самая газета с легкостью печатала сообщения о показаниях Матусоу, хотя сама же получила от него данное под присягой письменное заявление, в котором Матусоу признавался, что он давал против этой газеты ложные показания.

«На чьей же стороне генеральный атторней Браунелл? — спрашивалось в газете «Сан-Луи пост-диспетч». — На стороне закона и порядка? Или нет?»

«Саморазоблачение Харви Матусоу как лжесвидетеля не должно было никого удивить — и меньше всего министерство юстиции, — заявила «Вашингтон пост энд таймс геральд», которая всегда относилась критически к системе профессиональных свидетелей... — Всякому должно быть ясно, что г-н Матусоу — человек с сомнительной репутацией и ненадежным характером».

«Вашингтон пост» продолжала задавать вопросы:

«Сколько американцев несправедливо признаны виновными на основании показаний Матусоу? И сколько еще других американцев было послано в тюрьму или опорочено на заседаниях расследовательских комитетов конгресса другими бывшими коммунистами, ставшими клятвопреступниками, решившими, подобно Матусоу, превратить лжесвидетельство в доходное предприятие?»

В «Мильвоки джорнэл» появилась одна из наиболее острых передовых. В ней, в частности, говорилось:

«Если попытаться ответить на вопрос, когда и о ком лгал Харви Матусоу, то перед глазами встает потрясающая картина: дорогу лжи открыло правительство, облеченное доверием народа, призванное быть слугой народа.

В нашей стране появилась... готовность и даже рвение подозревать всех и вся... Эта страсть к охоте за ведьмами привела к тому, что такие безответственные, патологические и дрянные людишки, как Матусоу, стали изливать потоки грязи, фальсифицировать, выдумывать...

Общеизвестно, как люди, подобные сенатору Маккарти и Рою Кону, подстрекали и использовали Матусоу. Могли ли они не знать, что показания Матусоу были во многом ложными?.. То же самое может быть сказано и о министерстве юстиции...»¹

Были, конечно, некоторые газеты, которые выражали страстное негодование не в связи с тем, что правительство использовало Матусоу, а в связи с теперешними признаниями Матусоу относительно того, каким образом его использовали.

Заставить жертвы показаний Матусоу нести ответственность за его преступления против них, настаивать на том, чтобы он был посажен в тюрьму не за совершение этих преступлений, а за признание в них, являлось, мягко выражаясь, примером самой изощренной логики...

Таким же изощренным было объяснение причин отречения Матусоу от прошлого, данное в конгрессе членом палаты представителей Фрэнсисом И. Уолтером. Уолтер заявил, что он убежден, что «все это подстроила коммунистическая партия». Это она, стремясь «дискредитировать расследования, проводимые конгрессом», послала Матусоу работать в качестве осведомителя ФБР и правительственного свидетеля. Неправдоподобность этого утверждения очевидна, ибо в таком случае получалось, что коммунистическая партия послала Матусоу, чтобы он способствовал заключению в тюрьму ее собственных лидеров, как было, например, в деле Флинн. И это, однако, не удержало Уолтера от попыток убедить министерство юстиции преследовать Матусоу за «левый заговор». И, возможно, подобные попытки были вполне естественны. Уолтер должен был прийти в такое неистовство от отступничества Матусоу, потому что он сам был председателем комитета палаты представителей по рас-

---

¹ Член палаты представителей от штата Пенсильвания Джордж М. Родес полностью поместил эту передовую статью из «Мильвоки джорнэл» в «Конгрешинэл рэкорд».

следованию антиамериканской деятельности, который периодически использовал показания Матусоу и который, в сущности, первый представил Матусоу американской публике в качестве «свидетеля-эксперта».

Не вызывало также большого удивления и то, что Рой Кон, занимавшийся теперь в Нью-Йорке частной юридической практикой, поспешил опубликовать полное негодования опровержение, в котором он отрицал, что побуждал Матусоу давать ложные показания по делу Флинн. «Я уехал в Европу еще до того, как узнал, что он должен быть свидетелем», — протестовал Кон. Осторожности ради он не упомянул, что до своего отъезда, будучи помощником генерального атторнея США, он много времени провел с Матусоу, готовя его к даче показаний на процессе. Обвинения, выдвинутые Матусоу, сказал Кон, являются «еще одним маневром коммунистов».

«Может быть, это и так, — комментировала газета «Вашингтон пост», — но было бы лучше, если бы г-н Кон был настроен так же скептически, когда Матусоу показывал против других американцев».

Что, возможно, вызвало удивление, так это реакция одного из этих «других американцев» на признание Матусоу в том, что он намеренно давал против них ложные показания.

В статье, напечатанной в газете Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности, председатель профсоюза Джон Кларк писал:

«Прежде мы были свидетелями того, как профсоюзный ренегат становится провокатором или осведомителем, а затем принимается... пригвождать к позорному столбу тех, кто выполняет работу, возложенную на них членами профсоюза...

В данном случае мы наблюдаем противоположное — человек, стремясь сделать все возможное с целью исправить причиненное им зло, полностью отрицает свидетельские показания, в верности которых он поклялся. Он готов встретить обвинение в клятвопреступлении, возможное тюремное заключение, преследования со стороны своих прежних хозяев...

Тот не человек... кто доносит на своих товарищей по работе. Г-н Матусоу должен обладать

настоящими человеческими качествами, чтобы предпринять такие решительные шаги, какие он предпринял, пытаясь смыть позор со многих своих соотечественников».

Тогда же Харви получил письмо от Клинта Дженкса, в котором, в частности, говорилось:

«Я присоединяюсь к тем, кто приветствует ваше возвращение к человеческой расе.

Я восхищен не только той решимостью, с которой вы отказались участвовать в кампании по уничтожению демократических прав, по удушению свободы слова и свободы совести, но также и той решимостью, с которой вы пытаетесь сделать все возможное, чтобы в какой-то мере исправить совершенную вами несправедливость и зло...

Я сознаю, что вам, как и многим из нас, являющимся вашими жертвами, предстоит еще преодолеть очень большие трудности... Но с каждым днем, несмотря на хриплые голоса человеконенавистников, приближается время, когда все люди станут жить лучше...

Благодарю вас за то, что вы сделали, и за то, что вам еще предстоит сделать».

2. Звонят телефоны

Вплоть до января 1955 года мало кто, за исключением прогрессивных кругов, а также федеральных агентов, которые любого издателя, специализирующегося на политически острых книгах, автоматически заносят в своих досье в списки подрывных организаций, знал о существовании издательской фирмы «Камерон энд Кан». Теперь этой относительной неизвестности пришел конец. Наше скромное издательское предприятие неожиданно стало центром внимания всей страны.

Позднее, когда в различных официальных судебных инстанциях меня спрашивали относительно подробностей обстоятельства этого периода, некоторые из них я вспомнил с трудом. Так много событий происходило одновременно и одно сменяло другое с такой быстротой, что все казалось вертящимся в туманном калейдоскопе. Однако за одно я могу с уверенностью поручиться: наша контора функционировала круглые сутки. Боль-

шинство из наших сотрудников не только работало, но и ночевало в конторе отеля «Челси». Во время еды мы в одной руке держали бутерброд, а в другой — телефонную трубку. И мы привыкли к тому, что когда время от времени выходили из отеля подышать свежим воздухом, то всегда видели стоящий у входа в здание автомобиль, два пассажира которого, сидевшие с застывшими лицами наподобие окостеневших близнецов, явно были агентами ФБР.

В течение всего дня и до позднего вечера нас бомбардировали телефонными звонками. Редактор висконсинской газеты звонил, чтобы узнать подробности деятельности Матусоу во время избирательной кампании 1952 года, которую он проводил в пользу сенатора Маккарти. Газета, выходящая в Солт-Лейк-Сити, хотела получить материал о показаниях Матусоу в столице штата Юта. Репортер газеты среднезападного колледжа спрашивал, нет ли в «Лжесвидетеле» каких-нибудь упоминаний об их Alma mater¹ (Матусоу однажды обвинил этот колледж в том, что он является рассадником тайных интриг коммунистов). Редактор крупного иллюстрированного журнала попросил дать ему фотографии Матусоу, когда тот был ребенком, юношей и солдатом армии Соединенных Штатов (у нас не оказалось под рукой таких снимков, и все, что я мог предложить, была фотография Харви с бородой, которую он теперь сбрил). Начальник вашингтонского бюро национального радиовещания вежливо поинтересовался, не «скрывается» ли Матусоу, — он сообщил мне, что чиновники министерства юстиции подозревают, что именно так обстоит дело. (Я сказал ему, что Харви сидит в соседней комнате, внося последние исправления в гранки своей книги...)

Были и такие звонки, в которых повторялось распространенное в буржуазной прессе утверждение о вырождении человеческого общества.

Один английский издатель позвонил по трансатлантическому телефону и известил меня, что хочет приобрести право на издание «Лжесвидетеля» фирмой «Импайр».

---

¹ Alma mater (лат.) — университет, в котором обучался говорящий.

Хорошо известная газета «Франс суар» прислала из Парижа телеграмму с просьбой предоставить в ее распоряжение гранки книги Матусоу, чтобы печатать книгу в газете из номера в номер.

Итальянский журнал ходатайствовал о фотографиях Матусоу: «желательно с сенатором Маккарти и Роем Коном».

Восточная Европа также заинтересовалась Матусоу. Нашу контору посетил корреспондент польской газеты. С опаской сообщив нам, что до отеля за ним шли два человека, которых он принял за «чиновников Бюро расследования», он спросил, не может ли получить оттиск с гранок «Лжесвидетеля». «Моя газета, — сказал он, — хотела бы отрецензировать эту важную работу». Когда я вручил ему одну из копий рукописи, он сунул ее в большой портфель, попрощался и, многократно тепло поблагодарив меня, удалился, заметно нервничая.

В штаб-квартире Объединенных Наций с датским исследователем Питером Фрэйхеном я обсудил возможность публикации «Лжесвидетеля» в газете «Политикен», корреспондентом которой при Организации Объединенных Наций он был. Хмурясь, водил он большим пальцем по рукописи. Этот человек своей массивной головой и буйной бородой напоминал мне самого Тора. «Я не думаю, что моя газета согласится печатать это, — прогремел он. — Для датских читателей эта тема слишком упадочная...»

В связи с тем, что от телеграфных агентов, газет, журналов, радио- и телевизионных станций ежедневно поступали просьбы к Матусоу дать интервью, мы решили устроить пресс-конференцию, на которой Матусоу выступит и ответит на все вопросы. Мы разослали приглашения, в которых объявили, что конференция состоится днем 3 февраля в отеле «Билтмор».

Немедленно из телевизионной студии раздался звонок. И нам взволнованно сообщили, что возникает множество технических трудностей по установке звуковой аппаратуры и телевизионных камер на пресс-конференции. Нет ли возможности дать интервью для телевидения заблаговременно? А чтобы не помешать проведению пресс-конференции, они заснимут на киноплёнку свое интервью и передадут его по телевидению после конференции. Интервью по телевидению для «Коламбия

бродкастинг систем», «Америкэн бродкасинг систем» и «Юнайтед Пресс Мувитоун Ньюс» были назначены за день до пресс-конференции.

До сих пор Харви проявлял немалое беспокойство в связи с потрясением, которое он вызвал. «Это невероятно, просто невероятно!» — восклицал он время от времени, тряся головой от удивления. Когда бы он ни выходил из отеля (все еще под бдительной охраной Херба Тэнка), он обыкновенно возвращался нагруженный газетами, из которых методически вырезал все заметки, касающиеся его дела, читал их вслух независимо от того, слушал его кто-нибудь или нет, и складывал их в уже достигшую огромных размеров грудку вырезок. Он, казалось, немного смущался проявлений своего удовлетворения. «Сейчас, Берт, я отношусь ко всему происходящему не так, как обычно относился к подобным вещам, — говорил он мне, почти извиняясь. — Тогда мне просто хотелось попасть в газетные заголовки. Теперь у меня есть основание гордиться этими статьями».

Однако по мере приближения интервью для телевидения Харви все больше нервничал. С озабоченным видом он строил предположения о том, как к нему отнесутся комментаторы, какие вопросы они зададут ему. Он спрашивал меня, будет ли у него возможность сказать то, что он действительно хочет сказать? А его интервьюеры, вероятно, будут настроены по отношению к нему враждебно?

Если мои попытки рассеять его дурные предчувствия не увенчались успехом, возможно, это было потому, что я волновался едва ли меньше, чем он. Я беспокоился не только о поведении его интервьюеров, меня интересовало и поведение самого Матусоу. В конце концов, ведь это будет его первое публичное выступление после отречения от прошлого...

Интервью для телевидения происходило утром 2 февраля в студии «Юнайтед Пресс Мувитоун Ньюс». Почти сразу же, как только мы с Харви приехали, стало ясно, что наши опасения были ничем не оправданы, по крайней мере в данном случае. Молодой человек, бравший у Харви интервью, не проявил по отношению к нему ни

малейшего предубеждения. Он задавал вопросы беспристрастно и по существу. Он хотел знать, как случилось, что Харви стал осведомителем, почему он решил отречься от своей прошлой деятельности, каковы были некоторые из его ложных показаний, которые он давал, будучи профессиональным свидетелем...

Если Харви и был взволнован, то он никак этого не проявлял. Сидя за большим столом, очевидно, в кабине одного из администраторов студии, в своем темном двубортном костюме он производил впечатление молодого, преуспевающего бизнесмена. Казалось, он почти не испытывал душевного волнения, когда, не мигая, смотрел в яркие магниевые лампы и отвечал на задаваемые ему вопросы.

«Для достижения своих личных целей я приносил в жертву репутации многих людей, — говорил он до странности бесстрастно. — Меня не заботило, что произойдет с Оуэном Латтимором и другими. Меня заботило только то, что произойдет со мной».

Однако большинство его ответов не отличалось такой краткостью. И спустя некоторое время один из технических работников, обратившись ко мне, настойчиво зашептал: «Ради бога, скажите ему, чтобы он отвечал короче и по существу вопроса. Этого требует специфика телевидения...»

Когда мы ушли из студии, Харви был в приподнятом настроении. «Все прошло чудесно, — ликовал он. — Вопросы были именно такими, как надо. Он просто хотел узнать правду. И мне кажется, что я действительно справился с ответами. А? Как вы думаете?»

Второе интервью в этот день брал у Харви комментатор «Коламбия бродкастинг систем». Преждевременно облысевший, с розовым, бесформенным лицом, он имел озабоченный вид вечно спешащего импресарио. Время от времени, явно вызывая у Матусоу раздражение, кинооператор шутливо советовал ему, как повернуть голову, и тогда, мол, возможно, его профиль будет показан на экране более выгодно.

Когда Харви рассказывал о различных «подвигах» из своего прошлого, технические работники, не скрывая удивления, качали головами. Один из них сказал мне:

«У нас в профсоюзе тоже были неприятности... Один парень заявил, что нами руководят красные, и потребовал расследования. И сразу же стало ясно, что пара провокаторов наговорили больше лжи, чем можно себе представить».

По окончании интервью мне вручили полоску бумаги, на которой были написаны имена и адреса телевизионных работников. Они просили меня не отказать им в любезности и прислать экземпляры книги Харви, когда она выйдет из печати.

Наиболее памятное событие этого дня произошло во время интервью, данного для «Америкэн бродкастинг компани».

Подходя к отелю, где должны были происходить съемки интервью, мы с Харви заметили, что за нами следом идут двое мужчин. Они были молоды, скромно одеты, в шляпах с загнутыми полями; на их лицах трудно было прочесть какую-либо мысль. В вестибюле отеля, усердно стараясь остаться незамеченными, медленно расхаживало несколько человек такого же вида. Двое из них вместе с нами сели в лифт. Когда мы вышли, они последовали за нами.

Мы пошли по коридору, и Харви, понизив голос, сказал мне: «Одного из парней в лифте я узнал. Это агент ФБР, которому я обычно давал информацию».

И я подумал, у себя ли в конторе Нат Уитт, просто на случай, если понадобятся услуги юриста.

Признаться, я начал испытывать явное раздражение. Нет сомнения, привычка притупляет чувствительность. И в течение последних лет я стал смотреть на деятельность правительственных шпионов и провокаторов, как на такую же часть американского образа жизни, какой является бейсбол, Марилин Монро и кока-кола. Постепенно я привык к мысли, что в Вашингтоне в различных папках содержится обширная документация, подробно освещаются мои произведения, лекции и другие виды деятельности, что переписка моя, несомненно, проверяется, а телефонные разговоры подслушиваются¹.

---

¹ Когда возникла необходимость, член комитета палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности Джон И. Рэнкин поместил в «Конгрешинэл рэкординг» доклад в несколько тысяч слов, в котором перечислялись мои биографические данные. И если в докладе не было ничего более интересного, он хотя бы

Но когда за вами по пятам идут агенты ФБР, в этом есть что-то неприятное. Возможно, это чувство вызывается бесстыдной наглостью слежки, которая до сих пор выводит меня из себя...

В аппаратной, загроможденной телевизионным оборудованием, нас с Харви принял красивый седоволосый мужчина, который представился нам комментатором АБК. «Давайте сядем, Харви, и обсудим нашу программу, — сказал он сердечно. — Может быть, у вас есть какие-нибудь соображения насчет того, как нам интереснее построить передачу. Я не думаю, что это интервью должно быть построено, как обычное. Мне кажется, после всего, что с вами произошло, у вас должны быть какие-то сугубо личные переживания, которыми вам хотелось бы поделиться...» И у них завязался оживленный разговор.

Спустя несколько минут я вышел в зал. В дальнем конце коридора стоял один из агентов ФБР.

Я возвратился в комнату и стал ждать дальнейшего развития событий.

Вскоре в дверь постучали. Это были те два агента, которые вместе с нами поднялись на лифте. Один из них неторопливо пересек комнату и подошел к Харви.

«Хэллоу, Харви, — сказал он, — у меня тут для вас кое-что есть».

Внезапно в комнате стало очень тихо. Технические работники прекратили установку аппаратуры и наблюдали за одним из эпизодов разыгрываемой драмы, которую на этот раз подготавливали не они.

Агент ФБР вытащил из кармана лист бумаги, вручил его Харви и пошел к выходу.

«Эй, подождите, — властно закричал Харви ему вслед. — Подождите, пока я прочту».

Агент ФБР обернулся и застыл, перебирая пальцами поля своей шляпы.

Казалось, понадобилось необычайно много времени, чтобы Харви прочел документ. Затем он произнес: «Хорошо, можете идти».

Когда агенты ушли, Харви весело помахал документом, который ему вручили. Но улыбка его была неесте-

свидетельствовал о размерах наблюдения, установленного за мной комитетом и другими правительственными расследовательскими агентствами.

ственной. «Это повестка, — сказал он. — Завтра я должен буду предстать перед большим жури».

Министерство юстиции предприняло свой первый шаг. И в стратегии правительства не было ничего загадочного.

Момент, выбранный для вручения повестки, необычный план действия агентов ФБР, выступавших в качестве посыльных, — все это, очевидно, было задумано для того, чтобы вызвать в телестудиях определенные сомнения относительно желательности включения в их программу передач о Матусоу¹. Более важно было то, что явку Харви на большое жури назначили в такое время, чтобы, с одной стороны, помешать ему присутствовать на предстоящей пресс-конференции, а с другой — дать возможность адвокатам из министерства юстиции допросить его при закрытых дверях до того, как он сможет дать показания на открытом процессе.

Если мы хотели предвосхитить планы министерства юстиции, мы должны были немедленно что-то предпринять.

Я позвонил Нату Уитту и рассказал, что произошло. Он обещал связаться с защитниками по делу Флинн и посоветоваться, что можно сделать, чтобы заставить судью Димока отложить явку Харви на большое жури.

Я спросил Уитта, не может ли он порекомендовать адвоката для Матусоу. «Нам с Ангусом и самим может понадобиться адвокат в связи с этим делом...» — сказал я.

По совету Уитта я позвонил прогрессивному юристу Стэнли Фолкнеру, специалисту по защите гражданских прав. Фолкнер ответил, что будет рад выступить в качестве нашего адвоката.

В тот же день защитники, ведущие дело Флинн, явились к судье Димоку и попросили его отложить или отменить вызов Матусоу на большое жури. Они

---

¹ На следующий день газеты сообщили, что в тот момент, когда Харви вручали повестку, собралось около дюжины агентов ФБР. Зачем понадобилось столько агентов для такой сравнительно простой операции, осталось загадкой. Ясно было лишь одно, что это — ненужное расточительство для налогоплательщиков, на чьи плечи ложатся расходы на содержание этих агентов.

утверждали, что министерство юстиции действовало недобросовестно и с единственной целью узнать, какие доказательства смогут представить обвиняемые в свою защиту при пересмотре дела. Кроме того, они подчеркнули, что заседания большого жюри могут быть использованы для того, чтобы запугать Матусоу перед тем, как он даст показания на открытом процессе.

«Для выяснения всех фактов нет лучшего способа, чем открытое судебное заседание», — сказал судья Димок. Несмотря на энергичные возражения адвоката министерства юстиции, он постановил, чтобы явка Матусоу на большое жюри была отложена до тех пор, пока он не даст показаний на суде по пересмотру дела.

Так выиграли мы нашу первую юридическую стычку с министерством юстиции.

Постановление судьи Димока давало возможность Харви выступить на пресс-конференции.

3. Джентльмены прессы

Я склонен думать, что вряд ли была когда-нибудь раньше или состоится когда-нибудь в будущем пресс-конференция, подобная той, которая происходила днем 3 февраля 1955 года в отеле «Билтмор».

Ее необычный характер был обусловлен не только тем, что человек, дававший интервью, в прошлом был известным правительственным свидетелем, заявлявшим теперь, что он все время лгал, но также и тем, что большинство корреспондентов, интервьюировавших его, представляли газеты, которые в свое время помещали его показания на первых страницах. Если Матусоу был невероятным лжецом, то они содействовали невероятному распространению его лжи. И если он лжесвидетельствовал, то они были его доверчивыми соучастниками. Кроме того, среди тех, кто задавал Матусоу вопросы, были газетчики, которые действительно сотрудничали с ним, помогая ему стряпать некоторые из его прошлых разоблачений «коммунистических заговоров».

Сочетание этих обстоятельств должно было заставить нас подготовиться к предстоящим событиям. Но, усыпленные сдержанным тоном Матусоу во время интервью, которые он давал для телевидения, мы чувствовали себя спокойно...

Конференция происходила в большой комнате, в глубине которой стоял стол, а перед ним были расставлены ряды стульев. Обстановка, если не считать полдюжины пальм, выглядевших весьма неуместно, напоминала комнату для предварительного обсуждения вопросов в конгрессе. К двум часам собралось около пятидесяти газетчиков. Среди них были представители ведущих столичных газет восточных районов США, крупных журналов, финансовых газет, телеграфных агентств и иностранной прессы. Кроме того, присутствовало несколько членов Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности, которые, казалось, на время решили выдавать себя за журналистов.

Как только Харви, Ангус и я вошли в комнату и заняли свои места за столом, со всех сторон вспыхнули магниевые лампы. Фоторепортеры, кое-как примостившись на стульях, пригибаясь и, словно гномы, копошась на полу, докучая друг другу просьбами посторониться, непрерывно щелкали затворами аппаратов, перебивая друг друга, обращаясь к Харви: «Встаньте, Харви», «Жестикулируйте», «Сделайте вид, что читаете», «Смотрите минуточку вот сюда». Все их просьбы Харви исполнял с невозмутимым спокойствием человека, имеющего большой опыт в подобных делах.

Ангус открыл конференцию. «Если бы не постановление судьи Димока, отложившее явку Матусоу на большое жюри, — сказал Ангус, — министерству юстиции удалось бы помешать присутствию Матусоу на этой пресс-конференции. Нам представляется уместным обратить ваше внимание на следующий факт, — продолжал он. — Когда такие осведомители, как Уайттэкер Чемберс, Мэннинг Джонсон, Леонард Паттерсон и Поль Крауч, были уличены в том, что давали под присягой ложные показания, или сами признавались во лжи, министерство юстиции не возбуждало против них судебного дела. Но когда человек пытается издать книгу, в которой рассказывает о своих бывших ложных показаниях, министерство юстиции из кожи лезет вон, борясь против него. Как издателей, нас интересует эта непоследовательность...»

Затем Ангус представил Харви.

Харви приготовил краткое письменное заявление. Когда он поднялся, чтобы огласить его, репортер,

сидевший в первом ряду, выкрикнул: «А можем мы быть уверены, что сейчас вы говорите правду?»¹

Ангус встал. «Я думаю, — сказал он несколько официально, — мы должны предоставить г-ну Матусоу возможность прочесть короткое заявление, которое он написал. После этого он ответит на вопросы».

Харви принялся читать свое заявление:

«Я ценю возможность ответить на ваши вопросы, которую вы предоставили мне. Прежде чем начать отвечать на них, мне бы хотелось сказать следующее.

Я приветствую расследование сделанных мной признаний относительно моей прошлой деятельности. Но я думаю, что это расследование должно проводиться каким-либо правительственным органом, более беспристрастным, нежели министерство юстиции, которое замешано в ряде предъявленных мне обвинений».

Тот же репортер, сидевший в первом ряду, закричал снова: «А можем мы быть уверены, что сейчас вы говорите правду?»

«Способа, который полностью убедил бы вас в этом, нет, — спокойно ответил Харви. — Но все же у меня есть документы, решительно подтверждающие большую часть того, что я говорю. Кроме того, сейчас в суде находятся данные мной письменные показания, за которыми стою я».

Отчеканивая каждое слово, заговорил другой репортер: «Конгрессмен Фрэнсис Уолтер на заседании конгресса сказал, что он уверен, что на работу в федеральные органы вас заслали коммунисты. Можете вы что-нибудь сказать по этому поводу?»

«Я перестал быть членом коммунистической партии с 19 января 1951 года, со дня моего исключения, — ответил Харви. — По своим взглядам я перестал быть коммунистом с 1950 года».

Неожиданно, без предупреждения, одновременно из разных концов комнаты посыпались вопросы. Они исходили от небольшой, но весьма горластой группы людей, чье нетерпение свидетельствовало скорее не о же-

---

¹ Во всем этом разделе диалог взят из стенографической записи пресс-конференции.

лании получить ответ, а о настойчивом стремлении высказаться самим. Их вопросы едва ли имели отношение к тому, лгал ли Харви, когда был правительственным свидетелем.

«Вы не знаете, Камерон и Кан — коммунисты?»

«Как вы думаете, обязательно быть членом компартии, чтобы следовать партийной догме?»

«Что вы скажете об антисемитизме в России, г-н Матусоу? Как вы к нему относитесь?»

«Как относительно принудительного труда в России?»

«Г-н Матусоу, не скажете ли вы нам в нескольких словах, что вы думаете о советской диктатуре, красной агрессии и китайских военнопленных...»

Некоторых из тех, кто задавал эти вопросы, я узнал. Один был ренегат-радикал, заработавший себе громкое имя в журналистике на кампании по травле красных; другой был активным сторонником сенатора Маккарти; третий — хорошо известный обозреватель Херста...

Обстановка, в которой задавались вопросы, была такова, что Харви не был в состоянии ответить полностью ни на один вопрос, а в большинстве случаев и рта не мог открыть. Если учесть существо задаваемых вопросов, то, по всей вероятности, люди, кое в чем разбирающиеся, ничего не потеряли от того, что Харви на них не ответил.

Снова поднялся Ангус. После нескольких попыток ему удалось перекрыть шум в комнате. «Может быть, — сказал он, стараясь говорить спокойно и вразумительно, — будем задавать вопросы по очереди, чтобы...»

Сердитые возгласы заглушили его.

Очкастый молодой человек, захлебываясь от законного возмущения, выкрикнул: «Для чего здесь Матусоу, чтобы отвечать на вопросы или нет? Как вы думаете, г-н Камерон, кто он? Уж не президент ли?»

Ангус опять уселся на свое место. В издательстве «Литл, Браун», подумал я, дело никогда не доходило до подобных вещей...

«Господин Матусоу, а что вы скажете относительно войны с Советским Союзом?»

«Во вторую мировую войну и во время войны с Кореей я служил в американской армии. И, если понадобится, буду служить в армии снова, но не так, как

раньше. Я знаю, что такое война. В Германии погиб мой брат. Я не люблю войну, и, когда встанет вопрос, помогу ли я своей стране убивать людей, я категорически отвечу — нет».

Что-то в этом ответе заставило группу крикунов на мгновение притихнуть. И, воспользовавшись временным затишьем, начали задавать вопросы те, кто, очевидно, пришел с целью получить информацию.

«Г-н Матусоу, вам кто-нибудь помогал писать книгу?»

«Я писал ее сам».

«Почему вы написали свою книгу?»

«Потому что я причинил вред многим людям, а теперь я хочу исправить его. Я хочу жить в мире с самим собой».

Крикуны, очевидно, недовольные направлением, которое принял разговор, снова принялись за свое.

«Если бы сегодня вам пришлось явиться по повестке, назвали бы вы имена коммунистов, если бы вас об этом спросили?»

«Нет, не назвал бы. Это не мое дело».

«Г-н Матусоу, вас шантажируют?»

«Нет».

«Г-н Матусоу, вы собираетесь удрать из своей страны?»

«Я остаюсь в Соединенных Штатах».

Одним из наиболее воинственных крикунов был херстовский обозреватель. Громким голосом он задал вопрос: «Почему вы начали лгать?»

«Я не буду иметь в виду лично вас, — ответил Харви, — когда скажу, что вначале мне помогли стать лжецом писаки, подобные вам. Я имею в виду ваши статьи, которые помогли посеять страх в моей душе. Кроме того, я думал, что это доходный рэкет. Я был мальчишкой из Бронкса и искал своего места в жизни... Я хотел видеть свое имя в печати. Я хотел такого же почета, каким окружены в сегодняшней Америке профессиональные экс-коммунисты. — Харви сделал паузу. — Вы можете вспомнить, сколько раз мы с вами разговаривали и сколько раз вы использовали материал, который я вам давал... Я не собираюсь смущать вас...»

Обозреватель Херста больше вопросов не задавал.

Однако другие крикуны принялись атаковать Харви, казалось, с новой силой. Началось такое столпотворение, что Харви даже не было смысла пытаться отвечать на вопросы. Он молча стоял.

Посреди этого шума Ангус еще раз поднялся, нерешительно начал что-то говорить, взглянул в мою сторону и, пожав плечами, сел. Я решил, что Ангус слишком легко сдается. Очевидно, требовалась твердая и решительная рука. Я встал, выждал удобный момент, а затем тоном приказания заявил, что если они хотят получить ответы на свои вопросы, то должны соблюдать порядок. Меня сразу же заставили замолчать.

До этого момента представители Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности, сидевшие в дальнем углу комнаты, оставались безучастными. Их необычайная робость, боязнь высказать свое мнение попросту объяснялись тем, что они думали, что будут присутствовать на настоящей пресс-конференции. Но теперь они больше не могли сдерживаться.

Они начали выкрикивать: «Дайте же ему сказать!», «Перестаньте прерывать!», «Тише!»

Среди них был профсоюзный работник, который около двух лет назад на заседании сенатского комитета по вопросам внутренней безопасности в Солт-Лейк-Сити уличил Харви во лжи, а когда Харви, дав показания против профсоюза, уходил, он сбил его с ног. Теперь можно было слышать, как этот профсоюзный работник, перекрывая голоса всех остальных, повторял: «Дайте ему говорить! Дайте ему говорить!»

Скромно одетый репортер средних лет, чья невозмутимая респектабельность свидетельствовала о том, что он представлял газету «Нью-Йорк таймс», вышел вперед. Подняв обе руки над головой, он торжественным жестом водворил тишину и произнес: «Почему мы не задаем вопросы по очереди? Тогда все смогут спросить».

Кто-то предложил представителю «Таймс» задать свой вопрос. «О, — сказал он благодушно, — на свой вопрос я уже получил ответ».

Шум и крики возобновились с новой силой.

Внезапно весь этот гул прорезал взбешенный голос. Он исходил от Айсидора Стоуна, издателя воинственно либерального вашингтонского бюллетеня «Уикли». Негодование придало этому маленькому, обычно апатичному

человеку грозный вид. Серdito глядя на крикунов сквозь толстые стекла очков, он кричал: «Что, черт возьми, с вами случилось, сукины дети?! Почему не даете ему говорить? А еще считаетесь журналистами! Мне противно на вас смотреть! Никогда не видел такого постыдного зрелища!»

В течение некоторого времени в комнате стояла полная тишина.

Те немногие вопросы, которые затем последовали, были по своему тону заметно сдержанными. И когда Харви отвечал, больше никто не пытался прерывать его...

Когда по окончании пресс-конференции газетчики выходили из комнаты, некоторые из них задерживались около нашего стола... «Ну и дела! — проговорил один, уныло улыбаясь. — Никогда раньше не встречал я и половины тех парней, которые подняли весь этот крик. Мне хочется извиниться».

На следующий день в газете «Нью-Йорк пост» появился несомненно очень интересный отчет о пресс-конференции Мюррея Кемптона. Кемптон, молодой, талантливый журналист, до последнего времени выступавший с едкими антикоммунистическими полемическими статьями, писал:

«Вчера Матусоу неоднократно задавали один и тот же вопрос: как можно верить тому, что он говорит сейчас, если он так долго лгал?.. Вопрос следовало ставить не так: лгал ли Матусоу тогда или лжет сейчас... Бесспорно, он либо был лжецом тогда, либо является им в настоящее время. А одна ложь влечет за собой другую...

Не мы с вами, а правительство Соединенных Штатов предложило доверять ему... И мы узнали о лжи Матусоу не потому, что этот факт признало правительство США, а потому, что Матусоу сознался в этом.

Если наше правительство не может посадить человека в тюрьму без показаний какого-нибудь лже-свидетеля, тогда в наших интересах видеть Матусоу на свободе. От того, что Матусоу перестанет играть свою грязную роль, ничего не изменится. Важно, собирается ли сделать это наше правительство».

ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ

1. Теория и практика

При всем желании нельзя назвать первоначальную реакцию правительственных кругов на сенсационные публичные признания Матусоу неподдельно спокойной и невозмутимой.

«Эти события, — писал Мюррей Мардер в «Вашингтон пост энд таймс геральд», — вызвали ужас за кулисами министерства юстиции и конгресса».

Если учесть, что на создание правительственного аппарата платных осведомителей и профессиональных свидетелей ушло десять лет ревностного труда и что сейчас неожиданно все это старательно построенное сооружение было поколеблено разоблачениями одного-единственного отступника, легко будет представить себе страх, охвативший руководящую верхушку министерства юстиции и членов расследовательских комитетов конгресса.

Совсем недавно генеральный атторней Браунелл сделал публичное заявление, в котором он с присущим ему красноречием увещевал коммунистов и их сторонников «возвратиться в общество порядочных людей», став правительственными осведомителями. В связи с этим же вопросом руководитель ФБР Гувер набожно провозгласил: «Все великие религии учат, что грешник всегда может искупить свои грехи. Кто в таком случае осудит экс-коммуниста? Кто посмеет отказать ему в прощении, которое дается тем, кто раскаивается в совершенном им зле и пытается исправиться?» Но эта мысль о лжесвидетельствующих осведомителях-свидетелях,

раскаивающихся и возвращающихся в общество порядочных людей, была, конечно, одним из скандальных вариантов того, что предлагали Браунелл и Гувер. Можно ясно себе представить, как они изо всех сил старались найти способ захлопнуть крышку от ящика Пандоры¹, которую открыл Матусоу...

Фактически в течение десяти дней вся страна бурно обсуждала скандальные разоблачения Матусоу, прежде чем генеральный атторней отважился впервые публично высказаться по этому вопросу. В заявлении, опубликованном в печати, Браунелл, не останавливаясь на тех специальных мерах, которые он и его помощники решили предпринять, чтобы нейтрализовать бурную реакцию, внезапно вызванную этой скандальной историей, в общих чертах указал на некоторые особенности их стратегии.

Отступничество Матусоу, серьезно предупреждал он, стало «темой коммунистической пропаганды во всем мире». Он не называл определенных лиц, на которых возлагал ответственность за этот международный скандал, но смысл его высказываний был ясен: виновниками происшедшего являлись красные.

Браунелл объявил, что министерство юстиции начало по делу Матусоу глубокое и всестороннее расследование, которое «будет энергично продолжаться до тех пор, пока не будут установлены все факты».

Руководство расследованием было поручено помощнику генерального атторнея Уильяму Ф. Томпкинсу, которого послали в Нью-Йорк в качестве правительственного наблюдателя на судебном разбирательстве под председательством судьи Димока и на заседаниях Федерального большого жюри. Томпкинс возглавлял недавно организованный отдел министерства юстиции по вопросам внутренней безопасности, которому было поручено «возбуждать судебное преследование за все преступления, относящиеся к подрывной деятельности».

Когда на пресс-конференции в Вашингтоне Браунелла спросили, верит ли он в то, что со стороны министерства юстиции были «какие-либо упущения» в его прошлых связях с Матусоу, он твердо ответил: «Как вы ду-

¹ Ящик Пандоры (мифолог.) — источник всяких бед. — *Прим. ред.*

маете, зачем же в таком случае я приказал расследовать это дело?»

С виду этот ответ, казалось, был совершенно понятен, особенно в связи с тем, что Матусоу не только признался, что неоднократно лгал, будучи правительственным свидетелем, но и выдвинул обвинение в том, что к даче ложных показаний, по крайней мере однажды, его склонил чиновник министерства юстиции.

Что еще можно было придумать в данной ситуации более подходящее, чем поручение одному из больших жюри провести расследование о возможных упущениях в министерстве юстиции? Ведь, в конце концов, в обычные функции больших жюри входило расследование коррупции и должностных преступлений, совершенных государственными служащими.

С другой стороны, не нужно быть законченным циником, чтобы поинтересоваться, насколько большое жюри, созданное в Нью-Йорке, соответствовало своему назначению и могло непредвзято провести подобное расследование. Формально присяжные, входившие к большое жюри, избирались путем свободных выборов граждан, и эти заседатели ни от кого не зависели и их единственной обязанностью должно было быть установление подлинных фактов рассматриваемого дела. Однако в действительности присяжные, по-видимому, были довольно-таки тесно связаны с министерством юстиции. Возбуждаемые ими расследования начинались по приказанию главы министерства, а вся деятельность присяжных была поставлена в зависимость от юристов министерства, которые давали руководящие указания и советы, допрашивали свидетелей, определяли, как должны освещаться факты в рассматриваемом деле.

Нетрудно понять, насколько объективными могли быть решения любого большого жюри, если его действия контролировал какой-либо правительственный орган, сам серьезно замешанный в некоторых расследуемых преступлениях.

Более того, в годы холодной войны большие жюри, действуя под контролем министерства юстиции, составляли один за другим обвинительные акты по политическим делам, основанные на подложных обвинениях, ложных показаниях и мошеннических уликах. При таких обстоятельствах большое жюри вместо того, чтобы вы-

полнять возложенную на него обязанность по защите граждан от незаконных действий со стороны государства, превратилось в мощное орудие правительства в проведении им репрессий...¹

В не столь отдаленном будущем сам генеральный атторней выдвинет точно такой тезис, какой министерство юстиции собиралось доказать на этом самом расследовании, проводимом большим жури. В публичном выступлении Браунелл утверждал, что Матусоу говорил правду, давая показания в качестве свидетеля обвинения, а его отступничество было «отправной точкой» коварного «заговора коммунистов» — дискредитировать «кампанию министерства юстиции против подрывной деятельности» и «разрушить осведомительскую систему федерального бюро расследований».

Отсюда следовало, что если такой заговор существовал, то издатели книги Матусоу были серьезно в нем замешаны.

---

¹ По мере ослабления напряженности и истерии периода холодной войны ряд дел по этим обвинительным актам был позднее прекращен, а вынесенные по ним приговоры отменены (см. главы XIV, XVI, XVIII). Тем временем, однако, несправедливо обвиненные люди понесли обременительные расходы на ведение дел, пострадали от длительных тяжб; трудно учесть выпавшие на их долю переживания и душевные муки, не говоря уже о том серьезном вреде, который подчас наносился их репутации.

О легкости, с которой правительственные атторнеи составляли мошеннические обвинительные акты, ярко свидетельствует дело бывшего чиновника государственного департамента Вала Лорвина, которого в декабре 1953 года обвиняли в даче ложных показаний о принадлежности его к коммунистической партии. Атторней министерства юстиции Уильям Галлахер, который поддерживал обвинение, намеренно искажил дело, докладывая его большому жури. Наряду с другими ложными сведениями, которые он сообщил присяжным, он заявил, что осведомители ФБР могут подтвердить принадлежность Лорвина к коммунистической партии. Искажения, допущенные Галлахером именно в этом деле, были настолько грубыми, что министерство юстиции в конце концов прекратило судебное преследование Лорвина, отстранив Галлахера; однако оно не возбудило против последнего судебного преследования за должностное преступление.

Когда сенатор Уильям Лэнгер задал генеральному атторнею Браунеллу вопрос, на каком основании его помощник составил мошеннический обвинительный акт, Браунелл дал следующее любопытное объяснение: «Г-н Галлахер сказал, что он считал, что будет лучше предъявить г-ну Лорвину обвинение, основанное на незначительных уликах, нежели предстать перед сенатским комитетом с объяснением, почему он не добился обвинения».

2. Сражение начинается

В понедельник после полудня 7 февраля из конторы «Либерти Бук Клуб» позвонила секретарь Ангуса. В ее обычно мягком южном говоре слышались натянутые нотки.

«Здесь у нас находится рассыльный из министерства юстиции, — сказала она, стараясь дать понять, что он околачивается около нее. — У него для вас с Ангусом повестки о явке в большое жюри».

«Когда должен вернуться Ангус?» — спросил я. Он уехал домой в Адирондакс, чтобы провести конец недели со своей семьей. Между прочим, у Ангуса такой конец недели мог легко превратиться в неделю.

«Я думаю, он вернется поездом сегодня вечером. — Она попыталась засмеяться. — Если только не опоздает на поезд».

Я попросил ее направить рассыльного прямо в отель «Челси».

В течение всего дня дул резкий, порывистый ветер и непрерывно шел снег. И я подумал, что любой человек, которому приходится разносить повестки в такую погоду, с удовольствием выпьет немного согревающего. Я спросил Рут, нет ли у нас под рукой чего-нибудь спиртного.

«Ни одной капли», — ответила она разочарованно.

«Тогда давайте сварим немного кофе. Мы ждем гостя — с повесткой».

«Давайте... попробуем», — сказала она...

Вскоре пришел просто одетый мужчина средних лет с грустным выражением лица. Казалось, он продрог до мозга костей. У него была неуверенная манера держаться, свойственная человеку, по долгу службы вынужденному постоянно встречаться с людьми, которые смотрят на него, как на врага. Извиняясь, он сказал мне: «Г-н Кан, я принес вам повестку».

«Как насчет чашки кофе?» — спросил я.

Улыбка тронула его грустное лицо: «Ну что ж, давайте кутнем!»

Рут налила три чашки.

Рассыльный пил кофе с наслаждением. С шумом прихлебывая из своей чашки, он доверительно говорил: «Знаете, многие люди не понимают, что вручение

повесток — это просто работа. Они думают, что рассыльный имеет какое-то отношение к повесткам...»

Я сказал ему, что у него нет оснований чувствовать себя виноватым. «Я уже давно жду, что мне принесут повестку. Всех моих лучших друзей уже вызывали в комитеты конгресса, или привлекали к ответственности за неуважение к суду, или посадили в тюрьму, а я до сегодняшнего дня даже не получал повестки. Мне становилось даже не по себе».

Он посмотрел на меня с некоторым удивлением. «А как насчет г-на Камерона?» — спросил он.

Я объяснил, что Ангус уехал за город, чтобы провести там конец недели. «Камерон не создан для городской жизни», — сказал я и принялся рассказывать о том, какой Ангус замечательный охотник и рыболов, о том, что среди его трофеев были, в сущности, все разновидности крупного зверя североамериканского континента. Рассказывал я обо всем этом с особым удовольствием, так как полностью разделял охотничьи увлечения Ангуса.

Рассыльный вздохнул: «Вот это жизнь!»

«Как бы то ни было, он должен вернуться сегодня вечером. И вы, вероятно, застанете его, если зайдете позднее».

Он печально кивнул. «Вы обратили внимание, в какие часы мы должны доставлять повестки?»

Уже уходя, он на минуту задержался. «Г-н Кан, вы не рассердитесь, если я вам кое-что посоветую? — спросил он серьезно. — В вашей повестке говорится, чтобы завтра вы принесли с собой множество всяких документов. Вы, может быть, не успеете все собрать? Тогда просто сообщите им, что вам для этого понадобится время...»

В полученной мной повестке, составленной в несколько архаическом стиле, предписывалось: «8 дня февраля месяца 1955 года в 11 часов 00 минут утра... явиться в здание суда на Фоли-сквер, комната 513... и присутствовать на большом жюри, органе народных представителей Соединенных Штатов Америки... для свидетельствования и дачи показаний... и не покидать суд без позволения вышеназванного органа».

Мне предписывалось также принести с собой целую гору следующих материалов:

«Подлинники или точные копии писем, магнитофонных пленок, памятных записок, квитанций, погашенных чеков, бухгалтерских счетов, договоров, предварительных договоров и других документов и литературных произведений, а также все рукописи и их планы, гранки, подготовленные неким *Харви М. Матусоу* или каким-либо образом имеющие отношение к нему или предполагаемой книге или к другим произведениям, написанным неким *Харви М. Матусоу* или якобы им написанным, которые обсуждаются вами или находятся в печати и представляют для вас какой-либо интерес.

За отказ явиться и представить указанные документы вы будете считаться виновным в неуважении к суду и подвергнуты наказанию в соответствии с законом».

Под документом стояли подписи прокурора Соединенных Штатов Дж. Эдварда Ломбарда и помощника прокурора Соединенных Штатов Джорджа Х. Бейли...

Я позвонил нашему новому адвокату Стэнли Фолкнеру и рассказал ему о повестке.

Сухим тоном человека, давно привыкшего к таким известиям, он сказал, что, хотя на утро он уже условился о встрече, он будет в здании суда к назначенному мне в повестке времени.

Затем он добавил: «Знаете, на заседаниях большого жюри не полагается, чтобы ваш адвокат находился вместе с вами, но они разрешат выйти, если вы захотите со мной проконсультироваться».

Мое юридическое образование шло полным ходом.

Когда ранним вечером того же дня Ангус прибыл на вокзал «Гранд Сентрал Стейшн», я уже ждал его там.

Узнав о новостях, он проявил гораздо больше раздражения, чем удивления.

«Ну что ж, пусть они лучше сами принесут мне повестку, — вызывающе сказал он, словно уже стоял лицом к лицу с назойливыми блюстителями закона. — Уж я-то, безусловно, не буду за ней гоняться»

«Вероятно, они вручат вам ее сегодня вечером».

«Это меня вполне устраивает», — проворчал он.

Когда я предложил пойти поужинать, Ангус просветлел.

В ресторане, славившемся своей немецкой кухней, за превосходной, хотя и несколько плотной едой мы обсудили значение нашего вызова в большое жюри на данном этапе развития событий.

Ясно было одно. Жюри предпочло начать свое дознание с расследования деятельности издателей книги Матусоу, а не с проверки обоснованности его признаний. И хотя никто из нас не был склонен рассматривать министерство юстиции как символ выдержанности и скромности, мы оба были поражены той наглостью, с которой нам было приказано подчиниться всем требованиям, перечисленным в повестке. Если бы мы уступили, нам нечего было бы издавать. Требование принести все рукописи, планы и гранки книги Матусоу означало не более и не менее, как попытку конфисковать эти материалы накануне их издания.

Насколько мы знали, подобные действия правительства США были беспрецедентными. И мы в свою очередь не были расположены помогать министерству юстиции в этих начинаниях.

«Я не горю желанием сесть за решетку, — говорил Ангус. — Но уж если придется, я не мог бы выбрать для этого более почетного обвинения, чем обвинение в участии в борьбе за свободу печати».

Он вытащил из кармана пачку бумаг, выбрал одну и протянул мне. Это был манифест, озаглавленный «Свобода чтения», который выпустила Американская библиотечная ассоциация:

«Свобода чтения — неотъемлемая часть нашей демократии. Сейчас против нее ведется наступление. В различных районах нашей страны частные лица и общественные организации трудятся над тем, что снимают книги с продажи, подвергают цензуре учебники, наклеивают на книги ярлыки «сомнительных», распространяют списки «предосудительных» книг или авторов и проводят чистки библиотек.

Подобные действия, очевидно, происходят вследствие того, что наша национальная традиция свободы слова теперь считается ненужной, а поэтому для ликвидации подрывной деятельности

в политике и для борьбы с разложением моральных устоев вводятся цензура и методы подавления...

В период такого общественного напряжения методы подавления представляют собой бóльшую опасность, чем обычно... Свобода чтения гарантирована нашей конституцией. Тот, кто верит в свободу человека, будет твердо стоять на защите этих гарантированных конституцией неотъемлемых прав и будет выполнять свои обязанности в соответствии с этими правами».

«Это довольно-таки хорошо суммирует причины, по которым мы основали нашу издательскую фирму, — сказал Ангус. — Теперь нам представляется случай на деле доказать то, что мы имели в виду, когда говорили обо всем этом...»

И мы пришли к выводу, что если нам придется сесть в тюрьму, то уж лучше по этому обвинению, а не по какому-либо другому. При всех обстоятельствах мы постоянно должны были помнить нашу основную цель: сделать достоянием общественности факты о правительственной системе осведомителей-свидетелей.

В этой связи мы обсудили, будем ли мы при отказе отвечать на некоторые вопросы на большом жюри прибегать к Пятой поправке. Решить это было не так-то просто. С одной стороны, нельзя было отрицать, что право не свидетельствовать против самого себя являлось одной из самых важных гарантий, предоставленных конституцией. Эта гарантия ставила своей целью защищать как невиновного, так и виновного от несправедливого отношения со стороны органов государственного управления. И в течение многих лет она служила защитой от преследования за религиозные и политические убеждения. С другой стороны, нужно было считаться с действительным положением, при котором люди, прибегнувшие к Пятой поправке, в самых широких кругах считались «представителями пятой колонны», как это принято было говорить.

Несомненно, если бы мы, отказавшись предоставить требуемые в повестке документы, прибегли к Пятой поправке, в широких кругах создалось бы впечатление, что у нас есть что скрывать. В то же самое время, если бы нам не удалось прибегнуть к Пятой поправке при отказе отвечать на вопросы, касающиеся наших

политических убеждений и связей, нас, вероятнее всего, обвинили бы в неуважении к суду по вопросу, не имеющему прямого отношения к нашей основной задаче в данный момент.

Мы решили, что будем ссылаться на Первую поправку в качестве основания для отказа представить требуемый материал, а прибегать к Пятой поправке будем как можно реже, да и то только в связи с определенными политическими вопросами¹.

Мы считали, что в предстоящей борьбе вопрос об общественном мнении приобрел решающее значение. Против нас были выставлены сложный аппарат и внушительные средства давления министерства юстиции. Зато с каждым днем становилось очевиднее, что на нашей стороне были потенциальные союзники — огромная масса людей доброй воли, крупные организации, противостоящие маккартизму и выступающие в защиту гражданских прав, и та значительная часть прессы, которая сейчас высказывается против осведомительско-свидетельской системы. Если бы нам пришлось выбирать себе девиз для предстоящей борьбы, то, очевидно, остановились бы на афоризме Арнольда Беннета: «Постоянная гласность — залог справедливости...»

После ужина мы с Ангусом набросали заявление для передачи в прессу. В нем, в частности, говорилось:

«Вручение нам этих повесток мы рассматриваем как бесчестную попытку подорвать свободу печати,

---

¹ «Недавний опыт истории и значение Пятой поправки, — как 27 мая 1957 года единогласно выразил свое мнение Верховный суд, — еще раз подтвердили, что одной из основных функций этой привилегии является защита невинных людей». Суд напомнил предыдущее мнение о том, что «эта привилегия служит защите невинного, который в противном случае мог бы попасть в затруднительное положение».

Тогда же по этому вопросу высказал свое мнение судья Блэк. Он заявил: «Я не могу представить себе никаких особых обстоятельств, при которых было бы оправдано использование какой-либо конституционной привилегии для того, чтобы дискредитировать или признать виновным человека, отстаивающего свое право воспользоваться этой привилегией... Кажется особенно нелепым и неоправданным, когда суды, существующие и действующие только в соответствии с конституцией, делают вывод об отсутствии честности, так как обращение к привилегиям конституции рассматривается как право избранных».

право... гарантированное Первой поправкой к конституции. Одной из целей, провозглашенной Первой поправкой, является предоставление американскому народу возможности самому судить о правдивости таких фактов, которые содержатся, например, в подготавливаемой к выходу в свет книге Матусоу. Мы считаем, что министерство юстиции, вызывая нас в Федеральное большое жюри, продолжает свои попытки скрыть от общественности содержащиеся в книге разоблачения, в части которых замешано само министерство.

Поэтому мы не собираемся подчиниться наглому предписанию, содержащемуся в повестках, которые нам вручили. Мы не разрешим, чтобы министерство юстиции до выхода в свет книги Матусоу проверяло или в какой-либо форме подвергало цензуре ее текст. Мы не допустим, чтобы книгу конфисковали. И мы не позволим, чтобы нас самих запугали до такой степени, чтобы мы отказались от издания этой книги. Вскоре книга поступит в продажу и все желающие смогут приобрести ее. Тогда же сможет познакомиться с ней и министерство юстиции».

3. Рука закона

Здание суда Соединенных Штатов в Нью-Йорке представляет собой массивное сооружение из темно-серого камня и гранита. Создавший его архитектор, очевидно терзаясь сомнениями относительно того, что сконструировать — современное служебное строение или древнегреческий замок, разрешил этот вопрос, создав сверхоригинальное произведение: над тремя этажами точной копии с древнегреческого замка возвышались тридцать этажей, построенных в стиле модерн. Каковы бы ни были эстетические достоинства этого сооружения, оно передавало ощущение монументальности и власти, а это как раз то, что считается подходящим для зданий, в которых правительство отправляет возложенные на него серьезные обязанности...

Когда мы с Ангусом в сопровождении Риет прибыли к назначенному времени на большое жюри, перед

зданием суда теснились репортеры и фотокорреспонденты. Они окружили наше такси.

Шофер такси был искренне поражен. «Скажите, кто такие ваши друзья? — спросил он у Риет, которая расплачивалась с ним. — Большие шишки?»

И действительно, на какой-то миг оказанная нам встреча заставила меня подумать, что нас с Ангусом приняли за видных политиканов или хорошо известных гангстеров...

Коротко ответив на вопросы газетчиков и раздав им отпечатанные на мимеографе экземпляры нашего заявления для прессы, мы направились в здание суда. Поднявшись по лестнице, мы прошли мимо громадных колонн в строгий, похожий на мавзолей мраморный зал. На пятом этаже нас направили в комнату для свидетелей большого жюри. Эта большая, скупо обставленная комната чем-то напоминала стерильную больничную палату. Казалось, эта комната была приспособлена для того, чтобы находящиеся в ней люди чувствовали себя пациентами, ожидающими операции.

Ангус подошел к окну, бросив взгляд на мрачные внутренние стены. «Нечего сказать, уютное местечко», — проговорил он, рассеянно крутя болтающуюся пуговицу на своем пальто.

Риет, разложив на одном из столов несколько отписок нашего заявления для прессы и исправляя в них типографские ошибки, сказала: «Ангус, перестаньте крутить пуговицу, а то она совсем оторвется. Я потом пришью ее».

«А с этим как быть?» — спросил он с улыбкой, указывая на свои обтрепанные обшлага.

«У вас у обоих довольно-таки обносившийся вид, — сказала Риет, качая головой. — На каждом газетном снимке ты, Альберт, держишь руки так, чтобы скрыть протертые локти. Даже если Давид, борясь с Голиафом, носил одну лишь набедренную повязку, вам обоим следует купить себе что-нибудь новенькое».

«А на какие деньги?» — спросил я.

Большими шагами, решительно размахивая руками, в комнату вошел молодой человек. Его строго очерченное лицо было свежевыбрито, а слегка сдвинутые от сосредоточенности брови, казалось, должны были внушать окружающим серьезное отношение, которым он сам был

преисполнен, к важности порученного ему дела. Держась крайне натянуто, он чопорно представился помощником прокурора США Бэйли.

«Большое жюри ждет вас, — сказал он. — Г-н Кан, вы войдете первым». Это было больше похоже на приказание, чем на просьбу.

Я объяснил, что так как повестки вручили нам вчера поздно вечером, приготовления к совещанию нам пришлось делать в последнюю минуту. «Наш адвокат, г-н Фолкнер, не смог освободиться к этому времени, и мы хотим подождать, пока он придет сюда...»

Брови Бэйли сдвинулись еще больше. Он со строгим видом взглянул на часы и объявил: «Мы предоставим г-ну Фолкнеру еще десять минут».

Слегка вскинув голову, с таким видом, словно ждал важных известий, он большими шагами вышел из комнаты.

«Вот что имел в виду Шекспир, когда говорил об оскорбительном высокомерии должностных лиц...» — сказал я.

Ровно через десять минут Бэйли вернулся.

«Время истекло, г-н Кан, — сказал он. — Теперь вы пойдете?»

Я ответил, что Фолкнер все еще не пришел.

«Мы больше не можем ждать», — сказал он.

«Ну что ж, а я не собираюсь идти в комнату большого жюри, пока сюда не придет мой адвокат», — возразил я ему.

Его потрясенный вид свидетельствовал о том, что в его лице я пренебрегаю величию и авторитетом самого правительства.

«Вы хотите сказать, что отказываетесь идти?» — спросил он медленно и недоверчиво.

«Если вам так хочется, можете назвать это так».

Бэйли повернулся к Ангусу: «А вы как, г-н Камерон?»

Ангус вскочил и снова уселся на свой стул. «Я тоже буду ждать», — проворчал он.

В течение минуты Бэйли молчал, будучи, казалось, шокированным до предела. Затем он повернулся к дверям и закричал: «Маршал! Маршал!»¹

---

¹ Маршал — судебный пристав. — *Прим. ред.*

Мы с Ангусом восторженно относились к Дальнему Западу, до безумия любили его легенды, народные предания и никогда не уставали от ковбойских фильмов и романов о неистовых фронтах. И, будучи хорошо знакомы с подвигами знаменитых американских маршалов давних времен, нам обоим показалось, как мы потом признавались друг другу, что в тот самый момент в ответ на настоятельный зов Бэйли словно по-волшебству появится высокая мускулистая фигура мужчины в ковбойской шляпе, затеняющей его обветренное лицо, а по бокам у него будут свисать шестизарядные револьверы.

Вместо этого в комнату мелкими шажками вошел сутулый человек с вялыми движениями, в помятом сером костюме. У него были редкие, серовато-коричневые волосы и утомленный взгляд мужа, находящегося под башмаком у жены.

Высоким голосом он спросил Бэйли кратко: «Да-с?» «Подойдите сюда, маршал», — скомандовал Бэйли. Маршал повиновался.

«Теперь, г-н Кан, — сказал Бэйли, — не повторяйте ли вы в присутствии маршала то, что вы только что говорили мне?»

«Я только что говорил вам, — ответил я, — что я отказываюсь идти в комнату, где находится большое жюри, пока сюда не придет мой адвокат».

«Вы слышали это, маршал?» — спросил Бэйли.

Маршал, выражение лица которого несколько не изменилось, ответил: «Да-с».

Бэйли круто повернулся и поспешно вышел из комнаты. Маршал поплелся за ним следом.

Скоро Бэйли вернулся снова. У него был пришибленный вид. «Ну, хорошо, — сказал он, — мы подождем, пока не придет г-н Фолкнер». Он пошел и уселся в дальнем углу комнаты, шумно вздыхая, с надутым видом наказанного ребенка...

Вскоре после этого пришел Фолкнер. С присущим ему спокойствием и рассудительностью он, не теряя ни минуты, сразу же приступил к делу: «Так же, как и я, — сказал он нам, — вы знаете, что это дело ведет министерство юстиции и все они там из кожи лезут вон, чтобы состряпать против вас обвинительный акт. Что бы вы ни сказали большому жюри, министерство юстиции

попытается использовать это против вас. Таким образом, чем меньше вы будете говорить, тем лучше».

Насколько бы логичным ни был этот совет, мы с Ангусом считали, что будем проводить другую линию. Мы сказали, что признаем, что, вероятно, министерство юстиции оказывает влияние на большое жюри, и понимаем, что основные вопросы будут решаться не в комнате, где заседает большое жюри. Несмотря на это, мы считали, что должны бороться за каждую пядь земли, а не просто сдаваться на милость победителя. Мы в самом деле шли на известный риск, о котором говорил Фолкнер. Но мы чувствовали, что действовать следовало именно так. Это, конечно, не означало, что мы позволим членам жюри по их желанию совать нос в наши личные дела. Но это значило, что мы сделаем все, что в наших силах, чтобы познакомить их с истинным положением дел.

«Мы издаем эту книгу для того, чтобы содержащиеся в ней факты узнало как можно больше людей, — сказал Ангус. — В таком случае почему бы не рассказать об этих фактах на большом жюри?»

«Может быть, — добавил я, — нам удастся убедить их расследовать деятельность Браунелла и Томпкинса вместо Камерона и Кана».

Фолкнер не улыбнулся. Он внимательно посмотрел на нас сквозь свои роговые очки и пожал плечами. «Хорошо. Я с вами не согласен. Но решать должны вы...»

Я сказал Бэйли, что готов идти давать показания.

«Следуйте, пожалуйста, за мной», — сказал он. Приняв свой прежний строгий вид, он прошествовал передо мной так важно, словно взял меня под арест. Пройдя несколько шагов по коридору, Бэйли постучался в дверь, на которой висела табличка, гласившая: «Комната большого жюри».

Чей-то голос произнес: «Войдите».

Если комната, из которой я пришел, заставляла человека чувствовать себя пациентом, ожидающим хирургического вмешательства, то та, в которую я теперь вошел, дополняла эту иллюзию своим сходством с больницы операционной. Вдоль одной из стен на расставленных рядами сиденьях, словно студенты-медики, сгруппировались два десятка членов жюри. (Я забыл,

что большое жюри состояло из двадцати трех членов, и на какой-то миг удивился их многочисленности.) Посреди комнаты — как раз в том месте, где стоял бы операционный стол, — находился длинный стол для совещаний. За ним сидели трое мужчин и одна женщина.

Один из сидящих за столом представился старшиной присяжных. У него было румяное лицо, рыжеватые волосы и нервозная, назойливая манера держаться. Он познакомил нас с двумя лицами, с которыми рядом сидел: помощником старшины присяжных, живым мужчиной с худощавым лицом, и секретарем жюри, элегантно одетой, прямо держащейся женщиной-негритянкой. Третий мужчина за столом был судебным стенографистом с машинкой для стенографирования. Со скучающим видом он ожидал, когда закончится обмен любезностями и начнется его работа¹.

В углу комнаты находились трое мужчин, которые явно не были членами жюри. Одного из них я узнал. Это был помощник генерального атторнея США Томпкинс...

После того как старшина присяжных привел меня к присяге, мне предложили сесть к столу.

Бэйли выпрямился, взялся руками за лацканы пиджака, возможно думая, что такой должна быть классическая поза юриста, и попросил меня назвать мое полное имя. Установив, что я это действительно я и что я не только писатель, чьим занятием было писание книг, но также и книжный издатель, чьим делом было издание книг, Бэйли перешел непосредственно к делу Харви Матусоу. Он хотел знать, как я впервые встретился с Матусоу. И какой характер носили мои последующие с ним отношения?

Я считал, что членов жюри уже склонили к подозрению относительно того, что издатели книги Матусоу были замешаны в заговоре, имеющем целью подорвать правительственную кампанию «против коммунистиче-

---

¹ Протокол заседания большого жюри можно получить только по распоряжению суда. Поэтому диалог во время нашего выступления на большом жюри в значительной части основан на записях, сделанных мной в то время, и на заметках, которые я давал моему адвокату Стэнли Фолкнеру. В тех случаях, когда отдельные разделы протоколов этих заседаний предавались гласности в суде или когда я цитирую по судебным протоколам, я это указываю.

ской угрозы» внутри Америки. Кроме того, я считал, что большинство членов жюри приступило к этому расследованию с определенной предвзятостью. И многие из них рассматривали радикалов как квинтэссенцию зла.

Подобно многим другим американцам, члены жюри были захвачены мощным потоком пропагандистской кампании «о красной опасности». И не было никаких оснований предполагать, что они были более осведомлены и менее дезинформированы, более терпимы и менее предубеждены, чем миллионы их соотечественников. В самом деле, те самые факторы, которые заставили огромную массу американцев верить, что Матусоу говорил правду, когда он лгал, принудят теперь этих членов жюри поверить, что он лгал, когда говорил правду.

Более того, их попросили вынести приговор самим себе, потому что такой феномен, как Матусоу, был порожден обществом, частью которого они являлись. Ведь именно в результате их политики усиления напряженности, раздувания предрассудков, страхов и создания неразберихи возникла такая порода людей, как Матусоу. Ведь именно с их благословения расцвело его тщеславие и благодаря их легковерию он смог извергать свои измышления. В этом смысле они разделяли с ним его вину. И едва ли можно было ожидать, что они не подвержены той общечеловеческой слабости, вследствие которой бывает легче найти промах у другого, чем признаться в нем самому...

Как же тогда сделать, чтобы они узнали правду? Как преодолеть их подозрительность и предрассудки? Как, в самом деле, установить с ними контакт? Эти проблемы не могли быть разрешены с помощью простого изложения фактов.

Я считал, что заставить их понять, чем в действительности являлось дело Харви Матусоу, можно было только с помощью тех сторон его истории, которые представляли общечеловеческий интерес. Только в том случае, если бы они посмотрели на страшную историю Матусоу с точки зрения своего собственного опыта и подумали о его поведении в связи с чаяниями, честолюбивыми устремлениями, слабостями и страхами, знакомыми им самим, они смогли бы приблизиться к пониманию положения в данном вопросе...

Обращаясь непосредственно к членам жюри, я рассказал историю создания книги Матусоу. Я начал свой рассказ с того, как я, узнав о признаниях Матусоу епископу Окснэму, впервые заинтересовался им. А после того, как мой друг Клинт Дженкс убедил меня попытаться заставить Матусоу публично покаяться, Ангус Камерон и я заключили с ним соглашение относительно написания «Лжесвидетеля». Затем я стал описывать трудности, возникавшие во время работы с Матусоу, проблемы, связанные с завоеванием доверия человека с таким прошлым, сложные и противоречивые стороны его характера, постепенные изменения в нем со времени нашей первой встречи, борьба, которую он до сих пор ведет, пытаюсь в какой-то мере реабилитировать себя...

Когда вначале я взглянул на состав жюри, то увидел просто группу незнакомых мне людей, смутную, однородную массу лиц, ничем не отличающихся друг от друга. Но постепенно лица стали проясняться и превращаться в отдельные личности с характерными особенностями, с различным отношением к происходящему, со своей индивидуальностью. Красивая, с умным выражением лица женщина, сдвинув брови, слушала с напряженным вниманием. Крупный мужчина с бычьей шеей и цветущим лицом сидел с видом бесстрастного скептика. Щегольски одетый моложавый мужчина с напыщенным видом и маленький узколицый субъект смотрели на меня с открытой враждебностью и недоверием. Время от времени нарядная черноволосая женщина средних лет понимающе кивала. Изредка улыбка освещала лицо широкоплечего мужчины с темными глазами и густыми темными волосами. Раз или два мне показалось, что он подмигнул...

Периодически Бэйли прерывал мой рассказ, задавая вопросы, которые хотя и не всегда были уместны, тем не менее свидетельствовали о том, что он все же находился при исполнении своих обязанностей. Несколько вопросов задали члены жюри. И я чувствовал, что большинство из них рассматривает это заседание как расследование, проводимое скорее министерством юстиции, нежели ими. Несмотря на это, мне, кажется, удалось слегка изменить их отношение и пробудить интерес к фактам о Матусоу, которые я сообщил.

Возможно, Бэйли тоже заметил это. Во всяком случае, совершенно неожиданно он заявил, что хочет обсудить какой-то вопрос наедине с членами жюри. «Выйдите, пожалуйста, из комнаты, г-н Кан», — сказал он.

«Я не выйду», — ответил я.

Он пришел в замешательство.

«Я не покину комнаты просто потому, что меня попросили об этом вы, — сказал я. — А для меня вы не авторитет. Если вы хотите, чтобы я покинул комнату, вы должны попросить старшину присяжных, чтобы он предложил мне это сделать».

Я не просто пытался придрататься. Мне действительно казалось, что Бэйли, как должностное лицо, следовало научить относиться с большим уважением к своим служащим. Но более важным я считал то, чтобы члены жюри осознали ограниченность полномочий этого молодого человека, носящего внушительный титул помощника генерального атторнея США. Возможно, тогда они скорее подвергнут сомнению непогрешимость самого правительства.

Лицо Бэйли покраснело. Он повернулся к старшине: «Прикажите, пожалуйста, г-ну Кану покинуть комнату».

Старшина послушно выполнил поручение...

Первый вопрос, который задал мне Бэйли, когда меня вызвали снова, касался того материала, который, как указано было в повестке, я должен принести.

Я сказал, что не принес.

Собираюсь ли я, спросил он, представить материал?

Я ответил, что нет. Камерон и я рассматриваем это предложение о представлении документов как вопиющее нарушение свободы печати, граничащее со скандалом. Я сказал, что, в сущности, это равноценно попытке конфисковать книгу, потому что, если бы мы представили весь перечисленный материал, у нас бы буквально ничего не осталось для издания книги.

«Боюсь, что вы невнимательно читали повестку, г-н Кан, — сказал Бэйли. — Там не предлагается принести весь материал, которым вы располагаете, а только копии с него».

«Возможно, потому, что я писатель, — возразил я, — я испытываю потребность быть точным в отношении английского языка». Я указал, что в то время, как

в повестке предусматривалось представление копий определенных служебных документов, там специально предъявлялось требование представить все рукописи, планы и гранки книги, без упоминания слова «копии». Я предложил Бэйли прочитать большому жюри параграф, о котором идет речь, чтобы они могли судить о его значении.

Он изучил параграф.

«Да, — неохотно признал он, — это можно понять двояко».

«Мне бы хотелось порекомендовать, — сказал я, — чтобы вы, когда составляете документы такой важности, подбирали слова так, чтобы их можно было понять только в одном смысле».

Бэйли вручил мне исправленный список того, что нужно было представить. Во всех случаях было оговорено — представить «копии».

«Я должен это обдумать и обсудить с г-ном Камероном», — сказал я.

На следующее утро мне было предписано явиться снова.

ВЕСЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ

1. Неуважение к суду

Я бы не сказал, что, прибыв в здание федерального суда на вторую встречу с большим жюри, у меня было явное намерение сесть за решетку, прежде чем кончится этот день. На самом деле у меня были совсем другие планы. Иногда быстрая смена событий порождает замедленную эмоциональную реакцию. За день до этого я испытывал глубокое раздражение при мысли, что нас с Ангусом, словно обманщиков, подвергают преследованию за то, что мы участвуем в разоблачении преступлений Матусоу, в то время как правительственный орган, поощрявший эти преступления, проводит расследование нашей деятельности. Я считал, что теперь настало время попытаться убедить членов жюри, что министерству юстиции следует отвечать на вопросы, а не задавать их.

Как только я занял свое место в комнате большого жюри, я сказал старшине, что хочу задать несколько процедурных вопросов.

«Насколько я понимаю, — сказал я, — большое жюри является весьма влиятельным органом, облеченным полномочиями расследовать не только дела отдельных граждан, но и дела самого правительства. В данном деле правительство оказалось замешано в некоторых преступлениях, расследованием которых сейчас занимается большое жюри. В таком случае, — продолжал я, — выступая перед этим органом, я нахожусь в равном положении с правительством. Исходя из этого, я задаю следующие вопросы: первый — имею ли

я право, будучи равноправной с правительством стороной, допрашивать правительственного атторнея¹ так же, как он допрашивает меня? Второй — имею ли я право попросить, чтобы правительству предложили представить секретные документы из его архивов так же, как оно приказало мне представить мои личные документы? И третий — имею ли я право просить, чтобы правительственному атторнею предлагали выйти из комнаты всякий раз, когда мне захочется обратиться к жюри наедине?»

Старшину присяжных, который был, как я узнал, младшим администратором нью-йоркской телефонной компании, мои вопросы, казалось, взволновали. Шепотом он посоветовался с помощником генерального атторнея США Бэйли. Однако Бэйли, по-видимому, был не более осведомлен в подобном вопросе, чем старшина. И он в свою очередь шепотом посоветовался с представителями министерства юстиции, сидевшими позади него. Вскоре он что-то сообщил старшине.

Откашлявшись, старшина сказал: «Да, г-н Кан, вы имеете такие права».

Хотя было приятно сознавать, что по крайней мере теоретически я обладал этими правами, к несчастью, я почти не имел возможности воспользоваться ими...

Спросив, принес ли я с собой материал, указанный в повестке, Бэйли сразу же возвратил участников заседания к вопросу о расследовании деятельности издателей книги Матусоу.

Я ответил, что не принес.

Член жюри с бычьей шеей, сидящий в задних рядах, сердито выкрикнул: «Вы не сдержали слова! Вы обещали принести их!»

«Нет, он не обещал», — сказал второй член жюри.

В пререкания вступили другие члены жюри.

Призывая к тишине, помощник старшины поднял руку. «Г-н Кан не обещал принести материал, — заявил он твердо. — Он сказал, что обдумает этот вопрос».

Бэйли прочитал вслух список материалов, которые я должен представить.

---

¹ Правительственный атторней — поверенный (представитель) министерства юстиции, федеральной прокуратуры, выступающий в судах в защиту интересов правительства США. — *Прим. ред.*

Между нами произошел следующий обмен мнениями¹.

Вопрос. Эти документы и вещественные доказательства в данный момент находятся у фирмы «Камерон энд Кан инкорпорейтид»?.. Я хочу, например, знать, где в настоящее время находится магнитофонная пленка?

Ответ. Я скажу вам, где находится часть пленки. Часть ее находится в моем личном владении.

Вопрос. И где она? В настоящее время она с вами?

Ответ. Нет.

Вопрос. Где она?

Ответ. Я считаю, что это личное дело. И я не собираюсь говорить вам, г-н Бэйли, где она находится.

Вопрос. Следовательно, вы отказываетесь, сообщить, где находится магнитофонная пленка, так?

Ответ. Я считаю, что таков смысл моих замечаний.

Вопрос. По какой причине вы отказываетесь сообщить это?

Ответ. Потому что я считаю, что у вас нет права спрашивать меня.

Вопрос. Вы считаете, что ваш ответ мог бы явиться основанием для предъявления вам обвинения?

Ответ. Этого я не говорил. Я уже дал ответ на ваш вопрос. Не пытайтесь отвечать за меня.

Вопрос. А теперь я вас спрашиваю, г-н Кан.

Ответ. Нет, я вовсе не думаю, что, узнав о месте нахождения пленки, вы сможете предъявить мне обвинение. Я просто отказываюсь сообщить вам это...

Вопрос. Что касается первоначального договора, заключенного с Матусоу фирмой «Камерон энд Кан инкорпорейтид», не скажете ли вы большому жюри, где он находится?

Ответ. Этот договор является собственностью фирмы и хранится в нашей конторе, кроме того, как полагается, у самого г-на Матусоу есть экземпляр договора. Таков обычный порядок.

---

¹ Последующий диалог цитируется по протоколу заседания большого жюри. Эта часть его стала доступной, так как впоследствии она была включена в протокол судебного заседания.

Вопрос. Готовы ли вы исполнить предписание, данное вам раньше старшиной большого жюри, и представить этот договор?

Ответ. Нет.

Вопрос. На каком основании?

Ответ. Ну что ж, так как этот вопрос, очевидно, будет задаваться неоднократно, а также с целью экономии времени мне бы хотелось заявить, что я не готов представить здесь... договор, заключенный с Матусоу; первую главу и план книги, которые нам дал Матусоу; находящиеся у нас гранки; магнитофонные записи первоначальных бесед, запись, сделанную с магнитофонных пленок, черновик рукописи и дополнительные замечания, продиктованные Матусоу к магнитофонным записям... Я считаю, что требование представить этот материал является нарушением Первой поправки к конституции Соединенных Штатов. В этой поправке весьма определенно сформулировано, что свободу печати нужно защищать. И здесь будет уместно заметить, что имеется в виду защита от посягательств на нее со стороны правительства... В поправке ясно сформулировано, что конгресс Соединенных Штатов не должен принимать никаких мер, никаких законов, которые нарушают это право американского народа...¹

---

¹ Известный адвокат и бывший обвинитель от Соединенных Штатов на процессе главных немецких военных преступников в Нюрнберге Тэлфорд Тейлор в своей книге «Большое жюри» пишет: «...Первая поправка уходит корнями в восемнадцатый век, когда за крамольные речи и издание определенных книг возбуждались судебные преследования. Например, дело нью-йоркского печатника Джона Питера Зенгера в 1735 году. Однако в те времена целью этой поправки было не столько предотвращение инквизиции, сколько предоставление народу возможности, не боясь судебных преследований за крамолу, собираться и критиковать действия правительства и его чиновников».

Тот факт, что основной целью Первой поправки было обеспечение ничем не ограниченной критики правительства и его политики, и то, что одной из наиболее существенных функций свободной прессы была неустанная тщательная проверка деятельности служащих государственных учреждений, явились теми обстоятельствами, которые фанатичные лжепатриоты и значительная часть правительственных чиновников, очевидно, предали забвению в годы холодной войны,

По просьбе Бэйли старшина предложил мне выйти из комнаты жюри.

Когда меня вновь вызвали, Бэйли с серьезным видом сообщил мне, что жюри проголосовало за то, чтобы направить меня к федеральному судье, с тем чтобы он потребовал от меня представления материалов, которые я отказываюсь принести...

Жюри в полном составе торжественно вышло из своей комнаты и, возглавляемое суетящимся, словно курица с выводком цыплят, Бэйли, направилось по коридору. Я проинформировал Ангуса и Стэна Фолкнера, находившихся в приемной, о последних событиях, и мы втроем последовали за процессией, замыкая шествие. Спустившись на два этажа, мы, наконец, остановились перед дверями зала судебного заседания некоего судьи Джона У. Клэнси.

Предварительно зал освободили, чтобы судья мог в надлежащей тайне вести дело о моей непокорности... И наш отряд, препровождаемый судебным приставом, предстал перед ним.

Судья Клэнси, мужчина с бледным лицом и коротко стриженными седыми волосами, выглядел бы в форме капитана полиции так же естественно, как в своей судейской мантии. С невозмутимым спокойствием выслушал он стенографиста большого жюри, зачитавшего заключительную часть моих показаний перед большим жюри.

«На основании протокола большого жюри и от имени большого жюри, — сказал Бэйли, — я прошу вашу честь предписать свидетелю представить требуемые документы и отвечать на задаваемые ему вопросы относительно точного местонахождения этих документов и вещественных доказательств»¹.

«Не желает ли его адвокат обратиться ко мне?» — спросил судья Клэнси.

«Да, желаю, ваша честь, — сказал Фолкнер. — Мы считаем, что представление этих записей было бы прямым нарушением свободы печати. Нужно защищать не только готовую продукцию, выходящую из печати. Суд должен обеспечить защиту всего необходимого для издания книги».

---

¹ Диалог разбирательства в суде судьи Клэнси взят из судебного протокола.

«В этом суть ваших замечаний?» — спросил судья. По его равнодушному, монотонному голосу трудно было предположить, что высказывание Фолкнера касалось права, за которое люди в течение веков боролись и умирали.

«Кроме того, мы считаем, — сказал Фолкнер, — что представление этих записей не имеет отношения к вопросам, обсуждаемым на большом жюри».

«Вы все сказали?»

«Да».

«Ваше возражение отклоняется, — грубо и отрывисто сказал судья Клэнси. — Я предписываю свидетелю вернуться и отвечать на задаваемые ему вопросы». И, говоря о требуемых документах, он добавил: «Я предлагаю ему незамедлительно достать и представить их».

Наша процессия направилась обратно в комнату жюри.

«Готовы ли вы подчиниться распоряжению судьи?» — спросил меня Бэйли.

«Нет».

И все мы снова прошествовали к судье Клэнси. Бэйли сообщил судье о моем нежелании подчиняться его приказам. «Мне кажется, — сказал Бэйли, — тут явный случай неуважения к суду».

«Несомненно, — согласился судья Клэнси. — Я обвиню его в неуважении к суду. Больше я ничего не буду предпринимать, пока не закончится допрос».

Когда мы возвратились в комнату жюри, продолжал допрос уже не Бэйли. К моему удивлению, эту функцию взял на себя Томпкинс — помощник генерального атторнея Браунелла.

В некотором отношении это было приятное изменение.

Лет сорока пяти, худой, с резкими чертами лица, Томпкинс был слишком в себе уверен, чтобы быть напыщенным, и слишком циничен, чтобы быть самодовольным. Хотя я понял, что он не очень-то будет сомневаться в своей правоте, сажая меня за решетку, я чувствовал, что сделает это он с минимумом религиозного ханжества и даже с некоторой приветливой снисходительностью.

Со спокойным дружелюбием, словно мы вели светский разговор за коктейлем, Томпкинс принялся перечислять различные антифашистские организации и организации по защите гражданских прав и спрашивать меня, не состоял ли я когда-нибудь их членом. Всякий раз, когда я отвечал утвердительно, он вежливо осведомлялся, было ли мне известно, что означенная организация была внесена в список «подрывных», составленный генеральным атторнеем. Я ответил, что предполагал это, поскольку перечисленные организации проводили большую работу по защите демократии и мира. Услышав мой ответ, Томпкинс добродушно засмеялся, откинув назад голову.

Было ясно, что, устанавливая мои связи с этими «подрывными» группировками, Томпкинс намеревался убедить членов жюри в том, что я являюсь архизаговорщиком...

Вследствие того что я принадлежал к довольно-таки большому числу запрещенных организаций, этот обмен мнениями был весьма продолжительным. В конце концов я прервал его: «Если вы пытаетесь доказать, что я левый, — сказал я, — то прилагаете для этого слишком много усилий. Да, я левый, как об этом красноречиво свидетельствует моя общественная деятельность за многие годы. Но теперь, установив этот факт, не думаете ли вы, что нам следует обратиться к вопросу, который, как известно, здесь расследуется, а именно: лжесвидетельствовал ли Матусоу, будучи свидетелем обвинения, и если лжесвидетельствовал, то в какой степени министерство юстиции было причастно к его ложным показаниям?..»

Вскоре Томпкинс сказал, что у него пока нет больше вопросов.

Мне приказали вернуться в зал судебного заседания судьи Клэнси...

Следуя за членами жюри, я заметил, что Томпкинс, идет рядом со мной.

«Скажите мне, — спросил он с искренним интересом, — когда вы были в Дартмутском колледже, с вами учился Билл Мортон?»

«Конечно, учился. Он был одним из лучших защитников, который когда-нибудь был в нашей футбольной команде».

«Кстати, говоря о Мортоне, — продолжал я на полном серьезе, — нужно иметь в виду, что есть вопрос, связанный с нашим делом, который, мне думается, достаточно важен, чтобы вы занялись им в Вашингтоне».

«Какой же это вопрос?»

Я сказал, что, учась в Дартмуте, я был членом команды бегунов, организации, которая даже при самом большом воображении не могла считаться подрывной. Более того, меня посылали участвовать в забеге на Олимпийских играх 1932 года. «Так вот, сейчас не найдется ни одного дартмутского выпускника, который поверит, что человек, бегавший в дартмутской команде, мог совершать преступления, в которых вы меня обвиняете. Вы обязаны мобилизовать против министерства юстиции весь выпуск бывших дартмутских питомцев. И, знаете, среди них есть довольно-таки влиятельные финансисты и крупные предприниматели».

«Послушайте, — провозгласил Томпкинс с деланным беспокойством, — это же очень серьезное дело! Я действительно рад, что вы привлекли к нему мое внимание. Я должен буду тотчас же заняться им вместе с Браунеллом».

«Кстати, к вопросу о спортивных командах, — сказал я, — не оказалось ли министерство юстиции в несколько неловком положении от того, что такие члены его команды профессиональных свидетелей, как Матусоу, Поль Крауч, Мэннинг Джонсон и все остальные, оказались обычными лжецами?»

Он посмотрел на меня очень серьезно.

«Я хочу, чтобы вы знали, г-н Кан, что я не имел никакого отношения ни к одному из этих свидетелей. Они появились до меня. Вы знаете, что меня назначили совсем недавно...»

По возвращении в зал судебного заседания судьи Клэнси Бэйли обратился к судье:

«С вашего разрешения, перед вами предстал Альберт Кан, который доставлен в суд, чтобы выслушать приговор по делу о неуважении к суду, проявленному им этим утром...»

Судья Клэнси спросил Фолкнера, не хочет ли он сказать что-нибудь по этому поводу.

Фолкнер ответил, что, как он уже ранее указывал, права, гарантированные его подзащитному Первой поправкой, нарушены и он считает, что суд должен назначить по этому вопросу судебное заседание, прежде чем в отношении его подзащитного будет вынесен какой-либо приговор.

«Это все?» — спросил судья Клэнси.

«Да, сэр».

«Я приговариваю его к шести месяцам, — сказал судья Клэнси. — Я дам ему срок до четырех часов сего дня для того, чтобы он мог либо получить отсрочку, либо привести в порядок свои дела и начать отбывать наказание сегодня же».

Трудно было не удивиться той легкости, с которой действовал закон. Без минутной проволоочки ради такой мелочи, как судебное заседание для разбора существа дела, судьба моя была решена, и я на полгода был лишен свободы за более короткий срок, чем тот, который нужен для того, чтобы обо всем этом рассказать. В самом деле, судья Клэнси действовал так быстро, что у меня создалось впечатление, словно ничего и не произошло, хотя в голове мелькнула мысль, что приговорили меня, кажется, на довольно-таки большой срок и что было бы лучше, если бы вместо шести месяцев было три.

С другой стороны, мне казалось, что, по всей вероятности, мой приговор будет более неприятным для министерства юстиции, чем для меня. Заключение в тюрьму таким бесцеремонным образом издателя книги, содержащей серьезные обвинения в адрес правительства, было со стороны органов федеральной власти не очень здоровым отношением к общественному мнению, особенно в связи со всеобщим вниманием, которое уже привлекла к себе эта книга. Я считал, что Бэйли просто перестарался. Охваченный безудержным рвением, свойственным молодому возрасту, и, возможно, желая собственноручно засадить кого-нибудь в тюрьму, он совершил грубую ошибку. Тот факт, что его функции адвоката большого жюри взял на себя Томпкинс, несомненно, не был простой случайностью...

Когда мы вышли из зала судебного заседания, Фолкнер сказал, что он тотчас же отправится в апелляционный суд, чтобы подать заявление об отсрочке

исполнения приговора. «Я уверен, что Клэнси не удастся выйти сухим из воды. Думаю, нам разрешат внести за вас залог и предоставят право апелляции». Как всегда энергичный и деловитый, он поспешно ушел. А я подумал о том, как хорошо, что у меня такой адвокат.

Шел уже второй час. Меньше чем через три часа, если не будет предоставлена отсрочка приговора, я окажусь в тюрьме. На этот случай нужно было сделать целый ряд приготовлений.

Я позвонил домой. Никто не подошел. Риет, очевидно, вышла, а мальчики были еще в школе. Тогда я связался с одной нашей хорошей знакомой, проживающей недалеко от нас, рассказал ей о случившемся и попросил ее сообщить обо всем Риет. Хорошо бы также, если бы она смогла устроить так, чтобы мальчиков кто-нибудь встретил, когда они будут выходить из школы. Мне не хотелось, чтобы они впервые услышали об этих новостях по радио. Она ответила, что позаботится обо всем. Ее спокойный голос подействовал, как дружеское рукопожатие — успокоительно и ободряюще...

Понимая, какое решающее значение имело возможно более широкое оповещение о моем приговоре, мы с Ангусом прямо направились в комнату прессы, находившуюся в здании суда. Прокуренная, шумная, наполненная непрерывным движением, эта комната со своими живыми обитателями являла собой приятный контраст остальному зданию. За полдюжиной письменных столов, в беспорядке заваленных смятыми листами бумаги и папиросными окурками, сидело много репортеров, печатая или передавая по телефону сообщения в свои газеты. Они бурно приветствовали нас и, обступив со всех сторон, стали расспрашивать о действиях судьи Клэнси. Перекрывая общий шум голосов, пожилой мужчина поинтересовался, не пора ли сделать заказ на завтрак. Один из репортеров спросил нас с Ангусом, не хотим ли мы что-нибудь поесть. И наш заказ на кофе и бутерброды был включен в общий список.

Вскоре в комнату поспешно вошел комментатор телевидения. «Не могли ли бы вы выйти на улицу? — обра-

тился он к нам. — Там у меня телевизионная установка...»

Когда мы с Ангусом вышли из здания суда, телевизионные камеры зажужжали, а любопытные прохожие, останавливались, чтобы поглазеть на нас. Телекомментатор подошел к нам с портативным микрофоном, от которого тянулся длинный шнур к грузовику с аппаратурой. «Как вы рассматриваете этот приговор за неуважение к суду?» — спросил он, протягивая микрофон.

«Мы рассматриваем его как еще одну попытку министерства юстиции помешать изданию книги Мату-соу».

«Собираетесь вы продолжать работу над изданием книги?»

«Конечно. Мы считаем, что самым главным жюри является американский народ и в данном случае он имеет право сам судить обо всех фактах».

«Могу ли я, не показавшись смешным, спросить вас, г-н Кан, что вы чувствуете в данный момент, находясь на пороге тюремного заключения?»

«Разрешите мне сказать об этом следующее. У меня три сына. Если мне в самом деле придется сесть за решетку, каждый из них поймет, почему так произошло, и каждый из них будет гордиться моим поведением...»

Когда мы вернулись в здание суда, нас уже ждал там Фолкнер. Его обычно спокойное лицо было озарено широкой улыбкой. «Мы получили временную отсрочку исполнения приговора, — сказал он. — В апелляционном суде хотят заслушать обстоятельства этого дела. На основании просьбы об освобождении под залог на завтрашнее утро назначено заседание».

В четвертый раз в тот день я предстал перед судьей Клэнси.

Фолкнер сообщил судье, что апелляционный суд предложил, чтобы в ожидании результатов слушания дела у них судья Клэнси предоставил отсрочку исполнения приговора.

«Я предоставляю ее из уважения к апелляционному суду», — буркнул судья Клэнси. Он, казалось, был вне себя от того, что ему пришлось потратить столько времени на мое дело. И в самом деле, кто мог винить его за это?

2. Нет места лучше собственного дома

Пока я не переступил порога своего дома, я не понимал, как хорошо иметь в своем распоряжении хотя бы еще одну ночь, чтобы провести ее в стенах собственного дома. Кажется, какой-то английский драматург заметил, что мужчина начинает ценить свой дом по-настоящему к шестидесяти годам. Но лично я могу засвидетельствовать, что ничто так не способствует появлению подобного отношения в более раннем возрасте, как приговор к тюремному заключению.

По торжественному приему, который мне устроили, можно было подумать, что мне присудили премию, а не тюремное заключение или что я возвращался после длительного отсутствия, а не должен был, по всей вероятности, сесть в тюрьму на шесть месяцев.

Мальчишки встретили меня неистовыми криками, возбужденно разговаривая одновременно все вместе. Стивену первому удалось перекрыть голоса братьев. Размахивая учебником, он сказал: «Знаешь, какую тему я выбрал для доклада на завтрашнем уроке истории? Питера Зенгера. Его называют «отцом американской свободы печати...» Улыбаясь, он продолжал: «А знаешь, что я сказал маме? Чтоб она не беспокоилась, если тебе все-таки придется сесть в тюрьму. Там ты сможешь написать роман, о котором говорил».

Маленький Брайан перестал расхаживать. «Но тогда мы должны будем отложить поездку на Запад, — жалобно сказал он. — А мне так хотелось охотиться, ставить силки...»

«Ты только и можешь думать, что об охоте да о силках», — упрекнул его Тимми. Он стоял в сторонке, и выражение его лица свидетельствовало о его отчаянных попытках не отстать от братьев и быть веселым.

Вошла Риет и шутливо-торжественно приветствовала меня: «Вот уж не ожидали, что вы к нам придете! Мы очень рады». И хотя в том, как она затем объявила, что ужин готов и что, если мы сейчас же не сядем за стол, он остынет, не было ничего явно необычного, мне казалось, что она выглядит очень красивой, а в голосе ее звучали совершенно особые нотки...

За ужином, когда я угостил свою семью рассказом о некоторых подробностях сегодняшнего дня, Риет ска-

зала: «А теперь я расскажу пару случаев, которые произошли тут у нас. В полдень я заметила, что внизу у дороги остановилась машина. Двое мужчин сидели в ней и наблюдали за нашим домом. На них словно было написано, что они агенты ФБР. Я так чертовски разозлилась, что вышла и записала номер их машины. А они, словно истуканы, сидели в машине и все. Я знала, что ничего не достигну этим, но это доставило мне удовольствие».

Другое происшествие было более приятным. Когда Риет пошла в поселок, чтобы купить продукты для ужина, сообщение о вынесении мне приговора уже передали по радио. Владелец бакалейной лавки отвел Риет в сторону и сказал: «Послушайте, я не знаю, как у вас с Альбертом обстоят дела, я имею в виду финансовые. Но можете рассчитывать на любой кредит, который вам понадобится, пока у вас все не наладится. О куске хлеба вы не должны беспокоиться».

После короткого спора о важности происходивших событий только ради сегодняшнего дня Стивену удалось добиться привилегии сесть со своей тарелкой перед телевизором. Во время еды он в промежутках между щелчками переключателя программ периодически объявлял: «Пап, тебя опять показывают!»

Тем временем Тимми сидел, едва прикоснувшись к своей тарелке. Вдруг лицо его сморщилось и он выпалил: «Не надо мне устраивать дня рождения. — Как раз через неделю ему должно было исполниться одиннадцать лет. — Разве будешь рад дню рождения, когда твой отец в тюрьме?» Он положил голову на руки и заплакал. Мы с Риет как могли успокаивали его.

Позднее Тимми тихонько ушел в спальню. Когда мы к нему заглянули, он деловито рисовал огромного круглолицего мальчика, взбирающегося на гору, у подножия которой двигались крошечные фигурки людей. В одной руке мальчик держал большого белого голубя. «Это тебе, папка», — сказал Тимми, улыбаясь, и вручил мне рисунок. Потом он присоединился к братьям, сидевшим у телевизора.

А Риет сказала: «Если тебе придется сесть в тюрьму, нам не надо будет беспокоиться о том, как к этому отнесутся наши дети. Они — народ надежный».

«За это мы можем поблагодарить тебя», — ответил я.

В течение всего вечера друзья приходили и уходили. Один за другим они отводили в сторону меня или Риет и, понизив голос, как-то застенчиво предлагали собрать деньги для оплаты юристов, позаботиться о детях или оказать какую-либо другую помощь, какую кто мог.

Среди наших посетителей был закадычный друг Стивена, красивый, темноглазый мальчик лет двенадцати. «Не беспокойтесь завтра о Стиве, — уверял он меня с серьезным видом, — я прослежу в школе, чтобы никто из ребят к нему не приставал...»

Телефон звонил непрерывно.

Со своей дачи в Адриондаксе звонил мой близкий друг Рокуэлл Кент.

«Ей-богу, жаль, что меня нет с вами! — прогудел он с таким чувством, что нельзя было усомниться в его искренности. — Как бы то ни было, знайте, что мы с Салли мысленно с вами. И если я чем-нибудь смогу быть вам полезен, обязательно дайте мне знать... Да, между прочим, передайте от меня Матусоу, что я считаю, что он хорошо поступил, рассказав всю правду в открытую»¹.

---

¹ За свою непреклонную позицию, идущую вразрез с ортодоксальной линией, за свою славную деятельность художника, иллюстратора и писателя Рокуэлл Кент сам неоднократно подвергался открытым нападкам со стороны правительственных осведомителей-свидетелей. В свою автобиографию «Это я, о боже!» Кент включил главу «Лжец», в которой, в частности, затрагиваются показания, данные под присягой «небезызвестным отступником Луисом Буденцом», в которых он хотел доказать, что ему известно, что Кент — член коммунистической партии. «Когда корреспондент Ассошиэйтед Пресс спросил мое мнение о показаниях Буденца, я исполнил его просьбу, — писал Кент. — И хотя едва ли для кого-нибудь было новостью услышать, что Буденц лжец, телеграфное агентство сообщило об этом».

Когда государственный департамент лишил Кента, как и многих других видных оппозиционеров, паспорта на том основании, что его поездка за границу для зарисовок европейских пейзажей «противоречит жизненным интересам Соединенных Штатов», начальник паспортного отдела написал Кенту письмо, в котором в качестве одной из причин в обоснование действия госдепартамента выдвигал следующее единственное в своем роде обвинение: «Вы являетесь автором петиции, написанной на четырех страницах и адресованной генеральному атторнею Герберту М. Браунеллу, в которой критикуется использование платных осведомителей».

Другая наша знакомая позвонила из Вашингтона и сказала, что, если мне придется сесть в тюрьму и мы будем вынуждены отказаться от нашей квартиры в Кротоне, она предлагает в распоряжение Риет и мальчиков свою...

От хорошо известного издателя и его жены мы получили телеграмму. У нас было случайное знакомство с ним, а его жену я никогда не встречал. Они писали: «Желаем мужества и удачи в вашей борьбе». Их собственное мужество заключалось в том, что они послали такую телеграмму, ясно сознавая, что за всеми моими связями следило ФБР.

Наш последний гость ушел, и я уже собирался лечь в постель, когда мне в голову пришла мысль, от которой мгновенно пропала всякая охота спать.

Я позвонил Ангусу.

«Как вы отнесетесь к тому, чтобы мы независимо от того, сяду я в тюрьму или нет, предали гласности все те материалы, которые мы отказались передать большому жюри? Рукопись книги, запись моих бесед с Матусоу, словом, все... Мы смогли бы сделать это завтра. Передайте все это представителям печати и пошлите в сенатский юридический комитет с предложением расследовать дело Матусоу. Тогда будет совершенно очевидно, что мы ничего не пытаемся скрыть, а просто не хотим вручать все это на секретном процессе министерства юстиции».

«Я всецело за», — сказал Ангус.

3. События принимают иной оборот

На следующее утро, когда я прибыл к зданию федерального суда, Фолкнер уже ждал меня в вестибюле. На его насупленном лице можно было прочесть тревогу.

«Что-то произошло, — сообщил он мне с явным недоумением. — Бэйли сказал мне, что судья Клэнси снова хочет видеть нас до того, как мы пойдем в апелляционный суд».

«Что бы это могло быть?»

«Не волнуйтесь. Я с вами. Он уже один раз вас приговорил. Как бы то ни было, скоро мы все узнаем...»

Однако судья Клэнси при виде нас, казалось, был не менее удивлен.

«Ну, что случилось?» — спросил он Бэйли нетерпеливо.

Бэйли явно чувствовал себя неловко. «Мне пришло в голову, — сказал он, — что свидетель Альберт Кан, который вчера днем и вечером имел возможность рассмотреть вопрос... возможно, пересмотрел свою позицию. Подумав об этом, я договорился со свидетелем и его адвокатом прийти сюда и попросить суд узнать, готов ли он теперь исполнить приказание суда и представить большому жюри документы и вещественные доказательства и дать показания относительно их местонахождения. Ваша честь, спросите, пожалуйста, об этом свидетеля»¹.

Так вот оно что! Свою позицию пересматривал не я, а министерство юстиции. Очевидно, признав, что на данном этапе мой приговор к тюремному заключению по обвинению в неуважении к суду был грубой ошибкой, они пытались теперь помешать мне сесть в тюрьму. Во всем этом заключалась довольно тонкая ирония.

Судья Клэнси взглянул на Бэйли с плохо скрытым отвращением. «Вы готовы, г-н Кан, пересмотреть свою позицию?» — спросил он.

Фолкнер встал. «Для нас это полная неожиданность. Г-н Бэйли сказал мне, что это вы, ваша честь, потребовали, чтобы мы пришли сюда сегодня утром. А теперь я вижу, что это требование г-на Бэйли. Мне бы хотелось иметь возможность минут пять посоветоваться со своим клиентом».

«Пожалуйста», — разрешил судья Клэнси устало...

Когда мы вышли из зала судебного заседания, я рассказал Фолкнеру о том, что мы с Ангусом решили прошлой ночью. «Давайте скажем Клэнси, — сказал я, — что наша фирма через прессу сделает эти материалы достоянием общества. А так как члены жюри также являются членами общества, то и они смогут ознакомиться с ними спустя двадцать четыре часа после того, как материалы будут переданы в собственность обществу... Частным порядком мы их не передадим им, но,

---

¹ Как и в предыдущей части главы, диалог у судьи Клэнси взят из протокола судебного заседания.

поскольку материалами будет располагать общество, они могут получить к ним доступ наравне со всеми».

Фолкнер сообщил об этом судье Клэнси.

Бэйли громко и торопливо заговорил: «Такая постановка полностью удовлетворяет правительство».

«Теперь можно считать вопрос разрешенным?» — спросил судья Клэнси с раздражением.

«Да», — ответил Фолкнер.

Следовательно, раз материалы будут в руках большого жюри, приговор, по которому я был осужден к шестимесячному заключению, отменялся. И если такая договоренность «полностью удовлетворяет» правительство, то не в меньшей степени, конечно, и меня. Особенно, если учесть, что все это свидетельствовало о довольно-таки позорном поражении министерства юстиции.

Весь тот день репортеры потоком входили и выходили из нашей конторы в отеле «Челси», а телевизионные комментаторы со своими операторами и снаряжением каким-то образом уместились на небольшой площадке, которая оставалась у нас свободной. Каждому репортеру мы предоставили возможность познакомиться с рукописью «Лжесвидетеля» и с копиями наших с Харви бесед, записанных на магнитофонную пленку. И пока они делали из них выписки, мы с Ангусом под наблюдением сотрудников студии читали вслух перед телевизионной камерой отрывки из тех же материалов.

Среди всей этой суматохи нам удалось улучшить минутку, чтобы отойти в сторону и составить телеграмму председателю сенатского юридического комитета сенатору Харли Килгору, в которой мы настаивали на том, чтобы его комитет публично расследовал дело Матусоу, и предлагали представить все имеющиеся к этому отношению данные, находящиеся в нашем распоряжении.

Ни один из нас не ожидал того ответа, который мы получили на эту телеграмму.

После разыгранной у Клэнси интермедии мне пришлось еще два дня являться на большое жюри.

Когда я пришел первый раз после приговора Клэнси, я был очень удивлен тем сердечным приемом, который мне оказало большинство членов жюри. Судя по их

улыбающимся лицам и приветливому «Доброе утро, г-н Кан», трудно было себе представить, что всего лишь сорок восемь часов назад с их помощью меня приговорили к шестимесячному тюремному заключению. Мне пришло в голову, что они сами, вероятно, были в какой-то мере напуганы суровостью этого приговора и теперь, так же как и я, радовались, что мне в конце концов не пришлось сесть в тюрьму.

Конечно, ничего не произошло такого, в связи с чем могло как-то измениться отношение к делу помощника генерального атторнея Томпкинса. С прежней решимостью принялся он убеждать членов жюри, что я, издавая книгу Матусоу, был вовлечен в грязную коммунистическую кампанию по саботажу правительственной программы обеспечения безопасности и дискредитации министерства юстиции.

Со своей стороны я старался подчеркнуть, что, насколько мне известно, именно само министерство юстиции вело против себя кампанию по дискредитации, используя лживых профессиональных свидетелей и бесчестных платных осведомителей...

Один раз я вышел из комнаты жюри, чтобы узнать мнение Фолкнера по ряду вопросов, на которые я не хотел отвечать без предварительной консультации с адвокатом. Однако в комнате для свидетелей его не оказалось. Через несколько минут туда вошел Томпкинс и спросил, чем вызвана моя задержка. Я объяснил, что не могу найти Фолкнера.

«А у вас нет какого-нибудь другого адвоката, к которому вы могли бы обратиться за советом, позвонив ему по телефону?»

Я протянул ему листок бумаги, на котором были записаны вопросы, заданные им. Один из них был традиционным вопросом о том, не являюсь ли я в настоящее время или не был ли когда-нибудь членом коммунистической партии. «Вы юрист, — сказал я. — Почему бы вам не дать мне совет?»

«Я мог бы оказаться пристрастным», — ответил он, слегка улыбаясь.

«Ну что ж, все равно мне хотелось бы знать ваш совет».

Он взглянул на вопросы, пожал плечами и сказал: «Думаю, что я бы прибег к Пятой поправке».

«Это меня устраивает».

По возвращении в комнату жюри я последовал совету Томпкинса.

Мой допрос завершился весьма любопытно.

«Еще несколько вопросов, и мы закончим, — сказал он. — Скажите мне, г-н Кан, была ли со стороны большого жюри сделана попытка подвергнуть цензуре книгу Матусоу?»

«Да, была».

Члены жюри протестующе заговорили. Один из них выкрикнул: «Как же так, ведь мы даже не читали книгу!»

Я подчеркнул, что вопрос Томпкинса касается попытки цензуры. А такая попытка действительно была сделана, когда Камерону и мне приказали представить рукопись и верстку книги.

Затем Томпкинс спросил, корректно ли обращалось со мной большое жюри.

«Да, члены большого жюри обращались со мною корректно».

«А министерство юстиции обращалось с вами корректно?»

«Нет. Должен сказать, что министерство юстиции обращалось со мной чрезвычайно некорректно».

«Делало ли большое жюри какие-либо попытки запугать вас?»

«Нет, не делало».

«А министерство юстиции?»

«Да, делало. Агенты ФБР следят за мной и беспокоят мою семью, и мне бы хотелось предложить, чтобы вы приняли соответствующие меры против этого».

Явно стремясь уменьшить растущее напряжение, помощник старшины присяжных, улыбаясь, воскликнул: «Г-н Кан, говоря о корректном отношении, проявленном членами большого жюри, я надеюсь, вы помните о том, что я дал вам свою самопишущую ручку! — Он сделал паузу, а затем добавил: — А вы ее до сих пор мне не вернули».

Под общий смех я вручил ему ручку.

«Мне бы хотелось сказать еще только одно», — обратился я к старшине.

Он кивнул в знак согласия.

Этого момента я ожидал с некоторым нетерпением. В то утро, перед тем как отправиться в суд, я написал заявление, в котором указывал, какое расследование должно было действительно провести большое жури.

Я вытащил из кармана это заявление и прочел его вслух:

«Чтобы облегчить расследование дела Матусоу, я почтительно советую старшине присяжных большого жури дать министерству юстиции указание представить на большое жури следующие документы:

1. Все отчеты о переговорах с Матусоу периода сотрудничества с министерством юстиции в качестве платного свидетеля (включая стенографические записи разговоров с ним ...памятные записи, касающиеся всех вопросов, связанных с ним, и т. д.).

2. Все отчеты о встречах и переговорах между Роем Коном и Матусоу (с указанием времени, места, цели и содержания встреч и переговоров).

3. Все отчеты об оплате услуг Матусоу сотрудниками министерства юстиции.

4. Все отчеты о различных инструкциях, данные Матусоу Роем Коном или каким-либо другим сотрудником министерства юстиции во время или до его показаний в качестве свидетеля обвинения, выступавшего от министерства (досье с вопросами и ответами и т. д.).

5. Все отчеты о докладах, устных или письменных, сделанных Матусоу для министерства юстиции во время его работы там в качестве платного свидетеля обвинения, а также когда он действовал в качестве агента ФБР».

Я вручил этот документ старшине присяжных и сообщил о своем желании включить его в протокол.

«Вы написали его сами, г-н Кан?» — спросил Томпкинс. Изысканность манер изменила ему, и на сей раз он не улыбался.

Я подтвердил, что докладная была моего собственного сочинения.

«Г-н Кан, — с серьезным видом обратился ко мне помощник старшины присяжных, — можете быть уверены, что лица, имеющие отношение к вашему заявлению, будут сидеть на том самом месте, на котором сейчас сидите вы».

С самого начала помощник старшины произвел на меня впечатление очень порядочного человека. И я не сомневаюсь, он верил тому, что говорил. К сожалению, секретные архивы министерства юстиции не были в его распоряжении. Кроме того, было мало оснований надеяться, что генеральный атторней Браунелл и его помощники с готовностью представят в распоряжение большого жюри или какого-нибудь другого органа доказательства их собственных незаконных действий.

ФАКТЫ И ВЫМЫСЕЛ

1. Пересмотр дела

В то время как на этаже, где помещался федеральный суд, происходило знакомство большого жюри со мной, двумя этажами выше развертывалась другая фаза истории Матусоу. В битком набитом зале судебных заседаний судья Эдвард Д. Димок начал пересмотр дела Флинн.

У судьи Димока, хрупкого седеющего мужчины с точеными чертами лица и тонкими выразительными руками, которыми он изредка жестикулировал, была репутация «судьи судей». Нетрудно было заметить, что он выполнял свои обязанности, строго соблюдая беспристрастность, с глубоким знанием юриспруденции. Конечно, не всегда справедливость и закон являются синонимами, и в течение последних лет даже наиболее квалифицированные американские судьи, за редким исключением, выносили самые несправедливые решения. Судья Димок не был одним из этих исключений. Это он на основании закона Смита приговорил тринадцать подсудимых по делу Флинн к тюремному заключению, однако, возможно, потому, что он испытывал некоторое сомнение относительно того, что является законным и что — справедливым, он вынес сравнительно мягкие приговоры, а двух подсудимых оправдал.

Представителем от правительства на судебном заседании по пересмотру дела был прокурор США Дж. Эдвард Ломбард. Несколько лет назад губернатор Дьюи назначил его членом Верховного суда Нью-Йорка. И хотя через несколько месяцев во время голосования он был

забаллотирован, его все еще величали «судья Ломбард». Это был флегматичный аккуратно одетый мужчина лет пятидесяти. В выполнении возложенных на него обязанностей по этому делу ему помогал отряд молодых энергичных правительственных юристов, которые сообщали ему на ухо всякие сведения и возили взад и вперед передвижные столики, доверху нагруженные различными вещественными доказательствами и документами. Но, несмотря на это, Ломбард производил впечатление человека, с трудом разбирающегося в том, что именно происходит на процессе¹.

Контраст между Ломбардом и Гарри Захером, адвокатом подсудимых по делу Флинн, едва ли мог быть более разительным. Быстрый и проницательный, скупой на слова и жесты, этот элегантный, небольшого роста адвокат в любой момент мог привести не только каждую подробность дела, но и все толкования закона, имеющего отношение к данному делу. За исключением большого желтого блокнота, в котором он

---

¹ В моей книге «Игра смерти, — влияние холодной войны на наших детей» я говорил об одном из судебных решений, вынесенных судьей Ломбардом еще в бытность его членом Верховного суда Нью-Йорка.

В одной главе, в частности, описывалось рассмотрение в суде дел, в которых в соответствии с духом того времени право родителей на воспитание детей определялось по политическим соображениям. Дело, к которому имел отношение судья Ломбард, касалось одного сапожника, американца армянского происхождения, по фамилии Чолокян, который, прожив в Соединенных Штатах тридцать пять лет, в 1947 году решил возвратиться со своей женой и пятью детьми в Армению. Двое из сыновей Чолокяна, двенадцати и одиннадцати лет, находились в католическом благотворительном приюте, куда их поместили несколько лет назад, так как мать по болезни не могла о них заботиться. Когда Чолокян захотел их взять, а приют отказался возратить детей их родителям, адвокат Чолокяна обратился с этим вопросом в Верховный суд Нью-Йорка. Председательствовал на судебном заседании при рассмотрении этого дела судья Ломбард. В вынесенном им решении он лишил родителей права воспитывать своих сыновей на том основании, что «временная или даже постоянная разлука этих детей с их родителями будет более соответствовать интересам детей, чем переезд их в Советскую Армению».

Наблюдая за поведением Ломбарда в деле Матусоу, вряд ли можно было заметить у него такие выдающиеся качества, которые послужили бы оправданием высокого положения, предоставлявшего ему в прошлом право определять, следует ли лишать родителей их детей.

время от времени делал короткие записи, стол, за которым он сидел, был совершенно пустым. Не раз, когда команда правительственных юристов рылась в своих обширных архивах, разыскивая какой-нибудь обсуждаемый документ, Захер точно указывал им номер каталога, под которым его можно было найти. Драматизм положения Захера усугублялся еще тем, что после десяти дней беспокойства, причиненного ему властями в связи с его деятельностью по защите коммунистов и других обвиняемых по политическим мотивам, он, в сущности, вынужден был выступать теперь в роли обвинителя самого правительства...

Первым свидетелем, дававшим показания, был Матусоу. В течение последних дней перед процессом в связи с продолжительными заседаниями на большом жюри мы мало виделись с ним. И хотя я не располагал временем, чтобы обдумать происходящее, все же меня беспокоило одно: как он будет вести себя в таком тяжелом испытании, как дача показаний на этом процессе. Возможно, Харви чувствовал мое беспокойство. Во всяком случае, в тот день, когда мне вынесли приговор за неуважение к суду, он сказал: «Мне хочется, чтобы вы знали, Берт, что, если вы готовы сесть в тюрьму за то, чтобы издать мою книгу, я готов сесть в тюрьму за то, чтобы сказать правду».

Его поведение на свидетельском кресле, казалось, совпадало с этим заявлением. По выражению репортера «Нью-Йорк геральд трибюн», Матусоу подтвердил содержание своего письменного показания, в котором он отрекался от своих прошлых показаний «с видом человека, который, давая показания о самом себе, чувствовал себя на свидетельском месте как дома». И если в трезвой осмотрительности, с которой он признавался, что ранее лгал, я замечал небольшое смущение, то я не мог не восхищаться перемене, происшедшей в нем с того не столь отдаленного времени — всего несколько недель назад, — когда в наших беседах, записываемых на пленку, он, рассказывая о своей прошлой деятельности, так упорно избегал употреблять слово «ложь»...

Отвечая на вопросы Захера, Харви рассказал, как его выбрали и «подготовили» в качестве свидетеля по делу Флинн. Вопрос о том, чтобы он выступил свидетелем, впервые обсуждался с ним в декабре 1951 года,

когда агент ФБР устроил ему встречу с помощником генерального атторнея США Роем Коном и двумя другими правительственными юристами. Во время этой встречи, продолжал Матусоу, Кон указал, что обвинение поставило своей целью доказать, что подсудимые призывали к ниспровержению правительства путем «применения силы и насилия». В этой связи Кон упомянул, что правительство хотело бы использовать в качестве одной из улик книгу Андрея Вышинского «Советское государственное право». В течение последующих месяцев на ряде совещаний у прокурора США вместе с Коном и другими юристами, представляющими правительство, были детально разработаны показания Матусоу и написан черновой вариант «досье с вопросами и ответами». Незадолго до начала самого процесса Кон отправился на пароходе в Европу.

«На процессе Флинн вы давали ложные показания?» — спросил Захер.

«Да», — твердо ответил Матусоу¹.

Оглашая отрывки из протокола по делу Флинн, Захер задавал Матусоу вопросы относительно отдельных обвинений, которые тот выдвигал против подсудимых. И каждый раз Матусоу признавался, что он лгал.

Методически, шаг за шагом, Захер постепенно собрал воедино дополнительные доказательства, подтверждающие, что показания Матусоу на том процессе были ложными и что, будучи свидетелем обвинения, Матусоу имел обыкновение лгать.

В качестве одного из этих доказательств Захер приложил к протоколу письменные показания, данные Матусоу под присягой, в которых он полностью отрекался от показаний, что штат служащих в редакциях «Нью-Йорк таймс» и «Тайм» кишел коммунистами, а также признавал, что его утверждения были голословными и сделаны «по велению Маккарти».

Тот факт, что Матусоу подписал свои показания для «Нью-Йорк таймс» 23 сентября 1953 года, а для «Тайм» — 24 марта 1954 года, едва ли подкреплял теперешнее утверждение министерства юстиции, что у него не было оснований сомневаться в надежности Матусоу,

---

¹ Этот диалог на разбирательстве у судьи Димока взят из протокола судебного заседания.

когда тот был свидетелем обвинения. Вплоть до середины лета 1954 года министерство юстиции не переставало использовать Матусоу в качестве свидетеля, и когда затем он прекратил свою деятельность на этом поприще, сделано это было не по инициативе правительства, а по его собственному настоянию.

В равной мере заслуживает внимания и то обстоятельство, что при получении у Матусоу письменного показания «Нью-Йорк таймс» представляла хорошо известная нью-йоркская адвокатская фирма «Лорд, Дэй энд Лорд». Весьма любопытно, что Герберт Браунелл младший вплоть до того времени, когда его назначили генеральным атторнеем США, был компаньоном этой адвокатской фирмы. Но, несмотря на то, что «Лорд, Дэй энд Лорд» имели неоспоримые доказательства, что Матусоу, выступая в качестве свидетеля на процессах, давал под присягой ложные показания, генеральный атторней, очевидно, не видел причин для того, чтобы поинтересоваться, правильно ли поступает министерство юстиции, неоднократно используя Матусоу в качестве свидетеля-эксперта. Более того, Браунелл до сих пор утверждает, что тогда не было никаких оснований сомневаться в правдивости показаний Матусоу¹.

Захер предложил судье Димоку эффективный способ проверить обоснованность утверждений Матусоу, что он лгал на процессе Флинн. Исследование докладов, которые делал Матусоу для ФБР, когда был членом коммунистической партии, показало бы, содержатся ли в них выдвинутые Матусоу впоследствии в суде обвинения

---

¹ В связи с тем, что министерство юстиции продолжало до середины лета 1954 года использовать Матусоу в качестве свидетеля в делах, касающихся вопросов внутренней безопасности США, интересно заметить, что министерская служба по вопросам иммиграции и натурализации раньше руководства министерства перестала использовать Матусоу в качестве свидетеля в связи с его явной уязвимостью. В докладной записке, составленной службой относительно Матусоу и оглашенной на закрытом заседании конгресса 25 февраля 1955 года, говорилось, в частности, следующее: «8 апреля 1954 года г-н Нотоу поставил в известность г-на Флэга в Нью-Йорке о том, что этого подчиненного нельзя использовать в качестве свидетеля на судебных разбирательствах, проводимых службой. Эта мера необходима в связи с полученными сведениями о том, что подчиненный в письмах к своей жене утверждал, что он лжесвидетельствовал, давая показания относительно коммунизма».

против подсудимых по делу Флинн. Если же эти обвинения в докладах отсутствуют, это, конечно, будет свидетельствовать о достаточной обоснованности утверждений Матусоу, что он сфабриковал свои обвинения позднее. Поэтому, сказал Захер, он предлагает, чтобы правительство представило в суд все доклады, сделанные Матусоу для ФБР.

В судебном разбирательстве по этому делу наступил решающий момент. Уже не в первый раз за последние годы адвокат, ведущий политическое дело, предлагал, чтобы в суд были представлены доклады ФБР, на том основании, что они являются существенными для защиты. Некоторые судьи заранее давали указание министерству юстиции представить в их распоряжение такие доклады, но большинство судей под влиянием напряженности обстановки в период холодной войны отказывалось делать это, поддерживая утверждение министерства юстиции, что рассекречивание архивов ФБР подрывает национальную безопасность. И до сих пор Верховный суд США не вынес по этому вопросу никакого решения...

Предложение Захера явно не понравилось Ломбарду. Обращаясь к судье Димоку, он сказал: «Я думаю, что эти доклады, по крайней мере то, что я видел, не имеют отношения к кому-либо из подсудимых по делу Флинн... Мне кажется, мы заберемся в дебри...»

И на этом основании он считал бы нецелесообразным представлять эти доклады.

Судья Димок в мягкой форме выразил свое несогласие с Ломбардом. Он сказал прокурору США, что ему бы хотелось ознакомиться с докладами Матусоу для ФБР.

Когда эти доклады показали Матусоу для опознания, он сказал, что вспоминает еще о двух.

«Не соблаговолит ли г-н Ломбард, — спросил Захер, — представить и эти доклады?»

Прокурор США ответил, что ему неизвестно о каких-либо других докладах, сделанных Матусоу для ФБР...

Только спустя некоторое время мы узнали, что среди докладов Матусоу для ФБР, не представленных Ломбардом, были и доклады, касающиеся Клинтона Дженкса, которые могли бы свидетельствовать о ложности показаний Матусоу на процессе Дженкса. Впоследствии мы обнаружили также, что они были не единственными существенными документальными доказательствами,

которые прокурор США не предоставил в распоряжение судьи Димока.

Перекрестный допрос Матусоу, проводимый Ломбардом, длился пять дней. Самым внушительным в нем была его продолжительность. В противоположность Захеру, который просто сыпал вопросами, Ломбард задавал вопросы, то и дело останавливаясь, неоднократно повторяясь, делая длительные паузы, словно какая-то боль мешала ему говорить.

Явно стремясь доказать, что Матусоу подкупили, чтобы он отрекся от своих прошлых показаний, Ломбард принялся подробно расспрашивать его о деньгах, которые он за все время получил от фирмы «Камерон энд Кан». Однако Ломбарду удалось только установить, что Матусоу, подобно большинству авторов, работающих по договору с издателями, получил аванс. (Ломбард, конечно, не упомянул, что в свое время министерство юстиции регулярно выплачивало Матусоу жалованье за его свидетельскую деятельность. Стоило бы только упомянуть об этом, как сразу же могли возникнуть два щекотливых вопроса: во-первых, если следует ставить под сомнение правдивость автора вследствие того, что он получает гонорар за свою работу, что же тогда следует говорить о правдивости свидетеля, которому платят за его показания? И во-вторых, что внушает больше сомнения: вознаграждение, выплачиваемое автором издателями, или вознаграждение, выплачиваемое свидетелям правительством?)

В ходе перекрестного допроса Харви обнаружилось, что адвокаты, представляющие правительство, прибегают к различного рода маневрам, в законности которых можно было усомниться. Хотя общеизвестно, что показания, данные на большом жури, являются секретными и не предаются огласке без разрешения суда, помощники Ломбарда непрерывно сновали между комнатой, в которой находилось большое жури и залом, где происходило судебное разбирательство под председательством судьи Димока, принося свежие сведения, чтобы помочь прокурору США вести допрос Матусоу. Эта конвейерная система не ускользнула от внимания бдительного Захера. И вскоре он прервал перекрестный допрос, чтобы попросить судью Димока установить, откуда взяты некоторые документы, которые Ломбард пытается пред-

ставить в качестве доказательств. Если эти документы являются вещественными доказательствами большого жюри, сказал Захер, то представление их на суде без разрешения судьи является нарушением закона, запрещающего «разглашать содержание того, что приводится в качестве доказательств на большом жюри».

На заданный в связи с этим судьей Димоком вопрос Ломбард в своем ответе неохотно признал, что документы принесены из комнаты большого жюри. Тогда судья с невозмутимым видом спросил, просит ли сейчас прокурор США разрешение на огласку этих документов?

С заметной досадой Ломбард сказал, что просит...

Во время перекрестного допроса Харви самым продолжительным было обсуждение его поездки на велосипеде прошлой осенью по Техасу и Нью-Мексико. Час за часом, движимый напрасной надеждой установить, что где-то среди каньонов, песков и гор Юго-Запада коммунистические агенты тайно предложили Харви большую сумму за отречение от показаний, Ломбард спрашивал его о каждой минуте путешествия.

«Боже мой, ну и поездка! — воскликнул один из газетчиков, когда кончилось очередное судебное заседание. — Мы даже еще не выбрались из Техаса!»

В течение тех пяти дней, когда он допрашивал Харви, Ломбарду, несомненно, удалось доказать одно важное положение. Оно касалось окончательного договора Матусоу с фирмой «Камерон энд Кан». Установив, что первоначальное соглашение Харви с нами представляло собой письмо, написанное 26 октября 1956 года, Ломбард обнаружил, что окончательный текст договора был подписан только 1 февраля следующего года. Не произошло ли это, спрашивал Ломбард у Харви, как раз на следующий день после того, как он подписал под присягой письменные показания по делу Флинн? И не предоставлял ли ему окончательный текст договора более выгодные условия, чем первоначальное письмо-соглашение?

Мало пользы было от того, что Харви указал, что общие условия окончательного договора не были более выгодными по сравнению с первым соглашением, что между двумя соглашениями прошло три с лишним месяца просто потому, что Ангус не собрался заготовить набросок второго, более подробного соглашения. Не многого мы достигли и тем, что я мысленно ругал Ангуса за его

привычку откладывать дела со дня на день. Мы ничего не могли поделать. Министерство ухитрилось изобразить, что мы нарочно затягивали заключение окончательного договора с Матусоу, используя этот договор в качестве приманки, чтобы заставить его дать письменные показания. «Нью-Йорк геральд трибюн» так озаглавила статью, сообщающую эту новость: **«Признания Матусоу на суде. За письменным показанием о лжесвидетельстве последовал договор на книгу»**.

Несомненно, это был самый сильный удар, который министерству юстиции удалось нанести нам в результате кампании, проводимой с целью убедить общественное мнение в том, что мы подкупили Матусоу, и трудно было предсказать, как все это скажется на результатах процесса по пересмотру дела...

В целом же допрос Матусоу Ломбардом представлял собой предметный урок того риска, который таил в себе неумело проводимый перекрестный допрос. Очень часто Ломбард пытался доказывать те факты, которые министерство старалось опровергнуть. Превосходной иллюстрацией может служить допрос, на котором Ломбард подверг сомнению утверждение Матусоу о том, что до встречи с Ангусом и мной он различным людям рассказывал о своем обыкновении давать ложные показания. Возможно, сказал Ломбард насмешливо, Матусоу потрудится назвать некоторых из этих индивидуумов?

Харви с готовностью повиновался. Он рассказал, что весной или летом 1954 года он извинился за дачу ложных показаний, кроме епископа Д. Бромли Окснама, перед следующими лицами: газетными обозревателями Дрю Пирсоном и Маркисом Чайлдсом, радиокомментатором Элмером Дэвисом, Джеймсом Уэкслером, редактором «Нью-Йорк пост», сенаторами Генри Джексоном, Майком Мэнсфилдом, Джеймсом Мюрреем, Хьюбертом Хэмфри и Гербертом Леманом...

От двух названных им лиц немедленно последовало подтверждение правдивости сказанного Матусоу, что, несомненно, усугубило неловкость положения, в которое попало министерство юстиции.

Дрю Пирсон в своей статье рассказывал:

«Около года назад молодой человек, по имени Харви Матусоу, пришел ко мне и сказал, что он лгал о многих невинных людях и что он об этом со-

жалеет. Он признался, что говорил неправду о людях, утверждая, что они коммунисты, в то время как они не были ими. Я сказал ему, что он должен исправиться, рассказав правду. Именно это сейчас он делает...

Трагедия заключается в том, что правительство слишком долго не реагировало на признания Матусоу. Около года назад я писал о том, что г-н Матусоу еще тогда хотел рассказать правду».

Обозреватель Маркис Чайлдс писал, что летом 1954 года Матусоу пришел к нему, «чтобы извиниться за ложь, которую он обо мне рассказывал», и что Матусоу говорил «обо всех ложных сведениях, которые он сообщал на комитетах конгресса, в федеральных судах, а также во время избирательной кампании 1952 года, подстрекаемый, как он сказал, сенатором Маккарти». Чайлдс далее продолжал:

«И... это был человек, которого министерство юстиции и ФБР использовали в качестве свидетеля и который долгое время давал показания перед комитетом палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности и сенатским подкомитетом по вопросам внутренней безопасности».

В заключение перекрестного допроса Матусоу Ломбард вызвал для дачи свидетельских показаний двух бывших помощников прокурора США, которые принимали участие в деле Флинн в качестве штатных юристов министерства юстиции. Эти два законника с невинным видом хором повторяли, что Матусоу производил впечатление вполне «правдивого» и «искреннего» и что до них никогда не доходили сведения, которые заставили бы их «сомневаться в надежности его как свидетеля обвинения». Оба прокурора, присутствовавшие при первом разговоре Роя Кона с Матусоу как с возможным свидетелем, заявили, что во время этого разговора Рой Кон не упоминал о книге Вышинского «Советское государственное право», как это теперь утверждает Матусоу...

Следующим свидетелем был Рой Кон.

Все ожидали, что показания этого молодого, быстро выдвинувшегося юриста, завоевавшего международную известность своей деятельностью в качестве помощника Маккарти, явятся одним из самых драматических эпизо-

дов судебного разбирательства. Однако его появление не оправдало этих ожиданий. С тех пор как Кон перестал работать на Маккарти и занялся частной юридической практикой, прошло всего несколько месяцев, но Кон, казалось, уже успел стать политическим анахронизмом. Теперь он был скорее диковиной, нежели знаменитостью.

Этот прилизанный, смуглый, небольшого роста юрист живо отвечал на вопросы Ломбарда и, казалось, помнил мельчайшие подробности всех дел, которые он вел с Матусоу.

«Были ли когда-нибудь у вас какие-либо основания подозревать, г-н Кон, — спрашивал Ломбард, — что Матусоу говорил вам неправду?»

«Нет, г-н судья, — ответил Кон с видом полной убежденности. — Мы весьма тщательно проверяли все, что он говорил... И каждая проверка подтверждала правдивость сказанного им... Если бы я или кто-либо из наших сотрудников хоть немного сомневались в этом, его никогда не использовали бы в качестве свидетеля».

«Вы когда-нибудь предлагали ему давать не полностью правдивые показания?»

«Это его заявление — полностью ложное».

И как судьба подшутила над Коном, этим бывшим инквизитором, — его стал допрашивать один из тех самых еретиков, в преследовании которых он в свое время так ревностно участвовал!

Уже первый обмен мнениями между Коном и Захером задал тон всему перекрестному допросу.

«Вы утверждаете, — начал Захер, — что проверяли все заявления Матусоу, которые не соответствовали документам, и...»

Кон прервал его: «Мы проверяли по мере наших сил, г-н Захер».

«Сейчас я задаю вам вопросы, г-н Кон, — сказал ему Захер колко, — не надо прерывать, когда я говорю. Запомните это, пожалуйста».

С этого момента не было никаких сомнений насчет того, на чьей стороне были преимущества...

Ссылаясь на определенные обвинения, выдвинутые Матусоу по делу Флинн, Захер попросил Кона рассказать, как происходила «весьма тщательная проверка» этих обвинений, которая, как он заявил, якобы проводилась. Как, например, проверил он точность утвержде-

ния Матусоу, что один из обвиняемых присутствовал на таком-то собрании?

Блестящая память, которой щеголял Кон во время прямого допроса, внезапно изменила ему. «Я не помню, — сказал он, — спрашивали ли мы его о том, какие у него были доказательства, чтобы подтвердить это... Мне кажется, мы провели, так сказать, выборочную проверку».

Не помнит ли Кон, в какой форме была проведена эта «выборочная проверка»?

Кон не помнил.

Может быть, спросил Захер, Кон точно скажет, по каким другим голословным утверждениям Матусоу он проводил «выборочные проверки». Были ли подтверждения со стороны других свидетелей? Если нет, то имелись ли другие доказательства, подтверждавшие показания Матусоу?

Неопределенность ответов Кона была под стать их многословию.

«Г-н Кон, — сказал Захер, — вы слишком много говорите. Пожалуйста, отвечайте только на мои вопросы».

Правда ли, спросил Захер, что некоторые обвинения Матусоу против подсудимых по делу Флинн вначале появлялись в плане допроса, составленном им до начала процесса, и что эти обвинения не упоминались в предыдущих заявлениях Матусоу, которые он делал правительственным адвокатам и ФБР?

Ответы Кона становились более уклончивыми и спорными.

Наконец Захера прорвало. «Г-н Кон, не забывайте, что вы находитесь в суде, а не в комитете Маккарти!»

Вмешался судья Димок. «Г-н Кон, вы юрист, и я понимаю, что вам сейчас весьма трудно не вступать в дискуссию, но для нас всех будет большим облегчением, если вы будете со всей внимательностью выслушивать вопрос и просто отвечать на него, следуя логике и правилам грамматики...»

Тот факт, что бывшего главного советника Маккарти, перед которым крупные правительственные сановники трепетали от страха, федеральный судья в мягкой форме инструктировал относительно элементарных вещей, казалось, свидетельствовал о здоровых настроениях, появившихся за последнее время.

Стремясь опровергнуть рассказ Матусоу о том, как он завязал отношения с фирмой «Камерон энд Кан», обвинение выставило свидетелем некую личность, по имени Райли Тейнтор, проживающего в Таосе, Нью-Мексико. Тейнтор представился коммивояжером по продаже машин. Он показал, что Матусоу, находясь в Таосе перед своим отъездом в Нью-Йорк в октябре месяце, хвастался ему, что уже получил тысячу долларов от своих будущих издателей, и в качестве доказательства показал большую пачку денег.

Во время перекрестного допроса Захер выявил, что Райли Тейнтор, кроме того, что он был «коммивояжером», являлся профессиональным игроком, зарегистрированным в полиции.

2. Затруднения

Как известно, беда не приходит одна. Министерству юстиции и без того приходилось туго в связи со скандальными признаниями Матусоу. И, когда пересмотр дела Флинн шел полным ходом, у министерства неожиданно возникли новые осложнения.

11 февраля вся американская пресса объявила о том, что еще один свидетель обвинения отрекся от своих показаний.

Этот свидетель, некая г-жа Мария Нэтвиг, несколько месяцев назад на заседании Федеральной комиссии связи заявила в своих показаниях, что издатель пенсильванской газеты и владелец местного радиовещания Эдвард Лемб «сочувствует коммунистам». Теперь, снова представ перед той же комиссией, г-жа Нэтвиг призналась, что ее показания о Лембе были ложными, и обвинила правительственных атторнеев, в особенности некоего Уолтера К. Поуэлла, в том, что они «заставили» ее солгать.

«Я произнесла подготовленную речь, — заявила г-жа Нэтвиг. — Меня до смерти запугали. Они сами сказали мне, в чем якобы заключается правда и что я должна говорить... Мы приступили к фабрикации улик после того, как г-н Поуэлл сказал: «Ну, детка, перестаньте валять дурака...» Только идиот мог поверить тому, что я говорила».

«Нэйшнл гардиэн» так озаглавила свой отчет об отречении г-жи Нэтвиг: «Не открыл ли Матусоу дорогу подобным признаниям?»

По-видимому, на этот вопрос надо было ответить утвердительно, так как спустя несколько дней третий свидетель обвинения публично объявил, что и он давал ложные показания. Это был Лоуэлл Уотсон, владелец молочной фермы в Канзасе и бывший член коммунистической партии, который в течение некоторого времени был одним из платных свидетелей-экспертов министерства юстиции по коммунизму.

Как и г-жа Нэтвиг, Уотсон давал показания против Эдварда Лемба на заседании Федеральной комиссии связи. Теперь он признался, что намеренно солгал, утверждая, что он, когда сам был коммунистом, лично знал Лемба как члена партии. Уотсон заявил, что его фабрики явились «результатом постоянной тренировки и работы по совершенствованию показаний», которую проводили с ним юристы из правительственного аппарата. Уотсон также признался, что он смог узнать Лемба на заседании только после того, как правительственный расследователь украдкой показал ему фотографию Лемба и указал его место в зале заседаний¹.

Обозреватель Дорис Флисон в связи с этими событиями писала: «Неожиданный поворот, который приняло дело, возбужденное правительством против Эдварда Лемба... привел к тому, что фактически в положении обвиняемого оказалось само правительство».

В передовой статье газеты «Кэпитл таймс», издаваемой в городе Мэдисоне, штат Висконсин, говорилось:

---

¹ У Лоуэлла Уотсона, как и у многих его коллег — профессиональных свидетелей, было преступное прошлое, на которое министерство юстиции закрыло глаза, предоставив ему место свидетеля.

После разбора дела Лемба на закрытом заседании одного из комитетов конгресса обнаружилось, что в архивах министерства юстиции имелась докладная записка об Уотсоне, в которой было следующее примечание: «Преступное прошлое Уотсона заключается в том, что в 1924 году за соучастие в совершении преступления несовершеннолетним Уотсон приговорен в Сант-Мари, штат Западная Виргиния, к трехмесячному тюремному заключению. В Толедо, штат Огайо, он был приговорен к месяцу тюремного заключения за мелкую кражу. Там же он обвинялся за оскорбление действием, оказав сопротивление должностному лицу, но суд присяжных решением 31 октября 1932 года оправдал его».

«Следует произвести расследование... действий ряда ответственных правительственных органов, таких, как министерство юстиции и ФБР».

Выступая перед выпускниками Темплского университета, сенатор Маргарет Чейз Смит (от штата Мэн) сказала: «Наконец-то скандальная правда о фальшивых обвинителях, специалистах по полуправде, профессиональных фальсификаторах и платных ловкачах начинает просачиваться через мрачную, отвратительную завесу подозрений, которую этим людям удалось создать на пагубу всей нации».

С этим мнением сенатора Смит в конторе фирмы «Камерон энд Кан» все согласились.

И тем не менее за то, что наша фирма принимала участие в раскрытии правды, она все еще находилась под следствием. Нью-Йоркское большое жури, кроме Ангуса и меня, вручило повестки Рут, Хербу Тэнку, Нату Уитту и даже стенографисткам, которые перепечатавали рукопись «Лжесвидетеля». Более того, генеральный атторней Браунелл созвал еще два дополнительных больших жури в Эль-Пасо и Денвере с целью отыскать в этих районах какие-либо доказательства, что профсоюз рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности, в котором «господствуют коммунисты», подкупил Матусоу, чтобы он отрекся от своих показаний.

Но мы не могли не чувствовать, что в связи с признаниями г-жи Нэтвиг и Лоуэлла Уотсона министерство юстиции, несмотря на серьезные попытки реабилитировать себя, понесло большой урон. В конце концов должен же быть предел числу свидетелей обвинения, которые могли быть подкуплены коммунистами для того, чтобы они делали ложные признания в лжесвидетельстве.

«Если еще какие-нибудь свидетели отрекутся от своих показаний, — сказал Харви, — Браунеллу придется заявить, что компартия одержала верх над министерством юстиции...»

Однако опьяненные успехами, мы были склонны недооценивать изворотливость и находчивость министерства юстиции. Вскоре мы должны были убедиться в том, что, если затруднения, возникавшие у министерства

юстиции, и множились, оно само никоим образом не потеряло способности создавать новые затруднения для нас.

Одно из таких новых затруднений совершенно неожиданно возникло перед нами теперь.

В тот день, когда набор «Лжесвидетеля» должен был быть сдан в типографию, нам позвонил один из главных администраторов фирмы. Он сказал, что, «к сожалению», его компания не сможет выполнить наш заказ. «Нам просто не удастся включить книгу в график. У нас нет свободных печатных станков...» Он не объяснил, что случилось со станками, которые до этого предназначались для выполнения работ по нашему заказу.

Я спросил, не согласится ли его фирма взяться за переплет книги.

«Боюсь, что нет», — ответил он.

Мы немедленно передали заказ на книгу владельцу другой типографии и попросили в тот же день назначить цену. Его условия нас устраивали. На следующее утро он позвонил нам и выразил свое сожаление по поводу того, что не сможет сделать для нас эту работу. Он допустил «некоторые просчеты...»

Становилось ясно, что и мы со своей стороны допустили некоторые просчеты. Поглощенные текущими делами, мы не подумали о том, что смогут возникнуть трудности с устройством книги в типографию.

Мы позвонили одному прогрессивно настроенному издателю, с которым мы не связались раньше, так как думали, что у него не хватит оборудования, чтобы отпечатать книгу в нужные нам сроки. Он ответил, что будет рад сделать для нас эту работу. А когда он сможет выполнить наш заказ? Он назвал число, которое на три недели превышало уже объявленный нами срок выхода книги.

Тогда мы вступили в переговоры с другим владельцем типографии. У него была репутация либерала. Мы спросили его, не напечатает ли он «Лжесвидетеля»; он категорически отказался.

Наш штаб собрался на «военный совет». Было решено, что Артур Кан временно бросит всякую другую работу и целиком отдастся поискам типографии.

В течение следующих двух дней Артур связался с владельцами типографий в Нью-Йорке и за его

пределами. Ни один из них не соглашался печатать книгу Матусоу.

«Я просмотрел гранки, которые вы мне прислали, — сказал один из них, — и думаю, что эту книгу следует напечатать. Но я не осмелюсь этого сделать. Мне стыдно в этом признаться, но я боюсь. Я не могу позволить себе потерять другие заказы...»

От владельца другой типографии мы узнали, что агенты ФБР побывали в типографиях, чтобы «разузнать» о выпуске «Лжесвидетеля». «На самом деле они напугали предпринимателей», — сказал он.

Ангус и я сразу же написали заявление для печати, в котором докладывали о том, что происходит. «Мы рассматриваем эту попытку запугать книгоиздателей, — заявили мы, — как продолжение кампании, проводимой министерством юстиции, чтобы помешать напечатать книгу «Лжесвидетель»...»

На третий день поисков Артур ликующе объявил, что нашел владельца типографии, который берется за работу. Его зовут Харви Сатенстейн, и он возглавляет новую типографскую фирму «Бук крафтсмен ассошиэйтс».

В тот же самый день Сатенстейн посетил нашу контору в отеле «Челси». Это был представительный мужчина. Когда он появился в дверях, то целиком заполнил дверной проем. Ростом он был выше шести футов, могучего телосложения, с черными как смоль волосами, тщательно подстриженными усами и добрым выражением лица.

С любовью и гордостью принялся он описывать оборудование своей типографии.

«Прежде чем вы расскажете нам обо всем этом, — сказал я, — мне бы хотелось задать вам один вопрос. Вас можно запугать?»

«Каким образом?»

Артур перечислил наши мытарства с поисками типографии.

«Меня не так-то просто запугать», — сказал Сатенстейн с улыбкой, а его черные глаза поблескивали за очками в роговой оправе. По всему было видно, что он не преувеличивал.

Я предложил ему прочесть гранки, прежде чем взяться за печатание книги.

Перед уходом он сказал: «Знаете, я ведь только обыкновенный бизнесмен, но я не люблю сенатора Маккарти... и твердо верю в свободу печати...»

На следующее утро Сатенстейн пришел снова.

«Я прочел книгу, — сказал он. — Не спал всю ночь и кончил».

«Ну и что вы скажете?»

«Я ее напечатаю. Когда вам нужно?»

Мы сообщили ему срок.

«Это раза в два меньше обычных сроков, но я уложусь. Кроме того, чертовски приятно будет напечатать эту книгу».

Спустя сорок восемь часов набор «Лжесвидетеля» был сдан в работу.

РЕШЕНИЕ ПОДКОМИТЕТА

1. Действующие лица

Телеграмма, которую мы с Ангусом послали в сенатский юридический комитет, была следующего содержания:

«Как издатели книги Харви Матусоу «Лжесвидетель», которая скоро выйдет из печати, мы хотим предоставить в распоряжение сенатского юридического комитета весь имеющийся в нашем распоряжении материал, касающийся написания и издания этой книги. Мы считаем, что этот материал поможет в проведении публичного расследования фактов, вскрытых в этой книге, относительно показаний Матусоу в качестве платного свидетеля обвинения и его мошеннических операций в качестве помощника сенатора Маккарти...»

Телеграмма была адресована председателю комитета сенатору Харли Килгору. Всем членам комитета были посланы ее копии.

У нас были основания считать, что расследование дела Матусоу юридическим комитетом, может быть, и даст интересные результаты. Кроме сенатора Килгора, в комитете было еще четыре члена, известных в сенате своими передовыми взглядами на вопросы о гражданских правах. Это были сенаторы Истес Кефвер, Томас Хеннингс, Уильям Лэнгер и Джозеф О'Махони...

В те дни, когда в Белом доме обитал Ф. Рузвельт и некоторые члены конгресса действительно не боялись общаться с представителями левых кругов, у меня были хорошие отношения с сенатором Килгором, энергич-

ным и последовательным сторонником Нового курса... Однако теперь на наше предложение сенатор не ответил.

Вместо этого, к нашему крайнему удивлению, мы получили ответ от сенатора Джеймса Истленда, председателя подкомитета по вопросам внутренней безопасности юридического комитета.

Телеграмма сенатора Истленда гласила:

«По поводу вашей телеграммы, якобы являющейся добровольным предложением предоставить в распоряжение комитета имеющийся в вашем распоряжении материал, касающийся написания и издания книги Матусоу. Будет достаточно, если вы представите этот материал в соответствии с повесткой подкомитета по вопросам внутренней безопасности... Комитет не желает вмешиваться в дела большого жюри или брать под защиту тех, кто не выполняет требований, указанных в повестке большого жюри».

Вслед за посланием Истленда Харви, Ангус и я получили повестки о явке в подкомитет Истленда в Вашингтоне.

Очевидно, было решено, что атмосфера вокруг дела Матусоу слишком накалилась, чтобы за это дело мог взяться юридический комитет. Подкомитет же проявил повышенный интерес к этому вопросу, так как раньше Матусоу был одним из его главных свидетелей.

Эти два органа конгресса значительно отличались друг от друга.

Подкомитет по вопросам внутренней безопасности был одним из наиболее ревностных исследовательских комитетов конгресса, которые, усердствуя во имя охраны безопасности нации, нарушали устои конституции. В соответствии с первоначальным планом расследовательские полномочия конгресса предполагалось использовать для облегчения сбора данных при разработке проектов новых законов, а также для обеспечения контроля со стороны законодательных органов правительства над исполнительными. В годы холодной войны эти полномочия превратились в мощное средство проведения официальной догмы, организации слежки за гражданами, преследования политических противников, и, наконец, последняя, не менее важная их функция заключалась

в том, что расследователи превратили свою деятельность в средство для продвижения по службе.

Хотя теоретически в соответствии с конституцией законодательным органам не разрешалось проводить судебные разбирательства, тем не менее именно такова была природа заседаний расследовательских комитетов конгресса.

Однако надо сказать, что это были разбирательства совершенно особого рода, когда члены комитета выступали в качестве обвинителей, присяжных и судей, а обвиняемые были лишены почти всех элементарных прав, предоставляемых им законом в соответствии с требованиями надлежащего судебного разбирательства.

В связи с этим Уолтер Липпман как-то заметил: «Это такое позорное место, где человек теряет свое доброе имя часто без доказательств и, как правило, без предоставления права на защиту, которым пользуются на обычном суде. Это суд, где людей привлекают к ответственности и обвиняют в действиях, которые фактически не являются незаконными».

Принимая во внимание эти обстоятельства, у нас было мало оснований ожидать справедливого расследования дела Матусоу в подкомитете по вопросам внутренней безопасности.

Состав подкомитета также не давал нам оснований для оптимизма.

Председатель подкомитета ярый расист сенатор Истленд в настоящее время защищал Маккарти от тех, кто называл его выдающимся демагогом в сенате¹.

---

¹ То, что сенатор Истленд должен был быть председателем сенатского подкомитета, якобы расследовавшего подрывную деятельность в Соединенных Штатах, не было лишено определенной иронии, так как сам сенатор являлся главной фигурой заговора мятежников. Основной целью этого заговора был саботаж решения Верховного суда США, объявляющего расовую сегрегацию в школах антиконституционной. «Вы не должны повиноваться какому бы то ни было суду, выносящему подобные постановления, — объявил сенатор Истленд. — Напротив, вы обязаны оказывать ему открытое неповиновение».

30 декабря 1955 года «Нью-Йорк таймс» вынуждена была сообщить, что сенатор Истленд устроил в Мемфисе, штат Теннесси, секретное совещание, на котором собрались руководители вновь созданной организации, открыто провозгласившей своей целью координацию всех усилий на Юге, направленных на подрыв

Другим членом подкомитета был бывший председатель подкомитета сенатор Уильям И. Дженнер, ярый приверженец Маккарти. Некогда выдвинутое им требование предъявить президенту Трумэну обвинение в государственном преступлении в связи с тем, что он якобы является орудием в руках «тайного кружка, руководимого агентами Советского Союза», не менее характерно для его взглядов, чем его теперешнее утверждение, что Соединенные Штаты в годы второй мировой войны воевали не на той стороне.

Третий член, сенатор Херман Уэлкер, являлся, говоря словами из «Нью-Йорк таймс», «своего рода партийным уполномоченным, выступающим за промаккартистский блок в сенате».

Четвертым членом был сенатор Артур Уоткинс. Когда в 1952 году в Солт-Лейк-Сити проходил процесс по делу Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности, на котором давал показания Матусоу, он проводил кампанию в штате Юта за свое переизбрание. Уоткинс вместе со своим близким другом архиреакционером сенатором Пэтом Маккаренем председательствовал на этом процессе. Именно после этого разбирательства Матусоу совершил поездку по нескольким западным штатам, проводя избирательную кампанию за ставленников Маккарти, в том числе и за сенатора Уоткинса, причем контора последнего оплатила часть дорожных расходов Матусоу¹.

решения Верховного суда, а также на то, чтобы помешать американским неграм пользоваться другими конституционными правами. Эта организация называлась несколько туманно: «Федерация за конституционное правительство».

«Мы собираемся начать великий крестовый поход, — сказал сенатор Истленд на этом тайном сборище. — Поход за восстановление американизма... Поражение означает смерть культуры Юга и наших устремлений как представителей англосаксонской расы. Память о нас будут чтить поколения будущих южан, потому что они поймут, что борьба, которую мы ведем, сохранит для них во всей чистоте расовое наследство...»

Сенатор был избран членом правления Федерации.

В 1956 году сенатора Истленда прочили на пост председателя сенатского юридического комитета.

¹ Справедливости ради следует сказать, что осенью 1954 года будучи председателем сенатского специального комитета по изучению обвинений, предъявленных сенатору из Висконсина, Уоткинс помог выявить значительное количество фактов, касающихся непра-

Кроме того, был еще адвокат подкомитета. Когда Матусоу выступал одним из основных свидетелей комитета, его главным адвокатом был помощник и поверенный в делах сенатора Маккарена — Джулиан Д. Саурвайн. До сих пор он служил в комитете на той же должности.

Маловероятно, что сенаторы Истленд, Дженнер, Уэлкер и Уоткинс и их адвокат Саурвайн отнесутся к нам сочувственно во время разбора дела. В конце концов отступничество Матусоу отразилось на них не меньше, чем на министерстве юстиции.

Несмотря на это, я считал, что, может быть, нам удастся заставить комитет провести расследование, отличное от того, что было уготовано нам министерством юстиции.

Прежде всего в комитете было пять новых членов, которые не были замешаны в использовании Матусоу в качестве свидетеля. Четверо из этих сенаторов — Томас Хеннингс, Джон Макклеллан, Олин Джонстон и Прайс Дэниэл — были демократами, и, как можно было предположить, возможно, они захотят разоблачить роль Матусоу в распространении мошеннической пропаганды, проводимой по приказанию Маккарти против их коллег — членов демократической партии. Более того, сенатор Хеннингс возглавлял расследование сомнительных финансовых махинаций Маккарти и был искренним критиком репрессивных мер, принимаемых якобы для обеспечения безопасности...

Ангус не разделял моих надежд. «Насколько я понимаю, — сказал он, — отношение комитета к делу ни на йоту не будет отличаться от подхода к нему министерства. В комитете каждый демократ — южанин. Этот комитет в миниатюре представляет собой сочетание диксикратов и маккартистов, которые вершат дела в сенате. Все они, возможно за исключением Хеннингса, будут смотреть на это дело одними глазами».

вильного поведения Маккарти на посту сенатора. В декабре 1954 года сенат 67 голосами против 22 осудил Маккарти за его презрительное и обструкционистское отношение к комитету Уоткинса.

Даже если дела обстояли таким образом, спорил я, мы оказались в парадоксальном положении, сами потребовав сенатского расследования. «И мы не можем сейчас вести себя так, словно мы не хотели этого расследования. Я считаю, что нам следует подождать и посмотреть, в какую форму все это выльется. Давайте концентрировать наш огонь на министерстве юстиции и любой ценой до поры до времени стараться не идти за комитетом».

«Кончится тем, — возразил Ангус довольно мрачно, — что не мы, а они придут за нами».

2. Старые знакомые

Зал сената с мраморными колоннами, обычно используемый перед сессиями конгресса для проведения кокусов¹, в котором 21 февраля 1955 года началось слушание дела Матусоу, был знаком миллионам телезрителей как место, где в прошлом году происходило фантастическое по своей нелепости слушание дела «Армия США против Маккарти». И казалось, что с тех пор, как Матусоу выступал здесь в качестве главного свидетеля на заседании подкомитета, обстановка совсем не изменилась. Те же мощные потоки света, камеры кинохроники, микрофоны и телевизионные установки, тот же многочисленный отряд газетчиков, разместившихся за столами для прессы, те же самые плотные ряды зрителей. Но имя Маккарти приходило на ум еще и по другой причине. Как писал репортер Уильям Шэннон в «Нью-Йорк пост»:

«В этом огромном зале, в котором Джо Маккарти одержал так много побед... снова витал его призрак. Харви Матусоу, некогда один из любимых свидетелей Маккарти, а теперь явный обломок его канувшей в вечность власти, возвратился в этот зал... чтобы заявить подкомитету по вопросам внутренней безопасности, что большинство из его прежних свидетельских показаний являлось ложью и что большинство из августейших сенаторов, сидя-

---

¹ Кокусы — закрытые партийные собрания членов конгресса, проводимые в начале каждой сессии конгресса для обсуждения политических и организационных вопросов. — *Прим. ред.*

щих перед Матусоу, были молчаливыми соучастниками его обмана.

Прошло всего два с половиной года, с тех пор как некоторые из этих сенаторов дрожали от страха перед могуществом Маккарти и просили его помощи. А те, которые не могли пробиться к Маккарти, были рады поддержке Матусоу».

Сенатор Истленд, похожий на свинью, в очках, с сигарой во рту, открыл заседание, огласив подготовленное заявление. Это расследование, сказал он, имеет своей целью разобраться в сделанных недавно Матусоу «публичных заявлениях... о том, что он лгал, когда давал показания перед этим подкомитетом и в других случаях». Тот факт, что следствие только начинается, не мешает тому, чтобы председатель подкомитета указал на возможный его исход. Истленд подчеркнул, что отказ Матусоу от его прежних показаний не бросает тень на те правительственные учреждения, которые использовали его в качестве свидетеля, или на других осведомителей-свидетелей. Последние приносят большую пользу не только американской демократии, но также «и борьбе за сохранение человеческой свободы, которая ведется во всем мире». В качестве яркого примера сенатор сослался на хорошо известную профессиональную свидетельницу Элизабет Бентли, чьи показания этот подкомитет нашел «безупречно правдивыми...»

Когда Истленд закончил свой панегирик профессиональным свидетелям, приступили к допросу Матусоу.

Адвокат комитета Саурвайн сразу наметил предполагаемую линию допроса, заявив, что, «по утверждению прессы», коммунистическая партия использовала отречение Матусоу «для решительного наступления на эффективно проводимую правительством кампанию по разоблачению коммунистического заговора и судебного преследования лидеров компартии». Саурвайн спросил, не хочет ли Матусоу сделать какие-либо замечания по поводу этого обвинения?

«Да, у меня есть замечания, сэр, — сказал Харви голосом, который был ясно слышен во всех уголках зала. — Я лгал в суде... Когда я давал показания в Эль-Пасо, штат Техас, против профсоюзного деятеля Клинтона Дженкса, я не знал, коммунист он или нет... Если правительство вынесло свой обвинительный при-

говор на основании моих показаний, моих ложных показаний, тогда по этому делу следует назначить новое судебное разбирательство... Если обвинительный приговор, вынесенный коммунистическим лидерам, в какой-то мере был основан на моих показаниях, которые были ложными, тогда и по этому делу следует назначить новое судебное разбирательство... Из-за моей лжи эти люди не должны сидеть в тюрьмах»¹.

Матусоу добавил, что, будучи свидетелем обвинения, он, стремясь доказать свой «подлинный антикоммунизм», беспрестанно лгал: «Я лгал постоянно, и ложь вошла у меня в привычку», — сказал он.

В ходе заседания сенаторы всячески пытались избежать вопросов, которые могли бы подтвердить признание Харви в ложности его прошлых показаний. Вместо этого они объединенными усилиями пытались доказать ложность его теперешних показаний, очевидно полагая, что, поставив под сомнение достоверность того, что он говорит в настоящее время, им удастся создать видимость правдоподобия его предыдущей лжи.

Все чаще и чаще задаваемые ими вопросы принимали форму грубых выпадов.

Дженнер. Сейчас вы говорите правду?

Матусоу. Да, сэр.

Дженнер. Значит, ложь не вошла у вас в привычку?

Матусоу. Я сейчас не лгу постоянно...

Уоткинс. Вы нам недвусмысленно сказали: «Я лгу постоянно, и ложь вошла у меня в привычку».

Матусоу. Мне кажется, я сказал, что я лгал постоянно и ложь вошла у меня в привычку.

Уоткинс. Я считаю, что протокол покажет, кто из нас прав. Если вы сказали «я лгу», то это, по всей вероятности, будет одно из правдивых признаний, которое вы сегодня здесь сделали.

Макклеллан. Вы в некотором роде заинтересовали меня описанием того, каким лжецом вы являетесь. Не могли бы вы оказаться к тому же и прирожденным лжецом?

---

¹ В этой главе все диалоги, происходившие на заседании сенатского подкомитета, взяты из протокола заседания.

Матусоу. Что ж, сэр, существует много прилагательных для характеристики лжецов... И я думаю, большинство из них подошло бы к моему прошлому.

Макклеллан. Мне хотелось бы уточнить, что это — способность или дар природы, который вы развили, или это у вас происходит само собой. Может быть, это у вас от рождения?

Матусоу. Нет, сэр, я не думаю, что это у меня от рождения.

По логике вещей возникал вопрос, который сенаторы не сделали предметом обсуждения: почему они сами использовали Матусоу в качестве свидетеля-эксперта, если он был «постоянным», «прирожденным» лжецом, у которого «ложь вошла в привычку»? Но недостаток логики в их вопросах был более чем достаточно компенсирован злобой.

«Ни один сенатор в зале, — комментировал Уильям Шэннон из «Нью-Йорк пост», — не отважился подумать, что Матусоу сделал правильно, выступив, хотя и с запозданием, с пересмотром своего прошлого поведения, исправляя причиненный им вред. Они пытались «реабилитировать» его как свидетеля... Они ясно намекнули ему на необходимость обратиться к психиатру.

Когда эта попытка провалилась, они перешли к прямому запугиванию его, предупреждая, что если найдут возможным, то посадят его в тюрьму за лжесвидетельство. Таким образом, он понес бы наказание не за ложь, а за свои теперешние признания...»

Как ни удивительно, этот явно враждебный допрос не произвел на Харви заметного впечатления. Казалось, его совершенно не трогали насмешки, угрозы и обвинения его экзаменаторов, и он продолжал спокойно повторять, что, будучи свидетелем обвинения, он лгал, а сейчас говорит правду.

«На самом деле, — рассказывал он мне позднее, — я чертовски злился, думая о том, как они меня использовали и как они преследуют меня теперь за то, что я пытаюсь сделать нечто честное... Но я решил сохранять спокойствие и изобличить их. Думаю, им не следовало учить меня быть таким искусным свидетелем...»

Однако, если Харви сохранял самообладание, его преследователи все больше нервничали и приходили

в ярость. Когда они попытались выставить Матусоу в качестве отъявленного негодяя, который продается тому, кто больше дает, они, очевидно, не подозревали, что просто раскрывают свои собственные представления о нормах поведения, характерных для «свидетелей-экспертов».

Размахивая письмом, посланным летом 1953 года Матусоу сенатору Маккарти, в котором он говорил, что решил больше не выступать в роли профессионального свидетеля, и осуждал мотивы, по которым он стал таким, Саурвайн спросил: «Вы помните, сэр, как вы заявили, что за «пиастры» вы готовы сделать все что угодно?»

«Да, сэр».

«И вы теперь придерживаетесь того же мнения?»

«Нет».

С деланой улыбкой на бледном, изнуренном лице сенатор Дженнер сказал: «Вы собираетесь получить деньги за издание своей книги «Лжесвидетель». Быть может, вы снова лжете за деньги?»

«Сэр, — ответил Харви, — я думаю, что судебные издержки в связи с этим процессом, которые придется на мою долю, намного перекроют сумму гонорара, который я получу за книгу».

«Вы хотите заставить нас поверить, — спросил сенатор Макклеллан тоном праведника и с елейным видом дьякона, — что вы теперь искренни и что вы пытаетесь очистить свою душу от той подлости, которую совершили? — Он осуждающе повысил голос. — Вы пытаетесь нажиться на преступлении, которое вы совершаете, издавая эту книгу и продавая ее американскому народу».

Впервые за все время спокойствие покинуло Харви. «Прямо сейчас, — сердито закричал он в ответ, — все деньги, которые не пойдут на оплату судебных издержек и на мою защиту в связи с этими обвинениями, я передам любому благотворительному учреждению для оказания материальной помощи школьникам. И мне бы хотелось сказать, для какой именно школы, — продолжал он, — потому что я нападал на нее. Это Антиохский колледж в Йеллоу Спрингс, в штате Огайо. Если хотите, сэр, возьмите любого адвоката... составьте документ, и я подпишу его и передам школе».

Сенатор Макклеллан прекратил разговор на эту тему.

Члены подкомитета вытаскивали всевозможные грязные подробности из прошлого Матусоу, пытаясь использовать их в своих целях. Они спрашивали его, не крал ли он государственные процентные бумаги у своей бывшей жены? Не подделал ли документы о пребывании в армии? Правда ли, что он однажды пытался шантажировать расследователя одного подкомитета, вымогая у него деньги?

Но сенаторы и их адвокат тщательно избегали говорить на тему о том, правдивы ли обвинения и признания, сделанные в книге «Лжесвидетель». Они обращались к ней, когда пытались доказать, что во время написания книги Матусоу был окружен «коммунистами» и «сочувствующими», словно простое упоминание этих слов как бы по волшебству изгоняло из книги все содержащиеся в ней разоблачения.

«Правда, — спросил Истленд, — что г-н Кан, г-н Камерон и г-н Уитт в последние месяцы были вашими ближайшими товарищами? А раньше вы каждого из них обвиняли в принадлежности к коммунистической партии?»

«В той или иной форме, да».

«В сущности, вы верите, что они коммунисты, не так ли?»

«Нет, сэр, не верю, — ответил Матусоу. — Я не знаю и не хочу знать... Мои отношения с этими людьми основаны на дружбе, а не на политических убеждениях».

«Предположим, — спросил сенатор Даниэл, — что Матусоу узнал бы, что его издатели — коммунисты, забрал бы он в таком случае у них свою книгу?»

«Единственная фирма, которая предложила издать мою книгу, была фирма «Камерон энд Кан»... — сказал Харви. — Они были единственными, кто на это осмелился... Если бы я узнал, что они члены коммунистической партии, я бы позволил им продолжать работу по изданию моей книги; да, сэр».

В конце первого дня заседания сенатор Дженнер предложил прекратить следствие. «Я просто сомневаюсь, целесообразно ли, чтобы комитет тратил время, слушая подобную чепуху и подобные показания», — сказал он. Очевидно, сенатора осенило, что заседание, казалось,

вынесло обвинительный акт скорее подкомитету, а не Матусоу.

Однако коллеги его не были склонны последовать этому совету.

Харви предстояло еще пять раз явиться на заседания подкомитета и провести под допросом более двадцати часов. Даже если его допросы будут проводиться безо всяких эксцессов и с соблюдением внешних приличий и во время проведения их не будут разыгрываться страсти, подобные тем, какие разыгрались в первый день, можно было ожидать, что он проявит признаки усталости и напряжения. Но на деле произошло нечто совершенно противоположное.

С каждым днем Харви, казалось, чувствовал себя непринужденнее и испытывал прилив новых сил. Не он, а те, кто его допрашивал, все больше теряли терпение. Несмотря на их гневные обвинения и оскорбления, он сохранял спокойствие, неоднократно превращая их атаки против него в разоблачения их собственных незаконных действий, бросая в их адрес упреки за ту роль, которую играл их комитет, и делая их объектом своих шуток. «По единодушному мнению репортеров, освещавших это представление, — писал еженедельник «Стоунз уикли», — Матусоу задавал тон всему разбирательству».

Каждый раз, когда сенаторы старались представить Матусоу с наихудшей стороны, копаясь в грязном белье его прошлого, Харви подчеркивал, что ответственность за ту роль, которую он сыграл, выступая в качестве лжесвидетеля, в огромной степени ложится на них.

Однажды сенатор Уэлкер спросил Харви относительно выраженного им отвращения к термину «провокатор». «И в то же время вы... продолжали распинать людей на кресте? Это же несовместимые вещи».

«В данном случае я действовал заодно с членами комитетов конгресса, — ответил Харви, — и распинал людей. Это действительно так, сэр».

«Но как же, — упорно продолжал сенатор, — вы объясните то, что сами стали «лживым провокатором»?»

«Потому что эти комитеты конгресса, — отпарировал Матусоу, — такие, как, например, этот, заставляли меня и многих других быть им».

«Мы заставляли вас?» — недоверчиво спросил сенатор Уэлкер.

«Да, сэр, тем, что создали атмосферу страха и истерии, которой никогда раньше не знала наша страна. Люди не могут пойти и поговорить со своими соседями, без того чтобы их не называли коммунистами. А это все честные, порядочные люди. Среди тех, кто несет ответственность за роль, которую я сыграл, будучи свидетелем, видное место принадлежит членам этого комитета, а не мне!»

Уэлкер. Во всей мировой истории нет более низкой личности, чем человек, который совершает лжесвидетельство и посылает своих соотечественников на каторгу.

Матусоу. Зачем же вы подстрекали на такие дела?..

Уэлкер. Разве я когда-нибудь подстрекал вас совершать лжесвидетельство или говорить ложь под присягой?

Матусоу. Сэр, вы подстрекали таких свидетелей, как Элизабет Бентли и Поль Крауч, и многих других выступать на комитетах конгресса с лживыми утверждениями.

Харви продолжал говорить о том, как Элизабет Бентли, которую сенатор Истленд похвалил в своем вступительном слове при открытии заседания, сама признавалась ему, что она, будучи свидетелем обвинения, давала ложные показания.

А при каких именно обстоятельствах, спросил Саурвайн, сделала мисс Бентли это признание?

Матусоу рассказал, что, будучи профессиональным свидетелем, он однажды встретился с мисс Бентли, которая во время беседы не выдержала и, заплакав, поделилась с ним своими горестями. «Она сказала, что истратила все деньги, которые получила за свою книгу... что она разбита... Она говорила, что больше не хочет давать показания на стороне правительства. Это занятие ей претит. Она горько сетовала на то, что правительство, вместо того чтобы положить ей, как свидетелю, жалованье, предпочитало периодически платить ей за показания гонорары. «Вы молоды... — сказала мне мисс Бентли. — Вы можете уйти отсюда и устроиться на работу. А я не могу. Я должна продолжать заниматься

подобными вещами. Это единственный способ, которым я могу заработать себе на жизнь... Я просто должна продолжать искать информацию и давать показания». И Матусоу пояснил, что, сказав «искать информацию» вместо «изобретать ее», мисс Бентли употребила более деликатное выражение.

Члены подкомитета с угрюмым видом слушали Харви о его разговоре tête-a-tête с Элизабет Бентли. Когда он кончил, сенатор Истленд вызывающим тоном объявил: «Г-н Матусоу, наш комитет вызовет в качестве свидетеля мисс Бентли».

Однако комитет, очевидно, решил, что такое действие могло бы оказаться неблагоразумным. И во время слушания этого дела... мисс Бентли так и не вызвали для опровержения заявления Матусоу.

Когда Харви сообщил, что он знает также, что свидетели обвинения Мэт Цветич, Луис Буденц, Поль Крауч и Мэннинг Джонсон неоднократно лгали в своих показаниях, сенаторы организовали энергичную защиту своих протезе. Они спросили, есть ли у Матусоу неопровержимые доказательства, что показания этих свидетелей были ложными, или это голословные утверждения? (Неожиданная забота сенаторов о строгом соблюдении правил ведения допроса, когда дело касалось проверки доказательств, резко противоречила той готовности, с которой в прошлом они принимали сплетни, слухи и явную ложь за доказательства «подрывного» характера деятельности сотен простых граждан.)

Сенатор Уэлкер попросил Матусоу точно указать некоторые «случаи явного лжесвидетельства», о которых идет речь.

«Так же, как и я, эти свидетели лгали по-умному», — ответил Харви.

«Да, сэр, — сказал сенатор Уэлкер, — в этом вопросе вы действительно правы».

«Да, сэр, — ответил ему в тон Харви, — нас хорошо натренировали...»

Иногда трудно было сказать, чем были вызваны готовые острооты и неожиданные реплики, которыми Харви пересыпал свои показания, — желанием привести в замешательство допрашивающих его или желанием использовать сцену, к которой сейчас были прикованы взоры всей нации, чтобы показать свои таланты комика.

Как бы то ни было, он устраивал такие представления, что зал сената не раз сотрясался от смеха, а члены подкомитета были доведены до явного смущения.

Объявляя об одном из его выступлений перед комитетом, «Вашингтон дейли ньюс» писала: «Комик конгресса Харви Матусоу дает свой дневной концерт в два часа дня в здании Капитолия».

Ежедневно в прессе отмечались новые «острые словечки» Харви. Почти все газеты приводили ответ Харви сенатору Уэлкеру. Сенатор, постоянно все путавший, обратился к Матусоу, назвав его «г-н Мацу», на что Харви моментально отреагировал: «Сэр, я не лгал в проливах Формозы...»

После одного из заседаний Харви почти со смущенным видом сказал мне: «Может быть, мне не к лицу выступать подобным образом во время разбора дела. Но вы меня знаете. Таков уж я есть, вот и все. Но как бы то ни было, — улыбнулся он, — народ любит посмеяться. Главное ведь, что все это делается во имя хороших целей...»

Пожалуй, самым смешным моментом на допросе был вопрос относительно источников доходов Харви в настоящее время.

«Одним из источников, — сказал Харви, — является изобретенная мною игрушка, которая, как я ожидаю, скоро поступит в продажу».

Эта игрушка стала предметом тщательного расследования. Что это за игрушка? — поинтересовались сенаторы. Харви ответил, что это «забавная игрушка, не служащая целям разрушения!» А кто, спросили его, взялся за изготовление игрушки? Харви отказался назвать имя изготовителя на том основании, что это могло бы повредить предприятию последнего.

Члены комитета продолжали оказывать на Харви давление, желая узнать имя изготовителя, а Саурвайн объяснил мотивы их беспокойства: «Вопрос в том, не является ли фирма, которая изготавливает или должна изготовить вашу игрушку, советской или коммунистической».

В связи с обсуждаемым вопросом сенатор Уэлкер заметил: «Мне кажется, все мы до некоторой степени заинтересовались вашей игрушкой. Не скажете ли вы нам, какого рода эта игрушка?»

Наступила длительная пауза. Затем Харви сказал: «Что ж, пожалуйста, я называю ее беспружинной йо-йо».

В тот же вечер, когда радио- и телевизионные комментаторы угостили своих слушателей рассказом о беспружинном йо-йо, взрывы смеха, пронесшиеся по залу, прокатились по стране. На следующий день все американские газеты поместили снимок Матусоу с вытаращенными глазами, с обычным йо-йо в руках, который всучил ему какой-то предприимчивый фотограф, когда Матусоу выходил из зала заседаний.

«Нью-Йорк таймс» как ни в чем не бывало сообщила:

«Международный словарь Вебстера дает следующее определение обыкновенному йо-йо: «Торговое название шарообразного волчка, который прикреплен к стержню толстой струной, завязанной петлей вокруг желобка, проходящего по середине стержня. Волчок, умело приводимый в движение резкими толчками, вращается и выделяет необыкновенные фигуры, принимая забавные положения».

Но, несмотря на многие занимательные стороны процесса и частое веселое оживление, вызываемое неистощимым остроумием Матусоу, его выступления перед подкомитетом носили, в сущности, скорее трагический, нежели комический характер. Они носили трагический характер не только потому, что его признания касались пустой растраты сил и деградации одаренного от природы человека, но также и потому, что за ослепительными огнями и раскатами смеха всегда стояли молчаливые, призрачные фигуры многих мужчин и женщин — учителей, лишенных работы, врачей с опороченной репутацией, уволенных рабочих, — которым инквизиторы и лжесвидетели причинили непоправимый вред. Они носили трагический характер еще и потому, что лица, проводившие расследование этого дела, носившие гордый титул сенатора и ежедневно принимавшие решения, отражающиеся на судьбах миллионов, к позору всего американского народа, оказались людьми, лишенными достоинства и этики, людьми, уничтожавшими права граждан, представителями которых они якобы являлись.

Однако, несмотря на все эти мрачные мотивы, в показаниях Матусоу была победоносная нотка. И она звучала тогда, когда на рыночную площадь лжи вторгалась правда, когда двадцатисемилетний экс-осведомитель, стремившийся спасти самого себя, наносил сокрушительные удары по инквизиции.

3. Вариации на тему

Нельзя сказать, чтобы я с особой неохотой ожидал своей очереди выступить на подкомитете. Было бы несправедливо и неверно, если бы у читателя создалось впечатление, что это разбирательство не дало никаких положительных результатов. Надо сказать, что, несмотря на все отрицательные стороны, публичное заседание подкомитета давало возможность говорить и быть услышанным — обстоятельство, весьма важное, а для представителей прогрессивных кругов — очень редкое.

Я считал, что «недружественные свидетели», выступавшие на заседаниях комитетов конгресса, недостаточно использовали это преимущество. На таких заседаниях они в большинстве случаев старались отмалчиваться и отказывались отвечать на многочисленные вопросы, пользуясь привилегиями, предоставляемыми конституцией. Конечно, на некоторые вопросы, очевидно, не следовало отвечать: не стоит и говорить о том, что ни один уважающий себя человек не станет играть роль осведомителя. Кроме того, нельзя просто сбросить со счетов, что при помощи лжесвидетелей и репрессивных законов определенный ответ мог бы привести к тюремному заключению и другим формам преследования. Нельзя также не обратить внимания, что в такое время, когда конституционные права подвергаются ожесточенным нападкам, важно было отстаивать эти права. Однако не менее важным вопросом, чем защита гражданских прав, являлось утверждение сознания человеческого достоинства, а также использование представившегося случая для разоблачения истинной сущности деятельности инквизиторов. Чтобы защитить правду, нужно было бороться с ложью...

В связи с этим напрашивался вопрос: как лучше использовать выступление на сенатском подкомитете?

Я бегло набросал следующие заметки:

«Помнить, что каждое заявление должно быть обращено главным образом не к комитету, а к публике.

Придерживаться тактики наступления и держать комитет в состоянии защиты.

Подчеркивать ответственность и виновность комитета за прошлое Матусоу...

Опровергать обвинение в приверженности к красным, уверенно отстаивая свои собственные взгляды, но при этом указывать, что они не должны быть предметом расследования.

Рассматривать каждый вопрос, заданный членами комитета, не как помеху, а скорее как возможность приводить факты».

Вдобавок к этим несколько дидактическим советам самому себе я записал ряд наиболее скандальных ложных показаний Матусоу, данных им в то время, когда он был свидетелем обвинения. Я собирался сделать все, что в моих силах, чтобы эти данные были преданы гласности.

Мы с Риет решили взять с собой в Вашингтон наших мальчиков, чтобы они присутствовали на заседаниях подкомитета, на которых я должен был давать показания. Мы считали, что, может быть, эта поездка даст им для общего образования больше, чем те несколько дней в школе, которые они в связи с этим пропустят, не говоря уже о том, что Стивен, Тимми и Брайан ничего не имели против возможности некоторое время не ходить в школу.

Вечером накануне дня моей явки на заседание подкомитета мы впятером отправились в Вашингтон.

Так как комитет должен был собраться не раньше полудня, мы посвятили утро осмотру достопримечательностей. Было прохладно и безоблачно, все вокруг купалось в ярком сиянии солнца. Благородные белые гранитные здания столицы, кристальная чистота воздуха, величественные монументы вызвали воспоминания о длительной и трудной борьбе нашего народа за свободу и справедливость для всех...

Ангус и Стэнли Фолкнер, приехавшие из Нью-Йорка утренним поездом, присоединились к нам в отеле, чтобы вместе позавтракать. Потом мы все вместе отправились в здание сената.

Мальчики были возбуждены до предела. Они бежали впереди нас по длинным блестящим коридорам, оживляя их своим присутствием. Они громко переговаривались, с интересом и удивлением читая имена сенаторов, написанные на табличках дверей их кабинетов.

Когда мы пришли, зал, где происходило заседание комитета, был почти полон, и полон, как показалось на первый взгляд, незнакомыми мне людьми, смотревшими на все с холодным любопытством. Постепенно то тут, то там я стал различать знакомые лица. Один, узнав нас, кивнул. Другой приветствовал спокойной улыбкой. Третий подмигнул.

Вашингтонский бизнесмен, которого я знал в течение нескольких лет, подошел и пожал мне руку. Его приветствие не было простой формальностью — это было проявление смелости с его стороны, он в открытую заявил о своем отношении...

Пока Рьет, Ангус и мальчики пошли искать себе в переполненной комнате стулья, мы со Стэном заняли свои места за столом для совещаний, как раз напротив членов подкомитета. Обставленные микрофонами и телевизионными камерами, то и дело освещаемые вспышками магнелиевых ламп, они восседали с царственным величием. С сожалением я отметил, что среди них не было сенатора Хеннингса. Не считая адвоката подкомитета Саурвайна, мой допрос должны были проводить три представителя южной династии Бурбонов — сенаторы Истленд, Макклеллан и Дэниэл и два маккартиста — сенаторы Дженнер и Уэлкер.

Мой допрос начался со следующего собеседования:

Истленд. Книгу под названием «Великий заговор» написали вы, не так ли?

Кан. Да...

Истленд. Так вот, известно ли вам, что книга «Великий заговор» использовалась в качестве принудительного чтения для американских военнопленных, заключенных в тюрьмы коммунистической Кореи, и что она служила целям идеологической обработки наших военнопленных?

Кан. Мне кажется, сенатор, что вы задали мне не один, а несколько вопросов. Первый из них — известно ли мне, что эту книгу там читают.

Истленд. Я хочу чтобы вы отвечали на мой вопрос. Рекомендовалась ли эта книга для чтения американским военнопленным?

Кан. Этого я не знаю. Мне неоткуда получать подобные сведения. Я там не был.

Истленд. А сами сообразить вы не можете?

Кан. Нет. Я полагал, что там читали другую мою книгу...

Истленд. Ну, какую же книгу читали там?

Кан. Я видел сообщение в газете о том, что там читали «Измена родине».

Истленд. Кто написал «Измену родине»?

Кан. Я написал.

Истленд. И она служила для идеологической обработки. Верно?

Кан. Я не совсем вас понимаю. Может быть, вы выразите яснее вашу мысль, сенатор?

Истленд. Ну, г-н Кан, вы понимаете смысл.

Использовалась ли эта книга коммунистами в качестве принудительного чтения для американских военнопленных, находящихся в их руках? Так как же?

Кан. Об этом я узнал от вас, сенатор.

Возможно, прямая связь между делом Матусоу и вопросом о том, что читали американские военнопленные в Северной Корее, была не совсем ясна. Но, по-видимому, если бы можно было показать, что мои произведения являлись составной частью черной магии «идеологической обработки», меня можно было бы с гораздо большей легкостью назвать коммунистическим колдуном, своими чарами заставившим Матусоу сделать ложные признания...

Сенатор Истленд украдкой посматривал на меня поверх очков своими маленькими глазками. Было видно, что он что-то мучительно соображал. В каких странах, спросил он, были переведены и изданы мои книги?

«В двадцати пяти или тридцати странах», — сказал я ему.

Он попросил меня назвать издателей.

Я стал называть некоторых из них.

Вскоре он нетерпеливо прервал меня: «А в Советском Союзе кто?»

Я назвал советского издателя.

Не думаю ли я, спросил он, что советские читатели покупают мои книги потому, что они «сочувствуют взглядам, выраженным в книгах»?

Я ответил, что, по-моему, русские, покупающие мои книги, так же как и американцы, покупающие их, делают это потому, что находят их интересными.

Мой вопрос продолжался:

Истленд. Теперь я хочу задать вам следующий вопрос: вы член Коммунистической партии США?

Кан. Я отказываюсь отвечать на этот вопрос, сенатор, на основании Первой поправки и на основании Пятой поправки и хотел бы дать пояснение.

Истленд. Мы не признаем Первую поправку.

Кан. Ну что ж, а я признаю Первую поправку, сенатор Истленд, даже если комитет не признает ее.

Истленд. Пожалуйста, но для того, чтобы отказать отвечать, это основание не имеет силы. Если вы собираетесь опираться на Первую поправку, я приказываю вам отвечать на вопрос.

Кан. В таком случае я отказываюсь отвечать на основании Пятой поправки.

Истленд. Хорошо, сэр.

Кан. И я бы хотел дать пояснение.

Истленд. Валяйте.

Кан. Я хочу сказать следующее: как бы то ни было, я отказываюсь отвечать на этот вопрос без чувства какого-либо стыда.

Я бы сказал, что отказываюсь отвечать на него с гордостью, на основании Пятой поправки, которую я рассматриваю как поправку, защищающую права как невинного, так и виновного. И, насколько я понимаю, в поправке ничего не сказано относительно самообвинения, а, наоборот, она защищает любого американского гражданина от дачи показаний против самого себя...

Я слышал, что многие подвергались нападкам за то, что прибегали к Пятой поправке. Короче говоря, сенатор, мне хотелось бы сказать следующее: тот, кто нападает на меня за то, что я прибегаю к Пятой поправке, порочит не мою репутацию, а порочит конституцию Соединенных Штатов.

«Конечно, — насмешливо улыбнувшись, произнес сенатор Истленд, — это основание, которое используют коммунисты, когда не хотят заявлять, коммунисты они или нет».

«Вы хотите сказать, — спросил я, — что только коммунисты прибегают к конституции?»

Тогда громко заговорил сенатор Уэлкер. «Здесь перед вами, — начал он, важно растягивая слова, — группа сенаторов, не раз выступавших в качестве защитников беззащитных и угнетенных, обвиненных в злостных и серьезных преступлениях, и я не знаю среди этих адвокатов ни одного, включая и допрашивающего, который когда-либо прибегал к Пятой поправке. Всегда намного лучше говорить правду. В этом вы со мной согласны?»

«Я согласен с создателями конституции, и я полагаю, они включили это предложение с весьма хорошей целью... И пусть будет так, как оно есть»¹.

«Правда, что вы левый?» — спросил сенатор Уэлкер.

«Я считаю, что смысл моих замечаний и вообще мое поведение свидетельствуют о том, что меня с полным основанием можно характеризовать как левого. Однако, — добавил я, — мне кажется, что левому не следует отдавать предпочтение при выявлении фактов по

---

¹ После моего выступления перед подкомитетом я послал сенатору Уэлкеру письмо, сообщая ему, что я собираюсь написать книгу о деле Матусоу и что в ней я, возможно, коснусь его заявления относительно того, что ни один из членов подкомитета «никогда не прибегал к Пятой поправке» за всю свою адвокатскую практику.

В моем письме, в частности, говорилось: «Мне кажется, что это ваше заявление дает повод для двух интересных и важных юридических вопросов. Следует ли ваше заявление понимать в том смысле, что в каждом уголовном деле, в котором вы или ваши коллеги выступали в качестве защитников, вы неизменно настаивали на том, чтобы ваш клиент давал свидетельские показания? Считаете ли вы, что каждый обвиняемый в уголовном преступлении должен давать свидетельские показания?»

Как юрист, вы сами знаете, что Пятая поправка к конституции запрещает принуждать свидетеля по уголовному делу давать показания: «Никто... не должен принуждаться при разборе уголовного дела свидетельствовать против самого себя». И если в любом таком деле обвиняемый, чьим защитником вы являетесь, не дал свидетельских показаний, в таком случае вы, конечно, будете защищать, прибегая к Пятой поправке».

Сенатор Уэлкер не ответил на мои вопросы.

делу Матусоу. Я думаю, это будет проявлением расположения к левым». Я указал, что имеются также и консервативные элементы, как, например, в «Нью-Йорк таймс», которые сыграли важную роль в публичном разоблачении свидетельско-осведомительского рэкета. Конечно, и их следует привлечь к этому делу.

Разбирательство еще только началось, когда в зал вошел неожиданный посетитель. Сенатор Джозеф Маккарти пожаловал собственной персоной. Засверкали магниевые лампы, газетчики поспешно принялись что-то строчить в своих блокнотах, когда сенатор демонстративно шествовал к месту, где сидели члены подкомитета. Словно давая заседанию свое благословение, он на мгновение остановился, чтобы пожать руку сенатору Истленду, улыбаясь, шепотом обменялся несколькими словами с еще одним членом комитета и сел рядом с сенатором Дженнером. Так как теоретически обвинения Матусоу против Маккарти должны были входить в компетенцию расследования комитета, этот поступок сенатора был определенным проявлением его высокомерия и бравады. Вскоре он поднялся и пошел к выходу.

«Сенатор Маккарти уже уходит? — обратился я к сенатору Истленду. — А я-то думал, что он собирается занять мое место», — и я указал на свидетельскую скамью.

Сенатор Маккарти остановился, словно собираясь что-то сказать. Однако на сей раз перед ним не было микрофона. Покраснев от злости, он с гордым видом вышел из комнаты.

Чтобы установить порядок в зале, сенатор Истленд постучал председательским молоточком: «Я не люблю подобные шутки», — сказал он сердито...

По мере того как мой допрос продолжался, все труднее было заметить в нем какую-либо связь с отступничеством Матусоу. Вопросы, следовавшие один за другим, касались моих политических убеждений, организаций, к которым я принадлежал, моего участия в конгрессах в защиту мира, происходивших за границей, профсоюзов, покупавших книги, издаваемые фирмой «Камерон энд Кан». Через некоторое время я счел нужным привлечь внимание подкомитета к тому, что лишь

очень немногие вопросы, которые были мне заданы, «имели отношение к Матусоу или к нашим делам с Матусоу».

На это сенатор Истленд сказал мне, что свидетелям не полагается поучать членов комитета.

Я объяснил, что заинтересован в том, чтобы меня спрашивали по существу расследуемого дела.

Подавшись вперед со своего места, сенатор Дэниэл сказал: «Ну, я действительно оказал коммунистам услугу, предоставив им возможность выявить факты, которые, как теперь утверждает Матусоу, соответствуют действительности».

«А кому вы оказывали услугу, используя его до того заседания? — спросил в свою очередь я. — Чьей заслугой, сенатор, являются ложные показания, которые раньше давал перед этим комитетом Матусоу?»

«Нет, этого я не ставлю себе в заслугу», — поспешно ответил сенатор Даниэл.

«Или же, сэр, клеветническая кампания, направленная против ваших коллег в западных штатах?»

«Ничего этого я не ставлю себе в заслугу».

«Чьей же тогда заслугой все это является? — спросил я. — Я хотел бы это узнать».

Вероятно, что-то в нашем разговоре так раздражало сенатора Дэниэла, что он на мгновение забыл, что говорил. Во всяком случае, теперь он сделал самое примечательное признание. «Я хочу сказать вам — горячо объявил он, — мне кажется, что большинство свидетельских показаний, которые давал здесь Матусоу прежде, содержали правдивые сведения. Это проверено и подтверждено. И прежде чем закончатся эти заседания... будет показано, что он говорил правду в большей части своих показаний и что он лжет сегодня, находясь под вашим влиянием и влиянием вам подобных, которые отказываются сказать этому комитету, являются ли они членами коммунистической партии».

Другими словами, хотя расследование дела Матусоу комитетом еще далеко не кончилось, его члены уже точно решили, каковы должны быть его результаты! ¹

---

¹ Каким бы необычайным ни было признание сенатора Дэниэла, не он один говорил об этом. Почти все сенаторы из подкомитета ясно указывали во время расследования дела Матусоу, что они уже определили, каковы будут его результаты.

Довольно парадоксально, но именно сенатор Дэниэл вскоре предоставил мне возможность получить из протоколов доказательства того, что Матусоу давал ложные показания, будучи «свидетелем-экспертом».

«Вы считаете, — спросил сенатор, — что некоторые комитеты конгресса по небрежности верили Матусоу и использовали его?»

«Я думаю, — ответил я, — что они были крайне небрежны». В качестве одного из примеров «явной лжи» Матусоу я привел факт, когда на процессе в Солт-Лейк-Сити, проводившемся этим подкомитетом в 1952 году, Матусоу дал показания, «полностью противоречившие показаниям, данным им за три месяца до этого под присягой, когда он выступал на комитете по расследованию антиамериканской деятельности»:

Кан. Когда Матусоу давал показания перед комитетом по расследованию антиамериканской деятельности... его спросили, может ли он привести какие-либо факты, подтверждающие, что коммунисты составили заговор, чтобы помешать выпуску военной продукции в Соединенных Штатах. В своих показаниях, данных под присягой, он сказал, что не знает таких фактов... Если вы проверите по протоколу, вы найдете это заявление; вскоре после этого в протоколе вашего комитета содержится другое его заявление, в котором он не только сказал, что может привести подобные факты, но и называет имя человека.

После первого выступления Матусоу Истленд заявил представителям печати, что отречение Матусоу является «частью хитро задуманного плана с целью выволить некоторых людей из тюрьмы» и что «все это является происками коммунистов».

23 февраля, после второго заседания, посвященного разбирательству, сенатор Уоткинс, давая интервью, сообщил газетчикам свое мнение относительно того, что Матусоу «пытается дискредитировать» других свидетелей обвинения, «не имея для этого никаких фактических оснований».

Несколько дней спустя сенатор Макклеллан объявил на заседании сената, что, «так как это расследование уже предпринято, я надеюсь, что показания Матусоу и других свидетелей покажут, что книга «Лжесвидетель» была инспирирована в связи с желанием ее автора и ее издателей послужить делу коммунистов... И, кроме того, будет доказано, что ее издание осуществляется при финансовой поддержке со стороны коммунистических организаций и отдельных коммунистов. *Эти взгляды, я надеюсь, разделяют все членки подкомитета по вопросам внутренней безопасности.*

Истленд. Кто был этот человек?

Кан. Этот человек был Клинтон Дженкс...

Истленд. Он прибежал к Пятой поправке на этом процессе... в Солт-Лейк-Сити?

Кан. Сенатор Истленд, неважно, прибежал он к ней или нет. Я прошу вас не уклоняться от вопроса. Сейчас речь идет о том, что перед вами два совершенно противоположных заявления Матусоу...

Истленд. Да.

Кан. ...доказывающих, что в одном из случаев он лгал. И вашему адвокату следовало бы это отметить. Я приведу вам другой пример... Когда г-н Саурвайн был адвокатом, г-н Матусоу показал, что в «Нью-Йорк таймс» работало более ста членов коммунистической партии. Совершенно случайно это было обнаружено, и ему пришлось давать показания вторично.

Обращаясь к адвокату комитета, я спросил: «Так как же вы, г-н Саурвайн, допускали подобные вещи?»

«Постойте, постойте, сэр, — прервал меня сенатор Истленд, — г-н Саурвайн не находится под следствием».

«Да, но он занимается расследованием моей деятельности», — ответил я.

Тот предел, до которого сенаторы хотели продолжать дискредитировать «недружественного свидетеля», стал особенно очевиден в один из моментов моего допроса.

Сенатор Дженнер спросил, не является ли американский архитектор Альберт Кан, который в начале тридцатых годов работал консультантом по вопросам промышленного строительства в Советском Союзе, моим отцом. Когда я ответил, что этот архитектор мой дядя, а мой покойный отец был компаньоном фирмы моего дяди, Дженнер спросил, не использовал ли я деньги, унаследованные от отца, «для финансирования коммунистической литературы». Тогда Саурвайн вставил в протокол несколько газетных заметок (некоторые двадцатипятилетней давности), в которых сообщалось, что в годы первой пятилетки под наблюдением проектировочной фирмы «Альберт Кан инкорпорэйтид» велось строительство русских фабрик стоимостью в «биллионы долларов».

Было совершенно очевидно, что с помощью всего этого пытались создать впечатление, что через моего отца я получил из Советского Союза большую сумму денег, которая каким-то образом лет двадцать спустя была использована для финансирования советской пропаганды в Соединенных Штатах...

Воспользовавшись тем, что Истленд на время вышел из комнаты, я предложил сенатору Уоткинсу, выступавшему в роли председателя, чтобы комитет вычеркнул из протокола «все упоминания о моем отце, который... умер восемнадцать лет назад и не мог иметь отношения к ведущемуся разбирательству».

Сенатор Уоткинс ответил, что подкомитет рассмотрит этот вопрос.

Стоит ли говорить, что отпечатанный протокол содержал все упоминания о моем отце. От тех, кто оскорблял живых, нельзя было ожидать уважения к покойному.

Мы с Риет могли бы сомневаться в правильности нашего решения взять с собой детей, если бы их пребывание в столице ограничилось тем, что они наблюдали за время моего двухдневного допроса в сенатском подкомитете. Впервые в своей жизни они видели живых членов конгресса США, да притом еще при исполнении служебных обязанностей. И это зрелище едва ли можно было назвать вдохновляющим. Действительно, учитывая впечатлительность, свойственную их возрасту, они могли бы прийти к пессимистическим заключениям относительно будущего их страны.

Самый благосклонный отзыв мальчиков о сенаторах исходил от Брайана. «Они слишком много разговаривают, — сообщил он мне по секрету в перерыве между заседаниями. — И все, что они говорят, так скучно...» Однако он догадался принести с собой несколько томов из своего собрания книг о жизни животных Западного полушария. И, когда скука от судебного разбирательства становилась невыносимой, он развлекался книгой о млекопитающих.

К счастью, контраст между сенаторами — членами подкомитета и гражданами, которых они, по всеобщему мнению, представляют, был достаточно продемонстриро-

ван мальчикам во время их пребывания в Вашингтоне. Они завязали знакомство с самыми различными людьми — зрителями на заседаниях, корреспондентами газет, операторами телевидения, обитателями отеля, в котором мы остановились. И со свойственной детям наблюдательностью они поняли, что многие из этих людей всячески старались оказать им дружеское внимание и делали все, чтобы они чувствовали себя как дома.

Огромное впечатление произвел на них случай, происшедший с Тимми.

Хотя мы не позволяли детям отлучаться без разрешения, Тимми, когда я давал показания, поднялся со своего места и, не замеченный Риет, выскользнул из зала заседаний. В коридоре его остановил дородный мужчина.

«Ты знаешь, кто тот парень, который дает сейчас там показания?» — спросил мужчина.

Ничего не подозревая, всегда готовый помочь, Тимми, несколько гордо, так как он, в конце концов, говорил о своем отце, с готовностью ответил: «Конечно, знаю. Его зовут Альберт Кан».

«Ну, я скажу тебе, кто он такой, — прорычал мужчина, угрожающе раскачиваясь перед Тимми. — Он — паршивый комми. Сукин он сын и больше никто».

В этот самый момент неожиданно, словно добрый гений из волшебной сказки, появился сенатский стражник. Схватив мужчину за лацканы пиджака, стражник встряхнул его и толкнул в угол, зашипев: «Ты знаешь, с кем разговариваешь? С сыном г-на Кана. Убирайся отсюда!..»

Рассказав нам всю историю, Тимми с широко открытыми от восторга глазами сказал: «Правда, здорово стражник с ним разделался?»

Кто мог не согласиться с ним?

4. „Давайте говорить тихо и мирно“

С большим беспокойством ожидал я выступления Ангуса на заседании подкомитета. Мне еще раньше посчастливилось быть свидетелем представления, которое он давал на этом же самом комитете.

Это было летом 1953 года. Сенатор Дженнер, председательствовавший тогда в комитете, проводил в Бостоне

расследование по делу о «влиянии коммунистов на систему образования»¹. Он вызвал Ангуса, который был в то время главным редактором и вице-президентом фирмы «Литл, Браун энд компани», для допроса по поводу «красной литературы», издаваемой фирмой. На заседании комитета Ангус задал тон всему расследованию. Войдя в битком набитый зал, с недовольным видом оглядевшись вокруг, он громко и высокомерно спросил сенатора Дженнера: «А где стул для меня, сенатор?» Убедившись, что для свидетеля действительно не оказалось свободного стула, сенатор Дженнер покраснел от смущения, как хозяин, не приготовивший места для почетного гостя. Запинаясь, он обратился к одному из помощников: «Достаньте стул, стул для г-на Камерона...» В течение всего заседания Ангус в резкой форме упрекал Дженнера за предрассудки, обскурантизм и духовное убожество членов его комитета и давал ему строгие наставления по вопросам литературы, политики, американской истории и свободы печати. Потом бостонские газеты пестрели такими заголовками: **«Издатель подрывает авторитет комитета», «Редактор бросает вызов расследователям красных», «Камерон критикует охоту за ведьмами»...**

---

¹ После запуска Советским Союзом первого искусственного спутника земли в октябре 1957 года в связи с всесторонними сопоставлениями, которые проводились между научными достижениями Америки и СССР, в Соединенных Штатах был поднят страшный шум по поводу так называемого кризиса в системе образования США. «Все в нашей стране, — заявила «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», — хотят знать: в чем слабость школьного обучения в США?» Президент Эйзенхауэр, выступая по радио, обратился с просьбой ко всем родителям и учителям страны «принять участие в составлении плана проведения тщательной проверки школьных учебных планов и требований...»

Многие комментаторы указывали, что одной из причин «кризиса в системе образования» была широко распространенная в школьной системе «охота за ведьмами», проверка лояльности среди учителей и безудержный страх перед «сомнительными изданиями...» Излишне говорить, что расследования о «влиянии коммунизма на систему образования», проводимые сенатским подкомитетом по вопросам внутренней безопасности и другими расследовательскими комитетами конгресса, способствовали распространению атмосферы страха и напряженности в школах. Стоит также напомнить, что в решении вопросов о пригодности учителей для обучения американской молодежи немаловажную роль играли платные осведомители, подобные Харви Матусоу.

Если выступление Ангуса во время рассмотрения дела Матусоу должно было оказаться до некоторой степени менее выразительным, чем его прежнее столкновение с комитетом, это, может быть, было обусловлено главным образом тем, что теперь вместо одного он должен был иметь дело с полдюжиной сенаторов. Своим численным превосходством они могли подавить его возмущение или по меньшей мере помешать ему полностью его выразить. Однако, если постоянно прерывая его, они не дали ему высказать многое из того, что ему хотелось сказать, его непрерывные вспышки удерживали их от высказывания многого из того, что они хотели сказать.

Типичным был разговор, возникший, когда Ангус отказался обсуждать свои политические убеждения и вопрос о принадлежности к коммунистической партии на основании трех поправок к конституции и указал в качестве первого из этих оснований «на свободу печати в соответствии с Первой поправкой».

Истленд. Вы считаете...

Камерон. Можно мне закончить?

Истленд. Вы считаете, что Первая...

Камерон. Мне бы хотелось закончить.

Истленд. Подождите минутку... Вы говорите, что это — ограничение свободы печати?

Камерон. Вот именно.

Истленд. Вы считаете, что если вы спрашиваете человека, коммунист ли он и не участвует ли в заговоре против своей страны...

Камерон. Этого вопроса вы не задавали.

Истленд. На самом деле вы же знаете, что быть членом компартии является преступлением, не так ли?

Камерон. Нет, я этого не знал. Так это преступление?

Истленд. Ну нет, это-то должно быть вам известно. Не мне объяснять вам, я не коммунист. Я не прибегаю к Пятой поправке.

Камерон. Минуточку, выходит, я прибегаю к Пятой поправке?..

Истленд. Нет, но подождите немного, и мы в этом убедимся.

Камерон. Хорошо...

Истленд. Теперь вот что, я не собираюсь признавать ваше первое основание.

Камерон. Я знаю, что вы не собираетесь... Но я признаю его.

В качестве второго основания Ангус процитировал Девятую поправку: «Перечисление в конституции определенных прав не должно быть истолковано для отрицания или умаления других прав, завоеванных народом».

Истленд. Да, но это не...

Камерон. Я также...

Истленд. Это не оправдывает человека, участвующего в заговоре против своей страны.

Камерон. Вы обвиняете меня в участии в заговоре?

Истленд. Какое у вас третье основание?

Камерон. Вы обвиняете меня...

Истленд. Какое у вас третье основание?

Камерон. Пожалуйста, не приписывайте мне того, чего я не говорил.

Истленд. Какое у вас третье основание?

Камерон. Мое третье основание — привилегия, которую мне дает Пятая поправка, касающаяся дачи показаний против самого себя.

Истленд. Правильно. Следовательно, теперь вы-таки прибегаете к Пятой поправке, не так ли?..

Камерон. Минуточку. Все здесь знают, что вы, не выслушав, обвинили меня в этом.

Вмешавшись в разгоревшийся спор, сенатор Уэлкер спросил Ангуса, имел ли он какие-нибудь деловые связи с издателем-коммунистом Александром Трахтенбергом. «Ну, живее, — приказал сенатор, — рассказывайте все, что вам об этом известно».

«Не смейте так разговаривать со мной», — вскипел Ангус.

«Ну хорошо, — ответил Уэлкер, — я не так выразился... Простите, если я обидел вас».

«Да, обидели».

«Тогда простите меня, сэр».

Г-н Камерон, — заговорил сенатор Дженнер, — признал, что фирма «Камерон энд Кан» сотрудничала с «левыми рабочими организациями», издавая «прокоммунистические и левые книги».

«Не приписывайте мне того, чего я не говорил», — возразил Ангус сенатору.

«Я не приписываю. Я задаю вам вопрос».

«Нет, вы говорили в утвердительной форме...»

«Так ли это? Отвечайте на вопрос. «Да» или «нет», а потом объясните...»

«Послушайте, сенатор...»

«Я имею право на ответ», — заявил Дженнер.

«Не кричите на меня. Говорите в микрофон...» — отрезал Ангус.

«Подождите минутку, — сказал сенатор Уэлкер, — давайте говорить тихо и мирно».

«Вы ничего не добьетесь, — возразил Ангус, — своим бездарным методом запугивания».

Сенатор Истленд постучал молоточком. «Подождите минутку, подождите. Я здесь председательствую, г-н Камерон...»

«Являетесь ли вы, г-н Камерон, — спросил Саурвайн, — участником заговора, имеющего целью ниспровержение правительства Соединенных Штатов с помощью силы и насилия?»

Ангус, не отвечая, улыбался.

«Почему вы колеблетесь с ответом и улыбаетесь?» — спросил сенатор Уэлкер.

«Наглость этого вопроса вызывает у меня улыбку».

«Ах, вот как. Тем не менее отвечайте на него».

Может быть, потому, что члены подкомитета уже устали от жаркого спора, Ангус наконец получил возможность ответить на вопрос полностью, никем не прерываемый. «Я не причастен ни к какому заговору, — сказал он. — Я издатель и гражданин, который считает, что весь этот гнусный миф о заговоре в нашей стране следует развеять и что разоблачения, сделанные г-ном Матусоу в его книге, необходимо расследовать, так же как необходимо расследовать и деятельность других людей, подобных г-ну Матусоу. Однако у меня создалось впечатление, что расследованию подвергается деятельность как раз тех людей, которые начали это расследование и которые первыми обнародовали разоблачения, сделанные г-ном Матусоу, а именно деятельность издателей книги».

Ангус добавил, что, по его мнению, ни министерство юстиции, ни подкомитет по вопросам внутренней безо-

пасности не правомочны проводить надлежащее расследование по делу Матусоу.

После наших выступлений перед подкомитетом мы с Ангусом представили на рассмотрение сенатору Истленду докладную записку, в которой указывали, что для установления подлинных фактов по делу Матусоу необходимо расследовать прошлые отношения министерства юстиции с Матусоу. Сенатор Истленд ответил, что он узнавал, входит ли такое расследование в «юрисдикцию» комитета.

Тогда же стало известно, что в действительности комитет Истленда и министерство юстиции еще перед началом расследования заключили закулисное соглашение, чтобы совместными усилиями наклеить ярлык «коммунистического заговора» на признание Матусоу в ложности его прошлых показаний.

На той же неделе, когда мы с Ангусом давали показания на сенатском подкомитете, на закрытое заседание подкомитета палаты представителей по вопросам ассигнований явился генеральный атторней Браунелл. В опубликованном впоследствии протоколе этого заседания был, в частности, следующий диалог:

«Что вы собираетесь предпринять... — спросил конгрессмен Джон Руни, — в отношении этого субъекта Матусоу?»

«В тот день, когда он объявил, что он лгал, — ответил генеральный атторней Браунелл, — я отдал приказ помощнику генерального атторнея Томпкинсу произвести тщательное расследование этого дела. Они вручили повестку Матусоу... Прежде чем будет ясно, какие мы предпримем шаги, мы должны подождать решения судьи Димока. Тем временем мы установили сотрудничество с сенатским юридическим подкомитетом по вопросам внутренней безопасности, который также допрашивает Матусоу».

РАССКАЗ О ДВУХ ГОРОДАХ

1. Урок в Манхаттане

Начиная с первых чисел февраля мы с Ангусом проводили большую часть времени, являясь на вызовы по повесткам, давая показания перед большим жури и сенатским подкомитетом по вопросам внутренней безопасности, непрерывно разъезжая между Нью-Йорком и Вашингтоном и выполняя, как нам казалось, бесконечно много связанных с этим дел. Подобная трата времени не имела почти никакого отношения к выпуску книги Матусоу, и это все больше беспокоило нас.

А теперь, после того как я последний раз явился в сенатский подкомитет, я должен был потратить три полных дня, давая свидетельские показания в суде, где под председательством судьи Димока рассматривалось дело Флинн.

Правительство вызвало меня в качестве свидетеля, и мой прямой допрос проводил прокурор США Ломбард. Вспоминая это время, даже предварительно просмотрев протокол судебного заседания, я с трудом понимаю, как Ломбарду удалось настолько затянуть мой допрос. Однако, честно говоря, я должен признать, что в этом виноват был не только Ломбард. Если он потратил зря массу времени, задавая свои вопросы, то и я со своей стороны сделал то же, отвечая на них. В течение многих дней, давая показания на большом жури и сенатском подкомитете, я выработал многословный стиль, совершенно неподходящий для суда, где ответы должны быть сжатыми, по существу и без пространных высказываний личного мнения. В перерывах между судебными

заседаниями Гарри Захер настойчиво обращал на это мое внимание. Выражая явное неудовольствие, он говорил мне: «Вы чертовски много разговариваете. Почему вы просто не отвечаете на вопросы? Вы же выступаете в суде, а не читаете лекцию».

Во время допроса Ломбард касался всех сторон моего отношения к делу Матусоу, в том числе множества шаблонных, уже известных подробностей, начиная с момента, когда я впервые прочел в газете сообщение о визите Харви к епископу Окснэму, кончая днем, когда «Лжесвидетель» был сдан в типографию. Цель, которую он преследовал, задавая свои вопросы, часто была мне непонятна, а, возможно, также и ему самому, но основные его намерения были ясны. Он хотел показать, что фирма «Камерон энд Кан» финансировалась из «фондов коммунистической партии», что «Профсоюз рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности, в котором господствовали коммунисты», совместно с нашей фирмой задумал подкупить Матусоу, чтобы он отрекся от своих показаний, и что я, а не Матусоу, являюсь действительным автором его книги. Само собой разумеется, что стоявшая перед Ломбардом задача осложнялась мошенническим характером его тезисов.

Ломбард особенно подчеркивал, что во время работы над книгой у Матусоу был телохранитель.

Может быть, спрашивал Ломбард, действительная роль телохранителя заключалась в том, чтобы держать Матусоу «под надежной охраной» и быть уверенным, что он не надует нас или не «отклонится от намеченной линии»?

Я ответил, что это не так. Камерон и я хотели избежать своего рода несчастных случаев, которые иногда происходили с главными свидетелями в уголовных делах. «Кроме того, я помнил дело Андреа Солседо, который в начале двадцатых годов был похищен агентами министерства юстиции и убит, а я не хотел, чтобы нечто подобное случилось с г-ном Матусоу»¹.

Ломбард, возможно никогда не слышавший о деле Солседо, казалось, был чрезвычайно шокирован. «Уж не хотите ли вы сказать, что они убили его?» — спросил он.

---

¹ Диалоги, относящиеся к разбору дела под председательством судьи Димока, взяты из протокола судебного заседания.

«Да, я так считаю», — ответил я и сказал, что при желании он мог бы получить дополнительные сведения по этому вопросу, познакомившись с работами Луиса Д. Поста, бывшего помощника секретаря по вопросам труда, а также с докладами под названием «Незаконные действия министерства юстиции Соединенных Штатов», изданными в то время двенадцатью американскими юристами, среди которых был Феликс Франкфуртер.

Ломбард предпочел оставить разговор на эту тему...

Однако был момент, когда я оказался не только в явно невыгодном положении, но и получил хороший урок.

Это произошло тогда, когда Ломбард допрашивал меня относительно аванса, который фирма «Камерон энд Кан» выплатила Матусоу, и относительно денег, полученных нашей фирмой от Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности за заказ на книгу Матусоу.

Прежде всего Ломбард хотел знать, сколько денег послали мы Матусоу до его приезда из Таоса в Нью-Йорк.

«Нисколько не посылали, — ответил я. — Мы только заказали для него билет на самолет». И я добавил, что свидетель обвинения Райли Тейнтор, насколько мне известно, показал, что до отъезда в Нью-Йорк Матусоу получил от нас тысячу долларов. «Это абсолютная ложь», — закончил я.

«А в какой именно форме, — спросил Ломбард, — вы выплатили Матусоу аванс, когда он уже приехал в Нью-Йорк?»

«Он получал от меня наличными пятьдесят долларов в неделю, — сказал я, — как раз ту сумму, о которой мы договорились в нашем проекте издательского договора, составленного в форме письма».

Почему я не платил ему чеками?

Я ответил, что мы с Камероном сразу же приняли ряд предосторожностей во избежание широкой огласки работы Матусоу над книгой по заказу нашей фирмы, так как опасались возможных попыток помешать Матусоу закончить работу над ней. «Я считал, что оплата чеками станет известна ФБР. И министерство юстиции, стремясь помешать Матусоу раскрыть все подробности его отношений с министерством, окажет на Матусоу давление...»

Есть ли у меня расписки Матусоу в получении от меня денег? И были ли эти расписки в свое время зарегистрированы в гроссбухе фирмы «Камерон энд Кан»?

Внезапно я понял, какую непростительную глупость я совершил. Глубоко продумав различные меры предосторожности, я упустил из виду важность таких документов. «Нет, подобных документов у нас нет...»

«А что вы можете сказать относительно денег, полученных фирмой «Камерон энд Кан» от Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности?»

Я ответил, что за первоначальный заказ на две тысячи экземпляров Нат Уитт уплатил мне по частям тысячу долларов наличными.

А какие сохранились документы, подтверждающие получение этих денег?

Все больше смущаясь и запинаясь, я ответил, что не помню, чтобы у меня сохранились какие-либо документы. Но они есть у г-на Уитта. «А в его честность я верю... По сравнению со мной он более практичный человек. И в такого рода делах я ему гораздо больше доверяю...» Последующие бухгалтерские записи обо всех этих финансовых операциях между профсоюзом и фирмой «Камерон энд Кан», так же как и между Матусоу и нами, велись г-ном Камероном и нашим бухгалтером в книгах нашей фирмы. «Я не сведущ в бухгалтерских вопросах... Я главным образом писатель...»

Я чувствовал, как каждое сказанное мной слово усугубляло впечатление, что я либо круглый идиот, либо явный заговорщик.

«Короче говоря, — подчеркнул Ломбард, — вы не можете представить никаких своевременно оформленных документов относительно финансовых операций, связанных с изданием книги Матусоу?»

И вдруг с огромным облегчением я почувствовал, что могу. «Я сейчас вспомнил, — объявил я громко, — что у меня сохранились некоторые записи, и они даже у меня с собой». Я порылся в своем бумажнике и, найдя наконец то, что искал, с торжествующим видом поднял клочок бумаги, на котором я делал пометки о каждой плате Харви. Это был листок размером около двух квадратных дюймов.

Взяв у меня смятую бумажку, Ломбард поднял ее, держа двумя пальцами. «Вы хотите сказать, — спросил

он с уничтожающим презрением, — что это и есть ваши финансовые документы, относящиеся к первоначальной стадии вашего сотрудничества?»

«Да... — робко подтвердил я. — Это они...»

Наконец Захер пришел мне на помощь.

«Ясно, — сухо сказал он судье Димоку, — что г-н Кан, как он указывает, — плохой бизнесмен. Я бы предложил получить всю необходимую информацию по этому вопросу у г-на Камерона, который следит за ведением книг фирмы... Г-н Кан ничего в этом деле действительно не понимает».

В тот день дома Риет, присутствовавшая во время моих показаний, значительно более критически оценила их. «Ты всегда легкомысленно относился к деньгам, — сказала она. — Может быть, ты думаешь, что это пикантно, шикарно или что писатель именно так должен относиться к деньгам... Ты никогда не знал им цену. Возможно потому, что тебе никогда не приходилось зарабатывать их тяжелым физическим трудом... Пусть это послужит тебе уроком. В сегодняшнем представлении не было ничего пикантного. Это просто легкомыслие и безответственность. И тебе повезло, что судья Димок не решил, что все это заговор!»

2. „Закон жителей реки Пейнес“

В то время как я давал показания на процессе по пересмотру дела Флинн в Нью-Йорке, Харви давал показания на процессе по пересмотру дела Дженкса в Эль-Пасо, Техас.

Минул ровно год со времени последнего пребывания Харви в Эль-Пасо, когда он, будучи главным свидетелем обвинения на процессе Клинта, дал показания, которые прокурор штата Техас охарактеризовал как «абсолютно необходимые для успешного ведения дела». В «Лжесвидетеле» Харви писал о том, предыдущем визите: «Я был в зените своей славы... Я был звездой первой величины... Когда я приехал в Эль-Пасо, все газеты пестрели огромными заголовками о процессе Дженкса».

Теперь в заявлении, сделанном представителям печати, Дженкс объявил: «Интересно будет посмотреть, уделят ли газеты столько же места отказу Матусоу

от его прежних показаний, сколько они уделяли его показаниям на том процессе против меня».

Скептицизм Дженкса оказался необоснованным. Снова газеты Эль-Пасо уделяли главное внимание делу Дженкса. Каждый день статьи и большие передовицы, посвященные заседаниям по пересмотру дела, печатались на первых страницах.

Однако в прессе были освещены далеко не все драматические подробности возвращения Харви в Эль-Пасо.

Ведь именно тогда Клинт и Харви встретились впервые, после того как ложные показания одного из них привели к пятилетнему тюремному заключению другого.

«Клинт держался замечательно, — рассказывал мне потом Харви, — и если у меня были какие-то сомнения насчет линии моего поведения, то его отношение ко мне заставило меня отбросить эти сомнения... Вирджиния тоже встретила меня хорошо. Вернее сказать, даже больше чем хорошо».

Необычность сложившихся отношений произвела на Клинта и его жену Вирджинию не меньшее впечатление.

«На первых порах я просто не знал, как держаться, — рассказывал впоследствии Клинт. — Несмотря на все, что Матусоу предпринял, стремясь исправить причиненное зло, трудно было не думать о нем, как о мошеннике. В основном я испытывал к этому парню сожаление. Гораздо легче быть в моем положении, чем в его. Но, прежде чем закончилось разбирательство, я стал действительно уважать его за проявленное им мужество. Он, конечно, понимал, против чего выступает, и знал, что этого ему не простят...»

И Вирджинию и Клинта беспокоило одно обстоятельство в показаниях Харви. «Он все еще не может удержаться, чтобы не показывать, какой он умный, — рассказывала Вирджиния. — Чувствовалось, что он постоянно пытается превзойти правительственного атторнея. Я говорила ему, что своей самоуверенностью он только настраивает людей против себя. Он сказал, что сам понимает это и пытается сдержаться, но ему трудно, так как это вошло у него в привычку».

При пересмотре дел Флинн и Дженкса обнаружился целый ряд одинаковых моментов. На обоих судебных

процессах министерство юстиции пыталось доказать, что Матусоу подкупили, чтобы он признался во лжи. Многие из показаний, данных на обоих разбирательствах, были идентичными. Более того, одновременно с пересмотром дел в Эль-Пасо и Нью-Йорке происходили заседания и Федерального большого жюри, посвященные делу Матусоу.

Как позднее рассказывал мне Клинт, курьеры постоянно сновали между комнатой большого жюри и залом судебного заседания, снабжая правительственных атторнеев, участвовавших в судебном заседании, секретными данными большого жюри.

Различались эти два судебных заседания, в сущности, только тем, что судья в Нью-Йорке стремился поддержать престиж закона, а судья в Эль-Пасо — отстоять авторитет правительства.

Бывший член конгресса США судья Томасон, так же как и на первом процессе Дженкса, председательствовал при пересмотре дела в Эль-Пасо. Это был полный краснощекий мужчина в очках, лет пятидесяти. Вашингтонский корреспондент Баском Тиммонс в небольшом портретном наброске довольно ярко изобразил отношение судьи Томасона к исполнению его судейских обязанностей.

По словам Тиммонса, коллеги Томасона по конгрессу, следя за ходом дела Дженкса, «невольно вспоминали некоторые из тех историй, которые Томасон любил рассказывать о судье Рое Бине, бородатом авантюристе, который приехал в Техас в начале восьмидесятых годов прошлого столетия». Там он построил себе бревенчатую хижину и повесил на ней вывеску: «Рой Бин. Виски в бочках — Мировой судья — Законы жителей реки Пейкес». «И в течение многих лет этот Бин промышлял тем, что продавал вполне удовлетворительное виски и отправлял правосудие, иногда в соответствии с законом, а иногда как бог на душу положит». Одним из любимых анекдотов Томасона о судье Бине, рассказывал Тиммонс, был следующий:

«Однажды в лачугу Бина... доставили человека, обвиняемого в тяжком преступлении. Обвиняемый взял защитника, адвоката из Сан-Антонио...

Бин уселся за пустую бочку из-под виски, которая должна была изображать судейское место,

вытащил из кобуры шестизарядный револьвер и положил его перед собой...

Представившись, адвокат стал возражать против такого ведения дела. «...Я требую для своего клиента обеспечения конституционных прав и защиты».

Судья Бин велел своему помощнику подойти к бочке: «Оскар, минут через восемь я признаю этого обвиняемого виновным и прикажу тебе и нашим мальчикам вывести его на свежий воздух и повесить... Ну, что тебе следует делать в таком случае?» «Вывести его, конечно, и повесить», — ответил Оскар.

«Предположим, — продолжал Бин, — я решил, что и его адвоката стоит повесить вместе с ним. Что ты тогда должен будешь делать?»

«Повешу и его, судья. Что одного вешать, что двух».

Тогда Бин обратился к молодому адвокату: «...Теперь садитесь. Я — это закон жителей реки Пейкес. И я вершу дела в суде так, как нахожу нужным».

В своей статье Тиммонс писал, что в суде, где председательствовал судья Томасон, «законы жителей реки Пейкес и по сей день проводились с такой же твердостью», как и в лачуге Роя Бина. Справедливость этого утверждения подтвердилась во время пересмотра дела Дженкса.

Профсоюз рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности пригласил двух самых крупных на Юго-Западе адвокатов — Хеннетта, бывшего губернатора Нью-Мексико, и Бигби, бывшего помощника главного прокурора этого штата, — чтобы они вместе с постоянными юристами профсоюза, Натом Уиттом и Джоном Мактернаном, выступили в защиту Дженкса во время пересмотра его дела. Участие Хеннетта и Бигби, едва ли мыслимое во время первого процесса над Дженксом, было еще одним признаком ослабления напряженности, свойственной периоду холодной войны.

Единственным свидетелем Дженкса был Харви. Допрос его, который проводил Бигби, длился около двух часов.

Пункт за пунктом Бигби прочитывал вслух показания Матусоу на процессе Дженкса. Затем попросил Матусоу указать, что в них было правдой и что ложью. Харви сказал, что он действительно встретил Дженкса летом 1950 года на ранчо в Сан-Кристобал Вэлли. Однако они никогда не обсуждали деятельности коммунистической партии и Дженкс не говорил ему о своей принадлежности к партии и что он и его «товарищи по партии» из профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности составили заговор с целью сократить выпуск меди, чтобы помешать войне в Корее. Эти обвинения, сказал Харви, он сфабриковал.

Перекрестный допрос Харви проводил один из специальных помощников Браунелла — юрист министерства юстиции Дэвид Л. Харрис, направленный из Вашингтона с поручением представлять правительство на процессе. После спектакля, разыгранного в Нью-Йорке прокурором США Ломбардом, высокопоставленные чиновники из министерства юстиции, очевидно, решили не полагаться на местные таланты Эль-Пасо.

Однако допрос Матусоу, который проводил Харрис, едва ли дал больше результатов, чем допрос, который проводил Ломбард. Продолжался он, правда, несколько меньше — не пять дней, а четыре. Но круг вопросов, которых касался Харрис, был тот же, а его попытки опровергнуть Матусоу были такими же бесплодными.

Как и Ломбард, Харрис проявил особый интерес к поездке Матусоу на велосипеде осенью 1954 года по Техасу и Нью-Мексико. Почти полтора дня посвятил он этому вопросу и, по словам «Эль-Пасо геральд-пост», «фактически шаг за шагом проследил всю поездку». Из вопросов Харриса было ясно, почему правительство проявило такой интерес к странствиям Харви.

Вопрос. Я вам уже говорил, сэр, что где-то по дороге вы встретились с кем-то из профсоюза горняков и плавильщиков.

Ответ. Это ложь.

Вопрос. Я вам уже говорил, сэр, что где-то по дороге вы встретились с кем-то, кто убедил вас написать книгу под названием «Лжесвидетель».

Ответ. Это ложь. Этого никогда не было.

Вопрос. Я вам уже говорил, г-н Матусоу, что либо в Таосе, либо в его окрестностях, до того как

вы отправились из Албукерка в Нью-Йорк, вы получили тысячу долларов, за которые вы обещали давать здесь ложные показания.

Ответ. Это самая чудовищная ложь, которую я когда-либо слышал...

Вопрос. Я вам уже говорил, г-н Матусоу, что за выступления с этого свидетельского места вам заплатила коммунистическая партия.

Ответ. У вас нет для этого доказательств¹.

Был еще один вопрос, на который Харрис делал большой упор. Ссылаясь на последний записанный на пленку разговор, состоявшийся между Матусоу и мной в декабре, Харрис отметил, что Матусоу сказал мне, что он «знает, что Дженкс был членом партии». Харрис процитировал заявление Матусоу: «Я считаю, что Дженкс не перестал быть членом партии после того, как он подписал под присягой заявление (в соответствии с законом Тафта — Хартли), потому что я знаю, что он был коммунистом». Как же в таком случае произошло, интересовался Харрис, что впоследствии в своей книге Матусоу заявил, что у него никогда не было никаких оснований для обвинения Дженкса в принадлежности к коммунистической партии?

Возможно потому, что Харви немного устал, давая в течение четырнадцати дней показания в Нью-Йорке, Вашингтоне и Эль-Пасо, его ответ был менее эффективным, чем он мог бы быть. Он сказал, что все еще опасался, как используют его признания, и, желая, чтобы его книга вышла до того, как законом будут приняты какие-либо меры в связи с его ложными показаниями против Дженкса, он намеренно «старался меньше информировать меня». Харви мог бы, конечно, добавить, что, когда я спросил его во время той же беседы, откуда ему «известно», что Дженкс был коммунистом, он уклончиво ответил: «Легально, в соответствии с законом Дженкс мог и не быть членом партии... Но по-моему мнению, в моем понимании он не перестал быть коммунистом...» Харви мог бы также упомянуть, что между его интуитивной уверенностью, с которой он говорил мне, что Дженкс является членом партии, и его показа-

---

¹ Этот диалог взят из протокола судебного заседания, проводившегося под председательством судьи Томасона.

ниями на процессе Дженкса, что последний лично признался ему в принадлежности к коммунистической партии, была значительная разница.

(В рассуждениях прокурора США Харриса наблюдалась и другая явная непоследовательность. По заявлению Харриса, правительство считало, что до отъезда из Таоса в Нью-Йорк в октябре Матусоу получил взятку в тысячу долларов, за которую он «обещал дать под присягой ложные показания», отказавшись от своих прежних показаний против Дженкса. Для подтверждения этого тезиса был снова вызван в качестве свидетеля обвинения таосский игрок Райли Тейнтор, показавший, что он видел деньги, полученные Матусоу от его предполагаемых издателей. Но если действительно Матусоу, получив деньги, согласился «давать ложные показания», как в таком случае объяснить, что в беседе со мной, записанной на пленку, в декабре, почти два месяца спустя после предполагаемого получения взятки, Матусоу все еще избегал признаваться, что он лгал на процессе Дженкса?)

Так же как и при пересмотре дела Флинн, защитники Дженкса потребовали, чтобы им дали возможность ознакомиться с докладами, сделанными Матусоу для ФБР, и сличить их с последующими показаниями Матусоу на процессе.

Этот вопрос впервые встал тогда, когда на перекрестном допросе Харви заявил, что в отделении ФБР в Санта-Фе перед процессом Дженкса он продиктовал заявление, в котором утверждал, что не хочет быть свидетелем потому, что в прошлом «давал бесчестные показания». Тотчас же Бигби попросил судью Томасона предписать правительству представить это заявление Матусоу.

«Я полагаю, что оно является частью секретных архивов ФБР, — возразил судья Томасон... Таким образом, эта просьба отклоняется»...

Допрашивая Харви вторично, Бигби спросил его, заявлял ли он когда-либо в сделанных им в свое время для ФБР докладах, что «из разговоров, которые он вел с Дженксом, явствовало, что Дженкс был коммунистом». Когда Харви ответил отрицательно, Бигби сказал

судье Томасону, что доклады Матусоу для ФБР стали совершенно необходимыми для определения того, были ли показания Матусоу сфабрикованы. Он просил судью не отказать в любезности пересмотреть свое предыдущее решение и предписать правительству представить доклады Матусоу.

«Ваша просьба отклоняется, — сказал судья Томасон. — Суд уже вынес решение и теперь не изменит своего прежнего постановления».

Не следовало удивляться этому произвольному решению судьи Томасона, так как еще на первом процессе над Дженксом он отклонил неоднократные просьбы защиты представить доклады, сделанные для ФБР Матусоу и правительственным свидетелем-осведомителем Д. Фордом. В противоположность судье Димоку судья Томасон был одним из тех юристов, которые без специального на то разрешения Верховного суда предпочитали считать архивы ФБР священными и, главное, недоступными для использования их при установлении невиновности лиц, обвиняемых в политических преступлениях.

В последний день заседания, после прений сторон, судья Томасон вынес решение.

Взяв листок бумаги, он прочел:

«В январе 1954 года в этом самом зале суда Клинтон И. Дженкс был привлечен к суду. Суд считает, что как тогда, так и теперь дело его разбиралось справедливым судом и справедливыми, беспристрастными присяжными. Тогда присяжные признали его виновным в преступлении, в котором он обвинялся... С тех пор ничего не произошло... чтобы мнение суда изменилось... относительно правильности и справедливости того процесса и относительно приговора, который был тогда вынесен. Следовательно... просьба о пересмотре дела полностью не заслуживает удовлетворения и отклоняется».

На некоторых наблюдателей в зале суда произвел впечатление тот факт, что судья Томасон читал заранее написанное заявление. Следовательно, он вынес решение по этому делу еще до того, как были рассмотрены доводы, выдвинутые правительством и защитой...

Судья подозвал Матусоу и прочел также заранее приготовленное заявление:

«Я глубоко убежден, что вы проявляете неуважение

к этому суду, самостоятельно или сообща с другими лицами намеренно и со злым умыслом решили помешать отправлению правосудия... Отрекшись от своих прежних показаний, данных в этом суде, которые я считаю в основном правильными, вы... намеренно проявили неуважение к этому суду, пытаясь опровергнуть предъявленное ранее обвинение и добиться пересмотра дела Клинтона И. Дженкса».

В заключительном замечании судьи было что-то напоминающее историю Алисы в стране чудес.

«Прежде чем вынести вам приговор, я назначу по этому делу заседание и, если вы пожелаете, разрешу вам представить доказательства в свою защиту».

Если бы судья Рой Бин, прославившийся «законом жителей реки Пейкес», мог оказаться свидетелем этой сцены, он, несомненно, пришел бы в восторг от мысли сначала признать человека виновным, а затем даровать ему судебное заседание, для того чтобы выслушать подсудимого...

Четыре дня спустя, 16 марта, судья Томасон приговорил Матусоу к трем годам тюремного заключения за проявленное неуважение к суду. Для освобождения под залог судья назначил сумму в 10 000 долларов.

«Если бы судья Томасон решил, что я превратил в посмешище правосудие, когда я первый раз давал показания против Клинтона Дженкса, — сказал Харви корреспондентам, — и назначил бы новый процесс, тогда можно было бы понять этот приговор за неуважение к суду». И Харви добавил, что он пойдет в тюрьму с гордостью, «так как он приговорен за то, что решил стать честным и говорить правду».

«Судья бросил камень в грязное болото, и он не промахнулся, — ликующе заявила «Эль-Пасо геральд-пост» и добавила, что Томасон — «единственный судья в США, который принял решительные меры, чтобы наказать одного из самых известных лгунов со времен Анания... В течение ряда лет Матусоу безнаказанно лгал, пока он не совершил ошибку, солгав в суде, где председательствует судья Томасон».

Редактора «Геральд-пост», очевидно, не беспокоила мысль, что, если Матусоу «в течение ряда лет безнака-

занно лгал», то он, как в этом сейчас признался сам, мог лгать и на процессе Дженкса. Кроме того, они, вероятно, забыли, что непосредственно перед пересмотром дела их собственная газета многозначительно сообщала: «Еще в январе 1954 года, когда в окружном суде США на процессе Клинтона И. Дженкса Матусоу был главным свидетелем обвинения, некоторые федеральные чиновники выражали недоверие к его показаниям».

Чтобы вы ни думали о честности издателей такой газеты, трудно было уважать их последовательность...

Однако в том, как реагировали на приговор судьи Томасона некоторые представители правительственных кругов, было мало непоследовательности.

Генеральный атторней Браунелл ссыался на решение судьи Томасона как на «доказательство» того, что Матусоу являлся «центральной фигурой в осуществлении попыток коммунистов помешать правительству в его борьбе с подрывной деятельностью».

«Свежо и заслуживает полного одобрения! — ликующе заявил сенатор Истленд. — Поведение судьи Томасона не может не прославить федеральный суд».

В передовой «Харвард лоу рекорд» появилась более трезвая оценка:

«Если письменные показания, данные Матусоу под присягой, в которых он признался, что лгал по делу Дженкса, правдивы, в таком случае он неправильно наказан за попытку вытащить на свет несправедливость...

С другой стороны, если письменные показания Матусоу, данные им под присягой, ложны, в таком случае он совершил лжесвидетельство. А судья наказал его за неуважение к суду. Мы согласны с судьей Лернд Хэнд, что «эта санкция не должна применяться для наказания за лжесвидетельство».

...Мы с тревогой наблюдаем, что американский судья, поспешно действуя, может послать человека в тюрьму на три года за то, что он пытался отречься от своих прежних показаний. Это переходит все границы должного отправления правосудия.

...Поэтому мы надеемся, что пятый окружной суд учтет апелляцию Матусоу и отменит это сомнительное решение суда».

«Стоунз уикли» следующим образом резюмировал скрытый смысл этого приговора:

«Действия судьи Томасона против Матусоу следует рассматривать в связи с безрассудными попытками правительства защитить систему осведомителей от всестороннего общественного расследования... Обвинение Матусоу в неуважении к суду является, в сущности, попыткой наказать его за отречение, даже не потрудившись доказать, что он совершил лжесвидетельство. Приговор к трем годам тюремного заключения, вынесенный по указанию судьи без суда присяжных, является серьезным предостережением другим осведомителям».

Словно подтверждая этот анализ результатов пересмотра дела Дженкса, министерство юстиции объявило, что Федеральное большое жюри в Вашингтоне предъявило обвинение в лжесвидетельстве бывшему свидетелю обвинения г-же Марии Нэтвиг, которая сама призналась в даче ложных показаний. Однако ей обвинение было предъявлено не за ложные показания против издателя и владельца радиостанции Эдварда Лемба, в которых она созналась, а за то, что она якобы солгала, отрекшись от своих прежних показаний, и заявила, что правительственные атторнеи принудили ее лжесвидетельствовать.

ОТКЛИКИ ПРЕССЫ

1. Необычные обстоятельства

Едва ли издание книги когда-нибудь сопровождалось обстоятельствами, более необычными, чем те, при которых 15 марта 1955 года поступила в продажу книга Харви Матусоу «Лжесвидетель».

Стремясь помешать ее выходу в свет, правительственные агенты сделали все, что было в их силах. Они пытались завладеть рукописью, запугивали владельцев типографии, расследовали деятельность издателей и держали их под постоянным надзором ФБР. Одного из руководителей издательской фирмы федеральный судья обвинил в неуважении к суду и приговорил к шести месяцам тюремного заключения. Оба руководителя фирмы все еще должны были являться по повесткам большого жюри, конгресса и федерального суда. Автор же книги на следующий день после ее выхода в свет начал отбывать трехлетнее тюремное заключение, к которому его приговорили за разоблачения, содержащиеся в книге...

Одним из необычайных обстоятельств, сопровождавших появление «Лжесвидетеля», была из ряда вон выходящая реклама.

Издателям, естественно, нравится, когда их книги широко обсуждают. Но масштабы рекламы, возмещавшей о выходе «Лжесвидетеля», были беспрецедентными в истории издательского дела. В течение шести недель эта книга была в центре споров, волна которых прокатилась по всей стране. В обсуждении разоблачений, содержащихся в ней, приняли участие политические

деятели и редакторы, церковники и юристы, работники просвещения и профсоюзные деятели, ученые и социологи во всех уголках страны. Не проходило и дня, чтобы печать, радио и телевидение не упоминали о книге или ее авторе. Если бы можно было приблизительно подсчитать время, затраченное на радио и телевидение, и число газетных страниц, посвященных обсуждению этого вопроса, и перевести все это на деньги, то полученная сумма составила бы десятки миллионов долларов. Имя Харви Матусоу стало известно большинству населения США.

Не без оснований мы с Ангусом считали, что такая широкая реклама должна была предвещать хорошую продажу «Лжесвидетеля».

Но мы не учли одного обстоятельства: реклама книги могла оказаться и чересчур громкой. Так оно и произошло.

К моменту выхода книги огромное число людей считало, что они хорошо знакомы с содержанием книги Матусоу. В какой-то степени так оно и было в действительности. Потому что во всей этой истории едва ли существовал какой-нибудь период, который не был бы рассказан и пересказан во всех уголках страны. Таким образом, издание самой книги не стало кульминационным пунктом. В течение нескольких дней выяснилось, что спрос на книгу будет значительно ниже того, на который мы рассчитывали.

Но продаже книги мешала не только чрезмерная реклама. Так как материальные ресурсы нашей фирмы позволяли нам рекламировать книгу лишь рассылкой ее образцов, многие из покупателей, на которых мы рассчитывали, несомненно, не знали, что книга наконец поступила в продажу. Более того, в то время как все издательские фирмы обычно держали квалифицированных людей, занимавшихся определением спроса и распространением книги, наш собственный аппарат по продаже книг в те времена состоял из одного коммивояжера, занятого у нас неполный рабочий день. Хотя это был ревностный и усердный человек, но из-за отсутствия денег на дорожные расходы он был ограничен в средствах передвижения...

Были, конечно, и другие факторы, затруднявшие распространение «Лжесвидетеля». Крайняя разобщенность

прогрессивных организаций, возникшая в результате напряженности периода холодной войны, уничтожила большой потенциальный рынок для продажи книги. Кроме того, среди прогрессивно настроенных людей было немало таких, которые не хотели способствовать ее продаже. Они неоднократно говорили нам, что у них нет желания поощрять писания экс-осведомителей. Некоторые заявляли, что они сами не будут покупать книгу, так как с ее тиража Матусоу получит гонорар. «Где гарантия, что он снова не станет осведомителем?» — часто спрашивали они.

Хотя легко было понять чувство отвращения к Матусоу за его прошлую деятельность, протесты этих людей выводили меня из терпения. Во-первых, им должно было быть ясно, что книга Харви — могучее средство не только исправления ошибок, которые он совершил, но также орудие противодействия репрессиям, получившим широкое распространение, в которых его преступления играли лишь незначительную роль. Во-вторых, на мой взгляд, отношение этих людей было несколько фарисейским. Они были убеждены, что служат делу улучшения мира, в котором живут. Но как же, по их мнению, можно было ожидать изменения всего общества, если они так упорно сомневались в возможности одного человека измениться к лучшему?

Каким именно образом, по их мнению, должен был Матусоу доказать правдивость его теперешней позиции? Он отрекся от своей прошлой деятельности и делал все, что в его силах, стараясь возместить причиненный ущерб. Несмотря на могущественные средства, которые выставило против него правительство, он твердо стоял на своем, игнорируя своих бывших хозяев из министерства юстиции и конгресса. Он доказал свою готовность сесть в тюрьму за совершенные им преступления. Что еще они требовали от него? Несомненно, если Клинтон и Вирджиния Дженкс, которым он причинил столько зла, могли простить Матусоу, то и другие могли позволить себе быть к нему немного снисходительнее.

Следует сказать, что большинство либералов и прогрессивных деятелей признали ценность книги Матусоу.

Из потока писем, который со всех концов страны устремился в нашу контору, типичным было письмо д-ра Джона К. Кингсбери, почтенного социолога и

борца за гражданские права. «Я должен сказать вам и Ангусу Камерону, — писал он мне, — какое большое впечатление произвели на меня факты, содержащиеся в «Лжесвидетеле»... В борьбе за восстановление свобод, провозглашенных нашими предками, издание этой книги сыграет большую роль... Это удивительная история. Книгу должен прочесть каждый гражданин, который отваживается поднять свой голос в это критическое время. Ее распространению должен содействовать каждый здравомыслящий человек».

«Я безмерно рад... — писал мой друг Олин Даунз, известный музыкальный критик и горячий защитник прав человека, — видеть в продаже эту книгу, выходу которой всеми силами старались воспрепятствовать определенные круги. Думаю, что она сыграет большую роль в защите свободы и в борьбе с нарушениями законности, которые имели место в последние тяжелые годы».

Профессор философии одного из университетов в восточных штатах в письме, адресованном Матусоу, писал:

«Только что кончил читать вашу книгу. Это очень важный документ нашего времени. Мне хочется выразить свое восхищение той смелостью, с которой вы решились подвергнуть себя оскорблениям и нападкам, которые, как вы знали, последуют после издания книги...

Разрешите уверить вас, если вы вообще нуждаетесь в уверениях, что неистовый гнев, обрушенный на вас многими критиканами, на самом деле относится не к вам... Они сердятся не столько из-за серьезности ваших преступлений, сколько из-за того, что ваши признания в этих преступлениях доказывают, что они были добровольным орудием жестокой и трусливой истерии...

Признаться в совершенном зле — это один из самых замечательных поступков, на который способно человеческое существо. Следуя велению своей совести, вы станете более «нормальным» человеком, чем ваши пошлые критики. И, поступив так, вы сослужите своей стране и человечеству неизмеримо большую службу, чем те люди, которые критикуют вас, ничего не предпринимая для исправления существующего зла».

Было бы, пожалуй, неправильно закончить рассказ о многочисленных трудностях, сопровождавших продажу «Лжесвидетеля», не упомянув о «вкладе», который внесло само правительство в это дело. После того как министерству юстиции не удалось помешать изданию книги, оно, при продолжавшейся поддержке сенатского подкомитета по вопросам внутренней безопасности, стало энергично распространять мнение, что книга Матусоу — коммунистическая пропаганда, что ее чтение практически равносильно предательству.

В рецензии на книгу «Лжесвидетель», напечатанной в «Балтимор ивнинг сан», Джон Ван Кэмп заметил: «Крупные чиновники федерального правительства намекнули, что тот, у кого имеется экземпляр этой книги, помогает нашим врагам».

Ван Кэмп давал своим читателям следующий сомнительный совет: «По-видимому, этой неприятности можно было бы избежать, завернув книгу в старую пыльную обложку от «Mein Kampf»¹.

2. „За“ и „против“

Очевидно, было неизбежно, что критики, рецензировавшие «Лжесвидетеля», все как один становились политическими комментаторами. В конце концов эта книга была скорее политическим явлением, нежели литературным.

В основном рецензии делились на три категории: в одних с готовностью было подхвачено утверждение правительства, что «Лжесвидетель» является частью коммунистического заговора; в других выражалось сомнение относительно того, когда лгал автор: раньше или теперь; в третьих признавалась ценность разоблачений, сделанных Матусоу, и его книга рассматривалась как документ большой социальной значимости.

В одной из таких рецензий, появившейся в «Омаха уорлд геральд» и подписанной «ХАФ», говорилось:

---

¹ «Mein Kampf» (нем.) — книга Гитлера «Моя борьба». — Прим. ред.

«Все содержание этой книги можно выразить в нескольких словах: Матусоу называет себя отставным лжецом; он утверждает, что лгал в течение нескольких лет, давая показания против большого числа людей которых он опознавал как коммунистов... Но доказательств правдивости теперешних заявлений Матусоу или ложности его прежних показаний в бытность его свидетелем в этой книге нет».

Не сказав ни слова о действительном содержании «Лжесвидетеля», «ХАФ» заканчивал свою рецензию следующим простым советом: «Берегите время, которое вы тратите на чтение книг. Не читайте «Лжесвидетеля».

Совершенно в ином тоне писали те обозреватели, которые, осуждая Матусоу за его осведомительно-свидетельскую роль, объявляли о своей неспособности решить, говорит ли он сейчас правду. Например, в «Дейтон дейли ньюс» Уолт Маккаслин писал:

«Те, кто сомневается в честности Матусоу в начале его карьеры — и пишуший эти строки относится к их числу, — возможно, будут считать, что сейчас он говорит правду. Тем не менее не следует игнорировать собственное признание этого человека, что он «сделает все что угодно за пиастры». И следует вспомнить, что было время, когда Матусоу и своих издателей называл коммунистами...»

Логика этого заявления явно хромает. Подвергая надежность Матусоу как профессионального свидетеля большому сомнению, рецензент в то же время в качестве основания для недоверия к его издателям приводит показания Матусоу, относящиеся именно к тому периоду, когда Матусоу был профессиональным свидетелем. Этот рецензент продолжал:

«Говорит ли Матусоу... наконец правду или он просто делает себя центром всеобщего внимания, к чему, как он утверждает, его испорченная натура всегда имела склонность? Или же он, как предполагают некоторые, все еще является агентом коммунистической партии и пытается уничтожить неразбериху и чувство недоверия, которые он уже посеял в умах американцев?»

Подобные обзоры, возможно, не столько служили комментарием к книге, сколько характеризовали их авторов как людей, достаточно честных и здравомыслящих,

чтобы не доверять Матусоу — свидетелю, выступающему на стороне правительства. В то же время эти обзоры показывали, что их авторы в значительной степени сами поражены «неразберихой и чувством недоверия... посеянными в умах американцев», и что им трудно отрешиться от пропагандистских мифов об осведомителях и их наставниках...

Однако значительный процент рецензентов «Лжесвидетеля» понимал значение этой книги. Они видели в ней суровый обвинительный акт осведомительско-свидетельской системе и тем политическим кругам, которые ее породили.

К таким рецензентам относился Честер С. Дэвис, давший глубокий анализ книги на страницах «Джорнэл энд сентинэл», издающейся в Уинстон-Сейлеме, штат Северная Каролина. Дэвис писал:

«В годы послевоенной антикоммунистической истерии наша страна была заражена страхом, который заставил одобрительно относиться к проведению в отношении коммунистов политики по принципу «цель оправдывает средства». Эта философия была сформулирована в одном слове «маккартизм».

Хотя маккартизм много раз и по многим причинам подвергался атакам, никто не наносил по нему удара, более сильного и по своим последствиям более серьезного, чем этот лжец Харви Матусоу, известный своим оппортунизмом, неуравновешенностью и расчетливостью».

«Лжесвидетель», — продолжал Дэвис, — трагическая история... В том, что Федеральное бюро расследований, министерство юстиции, правительства нескольких штатов и ряд влиятельных комитетов палаты представителей и сената США отнеслись к этому молодому человеку с необычной серьезностью, нет ничего комического.

Напротив, трагедия состоит в том, что этот молодой человек смог использовать свидетельское место для опорочивания репутаций, для того, чтобы сеять сомнения в патриотизме нашей печати, радио, школ, профессиональных союзов... и, что хуже всего, для заключения в тюрьму ряда мужчин и женщин на основании лжи или извращенной полуправды.

Этот человек встает со страниц рассказанной им истории как воплощение низкого морального уровня американского правосудия»¹.

Вероятно, самую глубокую оценку разоблачения Матусоу дал в то время Джон Стейнбек в написанной им большой передовице для «Сэтердэй ревью оф литература». Известный романист писал:

«Для каждого непредубежденного человека ясно, что показания Матусоу являются своего рода букетом незабудок на могиле Маккарти. Сейчас нелепость всей серии расследований стала очевидна...

Сейчас над головами расследователей уже пронеслась волна истерии. Сенаторы, лично замешанные во всем этом деле, кричат, что Матусоу лжет теперь, а когда он давал показания в их пользу, против их врагов, он говорил правду...»

Сравнивая осведомительскую карьеру Матусоу с карьерой подлого заговорщика и агента-provокатора Титуса Оутса, небылицы которого о заговорах папистов привели к безжалостному преследованию католиков в Англии XVII века, Стейнбек подчеркивает, что «утрированные обвинения» Матусоу стали тем шаблоном, которому следовали правительственные осведомители в послевоенные годы в США². «Дух времени был таков, что определенного рода искусственно созданной бессмыслице разрешалось проходить незамеченной... — комментировал

---

¹ В рецензии на книгу «Лжесвидетель», опубликованной в «Райтс», органе специального комитета по гражданским правам, Х. Х. Уилсон, адъюнкт-профессор Принстонского университета, писал следующее: «Стоит обратить серьезное внимание на то, что Харви Матусоу просто отражает циничный оппортунизм и моральный уровень многих людей, в чьих руках находится и находились власть и влияние в американском обществе. Вместе с покойным Аль Капоне Матусоу мог бы с успехом спросить: «Что я такого сделал, ведь я только отвечал требованиям лучших наших граждан?»

² Можно провести удивительные аналогии между операциями Оутса и операциями американских правительственных осведомителей-свидетелей, действовавших три столетия спустя. В своей книге «Альманах свободы» судья Уильям О. Дуглас рассказывает: «Титус Оутс был осведомителем, завоевавшим печальную известность. Он выдавал себя за доктора богословия. Затем он принял католицизм и посещал иезуитские школы в Испании и во Франции. В свое время он был исключен из этих духовных учреждений и возвратился в Англию, утверждая, что ему известны тайные планы католиков в отношении Англии. Он организовал заговор папистов»

Стейнбек. — Я говорю обо всем этом в прошедшем времени, так как верю, что все это почти кончилось. Мне кажется, правительственные свидетели... не переживут показания Матусоу. Он назвал осведомительство доходным рэкетоу. Теперь он сам уничтожил его. Больше этот рэкет никогда не будет таким доходным».

И в заключение Стейнбек писал:

«Все это важно, но еще важнее быстрое и решительное изменение самой атмосферы в стране... Чувствуется большое облегчение... Сейчас становится очевидным, что 165-миллионный народ терроризировали мнимые 50 тысяч коммунистов...

Мы не можем знать наверняка побудительных мотивов поступков Матусоу... но его показания и отказ от них, возможно, явились тем маленьким толчком, который заставил маятник здравого смысла качнуться в обратную сторону. Кажется, мы являемся свидетелями этого процесса».

Передовая, написанная Стейнбеком, была озаглавлена «Смерть рэкета».

с целью убить короля, сжечь Лондон и устроить массовую резню. Оутсу... удалось подстроить так, чтобы его вызвали на Тайный совет, где он рассказал всю эту историю.

Оутс был хорошим режиссером... Люди были готовы поверить в вину католиков. Оутс, ставший в течение одной ночи героем, получил жалованье и должность в Уайтхолле... Прежде чем его разоблачили, тридцать семь человек казнили, а сотни людей потеряли свое доброе имя и состояние...

Парламент расследовал папистский заговор, но никто и пальцем не пошевелил, чтобы расследовать деятельность осведомителя. Слово спаситель нации, он возвышался над посеянным им беспорядком...

И до последнего времени ни один осведомитель не пользовался таким признанием, как Оутс».

Судья Дуглас мог бы добавить, что, когда Оутс наконец признался в своей лжи, коварный «судья-вешатель» Джордж Джеффрис, председательствовавший на ряде судебных процессов по разбору дел лиц, обвиненных Оутсом в лжесвидетельстве и осудивший Оутса — в противоположность судье Томасону, который вел дело об отречении Матусоу от прошлых показаний, — признал заговорщика виновным в лжесвидетельстве, в котором обвиняемый признался, и приговорил его к тюремному заключению.

ВОПРОС О ЗАЛОГЕ

1. Тревожные дни

«Закон в своем недостижимом величии, — замечает Анатоль Франс, — запрещает и богатому и бедному ночевать под мостами, просить милостыню на улицах и воровать хлеб».

Конституция Соединенных Штатов также не только гарантирует человеку, обвиненному в преступлении, право «на скорый и публичный суд» и «право пользоваться советами адвоката для своей защиты», но и обусловливает, что «не должен устанавливаться чрезмерный залог».

Единственная беда заключается в том, что процесс может обойтись подсудимому в несколько тысяч долларов и размер залога, возможно самый разумный для богатого гангстера, может оказаться непосильным для гражданина со средним достатком.

Я давно знал, что тяжба в суде может оказаться дорогим удовольствием. Но с того момента, как я оказался втянутым в дело Матусоу, многочисленные расходы со все возрастающей убедительностью показывали, что правосудие может сильно ударить по карману. Судебные издержки, а также всякие дополнительные расходы, такие, как гонорар адвокату, когда Харви, Ангуса, работников нашей конторы и меня вызывали на Федеральное большое жюри в Нью-Йорке; гонорар адвокату и дорожные расходы в связи с вызовом в сенатский подкомитет в Вашингтоне; гонорар адвокату, представляющему Харви в Эль-Пасо; стоимость протоколов судебных заседаний в Нью-Йорке и Эль-Пасо;

расходы, связанные с составлением и подачей ходатайства о пересмотре дела в апелляционный суд.

Эти расходы уже достигли нескольких тысяч долларов; и хотя Харви помогал оплачивать свою долю расходов из гонорара за книгу, все же основную часть расходов несла фирма «Камерон энд Кан».

Точнее выражаясь, мне следовало сказать, пыталась нести. Дохода от продажи «Лжесвидетеля» едва хватило, чтобы покрыть издержки производства (которые сильно возросли в связи со срочным печатанием книги). И, несмотря на поздравления доброжелателей по поводу широкой рекламы книги, наша фирма оставалась в своем вечном почти нищенском положении. Часть судебных издержек мы с Ангусом оплатили из наших собственных карманов, часть покрыли за счет займов и помощи добрых друзей, но значительную долю их мы все еще были должны.

И теперь в довершение всего перед нами стояла задача собрать 10 000 долларов для освобождения Харви под залог.

Откуда взять эти деньги?

Так как показания Харви в Эль-Пасо были даны в пользу руководителя профсоюза горняков и плавильщиков Дженкса, казалось, справедливо было ожидать, что профсоюз захочет помочь в сборе нужной суммы для залога за Харви и понесет какую-то долю расходов по пересмотру дела. Предвидя, что Харви в связи с показаниями по делу Дженкса, возможно, придется столкнуться с юридическими проблемами, мы с Ангусом заранее поставили перед Натом Уиттом вопрос об оплате этой тяжбы. У нас создалось впечатление, что Уитт считает, что профсоюз поможет оплатить эти расходы.

Однако, как это теперь стало ясно из слов Уитта, мы его, очевидно, плохо поняли. Он только пообещал выяснить намерения профсоюза.

Спустя несколько дней мы получили ответ. Руководство профсоюза горняков и плавильщиков было против ассигнования каких-либо средств как для освобождения Матусоу под залог, так и для оплаты расходов по пересмотру дела. Они считали, что подобные действия подкрепили бы несправедливые обвинения профсоюза министерством юстиции в том, что профсоюз якобы подкупил Матусоу, чтобы тот отрекся от своих прежних показаний.

Это было для нас ударом, и не только потому, что мы с Ангусом не представляли себе, откуда изыскать средства для залога. В равной мере мы беспокоились, какое впечатление произведет на Харви решение профсоюза. Мы знали, что он рассчитывал на их помощь. Не решит ли он, что теперь, когда он сделал все что мог, стараясь реабилитировать Дженкса, профсоюз умает руки? Если Матусоу так подумает, то как он будет реагировать на это? Хотя Харви очень изменился, все же едва ли можно было считать его человеком твердо определившимся...

Я немедленно написал письмо председателю Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности Джону Кларку. Напомнив ему, как он в своей статье хвалил Матусоу за попытку исправить причиненный им вред, я писал:

«Мне кажется, существует крайняя необходимость, чтобы Матусоу черпал силы в поддержке честных и порядочных людей, которые убедительно показывали бы, что они ценят его теперешние усилия... исправить вред, причиненный его ложными показаниями. Однако я боюсь, что Матусоу неправильно поймет недавнее решение профсоюза не оказывать ему помощи. Боюсь, что решение может произвести на него нежелательное впечатление».

Я написал, что мы с Ангусом не разделяем мнение руководства профсоюза, что, оказывая Матусоу помощь в освобождении под залог, они, возможно, дадут пищу министерству юстиции для фабрикации обвинения. «Выступить в защиту Матусоу было бы со стороны профсоюза совершенно правильно, этично и законно». Более того, их решение не помогать Матусоу, быть может, как раз приведет к той самой ситуации, которой они хотели избежать.

«Как я уже не раз говорил, я лично считаю, что Матусоу со временем обязательно станет порядочным человеком. Однако я никоим образом не умаляю возможности противоположного. И если сейчас Матусоу под чьим-либо давлением отступит и снова станет лжецом, вред, причиненный не только вашему профсоюзу, но и всему делу прогресса, будет огромный».

Однако решение руководства профсоюза горняков и плавильщиков осталось неизменным.

Мне кажется, что причина вынесенного ими решения была не совсем та, которую они приводили. Вполне вероятно, что отречение Матусоу потревожило осиное гнездо гораздо больше, чем ожидали руководители Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности. И это произошло в тот момент, когда профсоюз подвергался нападкам за то, что «в нем главенствуют красные». Их все больше тревожило широко разрекламированное обвинение правительства в «коммунистическом заговоре» с целью заставить Матусоу отречься от показаний. Исходя из этого, профсоюз перешел к обороне, вместо того чтобы продолжать наступление в связи с делом Матусоу. И с моей точки зрения эта новая ориентация была настолько же бесперспективной, насколько близорукой¹.

Когда стало ясно, что рассчитывать на профсоюз как на источник получения денег для залога нельзя, мы с Ангусом составили список людей, которые, по нашим предположениям, могли согласиться помочь нам. Но, так как ко многим из них мы уже обращались за помощью по делу Матусоу, никто из нас не возлагал на этот план больших надежд.

Следующие несколько дней показали, что наши опасения не напрасны. Заем, на который мы могли рассчитывать, составил лишь небольшую часть нужной суммы...

Одно очень приятное событие несколько улучшило наше настроение. По почте пришло сообщение от Фонда в защиту Билля о правах, основанного воинственным сторонником доктрины о свободе воли, писателем и пе-

---

¹ О том, что руководство Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности все больше занимало оборонительную позицию, свидетельствует тот факт, что в течение ближайших месяцев после отречения Матусоу, в то время как споры вокруг дела Дженкса разгорались с новой силой, а правительственная пропаганда против профсоюза усиливалась, Исполком профсоюза добился ухода Дженкса из профсоюза.

Однако провал всех мер, предпринятых для смягчения нападок на профсоюз, стал очевиден, когда летом 1956 года министерство юстиции возбудило дело против четырнадцати видных деятелей этого профсоюза, предъявив им обвинение в заговоре с целью нарушения закона Тафта—Хартли—того самого закона, на основании которого был осужден и Дженкс.

дагогом Корлисом Ламонтом для оказания помощи в судебных делах, затрагивающих основные положения конституции¹.

В письме нам сообщали, что Исполнительный комитет Фонда, познакомившись с передовой статьей в «Харвард лоу ревью» о деле Харви Матусоу, считает важными затронутые в ней вопросы о правильном применении закона. Исполком решил сделать взнос в 1000 долларов... в счет оплаты судебных издержек в связи с подачей просьбы г-на Харви Матусоу о пересмотре его дела в Техасе по обвинению в неуважении к суду. К письму был приложен чек на 1000 долларов. Теперь мы по крайней мере могли позволить себе подать апелляцию по делу Харви.

Однако вопрос о залоге остался по-прежнему нерешенным.

Стэн Фолкнер предложил, чтобы мы связались с каким-нибудь ломбардом, и устроил нам свидание с поручителем. Поручителем оказался дородный смуглый общительный мужчина в широком шерстяном жилете. Чем-то он напоминал известных диккенсовских персонажей.

«Знаете, — сказал он нам, энергично жуя сигару, — после всей этой шумихи, поднятой вокруг вашего дела, большинство владельцев ломбардов предпочтет держаться от вас на расстоянии пушечного выстрела. Но у меня есть связи... Конечно, вам придется представить обеспечение. Какого рода обеспечение у вас есть?»

Мы с Ангусом перечислили наше имущество. Это не заняло много времени.

Поручитель добродушно засмеялся. Пепел от сигары посыпался ему на жилет. «Господи, да какое же это обеспечение, друзья мои! Вы должны представить кое-

---

¹ В годы холодной войны за поддержку, оказанную непопулярным процессам, Корлис Ламонт, выдающийся гуманист, преподаватель философии Колумбийского университета и вице-председатель Комитета борьбы за гражданские свободы, организованного в 1951 году «для последовательной поддержки Билля о правах и гарантированной им свободы совести», сам подвергался нападкам. Осенью 1954 года Ламонта вызвали в комитет Маккарти, и, так как он отстаивал права, гарантированные Первой поправкой, и выражал сомнение в конституционности этого комитета, его обвинили в неуважении к конгрессу.

что посолиднее». И он громко принялся перечислять различные виды обеспечения, которые могли бы быть приемлемы: акции, страховые облигации, недвижимое имущество, предприятия...

«Вы хотите сказать, — заметил Ангус, — что, если бы Матусоу совершил убийство, мы с бóльшим основанием могли бы рассчитывать на получение денег под залог в ломбарде?»

«Да, черт возьми. Это дело политическое. И мне не надо говорить вам, ребята, что...»

«Может быть, нам лучше просто составить Харви компанию в тюрьме, — сказал я. — По крайней мере правительство будет нести расходы по нашему содержанию».

Поручитель громко расхохотался. На глазах у него выступили слезы. «Клянусь, — сказал он, задыхаясь, — никогда не видел таких чудаков...»

Однако все это было не так уж смешно.

Дни шли за днями. Харви по-прежнему сидел в тюрьме. Наши мрачные предчувствия росли. И они не уменьшались от того, что в ответ на наши подбадривающие письма мы ничего не получали от Харви.

Адвокат Харви в Эль-Пасо, с которым я время от времени связывался, сообщал, что его клиент все больше и больше беспокоится.

«Имейте в виду, я не хочу сказать, что он упал духом, — заметил он. — Но чем скорее вы его вызволите из тюрьмы, тем лучше...»

Наконец спустя десять дней мы получили от Матусоу первое письмо. В нем говорилось:

«Дорогой Берт!

Это письмо не только для вас, но и для Риет и мальчиков.

За эти десять дней ничего не изменилось. Как я сидел, так и сижу — один, не с кем даже слова сказать. Они называют это «максимум безопасности», но на самом деле это форма одиночного тюремного заключения...

Вы же знаете, как я люблю поговорить! Так что представьте меня молча сидящим здесь в течение десяти дней. И не известно, сколько еще придется просидеть.»

Я знаю, вы делаете все возможное, чтобы собрать деньги для залога. И я надеюсь на скорое освобождение.

Привет всем,
Харви».

В тоне, которым было написано письмо, мы с Ангу-сом не нашли ничего сколько-нибудь утешительного.

Реакция Рьет была более философской. «А что он, по-вашему, должен был написать? — спросила она. — Что он просто чудесно проводит время и наслаждается каждой минутой пребывания в тюрьме?»

2. Американское наследство

Харви сидел в тюрьме уже около двух недель, когда я отправился к своим друзьям Генри и Аните Уилкок-с в Южный Норуолк, штат Коннектикут. В моем списке людей, на помощь которых в сборе денег для залога мы рассчитывали, остались только их имена.

Шестидесятипятилетний подрядчик — строитель в от-ставке и его жена-художница были хранителями лучших традиций американского наследства. Генри был прямым потомком тех левых пуритан, которые эмигрировали из Англии на корабле «Мейфлауэр» в 1620 году. Среди его прародителей был бесстрашный вождь английских коло-нистов Уильям Брэдфорд, губернатор первой колонии в Новой Англии.

Анита могла бы проследить свою родословную от Роджера Уильямса, основателя колонии мятежников в Роуд Айленде и страстного сторонника братства лю-дей. Предки обоих супругов сражались за дело свободы еще в период войны за независимость и гражданской войны.

И за то, что Уилкоксы продолжали традиции своих предшественников, поддерживая различные демократи-ческие начинания, их преследовали власть имущие фа-натик, обвиняя их в антиамериканизме...¹

---

¹ В 1952 году после возвращения с международной конферен-ции сторонников движения в защиту мира, состоявшейся в Пе-кине, госдепартамент лишил Генри и Аниту паспортов на том основании, что их деятельность в защиту мира «противоречила интересам Соединенных Штатов». Сослуживцы Генри, после того

В светлой веселой гостиной в их маленьком домике, на берегу устья реки Лонг Айленд Саунд, Генри и Анита внимательно слушали мой рассказ о создавшемся положении с внесением залога.

Доброе испещренное морщинами лицо Генри выражало сочувствие. «В важности этого дела нельзя сомневаться, — сказал он. — Но, знаете, сегодня столько людей нуждается в помощи. А размер залога за Матусоу намного превышает те суммы, которые нам приходилось давать раньше». Почти извиняясь, он добавил: «Дело в том, что у нас просто нет столько денег».

Анита, маленькая, хрупкая женщина с птичьими чертами лица и белыми как серебро волосами, спросила: «А будет ли это предано огласке? Если мы все-таки поможем, это же все попадет в газеты?! Я ненавижу подобные вещи».

Рано или поздно, сказал я, представители печати, несомненно, разузнают, кто ссудил деньги для внесения залога.

Мы еще немного поговорили.

Неожиданно Анита сказала: «Генри, я могу заложить кое-что из недвижимого имущества или еще что-нибудь из своих вещей. А?» — Это звучало скорее как утверждение, нежели вопрос.

Спокойная, довольная улыбка Генри свидетельствовала о том, что это предложение его не удивило. Он пожал плечами. «Пожалуй, нам следует это обсудить немного подробнее. Мы дадим Альберту знать...»

Анита позвонила мне в тот же вечер.

«Я даю деньги на залог», — сказала она.

На следующий день я встретился с Уилкоксами в конторе Фолкнера. Анита вручила Фолкнеру банковский чек на 10 000 долларов.

«Надеюсь, Матусоу не удерет из страны», — заметила она с легкой улыбкой.

Фолкнер с серьезным видом покачал головой. «Я не думаю, что произойдет нечто подобное. Конечно, мы мо-

---

как у Уилкоксов побывали агенты ФБР, проголосовали за снятие его с поста президента их строительной компании. Позднее, когда Анита предложила подарить школам в Норуолке несколько своих фресок, бурные протесты местных лжепатриотов вынудили школьное управление отказаться от ее дара.

жем попросить его родителей взять на себя часть ответственности за этот заем».

«Не хочу об этом и слышать, — горячо возразила Анита. — У них и без того достаточно забот».

Через сорок восемь часов Харви был освобожден под залог.

Позднее он показал мне следующие заметки, сделанные им во время перелета из Эль-Пасо в Нью-Йорк.

«Я много передумал за те 20 дней и 19 ночей, которые я провел в окружной тюрьме в Эль-Пасо. Я часто спрашивал себя: «Зачем ты наварвался на приговор, почему ты не удрал в Мексику или еще в какую-нибудь другую страну, пока тебя не засадили за решетку?» Вместе с тем другой частой мыслью было: «К черту все, что ты сейчас делаешь. Узнай у правительства, отменят ли приговор, если ты согласишься уехать из страны». Все это совершенно естественно, когда сидишь за преступление, которое ты знаешь, что не совершил. Но еще более естественными были мысли и побуждения, в результате которых я оказался в тюрьме; естественно было и то, что совесть заставила меня рассказать правду о моих прошлых ложных показаниях. С каждым днем, с каждым часом я все больше понимал, что я действовал по своей воле, что все, сделанное мной, поможет нашему народу вновь вернуть утраченную им свободу...

В первую субботу, проведенную в тюрьме, я что-то читал, и мне в душу запала одна фраза. Она помогла мне держаться теперешнего курса, который я считаю совершенно правильным: «Пока человек не опустил руки, ничто не потеряно. Ни в коем случае не позволяйте отнимать у вас надежду, веру, мечты и смелость. Тогда жизнь всегда будет стоить того, чтобы ее прожить...»

Я знаю, что цитирую неточно, но в этом виноваты тюремные порядки, которые лишают человека карандаша...

За исключением адвоката и стражников, заходивших минуты на две в мою комнату четыре раза в день, ко мне никому не разрешалось приходить.

Ежедневно в течение двадцати трех с половиной часов в моей комнате стояла полная тишина. Но в этой тишине все время звучало: «Пока человек не опустил руки, ничто не потеряно... Жизнь стоит того, чтобы ее прожить...»

По приезду в Нью-Йорк Харви вручил мне стихотворение, которое, как он не без некоторой гордости заявил, сочинил в тюрьме. Вот это стихотворение:

Друзья...
Что на свете дороже друзей?
Прошу вас, минуту молчанья...
Берт,
Ты во имя защиты моей
Всюду сколачивал мнение людей!
Прошу вас, минуту молчанья...
Риет,
Вошла ты с улыбкою в дом,
Все в нем согрела сердечным теплом.
Прошу вас, минуту молчанья...
Стив,
Мой атлет, мой могучий крепыш,
Ты ненависть силой своей победишь!
Прошу вас, минуту молчанья...
Тимми,
Ты песня, что сложит поэт,
Когда загорается новый рассвет!
Прошу вас, минуту молчанья...
Брайан,
Ты бродишь по чащам лесным,
Слушая жизни торжественный гимн,
Прошу вас, минуту молчанья...
Прошу вас, минуту молчанья...
Довольно! Спасибо... Спасибо на том! —
Бывает молчанье
Слышнее, чем гром!

Не прошло и недели, как репортер «Нью-Йорк геральд трибюн» разузнал об источнике получения денег для внесения залога для освобождения Матусоу и взял у Аниты Уилкоккс интервью относительно причин, по которым она решила ссудить Матусоу деньгами.

Об этой сенсации «Геральд трибюн» сообщила на первой странице. Приводился ответ Аниты репортеру: «Я вношу залог за Харви Матусоу, так как считаю, что, хотя он, возможно, и заслуживает тюремного заключения за причиненное им зло, его не следовало сажать за решетку за попытку исправить это зло. Я никогда не ви-

дела Матусоу, но я читала его книгу «Лжесвидетель», в которой нарисован отвратительный портрет платного осведомителя. Кроме того, эта книга дает ужасную и, к сожалению для нашей страны, весьма убедительную картину того, как министерство юстиции и комитеты конгресса взрастили этот феномен».

Примерно через день Анита позвонила мне и сказала, что из сенатского подкомитета по вопросам внутренней безопасности ей принесли повестку. «Я не выношу всю эту суматоху и эти цирковые номера, — сказала она возбужденно. — Не имею ни малейшего представления, что говорить...»

Но, когда она оказалась лицом к лицу с членами комитета, она знала, что говорить. Когда в процессе допроса ее пытались поставить к позорному столбу за то, что она ссудила деньгами Матусоу, Анита недвусмысленно показала, насколько ей претили все их козни и измышления. Время от времени она раздраженно распекала их, словно они были непослушными детьми.

«Г-жа Уилкокс, — спросил ее адвокат Саурвайн, — предпринимали ли вы какие-нибудь действия против Коммунистической партии США?»¹

«Послушайте, — вспыхнула Анита, — я художница».

Когда члены комитета принялись спрашивать ее относительно принадлежности ее детей к политическим организациям и председательствовавший сенатор Макклеллан торжественным тоном начал объяснять, что долг комитета «установить элементы... участвующие в организации заговора с целью свержения существующего правительства», Анита едко заметила, уж не хочет ли сенатор предположить, что ее дети замешаны в подобном заговоре.

«Этого никто не говорил», — поспешно возразил сенатор Макклеллан.

«К чему же тогда вы подняли этот вопрос? — спросила Анита с негодованием. — Послушайте, я хочу сказать вам раз и навсегда о своих детях. У них у всех есть семьи. Все они совершеннолетние. Насколько мне известно, ни один из них не состоит и никогда не состоял членом коммунистической партии». И она добавила, что

---

¹ Диалог приводится из протокола разбирательства на сенатском подкомитете.

ее девять внуков также не являются членами коммунистической партии. «Никому из них нет еще и пяти», — сказала она.

В конце своих показаний Анита сделала следующее заявление:

«Около полувека назад, когда я была маленькой девочкой, я так гордилась нашей страной. Я беззаветно верила в существование свобод, за установление которых боролись мои предки: мы вольны были поступать как угодно, ездить куда угодно, знакомиться с разными странами, с разными людьми, придерживаться любых взглядов. Я верила в мудрость и справедливость наших судов. Именно в нашей стране все угнетенные на земле могли найти счастье, они знали, что упорным трудом могут добиться счастливого будущего для себя и своих детей...

Но с нашей прекрасной страной что-то произошло. Сегодня специалисты и ученые боятся высказывать свои мнения, если они расходятся с правительственными установками; наука может не сыграть своей прогрессивной роли, если ученые отдают свои знания не на благо народа; мужчин и женщин сажают в тюрьму за убеждения, а не за действия...

Харви Матусоу является символом того недуга, который поразил нашу любимую родину. Мы не должны упрятать его за решетку, забыть о нем. Мы должны во что бы то ни стало докопаться до истины. Мы должны, наконец, быть теми, за кого мы себя выдаем, — страной свободных и прибежищем храбрых».

Вскоре после выступления Аниты сенатский подкомитет закончил затянувшийся разбор дела Матусоу.

Дело рассматривалось с перерывом около девяти недель. В протоколы было занесено более полумиллиона слов свидетельских показаний и «документов». В окончательном виде протокол составил 1300 страниц. Следует отметить, что среди свидетелей не было ни одного чиновника министерства юстиции или какого-нибудь другого правительственного чиновника, которые нанимали Матусоу для дачи ложных показаний. Вместо этого,

за исключением пяти «дружественных свидетелей», трое из которых были осведомителями ФБР, все люди, допрошенные подкомитетом, были вызваны с целью установить их причастность к «коммунистическому заговору», раздутому вокруг дела Матусоу...¹

Сенатор Истленд объявил, что в течение ближайших дней подкомитет направит в министерство юстиции отчет о результатах расследования. Он выразил надежду, что эти результаты дадут «основания для заключения Матусоу в тюрьму... по ряду предъявленных ему обвинений...»

Довольно-таки неопределенный характер этих оснований выявился, когда члены подкомитета проголосовали за вызов Матусоу для предъявления ему обвинения в неуважении к конгрессу.

Поводом для этого вызова послужил отказ Матусоу назвать во время дачи показаний имя предпринимателя, изготовляющего «беспружинный йо-йо».

---

¹ Возможно, самое значительное заявление на протяжении всего разбирательства было сделано Гарри Захером, которого вызвали на подкомитет для допроса относительно его связи с делом Матусоу. Когда Захера спросили, не коммунист ли он, он заявил: «Г-н председатель, я категорически отказываюсь обсуждать мои взгляды на религию, политику, экономику и общественное устройство. Я делаю это на основании Пятой поправки и заявляю об этом потому, что с достоинством любого человека несовместимо быть вынужденным раскрывать свои религиозные, экономические, политические или какие-либо другие убеждения».

Когда сенатор Макклеллан сказал, что он не думает, что «ответ на этот вопрос унижает достоинство доброго гражданина», Захер возразил: «Средневековые инквизиторы тоже думали, что нет ничего неуместного в том, чтобы задавать такие вопросы тем, кого они считали еретиками».

За это Захера обвинили в неуважении к конгрессу, признали виновным и приговорили к шести месяцам тюрьмы и штрафу в 1000 долларов.

Глава
четырнадцатая

ПОДВОДНЫЕ ТЕЧЕНИЯ

1. „Что же было ложью?“

В истории дела Матусоу 22 апреля 1955 года было знаменательной датой.

Среди дня позвонил Харви.

«Поздравляю! — закричал он. — Вы слышали новости?»

«Что случилось?» — спросил я.

«Мы победили! Димок вынес решение! По делу Трахтенберга и Чарни будут назначены новые процессы... Боже мой, до чего же я рад! Теперь мне все равно, если я проиграю пересмотр дела в Техасе и попаду в тюрьму!»

Сомневаюсь, чтобы еще кто-нибудь выражал когда-либо такой восторг по поводу вынесения судебного решения, подтверждающего, что он лжесвидетельствовал.

Решение, вынесенное судьей Димоком в связи с пересмотром дела Флинн, было документом огромного значения. В потоке судебных решений, вынесенных в период холодной войны, оно представляло собой поворотный пункт, потому что это была первая отмена приговора, вынесенного на основе закона Смита, потому что это был первый приговор федерального суда, признавший одного из правительственных «свидетелей-экспертов» лжесвидетелем. Оно предвещало другие такие же постановления федеральных судов, которые повлекут за собой далеко идущие последствия.

Решение судьи Димока представляло собой разительный контраст решению, вынесенному судьей Томасоном по делу Дженкса: оно было написано на двадцати четырех страницах и выдержано в строго научном стиле.

Судья Димок приводил многочисленные доказательства того, что, когда в 1952 году на процессе Флинн Матусоу, выступая свидетелем обвинения, давал показания, он был «совершенно безответственным свидетелем... лишенным чувства уважения к правде, человеком, одержимым страстью к известности, человеком, нуждающимся и готовым любым способом заработать несколько долларов».

Судья Димок задавал вопрос:

«Что же было ложью — первоначальные показания или отречение от них?»

Правительство утверждает, отмечал он, что, отказываясь от показаний, Матусоу лгал, что «люди, действующие в интересах подсудимых на этом процессе и на процессе Дженкса... заплатили за его отречение гонораром за книгу «Лжесвидетель».

Он разбивал эту аргументацию с железной логикой.

«Дело в том, что об отречении Матусоу сообщалось в газетах, и, таким образом, люди, симпатизирующие обвиняемым, получили возможность искать у него помощи.

Это заявление Матусоу сделал 27 апреля 1954 года епископу методистской церкви Бромли Д. Оксману.

Епископ рассказал об этом в своем выступлении 7 июня того же года. Нет сомнения, что финансовая помощь, оказанная Матусоу, сыграла свою роль в том, чтобы побудить его оформить свое заявление, дав под присягой письменные показания, на которых и основана настоящая просьба о пересмотре дела. Но само признание Матусоу в даче ложных показаний было сделано раньше. И к этому никто из друзей подсудимых его не побуждал...»

Более того, судья Димок продолжал утверждать, что «из существа дела вытекает, что ложными были первоначальные показания». Во время предварительного следствия, проводимого правительственными атторнеями перед началом процесса, он не сделал ни одного из тех «компрометировавших обвиняемых заявлений», которые он впоследствии делал в суде. Тогда Матусоу не смог привести ни одного примера, свидетельствующего о том, что кто-то из обвиняемых призывал «к насильственному свержению правительства». Как показало изучение досье, которые готовили правительственные атторнеи

перед началом процесса, только в период подготовки Матусоу к даче свидетельских показаний свои беседы с этими юристами он постепенно стал «украшать различными измышлениями о призывах к применению силы и насилия».

«И каждый раз, когда Матусоу делал на суде свой очередной поклев в первоначальном виде на стадии предварительного допроса, он представлял собой сравнительно невинное заявление...

Маловероятно, чтобы в памяти Матусоу всплывали сначала совершенно безобидные обстоятельства, которые затем почему-то обрастали различными компрометирующими подробностями, которые свидетельствовали о призывах к применению силы и насилия».

Кроме того, указывал судья Димок, ни в одном докладе, написанном Матусоу в бытность его осведомителем ФБР, до того как он стал свидетелем обвинения, «не было заявления о каких-либо призывах коммунистической партии или кого-либо из ее руководящих деятелей к свержению правительства Соединенных Штатов путем силы или насилия»¹.

---

¹ В докладах Матусоу для ФБР были и другие весьма примечательные пропуски. Наиболее важными из них были те, которые имели отношение к показаниям Матусоу как профессионального свидетеля о том, что ему лично было известно «о шпионской деятельности коммунистов в области производства атомной энергии в Америке».

В своем выступлении 8 октября 1952 года на заседании сенатского подкомитета по вопросам внутренней безопасности в Солт-Лейк-Сити Матусоу утверждал, что осенью 1950 года один из членов чехословацкой делегации в ООН сделал ему в Нью-Йорке предложение «добыть на базе Сэндия или в ее окрестностях в Альбукерке и в Лос-Аламосе какие-нибудь секреты, касающиеся атомной энергии». Матусоу добавил: «Из того, что он говорил... я понял, что чехословацкое правительство с помощью своих представителей в ООН занимается шпионажем».

Очевидно, если бы подобный случай имел место, любой осведомитель ФБР счел бы необходимым рассказать о нем своему начальству. Однако в докладах Матусоу для ФБР не содержалось никаких упоминаний о подобном разговоре или о том, что ему известно «о шпионской деятельности подданных Чехословакии».

В свете этих бросающихся в глаза несоответствий между докладами Матусоу для ФБР и его последующими показаниями в качестве свидетеля обвинения легко можно понять явную неохоту, с которой министерство юстиции предало огласке эти документы при пересмотре дела судьей Димоком и судьей Томасоном,

Однако к тому времени, когда Матусоу занял место свидетеля на процессе Флинн, «в его памяти всплыла» целая серия характерных примеров того, как многие из подсудимых якобы не только призывали к насильственному ниспровержению правительства, но и действовали в этом направлении как агенты Советского Союза.

«Таким образом, — констатировал судья Димок, — сама история развития показаний Матусоу на процессе свидетельствует о ложности этих показаний». Присяжные, поверившие показаниям Матусоу, указывал судья, «не знали истории развития показаний Матусоу» или «доказательств... впервые ставших теперь доступными, которые пролили свет на особенности характера Матусоу...»

В конце вынесенного им решения судья Димок заявлял, что он не испытывает доверия к утверждению Матусоу, что правительственные атторнеи подстрекали его к даче ложных показаний и что к некоторым из них его склонил Рой Кон. Упомянув о том, что правительственные атторнеи категорически отрицали эти обвинения, судья Димок объявил:

«Я скорее поверю им, чем человеку, который совершенно явно является лжесвидетелем. Косвенные доказательства также говорят в их пользу. Я пришел к заключению, что все измышления Матусоу сфабрикованы им самим. Мы теперь видим, что правительственные атторнеи были легковверными, но им не могли быть известны особенности характера Матусоу, выявившиеся лишь с течением времени».

Двое подсудимых, Джордж Чарни и Александр Трахтенберг, были признаны виновными главным образом на основании ложных показаний Матусоу. Поэтому «просьба об отмене приговора и о пересмотре дела подсудимых Трахтенберга и Чарни удовлетворяется...»

Хотя решение судьи Димока было весьма знаменательным, в нем имелись и свои слабые места.

Характеристика правительственных атторнеев просто как «легковверных» была чрезвычайно мягкой. А сказать, что «им не могли быть известны особенности характера Матусоу, выявившиеся с течением времени», значило не обратить внимания на то, что в действительности они

уже знали о его характере, когда использовали его в качестве свидетеля.

Как указал судья Димок, присяжные во время процесса не знали «истории развития показаний Матусоу», и поэтому они не могли знать, что Матусоу лжет. Однако правительственные атторнеи могли ознакомиться с этой историей: все документы (доклады Матусоу для ФБР и досье прокуроров, показывающие расхождение в его показаниях) находились в их архивах.

Правительственные юристы были близко знакомы с метаморфозой, которую претерпевали рассказы Матусоу в ходе подготовки его в качестве свидетеля. И если впоследствии эта метаморфоза со всей очевидностью показала судье Димоку, что Матусоу лгал на процессе, этот факт, несомненно, должен был стать не менее очевидным для правительственных атторнеев во время показаний Матусоу.

И, если присяжные во время процесса не располагали доказательствами, свидетельствовавшими о ложности показаний Матусоу, произошло ли это именно потому, что правительственные атторнеи скрыли от них эти доказательства?

Более того, в противоположность мнению судьи Димока правительственные атторнеи, участвовавшие в деле Флинн, были вполне знакомы в особенностями характера Матусоу. Будучи, естественно, не в состоянии предвидеть последовавшие затем разоблачения деятельности Матусоу, они тем не менее были знакомы с явно ложными показаниями, которые давал Матусоу в своих выступлениях на заседаниях комитетов конгресса.

И что еще более важно, у этих правительственных атторнеев имелось сообщение о психической неуравновешенности Матусоу, которое на процессе Флинн они скрыли как от присяжных, так и от судьи.

Это сообщение представляло собой секретный доклад о Матусоу, полученный нью-йоркской прокуратурой из Главного управления ФБР в Вашингтоне перед началом дачи показаний Матусоу на процессе Флинн. Этот доклад был написан в форме письма главы ФБР Гувера прокурору США Майлсу Лейну. В нем, в частности, говорилось:

«Сообщаю вам дополнительные секретные сведения о Матусоу... содержащиеся в архивах Управления по делам ветеранов войны:

...21 апреля 1945 года, находясь еще в рядах армии... он доложил о приступе головной боли и головокружениях. Врач определил у него обострение скрытого психоневроза...

Врач-психиатр, осматривавший его, предположил, что в данный момент обострение, по всей вероятности, было вызвано гибелью на фронте его брата Дэниэла Матусоу... Брат погиб в Германии около Нюрнберга, и Матусоу с большим трудом удалось разыскать могилу брата, а также некоторые из принадлежавших ему вещей»¹.

О существовании этих секретных документов стало широко известно только после окончания пересмотра дела Флинн, да и то вряд ли благодаря внезапно проснувшемуся у чиновников министерства юстиции чувству чести.

Это произошло следующим образом.

1 марта 1955 года помощник генерального атторнея Томпкинс был вызван на закрытое заседание подкомитета палаты представителей. Председатель подкомитета, член палаты представителей Джон Руни каким-то образом узнал о секретных докладах ФБР относительно «психоневроза» Матусоу и спросил Томпкинса о них. Томпкинс признал существование этого доклада, утверждая, однако, что он лишь недавно случайно узнал о нем. «Тогда я спросил об этом докладе г-на Ломбарда... — сказал Томпкинс, — и он сообщил мне, что прокуратура США получила это письмо в январе 1952 года»².

¹ Кроме того, в этом секретном письме Э. Гувера говорилось: «Доклады, представленные Матусоу в нашу албукерскую контору, в ближайшем будущем будут посланы в вашу прокуратуру». Именно в этих докладах Матусоу для ФБР, в частности, рассказывалось о его поездке на ранчо в Сан-Кристобал Вэлли в 1950 году и о его встрече с Клинтон Дженксом. Весьма знаменательно, что, несмотря на просьбу судьи Димока во время процесса по пересмотру дела Флинн представить все доклады Матусоу для ФБР, имеющиеся в прокуратуре США, прокурор США Ломбард не представил судье Димоку доклады Матусоу альбукерской конторе.

² Диалог здесь взят из протокола заседания подкомитета палаты представителей.

«При рассмотрении скольких судебных дел вы использовали Матусоу?» — спросил член палаты представителей Руни.

«Его использовали в процессе над лидерами компартии, в трех процессах о фронтовиках, в процессе Флинн в Нью-Йорке, в процессе Дженкса в Техасе...»

«Следует ли нам понимать вас, — спросил этот конгрессмен, — что в течение всего этого времени вопрос о его психической неполноценности никогда не ставился перед канцелярией генерального атторнея?..»

«Насколько нам известно, сэр, — ответил Томпкинс, — не ставился... Я хочу говорить с вами откровенно. После получения тех сведений о Матусоу я не раз использовал его в качестве свидетеля... Другими словами, то медицинское заключение, насколько я знаю, совсем не отрицалось... на доверии, которым он пользовался как свидетель».

Томпкинс привел следующее заслуживающее внимания соображение: «Если мы просто станем выставять в качестве свидетелей безупречных и неподкупных людей, мы нанесем страшный удар по нашему обвинению. Обычно используют то, что больше подходит...»¹

Недель шесть спустя после этих показаний Томпкинса подкомитет палаты представителей предал гласности протоколы закрытых заседаний, на которых выступал Томпкинс. Тогда в печати появились сообщения

---

¹ 17 сентября 1957 года в журнале «Лук» была напечатана статья под заголовком «Как в действительности Соединенные Штаты ловят шпионов». Автор статьи Билл Дэвидсон рассказывал об исполнении помощником генерального атторнея Томпкинсом его обязанностей руководителя отдела министерства юстиции по вопросам внутренней безопасности следующее: «Томпкинс установил закон: никаких кричащих заголовков в газетах, никаких охот за ведьмами, никаких упущений, которые могут причинить ущерб невиновным людям».

Основываясь на интервью, взятом у Томпкинса, Дэвидсон сообщал: «Томпкинс установил систему, по которой для определения надежности все основные свидетели подвергались строгому допросу в течение нескольких дней».

Однако, судя по показаниям самого Томпкинса на подкомитете палаты представителей и показаниям ряда лжесвидетелей, которых использовало министерство юстиции в «делах по охране безопасности страны», когда Томпкинс возглавлял отдел министерства юстиции по вопросам внутренней безопасности, эти утверждения журнала «Лук», по-видимому, расходятся с действительными фактами.

о секретной докладной Федерального бюро расследований, касающейся Матусоу...

Не менее значительным фактом, чем сокрытие министерством юстиции сведений о Матусоу во время процесса Флинн, было то, что во время пересмотра дела помощник генерального атторнея Томпкинс и прокурор США Ломбард не сообщили судье Димоку этих сведений.

Вскоре было продемонстрировано, что такая сомнительная этика в практике правительственных юристов не препятствовала их политическому продвижению: президент Эйзенхауэр назначил Ломбарда на вакантное место в нью-йоркский федеральный апелляционный суд.

2. Комедийные сценки

В свете решения судьи Димока можно было ожидать, что Матусоу немедленно будет предъявлено обвинение в лжесвидетельстве на процессе Флинн. В конце концов теперь его признания в даче ложных показаний были подтверждены данными, полученными федеральным судьей.

Однако тот, кто считает, что теперь Матусоу предстанет перед судом за этот проступок, просто незнаком с методами работы министерства юстиции...

Не позднее чем через неделю после решения судьи Димока помощник генерального атторнея сообщил представителям печати, что министерство юстиции «по возможности в самом скором времени» привлечет к судебной ответственности не Матусоу по обвинению в лжесвидетельстве, а снова возбудит судебное преследование Чарни и Трахтенберга за нарушение закона Смита.

Одновременно прокуратура США в Нью-Йорке объявила, что Федеральное большое жюри будет продолжать расследование «заявления Матусоу о том, что он лжесвидетельствовал на процессе коммунистов», и вероятность того, что его подкупили коммунисты, чтобы он сделал это заявление.

Обозреватель Моррей Кемптон писал по поводу продолжающегося расследования большого жюри:

«На прошлой неделе судья Димок... назначил новое рассмотрение дел двух главных жертв его (Матусоу) показаний. Несмотря на это решение

и на тень, бросаемую им на министерство юстиции, Браунелл продолжает утверждать, что раньше Матусоу говорил правду, а теперь лжет.

Горя желанием доказать это, местное большое жури в течение нескольких недель подвергало допросу всех, кто когда-либо имел дело с Матусоу. На этой неделе оно начало вызывать людей, которые никогда не встречались с ним.

С понедельника на жури уже было вызвано и допрошено десять типографов и других специалистов, от подрядчика до печатников, занимавшихся изданием «Лжесвидетеля» Матусоу.

Они были «грешны» в том, что печатали «материал, позорящий министерство юстиции», писал Кемптон. И он добавил:

«Большое жури расточает свое время на бесполезные поиски... Но наглость этих поисков важнее их тщетности, так как преследуется цель запугать и вселить беспокойство в тех, кто занимается изданием книг...»

Одним из свидетелей, вызванных теперь на большое жури, был Харви Сатенстейн, президент «Бук крафтсмен ассошиейтс», фирмы, печатавшей «Лжесвидетеля». Вскоре после этого мы с ним встретились. «Они спрашивали, не коммунист ли я! — возмущался он. — Вы можете себе это представить? Черт возьми, как бы то ни было, какое право они имеют вытаскивать меня на эти разбирательства? И подумайте только — оторвали моих людей от работы, чтобы отвечать на их глупые вопросы! Я сказал им, что буду печатать все что мне угодно и никому не удастся помешать мне!»

Закончив допрос лиц, занимавшихся выпуском книги «Лжесвидетель», большое жури наконец приступило к допросу автора книги.

По совету Фолкнера, обращавшего внимание на то, что министерство юстиции прежде всего будет стараться предъявить Матусоу сфабрикованное обвинение и что не следует помогать им в этой попытке, Матусоу решил прибегать к Пятой поправке по всем вопросам, касающимся его книги и его письменных показаний, в которых он отрекался от своих прежних показаний.

«Это было потрясающе интересно! — рассказывал мне Харви после своего выступления на большом жюри. — Когда я отказался отвечать на какие бы то ни было вопросы о моих прежних показаниях, кто-то спросил меня, чем я зарабатываю себе на жизнь. На это я ответил, что я комик и выступаю со всякой развлекательной чепухой. Один из них поинтересовался, что это за чепуха. Тогда я показал им! В течение получаса! — Он торжествующе расхохотался, покачивая головой, словно ему самому трудно было всему этому верить. — Вы знаете мой обычный репертуар. Монологи, пародии... репертуар, который я подготовил для выступлений в ночных клубах и по телевидению. Им он тоже понравился... Они все как один смеялись... Бог мой, как жаль, что эту сцену нельзя было записать на пленку! — Он помолчал. — Я сделал им и несколько моих зверюшек из ершиков для чистки курительных трубок. Один из них был мой французский пудель. Я рассказал, что этот пудель эмигрировал в Соединенные Штаты и его вызвали на большое жюри и спросили, не пил ли он коктейли с коммунистами. Пудель отказался отвечать на вопрос на основании Восемнадцатой поправки...»

Некоторым обозревателям казалось, что сведения, сбором которых занято большое жюри, не совсем отвечали целям, поставленным перед этим расследованием.

Газета «Сан», издающаяся в Спрингфилде, штат Огайо, в своей передовой писала:

«Как сообщили газеты Манхаттана, Матусоу разыграл перед присяжными большого жюри несколько сочиненных им «комедийных сценок», а также развлекательную чепуху для ночных клубов. Газеты умалчивали о том, какое это имело отношение к разбору дела на Федеральном большом жюри, если, конечно, вообще тут можно говорить о какой-то связи. Но, вероятно, присяжные или репортеры, присутствовавшие там, умерли от смеха до того, как они смогли объяснить это...»

3. Куда дует ветер

Однако, несмотря на комическое начало выступления Матусоу на большом жюри, министерство юстиции продолжало со всей серьезностью проводить намеченную

им линию, стараясь замаять скандал, поднятый Мату-соу, и укрепить осведомительно-свидетельский аппарат, который грозил развалиться.

16 мая Федеральное большое жюри в Вашингтоне признало виновной в лжесвидетельстве бывшую свидетельницу обвинения г-жу Марию Нэтвиг, отказавшуюся от своих показаний по делу Лемба. Она была осуждена не за преступления, в которых призналась, а за то, что она якобы солгала, признаваясь. По меткому замечанию «Нью-Йорк таймс»: «На этом процессе суд не интересовался тем, что же было правдой в ее показаниях по делу г-на Лемба».

Похвалив жюри за вынесенное решение, судья Александр Гольцов приговорил г-жу Нэтвиг к восьми месяцам тюремного заключения¹.

Тем временем генеральный атторней Браунелл, явно стремясь отбить у других свидетелей обвинения охоту признаваться во лжи, представил в конгресс законопроект, по которому федеральный закон об ответственности за лжесвидетельство должен был быть пересмотрен в сторону облегчения судебного преследования свидетелей, отрекающихся от своих показаний. Министерство юстиции делало несметное количество официальных заявлений, в которых говорилось, что за растущей критикой системы использования министерством юстиции платных профессиональных свидетелей стоят «коммунисты».

«Становится все более очевидным, — заявил помощник генерального атторнея Томпкинс, — что теперешнее наступление, которое ведется против свидетелей обвинения и осведомителей Федерального бюро расследований, затеяно усилиями коммунистов...»

Это заявление было прокомментировано в передовой «Нью-Йорк таймс» следующим образом:

«Если слова г-на Томпкинса что-нибудь и означают, то их значение сводится лишь к тому, что протесты, прокатившиеся по всей стране, против неоднократного использования министерством юстиции и другими правительственными органами совершенно

---

¹ Судья Гольцов до назначения федеральным судьей работал у главы ФБР Эдгара Гувера в качестве советника по юридическим вопросам.

ненадежных платных профессиональных осведомителей, инспирированы коммунистами.

Томпкинс хочет сказать, что эти протесты организовали только коммунисты или попавшие на их удочку люди. Он предполагает, что цель этих протестов и протестов против тайного, напоминающего суд Звездной палаты¹ судопроизводства — «помешать» правительственной кампании по борьбе с подрывной деятельностью...

Трудно поверить, что один из высокопоставленных чиновников министерства юстиции высказывает предположение о том, что сомнения, которые вызывает практика современного судопроизводства, «посеяны» прокоммунистами².

Несмотря на отчаянные попытки правительства изменить течение событий, уничтожающая критика его мер «по обеспечению безопасности» и осведомительской системы принимала все более широкий размах.

Бывший посол США в Москве Джордж Ф. Кеннан в статье, опубликованной в «Кристиан реджистер», писал: «Мы уже видели, какие изменения в худшую сторону претерпевает общественная жизнь нашего народа. Вера людей в великих и выдающихся граждан систематически подрывается... Трудно определить ущерб, нанесенный нашим духовным ценностям... Над всем нашим ученым миром навис покров страха; наши библиотеки и научные учреждения вынуждены защищаться от проникновения невежд и добровольных цензоров... Мы видели, как людей учат не доверять друг другу, шпионить,

---

¹ Звездная палата — тайный гражданский и уголовный суд в Англии XVI—XVII веков. — *Прим ред.*

² В письме на имя помощника генерального атторнея Томпкинса я писал: «.. я считаю некоторые ваши публичные заявления по делу Матусоу несколько парадоксальными. Я помню, как вы пылко заверяли меня, что министерство юстиции использовало Матусоу в качестве свидетеля до того, как вы были назначены на ваш нынешний пост, помню ваше явное отвращение к той роли, которую сыграли матусоу, краучи, джонсоны и вся эта компания.. Поэтому я был несколько удивлен, когда вы одно за другим начали делать заявления относительно прошлого Матусоу, — и мне вспомнился сэр Галахад, ратовавший за правду. Однако я полагаю, что подобные высказывания появляются в результате теперешних требований правительственных учреждений и политических соображений».

рассказывать небылицы, учат поступать совершенно не так, как это свойственно американским традициям».

«Сейчас самым правильным, — заявил преподобный Джеймс А. Пайк, настоятель протестантской епископальной епархии в Нью-Йорке, — было бы проведение в конгрессе расследования системы платных осведомителей».

С каждым днем церковные группы, профсоюзы, ассоциации учителей, юристов и других профессий выдвигали все новые требования о пересмотре так называемого антиподрывного законодательства и о прекращении использования платных осведомителей-свидетелей.

В середине апреля, явно пытаясь умерить растущее недовольство, генеральный атторней Браунелл объявил, что министерство юстиции решило больше не держать штатных осведомителей-свидетелей, выступающих в роли «консультантов». Вместо ранее регулярно получаемого ими жалованья, сказал он, теперь они будут получать только за определенные виды услуг, оказываемых ими как свидетелями. Трудно, однако, было понять, насколько «сдельная оплата» услуг осведомителей-свидетелей может изменить их «производственный разряд» или сомнительную сущность их показаний...

Возможно, с точки зрения министерства юстиции самым печальным было то, что вслед за решением судьи Димока, вынесенным при пересмотре дела Флинн, в федеральных судах последовали другие судебные процессы, которые не предвещали ничего хорошего правительственной программе «по обеспечению внутренней безопасности». Все это свидетельствовало о том, что судейская корпорация осуществляла свою демократическую, гарантированную конституцией функцию по контролю над другими органами управления.

23 мая Верховный суд США отменил приговоры, вынесенные двум профсоюзным деятелям и директору-распорядителю «Дейли уоркер».

Министерство юстиции выдвинуло против них обвинение в неуважении к суду, выразившемся в отказе отвечать на вопросы, касающиеся их политических убеждений и связей, во время расследования, проводившегося комитетом конгресса. «Право проводить расследо-

вания... — заявил главный судья Эрл Уоррен, — нельзя использовать для вмешательства в личную жизнь граждан...»¹

Три недели спустя после ряда неблагоприятных решений федерального суда министерство юстиции объявило, что оно ввиду «недостаточности улик» прекращает дело против Оуэна Латтимора. Это, конечно, была самая мягкая форма признания того, что Матусоу и другие свидетели обвинения, выступавшие против Латтимора, лгали...

По делу о высылке из Соединенных Штатов федеральный судья в Лос-Анжелесе отказался признать заслуживающими доверия показания правительственного свидетеля-осведомителя, выступавшего в качестве «эксперта» по коммунизму.

«Здесь суд, — сказал судья. — И я не стану принимать во внимание его мнение об учении коммунистической партии. Я не стану принимать во внимание также мнение таких экспертов с громким именем, как Поль Крауч, Луис Буденц, Харви Матусоу...»

В решении окружного апелляционного суда США указывалось, что моряки и портовые грузчики, «засаженные за решетку» прибрежной охраной не без помощи анонимных осведомителей, были лишены предоставляемых им конституцией прав. В этом решении задавался следующий вопрос: «Является ли система секретных осведомителей, шептунов и сплетников настолько жизненно важной для общественного благосостояния, чтобы стоило сохранять ее, лишая граждан самой элементарной правовой защиты, традиционно связанной с принципом должного судебного разбирательства?»

И когда министерству юстиции и без того приходилось туго, еще один правительственный осведомитель, Дэвид Браун, нашел подходящим этот момент для признания в том, что он имел обыкновение лгать, когда был тайным агентом ФБР.

На заседании Федерального управления по контролю за подрывной деятельностью Браун, бывший организатор

---

¹ Этими профсоюзными деятелями были секретарь-казначей Объединенного профсоюза электриков и рабочих радио- и машиностроительной промышленности Джулиус Эмспак и служащий этого же профсоюза Томас Куинн. Директором-распорядителем «Дейли уоркер» был Филипп Барт.

Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности, экс-секретарь Конгресса по защите гражданских прав в Лос-Анжелесе, признался, что, будучи в течение четырех лет осведомителем ФБР, он неоднократно фальсифицировал списки «подрывных элементов», которые он прилагал к своим докладам для ФБР.

«Вы когда-нибудь включали в эти списки имена людей, которых вы не знали?» — спросили его, когда он давал свидетельские показания.

«Да, очень часто, — ответил он. — Я выбирал имена наугад — сотни имен, ничего мне не говорящих».

«И сейчас вы признаетесь, что лгали ФБР?»

«Я лгал в течение всего времени, когда был связан с ФБР, с 1950 года по январь 1955, — сказал Браун. — За это ФБР мне и платило деньги»¹.

---

¹ Этот диалог взят из материалов прессы, посвященных выступлению Брауна на заседании Федерального управления по контролю за подрывной деятельностью.

ВТОРОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ С БОЛЬШИМ ЖЮРИ

1. Снова большое жури

В начале июня меня снова вызвали в Нью-Йорк на большое жури. С момента моего последнего выступления перед жури прошло четыре месяца. Погода тогда стояла суровая и холодная. Ревели бури. Теперь в городе наступили теплые дни, в парках сидели влюбленные, на улицах дети играли в бейсбол. Однако в комнате, где заседало большое жури, не произошло почти никаких перемен. Атмосфера там, в сущности, была заметно холоднее, чем раньше.

Следовало ожидать противоположного. Судья Димок подтвердил, что Матусоу лгал на процессе Флинн и что никто его не подкупал, чтобы он отрекся от своих показаний. Таким образом, можно было бы предполагать, что жури отнесется с меньшей подозрительностью к издателям книги Матусоу и, возможно, даже признает, что они помогли раскрыть факты рассматриваемого дела. Но в течение почти четырех месяцев присяжные находились под заботливой опекой министерства юстиции. И если раньше присяжные относились к министерству со страхом и благоговением, то теперь они считали себя его фактическим придатком. И стоило посмотреть на решение судьи Димока с их точки зрения, как оно представляло собой уже не защиту правды, а скорее весьма досадное осложнение, мешающее им доказать существование коммунистического заговора против министерства юстиции.

Теперь в качестве адвоката комитета выступал помощник прокурора США Томас Болен. Это был

русоволосый молодой человек, державшийся с большим достоинством. С деловым видом он принялся выполнять свои обязанности, методически задавая мне вопросы. Молчаливое внимание, с которым присяжные слушали его вопросы, свидетельствовало о том, что он оказывал на них явное влияние. Таким же явным было предубеждение, с которым они относились к моим ответам.

В начале моего допроса произошел инцидент, метко характеризовавший атмосферу, царившую в комнате жюри.

Неожиданно один из присяжных громко и раздраженно обратился к старшине: «Велите, пожалуйста, свидетелю прекратить делать заметки у себя в блокноте», — сказал он.

«Г-н Кан, перестаньте делать заметки», — заявил старшина повелительным тоном.

Я ответил, что делаю заметки для того, чтобы использовать их потом, когда буду обсуждать свои показания с юристом, и что во время моих предыдущих выступлений на этом жюри никто не возражал против этого.

«Тогда мы были слишком снисходительны, — огрызнулся старшина. — Мы позволяли вам даже произносить речи... Времена меняются». И старшина тоже изменился. Раньше робость брала у него верх над угодливостью. Но за прошедшее время занимаемое им положение дало ему почувствовать вкус власти.

Однако в частых взглядах, которые он бросал на Болен, ища его одобрения, сквозило свойственное ему от природы раболепие.

Я сказал, что не буду больше отвечать на вопросы, до тех пор пока судья не решит, имею ли я право делать заметки.

И снова мы с присяжными повторили, словно кадр из старого фильма, сценку, которую мы несколько раз разыгрывали в начале февраля. С серьезным выражением лица слушал судья, перед которым мы теперь предстали, как Болен с возмущением рассказывал о том, что я постоянно нарушал процедуру разбирательства, проводимого жюри, и теперь пытаюсь диктовать условия, при которых соглашаюсь давать показания. С ловкостью искусного фокусника Болен превратил мои небольшие заметки в огромный подробный журнал.

Судья сделал мне выговор за то, что я мешаю расследованию, приказал мне с этого момента исполнять предписания старшины, касающиеся заметок в блокноте, и, запахнувши свою черную мантию, гордо вышел из зала судебного заседания с выражением оскорбленного величия...

Однако я не могу с полным основанием утверждать, что лишение меня возможности делать заметки во время дальнейшего моего допроса нанесло мне большой вред. В сущности, ничего не произошло такого, что стоило бы записывать.

После четырех утомительно долго тянувшихся дней Болену не удалось обнаружить несуществующее несоответствие в моих прошлых показаниях и доказать мою причастность к призрачному заговору. На улице соблазнительно сияло солнце. Сквозь открытое окно дул легкий ветерок. В комнату проникало навевающее сон тепло. Иногда залетала случайная муха. Назойливо пожужжав, она спешила вылететь на свежий воздух, словно не могла выносить эту однообразную обстановку. Шел час за часом. Болен монотонно задавал свои вопросы, а присяжные кивали головами. Они с трудом сдерживали зевету. И время от времени то один, то другой из них погружался в дремоту...

Я не мог не посочувствовать им. У меня по крайней мере это тяжелое испытание скукой должно было довольно-таки скоро кончиться. А кто знает, сколько оно будет длиться у них?

На обсуждение дела Матусоу они уже затратили больше времени, чем в 1787 году потребовалось Федеральному конвенту на то, чтобы выработать конституцию Соединенных Штатов.

Несмотря на это, вопросы, которые они время от времени задавали, говорили о том, что они были не ближе к истине, чем в начале расследования. Может быть, все они, за некоторым исключением, были даже дальше от нее. По крайней мере раньше их разум казался менее затемнен дезинформацией, мифами и ошибочными представлениями.

За прошедшие месяцы, вместо того чтобы разобратся в сущности дела, они под усердным руководством министерства юстиции накопили массу предубеждений и подготовились к тому, чтобы встретить

в штыки все, что не укладывалось в рамки их теперешних представлений.

Все это несколько пугало и наводило на грустные размышления. Ведь в своей массе эти присяжные были простыми, честными людьми, которые открыто осуждали несправедливость и хотели служить благородному делу. В сущности, они отражали настроения и представления большей части населения страны и служили ярким доказательством того, как разум стольких людей может быть затемнен измышлениями бюрократии... Я подумал, что мне, может быть, удастся раскрыть присяжным глаза на правду, если попытаться действовать неожиданно. Я выждал благоприятный, как мне казалось, момент и заявил: «У меня есть основания считать, что министерство юстиции скрывает от членов большого жюри важные сведения и пытается обвинить меня в преступлении, которого я не совершал. Иначе говоря, я считаю, что министерство юстиции пытается засудить меня».

Члены жюри забеспокоились, заговорили.

Болен сделал единственное, что ему оставалось в данной ситуации. «Сколько времени понадобится вам, г-н Кан, — холодно спросил он, — чтобы рассказать членам жюри, какие факты скрывают от них?»

Я сказал, что некоторые из них могу назвать в течение нескольких минут. И я напомнил жюри, что, выступая перед ними в начале февраля, я подал докладную записку, в которой предложил министерству юстиции представить для ознакомления жюри некоторые данные из архивов министерства. «Если вы проверите, вы увидите, что в докладной, среди документов, которые я перечислил, указаны доклады Матусоу для ФБР, а также досье, подготовленные юристами министерства перед началом процесса, на основании которых судья Димок доказал, что Матусоу лгал на процессе Флинн. Непредубежденные юристы, желавшие установить в этом деле истину, вели бы расследование тем же путем, что и судья Димок. Чиновники министерства предоставили бы в ваше распоряжение весь этот материал, и тогда вы, быть может, пришли бы к тем же выводам, что и этот судья».

«А откуда вам известно, г-н Кан, — спросил Болен, — что министерство не предоставило членам жюри этот материал?»

«Вот как? Так оно их предоставило?»

Болен предпочел не отвечать на этот вопрос.

Однако сам факт его разговора со мной напомнил членам жюри, кому принадлежал решающий голос.

Один из них с нескрываемым сарказмом сказал: «Очевидно, вы с г-ном Камероном гордитесь тем, что вы сделали».

«Да, полагаю, вы можете так считать. Мы гордимся изданием книги Матусоу, так как считаем, что она принесла настоящую пользу нашему обществу. Кроме того, мы довольны, что в результате отречения Матусоу от ложных показаний два человека, несправедливо посаженные в тюрьму, теперь освобождены».

Как ни грустно, но не нашлось ни одного члена жюри, который захотел бы разделить мое мнение. Возможно, этого и следовало ожидать.

В целом это представляло собой живой предметный урок того, до какой степени может быть обманут человек. Возможно, поэтому второе столкновение с большим жюри произвело на меня такое удручающее впечатление.

Тем не менее во всем этом были моменты, смягчающие это впечатление. Как ни странно, одним из таких моментов оказалось знакомство с молодым правительственным юристом Томасом Боленом.

2. Дилемма Болен

В отличие от большинства его коллег по прокуратуре США помощник прокурора Болен не был назначен на занимаемую им должность по протекции высокопоставленных чинов. Он, в сущности, был склонен смотреть с некоторым презрением на тех молодых правительственных атторнеев, которые были обязаны своим назначением текущим счетам в банке и связям отцов в Вашингтоне. Стоило только познакомиться с ним, как он не без гордости обязательно рассказывал о том, что происходит из большой бедной ирландо-американской семьи, изучал право на вечернем отделении и закончил учебу с высшей наградой. У него был быстрый, цепкий ум, рвение человека, твердо верящего в свое дело, и

спокойная сдержанность, не свойственная человеку его возраста: ему было немногим больше тридцати.

Однако, несмотря на всю самоуверенность, некоторые вещи, казалось, иногда приводили Болену в недоумение. Например, однажды в разговоре со мной он выпалил: «Скажите, г-н Кан, — вы действительно считаете, что этого Солседо убили агенты министерства юстиции, как вы сказали в суде у Димока?»

Если в Болене было что-то интересовавшее меня, то и во мне он находил то, что возбуждало его любопытство. Поэтому, словно по молчаливому согласию, мы с ним во время ряда длительных и, возможно, не совсем обычных бесед, происходивших за стенами жюри, стали внимательно изучать друг друга.

Если из наших разговоров я узнал о Болене больше, чем он обо мне, это произошло не потому, что я пытался что-то скрыть от него. А просто потому, что ему было труднее понять меня.

Наш первый разговор с ним завязал я, когда мы случайно встретились в приемной после заседания большого жюри.

«Мне бы хотелось задать вам вопрос несколько личного характера», — обратился я к нему.

«Какой же, г-н Кан?»

«Я собираюсь написать книгу обо всем, что касается дела Матусоу. Поэтому вы интересуете меня не только как адвокат правительства, допрашивающий меня, но также как персонаж моей книги. Есть один вопрос, имеющий к вам отношение, который меня смущает».

Мысль попасть в книгу, пусть даже написанную мной, очевидно, пришлась Болену по вкусу. Улыбаясь, он спросил: «И что же вас смущает?»

«Мне кажется, вы человек с определенными принципами. Так вот, как вы можете спокойно относиться к мысли работать вместе с теми дегенератами и лгунами, которых министерство юстиции нанимает в качестве осведомителей?»

Он отнесся к вопросу совершенно спокойно. «Вы хотите сказать, — заметил он, — что всех без исключения осведомителей вы считаете никуда не годными? А что бы вы сказали о немце, который во время второй мировой войны разочаровался бы в Гитлере и начал давать информацию американской и русской разведке?»

Ответ был для него типичен: гладкий, умно построенный, внушающий доверие и внешне искренний, но на самом деле глубоко казуистический.

В тот день мы проговорили с ним в течение нескольких часов, затронув большой круг вопросов, начиная от процедуры большого жюри, кончая вопросами международных отношений. И из того, что говорил Болен, все более ясно вырисовывался его характер. Путеводной звездой его философии было повиновение властям независимо от того, было ли это министерство юстиции, армия или церковь. Законы устанавливаются не для того, чтобы их исследовать, а для того, чтобы им повиноваться, а догмы существуют не для того, чтобы в них сомневаться, а чтобы неуклонно им следовать. Тот, кто послушно подчинялся властям, был положительным человеком и патриотом. Тот, кто сомневался и сопротивлялся им, будь то агностик, сектант, либерал или радикал, в конечном итоге был подрывным элементом. Более того, он не только относился к властям с почтением, но и считал себя их преданным слугой.

В свете этого нетрудно понять чувствительность Болен к неодобрению министерства или правительства.

«Не кажется ли вам, — сказал он во время одной из наших непринужденных бесед, — что в своей книге «Измена родине» вы слишком односторонне и огульно критикуете министерство юстиции... Мне бы хотелось в качестве примера объективного изложения материала рекомендовать одну книгу. Она называется «Маккарти и его враги». Фамилия автора — Уильям Ф. Бакли...»

Я уже был знаком с творениями этого плодовитого молодого писателя, воображавшего себя многообещающим теоретиком, пропагандирующим применение чрезвычайных мер. И если я все-таки прочел его скучный труд о сенаторе Маккарти, то сделал это не для того, чтобы больше узнать о взглядах Бакли, а для лучшего понимания Болен. Кроме того, что эта книга являлась страстной апологией Маккарти, она прямо защищала применение тоталитарных мер в Соединенных Штатах. Весьма характерным в этой связи был следующий отрывок:

«...серьезным недостатком традиционной программы по проверке лояльности и обеспечению безопасности является приверженность к квазиза-

конной процедуре. Это ведет к нежелательным факторам... которые отвлекают трибунал от единственной задачи, стоящей перед ним, независимо от того, какое рассматривается дело, — задачи защищать национальные интересы... в данном случае справедливость не является главной целью».

В другом месте в книге слово «соглашательство» рассматривалось «как положительное для характеристики основных ценностей высокоцивилизованного общества... Я говорю о подчинении в том смысле, в каком за него выступает маккартизм...»

Когда я показал Болену эти и другие такие же отрывки из книги, он стал решительно защищать эти положения.

«Печать очень несправедлива к Маккарти, — сказал он. — Возможно, некоторые из его методов заслуживают критики... Но его борьба против коммунизма, несомненно, достойна высокой оценки».

Я спросил его, почему он считает коммунизм таким опасным. «У нас население свыше ста семидесяти миллионов, а, согласно данным Д. Эдгара Гувера, в Америке около двадцати тысяч коммунистов».

«Как раз самое время разбить их, пока они слабы. Ведь не станете же вы ждать, пока ваш враг настолько окрепнет, что сможет захватить власть; не правда ли?»

«А не кажется ли вам, что в своих усилиях разбить их вы разрушаете ту самую демократию, которую, по вашим словам, вы защищаете?»

Он пожал плечами. «На этот риск надо идти». Затем, скорее с любопытством, чем враждебно, он спросил: «А не думаете ли вы, что Россия — тоже угроза, а?»

Я сказал, что никакая другая страна не понесла таких огромных потерь во время второй мировой войны, и я не могу себе представить, чтобы ее народ хотел новой войны.

«Моя семья, — сказал он, — не могла бы существовать при коммунизме, г-н Кан. Мы католики».

Тогда я спросил его, не думает ли он, что его семье угрожает другая опасность. «Если будет атомная война, ваши дети, так же как и мои, вероятно, погибнут... А как иначе может быть сохранен мир, если мы не сумеем наладить отношения с Россией?»

«Они не хотят налаживать с нами отношения. Они рассматривают нас, как своих врагов, так же как и мы знаем, что они наши враги...»

Как-то раз, непринужденно болтая с Боленом, я сказал: «У меня в связи с делом Матусоу нет никаких сложностей, а вот перед вами оно ставит настоящую дилемму».

«Что же это за дилемма?»

«Подумайте, как бы ни обернулось расследование, проводимое большим жури, я получаю определенные преимущества. Если мне не предъявят обвинение, я смогу продолжать работу над книгой. Но допустим, мне предъявили обвинение и даже посадили в тюрьму — у меня будет еще больше материала для книги. У вас же совершенно иная ситуация. Обвинив меня, вы получите повышение в должности, но для этого вам придется засудить меня. А если вы предъявите обвинение Матусоу, то, как убедитесь сами, вы предъявите ему обвинение не за то, что он сделал, а за то, чего он не делал... Вот в чем ваша дилемма. Чтобы получить повышение, вы должны будете пожертвовать своими принципами; в то же время, следуя своим принципам, вы помешаете своей карьере».

Он опустил голову. «Моя работа заключается только в том, чтобы узнать правду».

«Давайте предположим, что министерство юстиции знало, что Матусоу лжец, когда оно использовало его в качестве свидетеля. Можете вы представить себе, что вы превратите это следствие в расследование деятельности вашего начальства?»

«Решения принимает жури, состоящее из двадцати трех мужчин и женщин... Я там присутствую только для того, чтобы помогать. Если они сочтут необходимым, они сами утверждают обвинительный акт. Меня даже не будет в комнате, когда они будут голосовать по этому вопросу».

«Вы знаете, что большинство из них находится у вас в руках. Взять, к примеру, старшину; он едва смеет дышать без вашего разрешения».

Болен не смог подавить довольную, застенчивую улыбку. «Это верно, — сказал он, как бы оправдываясь, — правительственный атторней может оказывать серьезное влияние на большое жури...»

«Не было сделано ни одной настоящей попытки установить, виновно ли министерство юстиции в противозаконных действиях, когда оно использовало Матусоу. Хотя следовало ожидать, что именно это будет одной из главных целей расследования большого жюри».

«Почему вы считаете, что это одна из основных его целей?»

«Это сказал Браунелл».

Болен был искренне удивлен.

«Я не припоминаю ни одного подобного заявления».

«Как раз в самом начале расследования он сказал представителю печати, что большое жюри расследует, была ли со стороны чиновников министерства юстиции допущена какая-либо преступная халатность. У меня есть вырезки из газет».

«Мне бы хотелось прочесть их».

На следующее утро я послал по почте вырезки из газет...

В признании Болен, что он даже не знал об обязательстве Браунелла, не было ничего неправдоподобного. Это было равносильно его признанию, что большому жюри не удалось выполнить якобы одну из главных функций и что заявление генерального атторнея было чистым лицемерием...

Это была отнюдь не единственная неосторожность, проявленная Боленом во время наших разговоров.

Однажды он предложил мне прочесть последнюю докладную записку, которую министерство юстиции направило судье Димоку в противовес просьбе о пересмотре дела Флинн. «Может быть, это даст вам возможность увидеть другую сторону медали», — сказал он, беря из стопки один из экземпляров докладной записки и вручая его мне.

Примерно через день, когда я собрался прочесть этот документ, я обнаружил, что Болен ошибся и дал мне экземпляр со сделанными от руки пометками на полях.

Одна из самых красноречивых пометок была сделана в докладной против места, где говорилось именно о том времени, когда правительственные атторнеи готовили Матусоу к даче показаний. Это место гла-

«Во время подготовки Матусоу к даче показаний на процессе ни у одного из юристов, ответственных за эту подготовку, не было каких-либо оснований считать, что он тогда говорил неправду».

На полях около заявления было написано: «Этому трудно поверить».

Почерк был очень похож на почерк Боленя.

3. Странная интермедия

Однажды вечером в начале июня ко мне на квартиру в Кротоне позвонил Харви. «Вы можете перенести удар?» — спросил он. В его голосе чувствовалось необычное ликование.

«Что такое?»

«Берт, — сказал он, — я женюсь».

«Когда, черт побери, все это случилось?»

Он засмеялся. «Я знал, что вы удивитесь. Я знаком с ней несколько месяцев, Берт. Она замечательный человек, действительно замечательный! Вы увидите. Ее зовут Элен. Конечно, нам хочется, чтобы вы с Рьет были на свадьбе. Нам хочется, чтобы вы были шафером... Кстати, Берт, можете вы сделать мне одолжение? Мы хотим, чтобы все было по еврейским обычаям. Вы можете порекомендовать нам раввина?»

Я позвонил одному раввину, которого давно знал, и спросил его не совершил ли он брачную церемонию.

«Вы имеете в виду того самого Харви Матусоу?» — спросил он с удивлением.

«Именно его».

«Так, значит, он женится, да? Кто бы мог подумать! Конечно, я с радостью все сделаю. — И добавил весело. — Кто знает, может быть, это как раз то, в чем он нуждается...»

Мои собственные чувства в связи с этим были противоречивыми. С одной стороны, я был склонен разделять мнение раввина, что женитьба была как раз то, чего недоставало Харви. Имея в виду те трудности и борьбу, которые, несомненно, ему предстояли еще, он мог, конечно, только выиграть от чувства привязанности и постоянства, которые, может быть, ему и принесет его собственный семейный очаг. Но все, конечно, зависело от того, как сложится этот брак.

И я не мог удержаться, чтобы не подумать о том, сколько браков могло бы выдержать такие сложные испытания, которые, по всей вероятности, стояли на пути этого брака. Гораздо легче было понять желание Харви жениться, чем чье-либо рвение выйти за него замуж. Не говоря уже о его грязном прошлом, печальная известность все еще следовала за ним по пятам и над его головой висела угроза тюремного заключения. Что это за человек, решившийся разделить с Харви его неопределенное будущее?

Примерно через день по настоятельному приглашению Харви мы с Риет отправились в Нью-Йорк, чтобы позавтракать с ним и его невестой. Это была стройная, приятной наружности молодая женщина со спокойной манерой держаться, в которой странным образом сочетались холодная сдержанность и робкая застенчивость. В течение всего времени, пока мы сидели за столом, она была настолько же молчалива, насколько Харви боллив. Время от времени она поглядывала на нас с Риет с едва заметной загадочной улыбкой, а Харви возбужденно следил за всеми нами троими, стараясь угадать, какие у нас сложилось друг о друге первое впечатление...

Харви с гордостью заявил нам, что Элен — талантливая художница. Она была замужем и у нее шестилетняя дочь Джудит. Обе они сразу же переедут к нему. Правда, будет немного тесновато, но, пока они не подыщут чего-нибудь получше, придется жить там...

«Но ведь я даже не рассказал вам, как мы встретились! — воскликнул он. — Вы только послушайте, это настоящий анекдот. В течение некоторого времени я провожал в школу девочку моего друга. Случилось так, что и Джудит ходит в ту же школу. Однажды Элен увидела меня там и узнала, так как видела мои фотографии в газетах. Тогда она пошла к директору школы и сказала, что ей кажется, что мое появление на территории школы окажет плохое влияние на детей. Затем оказалось, что мать девочки, которую я провожал, подруга Элен, и она представила нас друг другу. — Он весело засмеялся. — Ну, как вам нравится такое начало романа?»

Пока он продолжал возбужденно болтать, я понял, что никогда раньше не видел его таким непосредствен-

ным и по-настоящему непринужденным. Казалось, что внезапно, по крайней мере в данный момент, вся искусственность покинула его. В его экспансии не было навязчивости, и он не силился быть остроумным. Не раз он начинал говорить, путался, останавливался на полуслове. «Кажется, я все перепутал», — говорил он с глупой усмешкой...

После завтрака он отвел меня в сторону. «Берт, — начал он, запинаясь, — как бы это лучше сказать... так вот, мне бы хотелось, чтобы вы поговорили с Элен кое о чем...»

Он старался подыскать нужные слова. «Послушайте... а, черт, вы поймете... Существует одна вещь, которая меня беспокоит. Это касается друзей Элен. Она прогрессивно настроенный человек, и большинство из ее друзей тоже. Как они отнесутся к ее браку со мной? Бог мой, Берт, вы же знаете, как они относятся к ...» — он не мог заставить себя произнести слово «осведомитель».

На следующее утро я получил письмо от Харви:

«Дорогой Берт,

сегодня, как всегда, я получил большое удовольствие, позавтракав вместе с вами и Риет. Во время завтрака я заметил, что вы чем-то угнетены. Вы сказали, что думаете о своей книге и что вы всегда так выглядите, когда обдумываете книгу и т. д. и т. д. Возможно, это и так. Но мне все же кажется, что вы чем-то угнетены...

Сегодня вы опять говорили о большом жури и о возможности утверждения обвинительного акта. Если такой обвинительный акт будет утвержден, я хочу в этом письме откровенно высказать все, до того как это произойдет. Я хочу, чтобы наша дружба, не испорченная и не запятнанная ложью и недоверием, продолжалась, как и прежде. Мне не следует об этом говорить, вы и без того знаете, что я никогда вас не подведу.

Вы больше, чем кто-либо другой, заставили меня осознать, что я еще могу стать человеком. Но вы еще сделали для меня и более важное. Вы открыли мне свои бесценные сокровища. Вы ввели меня в свой дом и дали мне возможность близко познакомиться с вашей изумительной женой и мальчиками. Все эти дары и сокровища за прошедшие

семь месяцев привели к тому, что в ближайший понедельник произойдет важное событие в моей жизни — я женюсь на Элен. Это было бы невозможно, если бы вы не научили меня жить в мире с самим собой. Я считаю вас своим самым близким другом...

Совість заставила меня рассказать правду... Но вы оказали мне доверие, которое заставило меня послушаться своей совести. За все это вам пришлось многим поплатиться. О, я знаю, вы и выиграли многое. Но в связи со всем этим вы не смогли переехать в Калифорнию и т. д. и т. д.

Я сейчас перескакиваю с одной мысли на другую. Главное, что я собирался сказать, когда начал письмо, это **спасибо**. Элен также благодарит вас.

Харви».

Свадьба состоялась в нашем помещении в отеле «Челси».

«Помните, как я не хотел здесь работать вначале, потому что он напоминал мое прошлое, — сказал Харви. — Ну что ж, теперь благодаря книге и всему остальному, полагаю, я буду связывать воспоминания об этом здании с моим будущим...»

Единственным гостем на свадьбе, кроме Ангуса, Риет и меня, был приятель Элен, высокий сосредоточенный молодой человек, которому, казалось, было не по себе, и он почти ни с кем не разговаривал.

Харви с растерянным видом, но безупречно одетый (на нем был черный костюм и белоснежная рубашка) бегал взад и вперед между кухонькой и комнатой, разнося закуски. Элен, очень хорошенькая в золотистом платье из органди, напряженно сидела в большом кресле, рассеянно следя за Харви. Все ждали раввина. Джудит вертелась около матери. Это был хрупкий ребенок с оливковой кожей и темными, полными муки глазами. Время от времени она прижималась к матери и причитала: «Я не хочу, чтобы ты выходила замуж! Мне не нужно папы!»

Наконец раввин прибыл и церемония началась. С деловым видом раввин начал нараспев что-то говорить по-древнееврейски, время от времени объясняя смысл

сказанного. По его приказанию Элен и Харви выпили вина из одного стакана.

Новобрачные обнялись, а Джудит прижалась к юбке матери и заплакала...

Рыдания маленькой девочки казались печальным символом. Свадьбу обычно празднуют с ближайшими друзьями. Но сколько друзей мог пригласить этот жених? И кто из друзей невесты захотел бы на ней присутствовать? Прошлое нельзя стереть, словно мел со школьной доски. Незванное и нежеланное, оно проникло в эту комнату, отравляя настоящее и омрачая будущее.

Позднее я пошел навестить родителей Харви в их табачном киоске. Г-жа Матусоу старалась не обижаться на то, что ее не пригласили на свадьбу. «Харви хотелось, чтобы было как можно меньше людей, — сказала она. — Он считал, что если мы с отцом придем, то нужно будет приглашать других родственников, — она на минуту отвлеклась, чтобы отпустить посетителю пачку сигарет. — Как бы то ни было, Харви счастлив. Это главное. Знаете, я уже много лет не видела его таким счастливым. С самого его детства. Недавно они с Элен пробыли у нас почти целый день. Она, кажется, милая девочка, — г-жа Матусоу замолчала и вздохнула. — На какие средства Харви собирается содержать семью? И чем кончится расследование в большом жури?»

Через месяц после свадьбы был получен ответ на вопрос его матери с большим жури.

13 июля большое жури предъявило Харви обвинение в шестикратной даче ложных показаний. Но в этом обвинении не указывалось ни на один случай, который касался бы той лжи, которую он говорил как свидетель обвинения на процессе Флинн. Обвинение, выдвинутое против него, было построено только на том, что он солгал, обличив Роя Кона в том, что тот склонил его к даче ложных показаний...

В то же самое время большое жури, к всеобщему удивлению, утвердило обвинительный акт против двух юрисконсультов, обслуживавших редакцию журнала «Нейшн», и помощника издателя. Юрисконсульты из «Нейшн» были обвинены в лжесвидетельстве и заговоре с целью помешать правосудию, якобы фальсифицировав

докладную, касающуюся их встреч с Матусоу. Помощник издателя был обвинен в том, что он помешал правосудию, изъяв якобы из архивов «Нейшн» переписку Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности, имеющую отношение к Матусоу. Журнал характеризовал эти обвинительные акты как попытку министерства юстиции «облить грязью и заставить замолчать издание, которое играло ведущую роль в борьбе против использования политических осведомителей»¹.

О том, что министерство юстиции собиралось и дальше заставлять молчать критиков правительственной системы осведомителей-свидетелей, говорила следующая заметка, опубликованная в «Нью-Йорк таймс»:

«Главный помощник прокурора США Ллойд Макмагон... сказал, что расследование, проводимое большим жюри, имеющее целью раскрыть заговор, участники которого заставили Матусоу дать под присягой письменные показания, «еще не закончено». Это расследование началось 8 февраля.

Межнациональный профсоюз рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности сделал предварительный заказ на книгу Матусоу «Лжесвидетель», внося издателям Камерону и Кану задаток в тысячу долларов. Г-н Макмагон сказал, что это произошло до того, как издатели предложили Матусоу написать эту книгу».

Заявление Макмагона было подкупающе искренним. Оно не оставляло сомнений в том, что в данном случае задачей большого жюри было расследование не фактов использования правительством Матусоу в качестве лжесвидетеля, а скорее расследование выдвинутого правительством обвинения Матусоу в том, что он, будучи подкупленным, отрекся от своих прежних показаний. Нельзя обвинить Макмагона и в том, что он недостаточно ясно показал в своем заявлении, что министерство юстиции все еще питает надежду обвинить меня и Ангуса в заговоре.

---

¹ Заслуживает внимания тот факт, что в апреле 1954 года журнал «Нейшн» напечатал большую статью юриста Фрэнка Д. Доннера под заглавием «Осведомитель». Это было первое явное разоблачение правительственной системы осведомителей-свидетелей, которое появилось в печати.

ПО СТРАНЕ

1. Ура! На Запад!

Когда наступало лето и занятия в школе кончались, наша семья по заведенному обычаю залезала в машину, битком набитую всякой всячиной: чемоданами, рыболовными снастями, продуктами, спортивными принадлежностями — и направлялась отдыхать на Запад. В середине мая, за несколько недель до отъезда, вытаскивались карты и начинались жаркие споры относительно того, куда отправиться, в каких местах побывать. В этом году наши обсуждения были иного характера. С одной стороны, мы вообще сомневались в том, удастся ли нам поехать отдыхать. Я все еще был связан повесткой большого жюри, и со дня на день мне могли предъявить обвинение. Ясно, что быть арестованным во время путешествия с семьей по стране было не совсем приятно. Вместо того чтобы, как обычно, составлять список отелей, в которых мы собирались останавливаться в пути, мы с Риет вспоминали людей, к которым мы в случае нужды могли бы обратиться за деньгами для внесения за меня залога.

Не без оснований Стивена, Тимми и Брайана все больше беспокоило влияние, оказываемое делом Мату-соу на жизнь нашей семьи. Стивен выразил свою точку зрения следующим образом: «Хорошо, из-за Харви мы отложим поездку на Запад, но все-таки разве мы не можем просто отдохнуть!»

В последние дни июля мальчики добились своего. В конце концов, до каких же пор можно позволять властям портить нам жизнь и мешать наслаждаться ее

скромными радостями. Будь что будет, обвинят меня или нет, мы все-таки поедem в Калифорнию и там подыщем себе подходящее место для жилья, чтобы потом переселиться туда, даже если сделать это мы сможем нескоро.

То обстоятельство, что во время поездки я мог бы сочетать полезное с приятным, облегчало принятие этого решения: прогрессивные организации ряда городов Запада и Среднего Запада просили меня прочесть лекции о деле Матусоу.

Итак, в середине июля наша семья отправилась в свое путешествие на Запад, снабдив верного Фолкнера расписанием нашего маршрута на каждый день, чтобы ему легче было разыскать нас в случае моего осуждения.

Немногие лекарства, излечивающие душевную усталость и улучшающие моральное состояние, могут сравниться с автомобильной поездкой по огромным просторам Соединенных Штатов. Проехать семьсот миль по штатам Нью-Джерси, Пенсильвания и Огайо по шоссе, которое тянется через леса, холмистые луга и туннели, прорезающие горы; пересечь Великую равнину, проехав мимо неоглядных полей пшеницы, мимо обширнейших залитых солнцем пастбищ; неожиданно выехать к мощной стене Скалистых гор и подниматься по горам между их величественными заснеженными вершинами; спуститься к широко раскинувшейся по другую сторону гор равнине, где дорога суживается и почти пропадает; пробираться по непроторенным дорогам, по бесплодным пустыням и степям, окрашенным в самые разнообразные тона; переправляться через высокие Сьерры и попасть в благоухающие цитрусовые рощи долины Сакраменто и, наконец, неожиданно выехать на такое место, откуда открывается вид на мерцающий вдали Сан-Франциско, белой волной спускающийся по холмам к берегу Тихого океана, — это тонизирующее средство, которое проясняет зрение, расставляет все по своим местам и вливает новые силы.

По мере того как открывается величие земли, начинаешь понимать, насколько мелки интриги политиканов, рвущихся к власти, садистов-инквизиторов, обнаглевших бюрократов и всей лилипутской свиты ортодоксов. Это происходит не потому, что сам человек по сравнению

с необъятным миром кажется маленьким. Наоборот, истинное величие человека особенно вырисовывается на фоне этого сравнения. Всюду в стране мы видим отпечаток его удивительного искусства, разнообразные продукты деятельности его ума и рук, чудесные планы, которые он претворяет в жизнь. Всюду мы видим, что, как бы ни была велика земля, человек больше; и какие бы препятствия ни преграждали его путь, он в конечном итоге преодолеет их.

И в то лето я увидел другие, новые доказательства решимости человека добиться действительно достойного образа жизни.

Холодная война, казалось, наконец пошла на убыль. Главы правительств четырех великих держав собрались в Женеве, чтобы выработать мирные решения спорных вопросов, которые раздирали мир почти десятилетие. Президент Эйзенхауэр, обращаясь к возбужденной толпе, приветствовавшей его на вашингтонском аэродроме по возвращении из Европы, сказал: «В мире появились признаки нового дружелюбия...»

С ярким проявлением этого нового дружелюбия мы встретились во время путешествия на Запад. Наш приезд в Айову совпал с прибытием туда советских специалистов сельского хозяйства, приехавших в Америку по приглашению газеты «Де-Мойн реджистер». Все городские и провинциальные газеты штата Айова печатали передовые, полные выражения доброй воли по отношению к гостям из России, помещали фотографии приемов, устраиваемых в их честь, целые полосы посвящали подробным отчетом об их посещении заводов и фермерских хозяйств.

В одном городе владелец маленькой лавочки показал нам фотографию из газеты, на которой были сняты четверо мужчин без пиджаков, идущие по улице. «Двое из них русские, а двое — наши ребята, — сказал он. — Отгадайте, кто из них кто... — он довольно улыбнулся. — Конечно, это невозможно. Русские точно такие, как мы с вами».

Год назад подобные события показались бы невероятными. Даже сейчас в них было трудно поверить. Они напоминали наш союз с Россией во время войны...

Чувствовалось ослабление напряженности. Люди всюду с большей откровенностью высказывали свое

мнение. Было так, словно после долгой суровой зимы демократия просыпалась от зимней спячки.

«Мы стоим на пороге великого народного противодействия, — писал Уолтер Липпман в одной из своих очередных статей, — господству истерии и демагогии, беззакония и жестокой несправедливости, тому, что мы совершенно правильно называем маккартизмом...»

К несчастью, на сей раз Липпман оказался чрезмерно оптимистичен. Трудно было надеяться на «великое народное противодействие», потому что не существовало великого народного движения, которое могло бы поддержать его. Годы холодной войны не прошли даром. Мощные демократические силы, сплотившиеся под знаменем Нового курса, были сейчас развеяны по ветру. Трагедия сложившейся обстановки заключалась в том, что в момент, когда крепость реакции была готова пасть, налицо не было прогрессивных сил, чтобы взять эту крепость штурмом.

Правда, подавляющее большинство народа хотело мира и устало от напряженности существующей обстановки и от того, какой ценой приходилось расплачиваться за холодную войну, но далеко не все готовы были расстаться с тем временным процветанием, которое несла с собой гонка вооружений. Среди тех, кто утверждал, что предприятия закроются без военных заказов, находились не только крупные промышленники. То же самое можно было услышать от деятелей профсоюзов.

Несмотря на то, что разговор о мирном сосуществовании частично вытеснил пророчества об ужасах, которые несет с собой война, все же военные расходы подскочили, а школьники во время учебной тревоги атомного нападения продолжали ползать под партами. И хотя лихорадка маккартизма значительно спала, федеральные расследования по проверке лояльности и обеспечению «национальной безопасности» все еще продолжались.

Противоречий и парадоксов было хоть отбавляй, надежды сочетались со зловещей и загадочной неопределенностью — никто не знал, как будут развиваться события.

На различных собраниях, на которых мне приходилось выступать во время поездки, легко можно было заметить эту двойственность переживаемого момента.

На каждом собрании то и дело заходил разговор о недавних обвинениях, выдвинутых на основе закона Смита, преследованиях и обвинительных приговорах и одновременно всегда говорилось о развертывании инициативы на местах.

«С того момента как Матусоу признался в ложности своих показаний, здесь многое изменилось, — сказал мне председательствовавший на собрании в Детройте, на котором я выступал. — Прежде всего надо сказать, что в газетах гораздо больше стали писать о правах, гарантированных конституцией, в особенности о свободе слова...»

Однако именно в Детройте нельзя было совершенно беспрепятственно пользоваться этим правом. Об этом свидетельствовало последовавшее затем сообщение «Федерейтид пресс», в котором говорилось:

«Двести пятьдесят человек, присутствовавшие на приеме, недавно устроенном Мичиганским комитетом защиты прав американцев, родившихся за границей, не знали, что детройтская полиция записывала на пленку каждое слово... Хозяева зала, в котором происходил прием, разрешили подслушивать транслировавшиеся по радио речи и записывать на пленку выступление приглашенного на прием издателя и писателя Альберта Кана...

Присутствующие не знали, что в доме напротив была установлена фотокамера и каждый выходящий из зала, где происходил прием, фотографировался. Это было дело рук полиции».

Те же противоречия можно было наблюдать и в Чикаго. Там я выступал на митинге, устроенном Менделем Тэрманом, процветающим бизнесменом и филантропом, который в течение ряда лет был неизменным и неутомимым участником многих прогрессивных начинаний. В качестве примера изменения политического климата Тэрман привел решение чикагского апелляционного суда, которым приговор о высылке из Соединенных Штатов отменялся на том основании, что показания единственного свидетеля против подсудимого осведомителя — Мэттью Цветича — были «маловероятными и неправдоподобными». Однако недавно с самим Тэрманом произошел случай, который вселял менее радужные надежды. Его вызвали на сенатский подкомитет по вопросам

внутренней безопасности и настойчиво расспрашивали о финансовой помощи, которую в 1953 году он оказал издательскому предприятию «Камерон энд Кан».

Через день после его явки на подкомитет страховая фирма отказала Тэрману в большой ссуде на постройку частного госпиталя. Основанием для отказа, как прямо заявили представители фирмы, послужил «вызов Тэрмана на сенатский подкомитет».

Подъезжая к Грейт Дивайд, мы слышали по радио ободряющие новости: федеральный судья прекратил судебные дела по обвинению в неуважении к конгрессу, возбужденные против писателя и педагога Корлиса Ламонта, юриста Авраама Ангера и инженера Альберта Шадовица. Всем им было предъявлено обвинение в том, что они отказывались отвечать на вопросы маккартистского комитета, ссылаясь на Первую поправку. В день нашего приезда на Западное побережье федеральный судья в Сан-Франциско прекратил судебное дело о денатурализации, возбужденное против профсоюзного лидера Гарри Бриджеса министерством юстиции, которое уже в течение двенадцати лет пыталось выслать его за пределы Соединенных Штатов. Вынося решение по делу Бриджеса, судья серьезно упрекал правительство за использование свидетелей-осведомителей, чьи показания он охарактеризовал как «полностью лишённые оснований... несостоятельные... неправдоподобные...»

«Этим летом в нашей стране произошло много событий, — писал Мюррей Кемптон в статье, посвященной делу Бриджеса, — и я думаю, что большинству из них мы обязаны Харви Матусоу. Теперь все почувствовали, что судьи больше не доверяют министерству юстиции. Какой бы свидетель ни пришел в суд... судья видит в нем Харви Матусоу. Этот человек, словно призрак... присутствует в каждом зале судебных заседаний нашей страны... Пока жива память о Харви Матусоу, всякий раз, когда правительство выставит своего очередного свидетеля, судья будет явно питать к нему отвращение».

«Если подвести итог событиям последнего времени, — писал бывший профессор Феннского колледжа

Хейман Лумер в памфлете, озаглавленном «Профессиональный осведомитель», — то станет ясно, что недоверие к профессиональному свидетелю стало испытывать все большее число людей. И это произошло не просто потому, что некоего Матусоу, по-видимому, мучили угрызения совести. В основном это произошло потому, что с ослаблением международной напряженности и ростом перспектив мирного сосуществования на людей гораздо меньше впечатления стала производить антикоммунистическая истерия»¹.

2. По следам ФБР

Когда в конце августа мы покинули побережье Тихого океана и направились домой, различные по своему характеру мотивы заставили нас свернуть с главного направления и заехать в Таос, старинный красивый испанский город в северной части штата Нью-Мексико, похожий на драгоценный камень, окруженный кольцом гор.

Во-первых, мы хотели повидаться с друзьями в деревушке Сан-Кристобал. Во-вторых, я слышал, что представители министерства юстиции в течение последних месяцев несколько раз побывали в Таосе, отыскивая доказательства существования конспиративных отношений

---

¹ Чрезвычайно большое значение для событий, происходивших в стране, имела удивительная перемена, происшедшая с бывшим сенатором Гарри Каином, одним из ставленников Маккарти, за которых Матусоу вел предвыборную агитацию осенью 1952 года.

После поражения, которое потерпел Каин на выборах, президент Эйзенхауэр в 1953 году назначил его в Управление по контролю за подрывной деятельностью. Под влиянием личных наблюдений за тем, какими ужасными эксцессами сопровождалось проведение в жизнь правительственной программы по обеспечению внутренней безопасности, политические взгляды Каина в корне изменились, и в 1955 году он начал ставить администрацию в затруднительное положение, резко критикуя в публичных заявлениях методы осуществления программы по обеспечению внутренней безопасности.

В начале 1955 года Каин сделал одно из самых удивительных заявлений, исходивших когда-нибудь от какого-либо видного американского политического деятеля со времени начала холодной войны. Это была статья, напечатанная в журнале «Коронет» под заглавием «Я больше не могу молчать».

В ней Каин рассказывал, как однажды, слушая речь сенатора Маккарти, он вдруг вспомнил, что подобную речь он слышал в Германии в 1935 году. Ее произносил Гитлер. «Теперь здесь, в Соединенных Штатах... — писал он, — прозвучал тот же дикий

между Матусоу и издательством «Камерон энд Кан», до того как он уехал из Таоса осенью прошлого года. И я подумал, что, быть может, эти правительственные агенты и оставили какие-нибудь заметные следы своих махинаций.

Конечно, подобного рода операции ФБР, как правило, окутывает покров глубокой тайны. Но в таком крошечном городке, как Таос, проникнуть под этот покров будет несложно. Я считал, что не составит большого труда узнать, у кого из жителей побывали гуверовские молодчики. И если ФБР расспрашивало этих людей о нас, тем легче нам теперь обратиться к ним с расспросами о ФБР.

Прибыв в Таос, мы поехали в Сан-Кристобал навещать прежних хозяев ранчо Крейга и Дженни Винсент. Это ранчо, славившееся тем, что там одинаково радушно принимали гостей любого цвета кожи и любых убеждений, больше не принадлежало Винсентам. Таково было одно из последствий ложных показаний, данных Матусоу в качестве профессионального свидетеля. На различных разбирательствах, проводимых конгрессом или судами, он утверждал, что ранчо является «местом тайных свиданий» коммунистов и

призыв к ненависти. Такие же вещи говорились и в конгрессе, появлялись в речах правительственных деятелей, в газетах, в выступлениях по радио. И я почувствовал, как краска стыда заливает мое лицо. Ведь я тоже принадлежу к их числу. Когда я был сенатором Соединенных Штатов, я не задумываясь кричал об угрозе коммунистического проникновения и призывал к чрезвычайным мерам... В ту ночь... я в ужасе спросил самого себя: «Боже мой, что же с нами произошло? Куда мы идем?»

«Преувеличенный страх перед коммунистическим проникновением, — продолжал Каин, — стал в Соединенных Штатах бедствием. Этот страх разрушил жизни многих рядовых честных людей, которые в отдельных случаях были осуждены на основании злобных слухов, грязной лжи и показаний профессиональных свидетелей. Эти жертвы увольнялись с работы, их доброе имя опорочивали. Этот страх мешал научным исследованиям. Он развязал руки садистам, начавшим преследовать служащих правительственных учреждений... Он изгонял учителей из аудиторий, рабочих оборонных предприятий из цехов. Он превратил в пародию американское правосудие, которое захлестнула волна мероприятий по обеспечению безопасности страны, коснувшихся каждого десятого гражданина Соединенных Штатов».

За смелое и принципиальное выступление против инквизиции осенью 1956 года Каина вывели из Управления по контролю за подрывной деятельностью.

«советских агентов». Сенсационные заголовки в газетах сделали свое дело. И вскоре Винсенты были вынуждены продать ранчо, — постояльцы сюда больше не заглядывали.

Супруги Винсент были не такими людьми, чтобы приходить в отчаяние от подобной потери. С помощью друзей и соседей Крейг энергично взялся за строительство нового дома, а Дженни, талантливая певица, с энтузиазмом рассказывала нам о своих планах записать на пленку испано-американские народные песни...

На мой вопрос, не слышали ли они о визите агентов ФБР в Таос, Винсенты ответили утвердительно. Они посоветовали нам, к кому еще мы могли бы обратиться для получения дополнительных сведений об этом.

Действия агентов ФБР вызвали в Таосе переполох. Как сказал мне, качая головой, один из местных лавочников: «Да, они тут все вверх дном перевернули!»

Однако тщательные поиски агентов ФБР привели к прямо противоположным результатам, чем те, которые они желали бы получить.

Вместо того чтобы обнаружить улики, свидетельствующие о том, что Матусоу перед своим отъездом в Нью-Йорк в октябре месяце тайком получил деньги от Профсоюза рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности или от фирмы «Камерон энд Кан», они добыли важные доказательства, раскрывающие мошеннический характер этой версии. И это их открытие по одной причине было в особенности примечательно. На всех последующих судебных разбирательствах дела Матусоу министерство юстиции не только скрыло от судей и присяжных то, что узнало ФБР в Таосе, но и пыталось убедить их в совершенно противоположном...

Среди людей, которых расспрашивали агенты ФБР, было двое, которые виделись с Матусоу во время его краткого пребывания в Таосе, вероятно, больше, чем кто-либо другой. Это были: г-жа Рут Фиш, секретарь гостиницы «Чембер оф Коммерс» и местный корреспондент Ассошиэйтед Пресс, а также «толстобрюхий» Прайс, бывший наездник, заправлявший теперь делами агентства по недвижимому имуществу.

И г-же Фиш и «толстобрюхому» Прайсу было известно, что в то время, когда Матусоу жил в Таосе, он не только не располагал какими бы то ни было деньгами — у него и копейки не было за душой.

«Но он, казалось, не слишком беспокоился об этом, — сказала мне г-жа Фиш, интересная, энергичная женщина. — Он был чем-то возбужден, все время говорил о сборе материала для телевизионного представления, о своих планах написать книгу. Он сказал, что, по-видимому, он нашел издателя...»

Г-жа Фиш рассказала мне, что все это она сообщила представителям министерства юстиции, когда они ее расспрашивали.

«И как же они на это реагировали?» — спросил я.

«Я не могу сказать, что это произвело на них какое-то впечатление. Они говорили, что профсоюз горняков и плавильщиков дал Матусоу какие-то деньги...»

Она полистала книгу регистрации постояльцев «Чембер оф Коммерс» и вручила ее мне. Страница, на которой она открыла книгу, была датирована 22 октября 1954 года, тем именно днем, когда Матусоу в первый раз позвонил мне. На странице была нацарапана его подпись.

«Я до сих пор никак не могу понять, — продолжала она задумчиво, — почему правительство верило всей той лжи, которую сочинял Матусоу о ранчо Винсентов. Здесь у нас люди не принимали его рассказы всерьез...»

Тот факт, что во время пребывания в Таосе Матусоу испытывал тяжелые финансовые затруднения, подтвердил и «толстобрюхий» Прайс. Это был маленький мужчина с обветренным лицом, в ковбойских сапогах и черной ковбойской шляпе, которую он, сидя за своей конторкой, имел обыкновение сдвигать на затылок.

«Конечно, у Харви не было денег, — сказал Прайс. — Ни копейки. Он мне звонил перед своим приездом... мы познакомились, когда он бывал на ранчо у Винсентов. Он спросил, нельзя ли ему ночевать у меня в конторе. Я ответил: пожалуйста, ключ на старом месте». Прайс указал на ключ, висевший на видном месте на гвозде, вбитом с наружной стороны входной двери его конторы. «Все, кому надо, могут использовать мою контору. Знаете, кое-кто из парней иногда заложит слиш-

ком много за воротник, и им нужно проспать, прежде чем они смогут явиться к себе домой...»

Он раскрутил тонкую коричневатую сигарету и сунул ее в уголок рта... «Харви раз десять обращался ко мне за деньгами, когда был здесь. Это ничего. Ему они были нужнее, чем мне. Он продал свой велосипед для внесения платы за комнату в гостинице».

Я поинтересовался, говорил ли ему что-нибудь Харви о написании книги.

«Конечно. Говорил, что из Нью-Йорка ему звонил издатель и именно к нему он собирался отправиться».

Я спросил Прайса, сообщил ли он обо всем этом правительственным агентам, расспрашивавшим его.

«Да, черт возьми...» — ответил он.

Нетрудно было понять, почему ни г-жа Фиш, ни «толстобрюхий» Прайс не были вызваны министерством юстиции в качестве свидетелей на какое-либо из разбирательств, проводившихся большим жури или судом по делу Матусоу. Их показания только опровергли бы утверждение правительства, что Матусоу был подкуплен перед приездом в Нью-Йорк, и подтвердили бы наш рассказ о том, как мы завязали с ним отношения.

Поэтому министерство юстиции выискала в Таосе свидетеля, более подходившего для их целей. Это был Райли Тейнтор, бывший профессиональный игрок, состоявший на учете в полиции, который послушно заявил в своих показаниях на судебных заседаниях в Нью-Йорке и Эль-Пасо, что Матусоу показывал ему «пачку денег в тысячу долларов» и сказал ему, что он получил их от своих будущих издателей.

Я спросил Прайса, что он думает о показаниях Тейнтора. Прайс усмехнулся. «Черт возьми, — сказал он, — всем известна репутация Тейнтора. Если понадобится, можете ссылаться на меня».

Тейнтор перед отъездом из Таоса говорил знакомым, что он все равно собирался поехать в Нью-Йорк.

«Таким образом, эта поездка ему ничего не стоила», — сказал Прайс.

3. Конец года

Осенью Элен и Харви переехали на новую квартиру. Она была более просторной и солнечной, чем прежняя, хотя и требовала капитального ремонта. Харви

с энтузиазмом принялся отскабливать полы, красить стены, оклеивать потолки. Он очень гордился всеми этими улучшениями, а также вещами, которые он смастерил сам: книжными полками, рабочим столом для Элен и столиком для занятий и полками для игрушек Джудит, большим шкафом для хранения припасов...

Я вспомнил время, когда год назад он устраивался в своей квартире в Гринвидж-Виллидж. Но, если тогда все его усилия казались мне тщетными попытками создать видимость жилья, теперь я чувствовал, что он занят устройством настоящего семейного очага.

Он признался мне, что никогда раньше не был так счастлив. «Жизнь — замечательная штука, — сказал он. — Конечно, не все идет как по маслу. Я хочу сказать, что мы с Элен не обольщаемся насчет того, что ожидает нас в будущем. Мы знаем, что по всей вероятности мне придется сесть за решетку. Но мы оба готовы к этому и в соответствии с этим строим наши планы». Особое удовлетворение доставляли ему складывавшиеся у него отношения с дочерью Элен Джудит.

«Мне это по-настоящему приятно. Знаете, она уже считает меня своим отцом».

В семейной жизни Харви беспокоило только одно. «Мне нужно найти постоянную работу, — сказал он. — У меня теперь есть жена и ребенок. Мне нужно заработать столько, чтобы расплатиться по всем счетам, связанным с судебными делами, и чтобы оставить что-то Элен и Джудит, если мне все-таки придется сесть в тюрьму...»

Но найти работу было не так-то просто. Сперва, когда он искал работу через специальные агентства по найму и по объявлениям в Нью-Йорк таймс», ему сразу отказывали, как только узнавали, что он Харви Матусоу. «Иногда, — рассказывал он, — они начинали расспрашивать меня даже после того, как узнавали, кто я, и отказывали мне. Просто из любопытства, я думаю. Им хотелось посмотреть на такое «чудо» и, может быть, потом, сидя за коктейлем, использовать встречу со мной в качестве темы для разговора».

И вот, нанимаясь на работу, он стал прибегать к псевдониму. «Мне это не нравится, — говорил он. — Я считаю, что люди должны знать, кто я, если они

собираются брать меня на работу. Но я вынужден идти на это, ничего не поделаешь».

Наконец он получил работу по распространению энциклопедии «Британника». Вскоре он ликующе заявил: «Они сказали, что я самый лучший из коммивояжеров, которые у них когда-либо были!»

Он решил сказать им свое настоящее имя.

Вскоре после этого его попросили оставить работу.

В конце года газеты снова привлекли всеобщее внимание к имени Матусоу.

31 декабря, почти девять месяцев спустя после окончания разбора дела Матусоу, сенатский подкомитет по вопросам внутренней безопасности опубликовал наконец на 104 страницах отчет о результатах расследования.

Этот отчет, несколько загадочно озаглавленный «Стратегия и тактика мирового коммунизма, — значение дела Матусоу», не вызвал большого удивления, так как члены подкомитета с самого начала расследования не скрывали, к каким выводам они придут.

В соответствии с отчетом отречение Матусоу представляло собой

«...результат коллективного коммунистического заговора с целью дискредитации свидетелей обвинения, министерства юстиции, судов, ФБР, исследовательских комитетов конгресса, чтобы таким образом помешать преследованию и расследованию коммунистического заговора».

В докладе говорилось, что, кроме этих далеко идущих замыслов внутри страны, этот план преследовал и международную цель «раздуть проводимую Кремлем антиамериканскую кампанию в холодной войне».

«Теперь ясно, что «Лжесвидетель»... является постыдной попыткой дезорганизовать... народы всего мира. Целью этой попытки, очевидно, является оказать помощь и поддержку коммунистическому заговору, направленному против свободы человечества».

Сенатский подкомитет утверждал, что этот заговор был «выношен... Натаном Уиттом, Альбертом Каном и другими». Одиннадцать страниц отчета были разбиты на разделы с такими интригующими шапками, как: «Кто

такой Альберт Кан?», «Кан — литературный сторожевой пес Матусоу» и «Коммунисты — друзья Кана». В них комментировались мои произведения и моя работа в различных организациях по защите гражданских прав и борьбе за мир. Есть основания считать, высказывал свое мнение подкомитет, что вдобавок к тому, что я был «просоветским пропагандистом», я был советским «шпионом и разведчиком»¹.

Среди содержащихся в отчете многочисленных примеров освещения в ложном свете фактов самым вопиющим примером было освещение судебных разбирательств, проводившихся по делу Матусоу. В этом отчете приводились длинные цитаты из решения судьи Томасона, которым Дженксу было отказано в направлении дела на новое рассмотрение и которое изображало отречение Матусоу от его показаний как часть коммунистического заговора. В то же время во всем отчете не было никаких упоминаний о заключениях, сделанных судьей Димоком по делу Флинн, подтверждающих противоположную точку зрения. Только в сноске, состоящей из одного предложения и напечатанной микроскопически мелким шрифтом, было единственное упоминание о решении судьи Димока. В этой фразе говорилось, что дело одного из подсудимых в процессе над Флинн должно было быть рассмотрено вновь. (Очевидно, авторы отчета не могли заста-

---

¹ В качестве «доказательства» моих международных связей доклад подкомитета опирался на тот факт, что бывший советский служащий, некий Игорь Богополев, заявил на подкомитете под присягой, что моя книга «Великий заговор» была в действительности написана работниками «советского министерства иностранных дел в то время, когда он (Богополев) работал там». «Я сам, — сказал Богополев на подкомитете, — видел рукопись этой книги на русском языке перед ее отправкой в Нью-Йорк».

В докладе подкомитета не сочли нужным указать, что в соответствии с показаниями самого Богополева он дезертировал из Красной Армии в 1942 году, присоединился к нацистам и стал сотрудником геббельсовского министерства пропаганды. Не говорилось в докладе и о том, что «Великий заговор» был издан в Соединенных Штатах четыре года спустя после перехода Богополева к нацистам, в 1946 году, и что значительная часть книги касалась событий, происшедших именно в этот период. Следовательно, чтобы показания Богополева оказались правдой, нужно, чтобы мнимый советский автор «Великого заговора» был бы не только писателем-призраком, но и ясновидящим.

вить себя признаться, что в действительности дело должно было быть пересмотрено в отношении двух подсудимых.)

В заключение комитет рекомендовал министерству юстиции предъявить обвинение «Матусоу, Уитту, Кану и другим в заговоре с целью помешать правосудию...»

Примечательно, что один из членов комитета, сенатор Хеннингс, отказался подписать этот отчет. Как он заявил представителям печати, этот отчет был выпущен без его ведома и ему не была предоставлена возможность высказать свое несогласие с этим документом.

Отчет сенатского подкомитета был выпущен с некоторым опозданием, но все же своевременно. И если бы публикация его была отложена еще на месяц, значительная часть отчета подверглась бы исправлению.

27 января Пятый окружной апелляционный суд единогласно отменил приговор, вынесенный Матусоу судьей Томасоном по делу о неуважении к суду в связи с заявлением Дженкса о пересмотре дела ¹.

---

¹ В том же месяце произошло событие, имевшее косвенное отношение к делу Матусоу.

Это был процесс, начатый по пятому обвинительному акту, утвержденному Федеральным большим жури Нью-Йорка, которое все еще упорно продолжало свою работу. В этом обвинительном акте говорилось, что частный сыщик и бывший офицер разведки Поль Хьюз, «добровольно сотрудничавший» с комитетом Маккарти, дал ложные показания, выступая перед большим жури. Согласно данным прокуратуры США, в этих показаниях Хьюз рассказал о нескольких видных либералах, якобы подкупивших его, чтобы он подделал документы, на основании которых можно было бы обвинить Маккарти. Кроме того, он заявил, что эти же люди были вовлечены в интриги вокруг сбора денег для издания книги Матусоу.

Этот обвинительный акт явился большой неожиданностью и привел всех в недоумение. Трудно было понять причины, по которым министерство юстиции решило преследовать в судебном порядке этого таинственного авантюриста Хьюза. Если он действительно работал на Маккарти, его осуждение как лжесвидетеля послужило бы только дальнейшему упрочению дурной славы сенатора. И как бы похвально это ни было, такая линия никак не вязалась с основной ориентацией, которой придерживалось министерство юстиции.

По-моему, министерство юстиции, подвергавшееся серьезной критике за пристрастность в деле Матусоу, решило, что судебное

преследование маккартиста произведет хорошее впечатление на общественное мнение. Ангус думал иначе. «Вы увидите, — сказал он, — что, когда этот субъект Хьюз предстанет пред судом, все обернется таким образом, что Маккарти выйдет из всего этого победителем».

Предсказание Ангуса в точности сбылось.

На последовавшем затем процессе, который неумело вели прокурор США Поль Уильямс и помощник прокурора Томас Болен, с Хьюза было снято обвинение в лжесвидетельстве, хотя было совершенно ясно, что он лгал перед большим жури, а представители обвинения и защиты охарактеризовали его «низкой, продажной и корыстной личностью», а также «странным, склонным к обману человеком».

Процесс над Хьюзом произвел такое впечатление, будто Хьюз действительно говорил правду, утверждая, что либералы устроили заговор с целью оклеветать Маккарти и оказать финансовую помощь Матусоу.

«Я очень доволен, — заявил сенатор Маккарти, — результатами этого процесса».

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

1. Процесс откладывается

Так обстояли дела спустя год после того, как отречение Матусоу от показаний впервые попало в заголовки американских газет. Против тех правительственных чиновников, которые неоднократно использовали ложные показания Матусоу, не было принято никаких мер и, очевидно, не предполагалось их принимать. Двое подсудимых по делу Флинн, обвинительные приговоры против которых, вынесенные на основании закона Смита, были отменены, по всей вероятности, снова должны были предстать перед судом по тому же обвинению. Апелляционный суд, отменивший приговор Матусоу за неуважение к суду, оставил в силе решение судьи Томасона, которым Дженксу было отказано в пересмотре дела. И теперь Дженкс подал апелляцию в Верховный суд. Сам Харви спустя семь месяцев после предъявления ему обвинения в том, что он солгал, отрекшись от своих показаний, все еще ожидал суда.

Хотя нельзя сказать, что в течение последнего года у Матусоу и министерства юстиции были основания для какого-либо соглашения, отсрочка судебного процесса, как ни парадоксально, по-видимому, устраивала обе стороны.

С нашей точки зрения, время работало на Харви. Чем дальше откладывался процесс, тем больше, казалось, было шансов на вынесение справедливого приговора.

«Падение г-на Маккарти, — говорилось в передовой «Нью-Йорк таймс», — служит признаком того... что американский народ постепенно обретает равновесие...»

Самым благоприятным признаком изменения обстановки была все более ясная позиция Верховного суда по основным конституционным вопросам.

Вместе с тем с каждым новым фактом разоблачения использования министерством юстиции лжесвидетелей вероятность понимания присяжными того, что некоторые правительственные юристы, возможно, и подстрекали свидетелей к даче ложных показаний, увеличивалась¹.

Стремление министерства юстиции отложить процесс Матусоу, естественно, имело другие основания. Пока у них еще были надежды поживиться чем-нибудь получше, они предпочитали не судить Матусоу за то, что он якобы солгал относительно участия Роя Кона в фабрикации ложных показаний. Больше всего им хотелось предъявить обвинения в заговоре, целью которого было подкупить Матусоу, чтобы он отрекся от своих показаний.

«Имеются серьезные причины, по которым правительство не настаивает на скорейшем проведении процесса... — чистосердечно говорил федеральному судье помощник прокурора США Болен в связи с делом Матусоу. — Большое жюри, предъявившее ему обвинение, проводит расследование, чтобы наряду с другими фак-

---

¹ Пожалуй, самым важным разоблачением правительственных лжесвидетелей-осведомителей было признание Элизабет Бентли, относительно склонности которой ко лжи Матусоу говорил в своих показаниях на сенатском подкомитете по вопросам внутренней безопасности весной 1955 года.

Ни одни показания свидетелей обвинения не рекламировались так широко, как показания мисс Бентли, заявившей, что она «занималась шпионажем» в пользу Советского Союза, и в ряде своих выступлений со свидетельского места назвавшей «коммунистами» и участниками «русского шпионского окружения» несколько десятков бывших официальных лиц правительства Рузвельта. Среди наиболее видных людей, обвиненных мисс Бентли, был Уильям Генри Тейлор, бывший экономист министерства финансов.

В конце 1955 года адвокат Тейлора, бывший конгрессмен Байрон Скотт, опубликовал дело на 107 страницах, где подробно перечислялись доказательства того, что мисс Бентли неоднократно в своих показаниях, как в устной, так и в письменной форме, да-

тами установить, существовал ли заговор, целью которого было заставить его дать ложные показания. Весьма возможно, что обвинительный акт в отношении Матусоу и других обвиняемых будет утвержден... процесс над Матусоу по названному обвинительному акту надо было бы провести до процесса по обвинению в даче ложных показаний».

Однако к весне 1956 года, после того как отряды агентов ФБР в течение нескольких месяцев в поисках нитей заговора тщетно обрыскали всю страну, министерство юстиции, казалось, наконец оставило надежду предъявить обвинение в тайном сговоре и стало требовать немедленного процесса над Матусоу по обвинению в лжесвидетельстве.

В середине апреля Фолкнер и Болен явились в суд, чтобы обсудить все «за» и «против», имеющие непосредственное отношение к процессу.

Фолкнер утверждал, что немедленное проведение процесса может оказаться пагубным для Матусоу. Недавний сенатский отчет, приписывающий Матусоу причастность к «коммунистическому заговору», сказал он, был широко популяризирован и с легкостью мог оказать косвенное влияние на жюри. Более того, сейчас в Нью-Йорке правительство готовит на основе закона Смита процесс шести лидеров коммунистической партии, включая Чарни и Трахтенберга. Одновременное

вала ложные показания. Вскоре после этого Вашингтонский отдел по проверке лояльности снял с Тейлора все обвинения в нелояльности. Полное оправдание Тейлора, заявил его адвокат, не только подтвердило, что мисс Бентли давала ложные показания, но также «поставило ряд острых вопросов перед генеральным атторнеем Браунеллом и директором ФБР Д. Эдгаром Гувером, так как оба они недвусмысленно одобряли ее деятельность».

Нельзя забыть, что в марте 1951 года, выступая свидетелем обвинения на процессе о шпионской деятельности Этель и Джулиуса Розенбергов, мисс Бентли дала показания, которые помогли посадить Розенбергов на электрический стул и вынести приговор Мортону Собеллу, по которому он был осужден к тридцати годам тюремного заключения (Другими не внушающими доверия свидетелями, выставленными против Розенбергов и Собелла, были Гарри Голд, признавшийся, что он имел обыкновение давать ложные показания, Дэвид Грингласс, который, по словам его жены, «имел склонность к истерии» и «часто мог говорить то, чего не было на самом деле», и Макс Элитчер, сам признавшийся, что был лжесвидетелем.)

проведение этого процесса с процессом Матусоу может причинить вред подсудимым по обоим делам.

Болен публично объявил: «Правительство было бы очень обеспокоено дальнейшей отсрочкой начала процесса над Матусоу... Матусоу под присягой обвинил министерство юстиции в нечестности и недобросовестности... Его заявления... используются коммунистической партией в пропагандистских целях не только в нашей стране, но и во всем мире».

О том, что представление Болен о коммунистической пропаганде было несколько нелепым, свидетельствовала его ссылка на «типично неблагоприятное освещение позиции правительства», данное в заявлениях, сделанных в «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк геральд трибюн», «Харперз мэгэзин» и в «Сатердэй ревью оф литерачур»...

Аргументация Болен не произвела впечатления на судью, которому было поручено это дело. Если правительство могло столько ждать суда над Матусоу, сухо заметил он, оно может подождать еще немного. Он постановил, что процесс над Матусоу не будет начат до тех пор, пока не закончится рассмотрение дела обвиняемых на основе закона Смита.

Две недели спустя, 30 апреля, Верховный суд США оставил в силе решение, которое было показательным для хода политических событий того времени и имело прямое отношение к делу Матусоу. Этот высший судебный орган признал недействительным приказ Управления по контролю за подрывной деятельностью, по которому коммунистическая партия была занесена министерством юстиции в список организаций, «находящихся под контролем Москвы». Суд отметил, что существуют доказательства того, что данные Управления, по всей вероятности, в какой-то степени были основаны на «порочных показаниях» трех свидетелей обвинения, обвиненных в лжесвидетельстве. Среди этих трех свидетелей был назван Харви Матусоу.

Когда после этого решения Верховного суда я позвонил Харви, он мне сказал: «Я знаю, вы собираетесь поздравить меня с тем, что я снова разоблачен как лжец».

«Нет, — ответил я. — Я поздравляю вас, так как решение суда подтверждает, что вы говорили правду».

Он ничего не ответил и, немного помолчав, произнес: «А знаете, Берт, что я вам скажу? Я бы просто хотел больше никогда не видеть имя Харви Матусоу в печати...»

В то время я не часто виделся с Харви. Каждый из нас был очень занят своими собственными делами.

Хотя в Нью-Йорке большое жюри и продолжало втихомолку свои заседания и все еще существовала опасность, что они ухитрятся предъявить мне обвинение, мы с Рьет решили не откладывать наш переезд в Калифорнию. Мы продали свой дом в Кротоне и были поглощены множеством забот, связанных с переселением.

Харви все еще упорно пытался найти постоянную работу. Одно место он потерял, когда кто-то, по его словам, «донес о том, что он бывший осведомитель». Не без горечи он рассказывал мне: «Это был парень, который считал себя либералом. Он бы сказал вам, что он против составления черных списков, а сам внес меня в этот список. Быть может, в этом есть своеобразная справедливость. Но он, видите ли, унизился до таких вещей, которые я сам когда-то имел обыкновение делать...»

Одно событие, однако, очень подбодрило Харви. Он продал право на производство изобретенной им детской игрушки — «беспружинного йо-йо», прославившегося на заседании сенатского комитета. «Это всего лишь игрушка, — сказал он, — но, боже мой, это что-то, что я сам придумал и сам сделал. Знаете, это одна из первых вещей, которые я действительно смастерил своими собственными руками». Большая часть денег, полученных за игрушку, заявил он с гордостью, пошла на уплату судебных расходов.

«Как бы я хотел, чтобы этот проклятый процесс уже был позади, — добавил он. — Эта неопределенность начинает меня угнетать...»

В конце июня, за день или за два до нашего отъезда в Калифорнию, Харви в последний раз навестил нас в Кротоне. Странно молчаливый, бродил он по почти пустому дому, лениво оглядывая мебель, составленную в одно место и подготовленную для погрузки, упакованные тюки, груды ящиков с книгами.

«Я буду скучать без всех вас, Берт, — сказал он. — Хотел бы я знать, когда мы снова встретимся».

Случилось так, что вскоре мы опять с ним увиделись. Не прошло и двух месяцев, я возвратился, чтобы присутствовать на процессе Харви.

2. Cul de Sac ¹

В последние дни сентября 1956 года, спустя двенадцать месяцев, в течение которых шли разбирательства в федеральных судах, расследования на большом жюри, заседания комитетов конгресса, а ФБР рыскало по всей стране в поисках нужных ему доказательств, начался наконец в здании федерального суда в Нью-Йорке процесс над Матусоу.

Рассматриваемое судом преступление, конечно, не было одним из тех, в совершении которых он признавался во многих своих письменных показаниях, данных под присягой, показаниях, данных в суде и сенате, и в книге «Лжесвидетель». Ему никогда не предъявляли обвинения в том, что он давал ложные показания, когда выступал свидетелем обвинения, в том, что он помогал отправлять людей в тюрьму, в составлении черных списков и в опорочивании доброго имени многих граждан. Вместо этого закон в своем могуществе выступил сейчас против него, так как он якобы солгал, когда, признаваясь в своих преступлениях, обвинил Роя Кона в том, что тот убедил его дать ложные показания. Это немного было похоже на то, как если бы шофера, после того как он сбил прохожего и скрылся, обвинили в замусоривании и без того грязной улицы.

Однако хотя были причины для сомнений в обоснованности предъявленного Харви обвинения, вряд ли можно было отрицать вероятность того, что он будет признан виновным. «Юридические» доказательства были явно против него. Дело заключалось не только в том, что он говорил против Роя Кона. Утверждение Кона, что он никогда не пытался оказывать влияние на показания Матусоу, подтвердили четверо других юристов министерства юстиции и агент ФБР, принимавшие участие в подготовке дела Флинн. И совершенно очевидно, что

---

¹ Cul de Sac (франц.) — тупик.

любое жюри, состоящее из двенадцати обыкновенных граждан, скорее поверит слову шести представителей правительства, нежели слову одного небезызвестного лжесвидетеля, самого признавшегося во лжи.

Время от времени мы с Ангусом обсуждали с Харви тактику его поведения во время защиты. И хотя в юридических вопросах мы были дилетантами, мы не могли удержаться от того, чтобы не высказать все свои соображения Фолкнеру, который, к его чести, терпеливо нас выслушивал.

Свое мнение я изложил в записке, которую вручил Фолкнеру перед отъездом в Калифорнию. В ней говорилось:

«Мне кажется, что существует один-единственный способ выиграть это дело. Суд над Матусоу нужно превратить в суд над министерством юстиции.

Нужно показать, что, когда министерство юстиции использовало Матусоу в деле Флинн, чиновники министерства знали, что на показания Матусоу совершенно нельзя полагаться. Им уже было известно, что он давал ложные показания перед комитетом конгресса. А во время подготовки его к даче свидетельских показаний он обнаружил явную склонность ко лжи.

Прокуроры, готовые положиться на показания такого человека, едва ли испытывают угрызения совести, убеждая этого человека дать новые ложные показания. *Что, в конце концов, является более беспринципным: склонность к лжесвидетельству или сознательное подсовывание закоренелого лжеца в качестве заслуживающего доверия свидетеля?*

Есть достаточно доказательств, что во время процесса над Флинн министерство юстиции знало об истинном характере Матусоу. Как указывал Димок, между его показаниями на процессе и его докладами для ФБР и разговорами, которые он вел перед процессом с правительственными юристами, существовали вопиющие противоречия. На заседаниях комитетов конгресса он говорил очевидную ложь.

В секретной докладной записке ФБР, имевшейся в министерстве юстиции, указывалось, что врач определил у Харви «обострение скрытой формы психоневроза, которым он обычно страдал».

«Кроме того, мне представляется важным установить следующее: *министерство юстиции продолжало использовать Харви в качестве свидетеля даже после того, как он многим лицам признался, что он имел обыкновение давать ложные показания, и после того, как он дал журналам «Нью-Йорк таймс» и «Тайм» под присягой письменные показания в том, что он лжесвидетельствовал против этих органов печати».*

И в дополнение к этому я писал:

«Более того, нужно показать, что Матусоу ни в каком смысле не представлял собой исключения среди свидетелей обвинения. Наоборот, министерство юстиции широко практиковало использование осведомителей и свидетелей такого типа... Короче говоря, умышленное использование министерством юстиции лжесвидетеля по имени Харви Матусоу соответствовало основной линии министерства в этом вопросе...

Если принять во внимание все эти факты, то какие существуют основания для сомнений в том, что время от времени его склоняли к даче ложных показаний? И, что еще более важно, разве не стало совершенно ясно, что, преследуя Харви, министерство юстиции пытается не только наказать его за отречение от показаний, но и отвлечь внимание общественности от все увеличивающегося числа разоблачений его собственных противозаконных действий?

Таким образом, мне представляется, что основная задача сводится не к тому, чтобы установить невиновность Матусоу в данном вопросе, а скорее доказать вину министерства юстиции. И только таким способом можно реабилитировать Харви».

Однако случилось так, что защита Харви пошла по совершенно иному пути.

Как ни странно, но сам Харви был виноват в том, что его осудили.

На представителей печати, освещавших процесс над Харви, самое большое впечатление произвели коренные перемены, происшедшие во внешности Харви и его манере держаться с того времени, когда он был профессио-

нальным свидетелем обвинения. Как писала «Нью-Йорк уорлд-телеграм» в день начала процесса: «Матусоу выглядел вполне солидно... Весил он фунтов 145... В общем подсудимый Матусоу совершенно не походил на того толстого неопрятного самодовольного дурня, каким он был в прошлом году, когда выступал в качестве свидетеля обвинения на процессе против лидеров компартии». «Нью-Йорк пост» замечала: «Толпа фоторепортеров, поджидавшая Матусоу на ступеньках здания суда, не заметила, как он прошел мимо нее. Потеряв фунтов 40 веса, он очень изменился. Позднее он отклонил предложение какого-то фоторепортера позировать, сказав, что «чем меньше всей этой ненужной известности, тем лучше...» В зале суда Матусоу держался незаметно...»

Наверное, никто лучше меня не представлял всей глубины перемены, происшедшей в Харви. Сейчас, спустя два месяца, увидев его снова, я понял, что в его характере произошли изменения, о которых ранее я не подозревал. Изменения, которые предвещали плохой исход процесса...

По прибытии в Нью-Йорк меня поразило, что в Харви не осталось и следа от его прежней бодрости духа. Я почувствовал в нем огромную усталость. Он был похож на человека, истощившего к концу длинного состязания свои силы настолько, что больше уже его не интересовало, выиграет он или проиграет. Он только хотел, чтобы это испытание закончилось как можно скорее. На нем сказалось наконец то напряжение, в котором он жил в течение последних двух лет. Ему довелось испытать почти все, что было связано с дачей показаний и отказом от них. Он оказался выставленным для публичного обозрения, словно какое-то диковинное животное. И, кроме того, он устал от постоянного напоминания о его прошлой деятельности, от того, что все копались в грязном белье его прошлого. Он не хотел ворошить все то, что имело отношение к его прежней продажной деятельности. Это прошлое для него умерло. Он больше не хотел ни слышать о нем, ни говорить.

По иронии судьбы единственная возможность выиграть процесс заключалась в том, чтобы еще раз вытащить на свет грязные факты его прошлого и описать особенности его характера в тот период, когда министерство юстиции использовало его в качестве свидетеля.

Однако сейчас Харви резко отверг все это. «Мы со Стэном уже все обсудили, — сказал он, — и договорились о том, как лучше вести себя на процессе. Мы не собираемся вспоминать о каких бы то ни было фактах моей биографии, относящихся к тому времени, когда я был осведомителем. Мы просто обсудим данные мной под присягой показания и тот факт, что я сказал в них правду о Рое Коне, вот и все».

Разве он не понимает, спросил я его, что нельзя установить истину на процессе, если не касаться его прошлого?

«Послушайте, Берт, — сказал он натянуто, — не стоит это обсуждать. Я уже все обдумал... Единственное, что меня сейчас беспокоит, это то, позаботится ли кто-нибудь об Элен и Джудит, если мне все-таки придется сесть в тюрьму.

«А разве не лучший способ доказать свою заботу о них, избежав тюрьмы?»

«Если министерство юстиции проиграет дело, оно просто состряпает какое-нибудь другое обвинение и я снова должен буду пройти через все это. Мне все равно придется отбывать наказание, чтобы покончить с этим делом».

Вдруг он выпалил: «Я больше не хочу это обсуждать! Можете вы это понять?»

«Я только пытаюсь помочь, — ответил я. — Как бы то ни было, для чего же я тогда приехал сюда?»

Он устало опустил голову.

«Простите меня, Берт. Я не хотел вас обидеть. Кажется, я уже дошел. Правда... Я слушаю вас».

Но, хотя он пытался сделать вид, что слушает, было ясно, что из всего сказанного мной он едва ли слышал хоть одно слово...

У меня был разговор с Фолкнером.

«Мне известно, что творится с Харви, — сказал он, — но думаю, что ничего тут не изменишь. Я просил его собрать материал о нем, который показал бы, что, когда министерство юстиции использовало его в качестве свидетеля, министерству было известно, что Матусоу даст заведомо ложные показания. Но он так ничего и не сделал. Он говорит, что, если он будет давать показания, он хочет, чтобы его спрашивали только о его поведении во время войны и о том, сказал ли он правду о Коне. —

Фолкнер беспомощно пожал плечами. — Не все в моих силах. Он мой клиент, вы знаете. И я должен считаться с его желаниями...»

3. Законы банды

В качестве прокурора на процессе выступал преемник Ломбарда Поль У. Уильямс, высокий, похожий на манекен мужчина с аккуратно подстриженными усами. В первый день процесса у него был деловой разговор с представителями печати. Так как это дело «особой важности», сказал Уильямс, он решил «лично руководить им». «На карту поставлен вопрос о честности прокуратуры Соединенных Штатов и самого правительства», — серьезно сообщил он.

С этим заявлением трудно было не согласиться. Достойно сожаления лишь то, что на процессе не проверялась честность министерства юстиции...

В то время как августейшее присутствие Уильямса придало разбирательству торжественный характер, в действительности обвинение поддерживал прокурор Болен. Он исполнял свои обязанности с пылом, который свидетельствовал скорее о его личной враждебности к Матусоу, нежели о желании восстановить справедливость.

Своим отказом от показаний по делу Флинн и обвинением Кона, заявил Болен в первый день процесса в обращении к присяжным, Матусоу пытался «с помощью злобной и чудовищной лжи... освободить из тюрьмы» тринадцать осужденных коммунистов. «Чтобы посадить этих людей в тюрьму, правительственным чиновникам пришлось затратить девять месяцев на рассмотрение дела в судах и более двух лет на рассмотрение его в апелляционных инстанциях», — сообщил Болен, не упомянув, конечно, о том, что дела двух подсудимых судья Димок направил на новое рассмотрение¹.

В течение всего разбора этого дела Болен, словно решения Димока и не существовало, продолжал излагать избитый тезис министерства, что Матусоу говорил

---

¹ Диалог в этом разделе взят из заметок, которые я делал во время процесса, а также из отчетов о разборе дела, опубликованных в печати.

правду, когда выступал в качестве свидетеля обвинения, и начал лгать только «после того, как попал в лапы коммунистов», среди которых, в частности, были Ангус Камерон и Альберт Кан.

Фолкнер допрашивал Матусоу около четверти часа. Допрос был очень краткий, поверхностный и сводился лишь к тем вопросам, на которые Харви согласился отвечать. Харви заявил, что в его письменном показании, данном под присягой, не было ни слова лжи и что, если ему снова зададут вопросы, которые были поставлены перед ним при пересмотре дела Флинн, он даст на них те же ответы. Таким образом, присяжные не имели возможности создать себе точное представление о роли, которую играл Харви в качестве свидетеля обвинения, — о том, что еще до показаний Матусоу на процессе Флинн было ясно, что он ни в коем случае не заслуживает доверия, а также о том, какие перемены в его умонастроении произошли с тех пор...

Собственно говоря, только один факт был выяснен в ходе допроса, проведенного Фолкнером, и этот факт позволял поверить Харви, утверждающему, что Рой Кон подбил его на ложь. Фолкнер отметил, что в своем письменном показании Харви утверждал, будто Кон впервые заговорил с ним о книге Вышинского в присутствии четырех сотрудников министерства юстиции и и агента ФБР. Разве Харви не знал, что по федеральным законам, чтобы возбудить дело о лжесвидетельстве, требуется не меньше двух свидетелей? Харви ответил, что знал. В таком случае, продолжал Фолкнер, почему же он указал, что было *шесть* свидетелей? Потому, ответил Харви, что так оно и было на самом деле. В то время он понимал, добавил он, что, возможно, сует свою шею «в петлю»...

По мере того как разбиралось дело, петля все затягивалась.

Один за другим правительственные юристы и агент ФБР, названные Харви в письменном показании, выступали в качестве свидетелей и решительно отрицали его заявление, будто Кон говорил с ним о книге Вышинского в их присутствии.

Когда с показаниями выступил Рой Кон, Болену временно пришлось уступить свое место прокурору США. Оказалось, что соображения протокола требовали соот-

ветствующего уважения к бывшему помощнику сенатора Маккарти, и для дальнейшего ведения дела поднялся облаченный в мантию прокурор США Уильямс во всем своем великолепии.

И снова Кон с возмущением отрицал все.

В заключение Уильямс выступил с обвинительной речью. Матусоу, сказал он, опроверг «честные» показания, которые он давал в качестве свидетеля обвинения, и необоснованно обвинил Кона в лжесвидетельстве, имевшем целью «дискредитировать всю борьбу правительства... против коммунистической угрозы». Отречение Матусоу от предыдущих показаний стоило правительству огромных затрат и труда и потребовало привлечения к дознанию «буквально сотен агентов ФБР».

Присяжные заседали около двух часов и вынесли решение признать Матусоу виновным в лжесвидетельстве согласно предъявленному ему обвинению.

Когда решение присяжных было оглашено, молодая особа из министерства юстиции, сидевшая рядом со мной в зале суда, удовлетворенно перевела дух и в явном восторге сжала руки. Ее реакция была характерна для отношения министерства юстиции к этому делу: оно жаждало кары, хотя кара и не достигала цели. Матусоу будет посажен в тюрьму, но это не возместит урона, который причинили его разоблачения отхожему промыслу свидетелей-осведомителей.

Двумя днями позже Харви был вынесен приговор. Когда я прибыл, зал заседаний был пуст. В нем было как-то удивительно тихо и безжизненно — словно опустевшая сцена после окончания драмы. Вскоре начали стекаться репортеры...

Ненадолго появилась мать Харви — впервые за все время слушания дела. Она сказала мне, что ходила к судье Джону Маккои, под председательством которого рассматривалось дело, и просила его быть снисходительным к ее сыну. «Он был очень отзывчив. Он рассказал мне, что у него тоже есть сын и он понимает, что я, как мать, должна чувствовать... Но... — она помедлила, — он сказал, что Харви совершил очень тяжкое преступление и должен за него поплатиться...»

Судья Маккои приговорил Харви к пяти годам тюремного заключения и отказал ему в праве быть освобожденным под залог.

Прежде чем покинуть зал заседаний, Харви в присутствии судебного пристава сказал Ангусу и мне: «Видите ли, я знал, что дело могло бы обернуться иначе, но я хотел, чтобы оно закончилось именно так. Человек, который сделал то, что сделал я, заслуживает наказания. Жаль только, что меня сажают в тюрьму за то, в чем я не виновен».

«Нью-Йорк таймс» писала: «Один высокопоставленный правительственный чиновник... выразил свое удовлетворение таким окончанием дела. «Это окажет сильнейшее воздействие на всех осведомителей», — пояснил он».

Подобно гангстерам, правительственным осведомителям не полагалось выходить из игры.

Некоторое время спустя произошло событие, которое не только логически вытекало из всего предыдущего, но и многое объясняло.

Не прошло и нескольких месяцев после суда над Матусоу, как я узнал, что Томас Болен подал в отставку с поста помощника прокурора США и перешел на службу в юридическую контору Роя Кона.

*Глава
восемнадцатая*

ЭПИЛОГ

«Не кажется ли вам, что Матусоу может снова стать на прежний путь? — писал мне один мой приятель после того, как Харви пробыл в тюрьме два месяца. — Теперь, когда он упрятан в тюрьму на добрых четыре года (я учитываю, что «примерным поведением» он может сократить свой срок пребывания там), не кажется ли вам, что он может настолько пасть духом, озлобиться и тому подобное, что с радостью пойдет на какую-то сделку с министерством юстиции? Разве не может, например, он сказать, что его подкупили или что он солгал в своем повторном показании, чтобы о нем заговорили газеты, или еще что-нибудь в таком роде?.. Тюрьма ведь страшное место, вы это знаете, и с людьми там всякое случается...»

«Уже давно, — написал я ему в ответ, — я узнал, как глупо утверждать, что есть вещи невозможные. И поэтому я не стану отвечать на ваш вопрос относительно Харви категорическим «нет». Я лично считаю, что Харви скорее покончит с собой, но не вернется к тому, чем он был. И я говорю это, отдавая себе отчет в силе воздействия тюремной обстановки на человеческую личность, не отрицая наличия у Харви серьезных недостатков, — мне кажется, я лучше любого другого знаю, что у него их более чем достаточно. Но я знаю также, какие в нем произошли перемены. Еще во время нашей первой с ним встречи я был убежден, что он может измениться, — хотя тогда он и произвел на меня отталкивающее впечатление; но я, право, никогда не думал, что он может измениться до такой степени.

Заметьте, года полтора тому назад, когда Харви был в тюрьме в Эль-Пасо, возможность его отказа от своих слов представлялась мне вполне реальной — и по тем самым причинам, о которых вы упоминаете в вашем письме; в то время я действительно написал в Профсоюз рабочих горнодобывающей и плавильной промышленности и сообщил о своих опасениях. Но сейчас я больше так не думаю. Я придерживаюсь прямо противоположного мнения...

Конечно, трагизм положения заключается в том, что общество, в котором мы живем, неспособно оказать большую помощь Харви в его попытках стать вполне порядочным человеком. Как раз наоборот: на него, как и на каждого из нас, оказывают влияние самые пагубные веяния. Чтобы принять этот довод, достаточно подумать о причине, побудившей посадить его в тюрьму, а также о том воздействии, какое, как вы сами пишете, оказывает наша тюрьма на большинство людей. И все-таки, несмотря на то, что вокруг нас столько зла, а может быть, именно поэтому, я все больше и больше удивляюсь стойкости человеческих существ. Вам может показаться странным, что я говорю о человеческой душе в применении к Харви Матусоу, бывшему платному осведомителю. Но дело в том, что он с достаточной очевидностью доказал наличие у него этой души...»

Вскоре у меня была возможность лишний раз убедиться, что тюремная жизнь едва ли сломит дух Харви Матусоу.

Обитателям федеральных тюрем разрешено переписываться лишь с тремя лицами. Каждая кандидатура подлежит согласованию с тюремными властями, и, поскольку Харви не удалось включить мое имя в число санкционированных корреспондентов, я не получил от него ни слова в течение тех недель, что он провел в Льюисбергской тюрьме. Время от времени я узнавал о нем от его матери или от Фолкнера.

Затем как-то раз в начале января 1957 года молчание Харви было драматическим образом нарушено.

В моем доме в Глен-Эллен, Калифорния, раздался звонок междугородней станции.

Я услышал голос, который ни с кем не мог спутать:

«Хелло, Берт! Я только что перемахнул через Льюисбергскую стену!»

К моему великому изумлению, это был Харви, звонивший из Нью-Йорка...

Апелляционный суд разрешил освободить его под залог до разбора его апелляции, и родители Матусоу выслали по почте требуемые 5000 долларов.

«Помните, — заявил он мне, — я сказал вам однажды, что хорошего человека нельзя сломить... это было после того, как я вышел из Эль-Пасо...»

И сам он и Фолкнер, добавил Матусоу, исполнены самых радужных надежд относительно исхода апелляции, поскольку Фолкнер, как видно, отыскал самое уязвимое место в обвинении. Элен и Джудит чувствуют себя отлично, а он немедленно приступает к поискам работы.

Веселый, оживленный тон, каким он все это мне сообщил, был прямой противоположностью тому настроению, с каким он держался на суде. Возможно, подумал я, это происходило от чувства облегчения и восторга, которые он испытывает, очутившись — пусть временно — снова на свободе.

Однако его нынешнее настроение объяснялось более глубокими причинами — это я выяснил из писем, которые начал получать от него.

«Сейчас я охочусь за работой, — писал он мне через несколько дней после своего звонка, — к концу недели уже рассчитываю стать кормильцем семьи. Как видно, три месяца, проведенные в Льюисберге, только вдохнули в меня еще большую решимость шагать по жизни, беря из прошлого только честное и хорошее...» Касаясь своего поведения на суде, он писал: «Я знаю, вам казалось, что я недостаточно активен. Я вел себя так потому, что с самого начала видел, что карты подтасованы, и чувствовал себя бесконечно усталым: мне только хотелось, чтобы все поскорее кончилось. — А теперь он относился к делу совсем иначе: ему казалось, что в него вдохнули новые силы. — Сейчас мне кажется, что мы можем и должны выиграть дело». В то же время он готов был принять в случае необходимости и проигрыш...

Его последующие письма были написаны в том же бодром, жизнерадостном тоне. Он ходил от одного нанимателя к другому. «Я еще не подцепил никакой работы, но перспективы хорошие». Через две недели он нашел место в конторе концерна по изготовлению

мебели. «Если все пойдет хорошо и мне не придется вернуться в Льюисберг, — шутил он, — я со временем стану здесь хозяином...»

О своем пребывании в тюрьме он рассказывал мало. В таких случаях он цитировал Оскара Уайльда:

Да, не знал я, кто вперял бы
Так пристально глаза
В колючек лазури, заменявший
В тюрьме нам небеса.

Во всяком случае в тюрьме он имел «полную возможность для углубленного самоанализа».

Мимоходом он сообщил, что избавляется от всех газетных вырезок о себе, которые он собирал в течение многих лет. Только «законченный эгоцентрист», сказал он, мог бы хранить их теперь. «Причина, по которой я не хочу больше держать у себя эти вырезки, проста. В большинстве из них не сказано обо мне ничего пристойного...» Правда, некоторые из последних сообщений связаны с событиями, «сыгравшими большую роль в жизни многих людей. Но сегодня мне приходится их заново пересматривать. Видите ли, последнее время я много думал о том, какой должна быть моя роль в качестве отца, мужа и члена общества...»

Но и сейчас, уже ступив на эту жизненную стезю, Харви пришлось расстаться с некоторыми своими иллюзиями. В начале февраля он сообщил мне, что они с Элен расстаются. Это не произошло внезапно, писал он, они не ладили и до того, как он сел в тюрьму. «Когда в прошлом месяце я вернулся домой, мы решили попытаться наладить жизнь. Но из этого, как видно, ничего не получилось... Кто или что повинно в этом? Ничего особенного не произошло. Я не собираюсь просить вас о посредничестве...» Про Джудит он писал: «Мне будет ужасно недоставать ее».

Не прошло и двух недель, как Харви сообщил мне по телефону о новой утрате. От разрыва сердца умер его отец. «Видите ли, он вообще-то не отличался крепким здоровьем, — запинаясь, произнес он, — но я уверен, что мое осуждение укоротило его жизнь. Я все спрашиваю себя, Берт, неужели я виноват в его смерти?»

Мне вспомнился маленький худощавый человек с усталыми грустными глазами.

«Нет, Харви, вам не в чем себя винить. Вы поступили правильно — иначе вы не могли поступить. Ему было бы больно, если бы вы повели себя иначе».

«Мама удивительно стойко перенесла все это, — сказал он. — Просто не верится, что у нее столько сил. Слава богу, я был тут, когда это случилось. То, что я был рядом, послужило ей большим утешением — так же, как и мне...»

Не было бы ничего удивительного, если бы все эти события — развод, смерть отца, перспектива скорого возвращения в тюрьму — повергли Харви в уныние. Но время показало как раз обратное.

Подтверждая получение от нас с Риег поздравлений по поводу второй годовщины выхода в свет его книги, он писал: «С одной стороны, мне кажется, что все это произошло только вчера, с другой — что это был сон, который я видел миллион лет назад... Вы и представить себе не можете, каким свободным я сейчас себя чувствую... Мне уже не надо больше стараться быть честным. Я знаю, что я честен и всегда буду таким... Стены, которые воздвиг слепой страх, рухнули...» В прошлом, говорил Харви, он всегда использовал «свой хорошо подвешенный язык, который, словно костыль, помогал преодолевать сознание своего невежества и неполноценности в творческом отношении... Никогда не думал я, что мне придется отказаться от более легких путей в жизни: надо не торопясь взяться за ум и работать».

Он извинялся за то, что так много распространялся о себе. «Когда-нибудь я вылезу из этого кокона субъективизма...»

Он переехал к матери и, потеряв работу в мебельной компании, стал приискивать себе другую. «На ногах с девяти до шести, а то и позже, встречаясь с людьми, договариваясь о свиданиях по поводу работы... С упорством седока, взбирающегося на лошадь после того, как она сбросила его, я атакую рынок рабочей силы». Если ничего другого не подвернется, он станет «буфетчиком закусочной где-нибудь в Бронксе». Если бы это зависело только от него, он стал бы помогать своей матери, которая по-прежнему держит табачный киоск, но, к сожалению, это невозможно. «Вы и представить себе не можете, как меня огорчает то, что я сижу без работы и не могу помочь матери — ведь я могу появиться

в киоске лишь за пять или десять минут до закрытия... Ее братья помогают ей, а я не могу. Мое присутствие отпугивает даже немногих постоянных покупателей».

Наконец он с восторгом сообщил мне, что нашел работу по душе — в полиграфическом концерне. Были у него и другие приятные новости. Его «беспружинный йо-йо» только что поступил в продажу и произвел фурор. Фактически за один день он стал самой модной новинкой в стране. И, хотя ему лично никаких материальных благ это не принесло, поскольку он продал все права на эту игрушку, он получал огромное удовольствие от того, что это его дитя... входит во все дома страны...

В начале апреля Харви писал: «Как ни парадоксально... но этот период, а именно после моего освобождения из Льюисберга 4 января, был самым плодотворным в моей жизни».

Самым приятным, сообщал он, было «появление новых друзей и возобновление отношений со старыми»:

«Внезапно я обнаружил вокруг себя людей, которых не видел два или три года (одного я не видел даже шесть лет)... Они появлялись неожиданно-негаданно. Два года назад к ним приходили из ФБР, а некоторых из них вызывало нью-йоркское большое жури. Они были запуганы — что вполне понятно — и держались от меня подальше, но сегодня они уже больше не боятся... один даже позвонил мне по телефону из Буффало, штат Нью-Йорк, — просто чтобы поприветствовать меня и узнать, как я поживаю...»

Поведение этих людей и то, как они теперь к нему относились — «без проявлений жалости, соболезнований и принижающего сочувствия», — помогло ему преодолеть главное, что мучило его эти последние два года: ощущение позора, которым покрыто имя Харви Мату-соу. Он почувствовал сейчас «огромное облегчение от того, что вдруг исчезло то напряженное состояние, в котором приходилось защищать честь своего имени», и не надо было постоянно прибегать к помощи псевдонима, чтобы устроиться на работу. «Я снова смог стать тем, кем я был — человеком, носящим свое имя... И все вокруг меня — и люди и предметы — вдруг приобрело какие-то новые, волнующие качества».

Даже когда 10 мая апелляционный суд единогласно подтвердил приговор, вынесенный Харви, он не пал духом. Хотя все говорило о том, что ему будет отказано в освобождении под залог, он был переполнен желанием максимально использовать свою свободу до последней минуты. «Очевидно, некоторые люди, которым грозит тюрьма, — писал он, — пускаются в разгул... Я смотрю на это иначе. Для меня каждая минута до наступления этого момента необычайно дорога. Я, возможно, даже начинаю смаковать время. Не знаю. Зато я знаю, что, если мне суждено снова сесть в тюрьму, я проведу оставшееся время с пользой для себя... В известной мере можно сказать, что это мой «пунктик».

Однако было одно обстоятельство, которое продолжало глубоко тревожить его. И этим обстоятельством была перспектива, что Верховный суд оставит в силе неблагоприятный приговор по делу Клинтона Дженкса.

«Каждый понедельник, — писал он, — я бегу вечером покупать «Таймс», чтобы узнать, вынес ли уже Верховный суд решение по этому делу. Молю бога, чтобы справедливость восторжествовала... Если Верховный суд подтвердит его осуждение, а ведь осуждение это основано на моей лжи, я не найду слов, чтобы выразить то, что я буду чувствовать».

Но в этой победе Харви не было отказано.

3 июня Верховный суд вынес наконец долгожданное решение по делу Дженкса. Члены высшего трибунала постановили, что приговор, вынесенный Дженксу судьей Томасоном, противоречит конституции, поскольку защите не разрешено было ознакомиться с донесениями, поступавшими в ФБР от свидетелей обвинения Харви Матусоу и Д. Форда.

Вечером того же дня я разговаривал с Харви по телефону.

«Передайте мой привет Клинту, — попросил он. — Скажите ему, что, если мне придется вернуться в тюрьму, решение Верховного суда мне будет лучшим прощальным подарком».

Поскольку Харви отказали в продлении освобождения под залог, ровно через неделю он вернулся в тюрьму для отбытия оставшегося срока.

«Я много думал, — писал он за день до этого, — о тех 30—40 месяцах, которые мне предстоит провести

в тюрьме. Думал о том, чем я мог бы заняться и как лучше использовать это время, чтобы накопить знания, а не опуститься...»

В своем последнем письме Харви я писал:

«Давно уже мы оба пришли к выводу, что ничего не будет страшного, если вам придется отбыть наказание за совершенное зло, но мучила мысль, что вы будете наказаны как раз за то, что вы это зло исправили. Сегодня я уже не придерживаюсь своего бывшего мнения. Я считаю, что вы более чем рассчитались в течение двух последних лет за совершенное вами зло... Единственный способ, каким я могу выразить то, что думаю по этому вопросу — то, что думал сначала и до конца, — это написать вот такую книгу. В ней я попытаюсь добросовестно отразить весь ход событий».

В заключение

«Решение Верховного суда по делу Дженкса, — говорилось в передовой статье «Нью-Йорк таймс», — снова подчеркивает великую заботу высшего трибунала нации о защите и сохранении прав личности».

Мало, однако, было в истории Верховного суда решений, которые подвергались бы столь яростным нападкам правительственных кругов. Члены сената и палаты представителей с пеной у рта доказывали, что суд ставит под угрозу безопасность нации, посягая на тайну архивов ФБР. В результате срочного вмешательства министерства юстиции через конгресс был в скоропалительном порядке проведен закон, сводящий на нет последствия решения суда по делу Дженкса.

С тех пор нападки на Верховный суд все возрастали, поскольку высший трибунал, высказавшись по ряду дел, подтвердил основные конституционные права граждан, нанося удар по расследованиям, вызванным холодной войной. «Настало время, — объявил сенатор Истленд, — когда суд следует согнуть в бараний рог и обуздать». Сейчас в конгрессе ждут своего рассмотрения несколько законопроектов, ограничивающих права суда.

Однако решение Верховного суда гораздо больше, чем возмущенные крики его порицателей, отражает дух времени. Требование выкорчевать все следы темной и

позорной эры маккартизма растет повсеместно, и это неизбежно. Не проходит и дня, чтобы не было новых доказательств жизнеспособности американской демократии.

В какой же мере Харви Матусоу своим признанием способствовал изменению хода событий?

Нет, конечно, таких весов, с помощью которых можно было бы измерить влияние действий того или иного человека на мир, в котором он живет, но можно с уверенностью сказать, что если Матусоу был продуктом политического климата, именуемого «холодной войной», то он немало способствовал изменению этого климата. Пожалуй, ни один человек не раскрыл до такой степени подлинный характер проводившихся расследований. Кто может сомневаться в том, что, как писал Джон Стейнбек, разоблачения Матусоу нанесли сокрушительный удар по маккартизму и всей системе свидетелей-осведомителей?

И вот результат: Матусоу в тюрьме — в наказание (не следует забывать об этом) не за преступления, в которых он признался, а за то, что он признался в них.

«Что можно сказать о Матусоу? — спрашивает журналист Айсидор Стоун. — Будет очень обидно, если правительству... позволят спокойно предать забвению дело Дженкса, чтобы общественное мнение никогда не увидело той скрытой грязи, всей этой омерзительной практики и вопиющей несправедливости по отношению к Матусоу. Неужели в наше время, когда столь многим осведомителям разрешается без зазрения совести совершать клятвопреступления, нет возможности добиться справедливости в суде для одного из них, который попытался быть честным?»

Речь идет сейчас о вещах куда более важных, чем призыв к состраданию и справедливости по отношению к молодому человеку, пытавшемуся искупить совершенное им зло. Речь идет о вопросе первостепенной важности для всей нации. По странной случайности нашу шумевшее дело Матусоу совпало с запуском осенью 1957 года в Советском Союзе первого спутника Земли. Любопытно, что именно бывший президент Трумэн, который сам был инициатором программы проведения проверки лояльности, заявил тогда, что одной из причин того, что Соединенные Штаты остались позади «в состоя-

зании по запуску спутников», являются мероприятия по охране безопасности и «истребление характеров», в результате которых многие американские ученые были отстранены от разработки проблем первостепенной важности. Сейчас очень многие склонны придерживаться этого мнения. В таком случае особое значение приобретает следующий вопрос: кто же решал, какие ученые могут продолжать свою работу, а какие нет? И снова выясняется, что арбитрами были клятвопреступники, свидетели-осведомители.

Вред, который они принесли, не ограничивается, однако, областью научных исканий. Едва ли найдется такая сторона жизни нашего народа, которая не пострадала бы от разрушительного действия их показаний.

Можем ли мы в таком случае — в интересах благополучия нашей нации и ее подлинной безопасности — позволять себе игнорировать тот факт, что прежде всего за появление свидетелей-осведомителей и той гнусной роли, которую они сыграли, несет ответственность министерство юстиции? Неоднократно предлагалось провести тщательное расследование использования министерством в прошлом — да и в настоящем — свидетелей-осведомителей. Не пора ли осуществить это предложение?

Для такого расследования имеется прецедент в виде дознаний, которые проводили комитеты конгресса относительно злоупотреблений, допускавшихся министерством юстиции после первой мировой войны; и если нет такого комитета конгресса, который был бы готов провести сегодня такое расследование, быть может, удалось бы найти юристов, которые последовали бы примеру знаменитых американских адвокатов, создавших по примеру бесчестного Палмера Рейдса свой обличительный отчет о беззакониях, чинимых министерством юстиции.

Нельзя не вспомнить слова этой храброй женщины, Аниты Уилкоккс, которая, выступая перед подкомитетом сената, заявила: «Харви Матусоу является символом того недуга, который поразил нашу страну. Мы не должны засадить его за решетку и забыть о нем. Мы должны во что бы то ни стало докопаться до истины. Мы должны, наконец, быть теми, за кого мы себя выдаем, — страной свободных и прибежищем храбрых».

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вступительная статья	5
Предисловие к русскому изданию . .	11
<i>Глава первая — Осведомитель</i>	
1. Звонок из Таоса	17
2. Появление новой породы людей . . .	19
3. Предыстория	28
4. Изучение характера	35
<i>Глава вторая — Появление Матусоу</i>	
1. Странное совещание	40
2. Вечер в семейном кругу	50
<i>Глава третья — Рассказ продолжается</i>	
1. Документальные доказательства . . .	55
2. Вопросы и ответы	62
3. Переход Рубикона	73
<i>Глава четвертая — Рождение книги</i>	
1. Лжесвидетель	82
2. Кризис	90
3. Родители Матусоу	95
<i>Глава пятая — Перед бурей</i>	
1. Работа бригады	100
2. Показания под присягой	105
3. Вашингтонская интермедия	107
4. Заседание в Денвере	113
<i>Глава шестая — „Большой взрыв“</i>	
1. История начинается	118
2. Звонят телефоны	124
3. Джентльмены прессы	132

Глава седьмая — Первое столкновение

1. Теория и практика 139
2. Сражение начинается 143
3. Рука закона 149

Глава восьмая — Весы справедливости

1. Неуважение к суду 159
2. Нет места лучше собственного дома 170
3. События принимают иной оборот 173

Глава девятая — Факты и вымысел

1. Пересмотр дела 180
2. Затруднения 192

Глава десятая — Решение подомитета

1. Действующие лица 198
2. Старые знакомые 203
3. Вариации на тему 214
4. „Давайте говорить тихо и мирно“ 225

Глава одиннадцатая — Рассказ о двух городах

1. Урок в Манхаттане 231
2. „Закон жителей реки Пейкес“ 235

Глава двенадцатая — Отклики прессы

1. Необычные обстоятельства 246
2. „За“ и „против“ 250

Глава тринадцатая — Вопрос о залоге

1. Тревожные дни 255
2. Американское наследство 261

Глава четырнадцатая — Подводные течения

1. „Что же было ложью?“ 268
2. Комедийные сценки 275
3. Куда дует ветер 277

Глава пятнадцатая — Второе столкновение с большим жюри

1. Снова большое жюри 283
2. Дилемма Болен 287
3. Странная интермедия 293

Глава шестнадцатая — По стране

1. Урал На Запад! 299
2. По следам ФБР 305
3. Конец года 309

Глава семнадцатая — Преступление и наказание

1. Процесс откладывается 315
2. Cul de Sac 320
3. Законы банды 325

Глава восемнадцатая

- Эпилог** 329
- В заключение 336

Альберт Кан
ЗАМЕТКИ
О НАЦИОНАЛЬНОМ СКАНДАЛЕ

Редактор *Б. В. Иванов*
Художник *Л. Г. Ларский*
Художественный редактор *В. И. Шаповалов*
Технический редактор *М. А. Белёва*

Сдано в производство 19/III 1960 г.

Подписано к печати 5/V 1960 г.

Бумага $84 \times 108^{1/32} = 5,4$ бум. л.

17,6 печ. л.

Уч.-изд. л. 17,7. Изд. № 10/4772

Цена 6 р. 55 к. Зак. 1265.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., 2.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛИТЕРАТУРА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ
И ДИПЛОМАТИИ

Вышли в свет в 1960 г.

М Е М У А Р Ы

Де Голль Ш., Военные мемуары, Призыв, 1940—1942 гг., перевод с французского.

Де Голль Ш., Военные мемуары. Единство, 1942—1944 гг., перевод с французского.

Шах Вали. Мои воспоминания, перевод с фарси.

Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы, перевод с французского.

Великий поход 1-го фронта Китайской Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Воспоминания, перевод с китайского

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Норден А., Фальсификаторы. К истории германо-советских отношений, перевод с немецкого.

Уиллер Д., Американская политика в Германии в 1945—1950 гг., перевод с немецкого.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Одер — Нейссе, граница мира, перевод с немецкого.

Чека Х. К., Очерки о странах Латинской Америки, перевод с испанского.

Хьюз Э., Визит Макмиллана в Советский Союз, перевод с английского.

Гудзима К., Современный колониализм, перевод с японского.

Куанг Лой. Южнее семнадцатой параллели, перевод с французского.

Уиннингтон. Рабы Прохладных гор, перевод с английского.

